

АЯ КНИГА

РЕДКАЯ КНИГ

ГА • РЕДКАЯ

КНИГА • РЕДКА

И КНИГА

РЕДКАЯ КНИ

Иван Ильин

О ГРЯДУЩЕЙ
РОССИИ

Выдающийся русский мыслитель первой половины XX в. И. А. Ильин оказался ненужным большевистскому режиму и был изгнан из страны в 1922 г. Однако истинный патриот и в эмиграции не прекращал творческой деятельности и создал большое количество научных трудов, имеющих важное значение для дальнейших судеб нашего государства. В них И. А. Ильин размышляет о возрождении России, духовно-социальном облике эпохи, национализме и русской идее.

ИВАН ИЛЬИН

О ГРЯДУЩЕЙ
РОССИИ

Избранные статьи

Под ред. Н.П. Полторацкого

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1993

ББК 87.3
И46

Ильин И. А.

И 46 О грядущей России: Избранные статьи /Под ред. Н.П. Полторацкого. - М. Воениздат, 1993. - 368 с.

ISBN 5-203-01598-8

Творческое наследие выдающегося русского мыслителя Ивана Ильина, изгнанного Советским правительством из страны в 1922 г., по крупицам начинает возвращаться к русскому читателю, которому оно адресовано. Предлагаемая книга - первое объемное издание трудов автора, созданных в эмиграции. Они посвящены посткоммунистической, то есть современной России. В них автор размышляет о духовно-социальном фоне эпохи, природе и структуре государства, о революции, большевизме, национализме, русской идее, возрождении России.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК873

И $\frac{0301020000-020}{068 (02)-93}$ Без объявл

ISBN 5-203-01598-8

© Корпорация "Телекс", 1991
Оформление, Воениздат, 1993

Проф. И.А. Ильин

О грядущей России

Избранные статьи

Под ред. Н.П. Полторацкого

Совместное издание Св.-Троицкого Монастыря
и Корпорации Телекс
Джорданвилл, Н.Й. США

Prof. I.A. Ilyin
(1883-1954)

О griadushchei Rossii
Izbrannye stat'i

Of the Future Russia
Selected Essays

Edited by N.P. Poltoratzky
(1921-1990)

Сия книга издана
Свято-троицким Монастырем
и Корпорацией "Телекс" при материальной
помощи Кулаевского Фонда

**Copyright ©1991 by И. Poltoratzky, Holy Trinity Monasteiy and Telex.
All rights reserved. No part of this book may be reproduced in any
manner without written permission from the publisher.**

**Typeset by Hermitage
1991**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий сборник вошли избранные статьи выдающегося русского мыслителя, ученого и публициста, профессора Ивана Александровича Ильина, печатавшиеся под общим названием «Наши задачи».

«Наши задачи» выходили в свет в Париже в течение семи лет, с 1948 по 1954 г. Они издавались на ротаторе руководством Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) «только для единомышленников» — членов этой организации. Автором первых 215 статей был И. А. Ильин (1883-1954). После его смерти было подготовлено еще 8 номеров. В 1956 г. все 223 номера «Наших задач» были, под этим же названием, переизданы — для широких читательских кругов — типографским способом в виде двухтомника увеличенного формата.

Теперь уже и ротаторное, и типографское издания давно разошлись. Между тем значение печатного наследия И. А. Ильина с годами все возрастает — в особенности в свете того политического брожения и духовного и идейного голода, которые обнаружили в России с такой впечатляющей силой. Вот почему возникла мысль подготовить хотя бы однотомник, состоящий из избранных статей. Оставался вопрос о содержании и структуре такого однотомника.

Тут отобраны те статьи, которые, в соответствии с авторским замыслом и основной тематикой «Наших задач», представляются особенно необходимыми для нынешнего и будущего читателя — с точек зрения духовной, политической, исторической и общекультурной. Все статьи этого рода отнесены к двум главным разделам: «Общие основы» и «Российская проблематика и национальные задачи». В первом разделе, служащем как бы введением ко второму, трактуются те общие принципиальные положения, из которых, по мнению Ильина, следует исходить при построении будущей, свободной России. Во втором разбираются отдельные существенные проблемы и задачи, непосредственно возникающие перед российским национальным сознанием в связи с прошлым, настоящим и будущим России.

Внутри каждого из этих двух разделов статьи сгруппированы тематически. (В двухтомнике 1956 года статьи печатались подряд, в том хронологическом порядке, в котором в свое время выходили отдельные выпуски ротаторного издания.) В первом разделе, «Общие основы», собраны статьи, посвященные таким вопросам, как метафизический и духовно-социальный и культурный фон нашей эпохи, природа и структура государства,

формальная и творческая демократия, политическая партийность, тоталитаризм, федерация, социальность и социализм, справедливость, равенство и ранг, фашизм, чувство ответственности и др. Во втором разделе, «Российская проблематика и национальные задачи», статьи сгруппированы вокруг таких тем, как причины падения Российской Империи, природа и ход русской революции, большевизм и коммунизм и их политическое наследие, Россия и Европа, единство и расчленение России, свобода, народоправство и диктатура, необходимость духовного обновления, поющее сердце и подлинная поэзия, воспитание, новый ведущий слой, национализм, его опасности и задания, монархия и монархизм, православие и католичество, церковь и оцерковление жизни, русская идея и др. Такое распределение статей, естественно, условно: некоторые статьи, хотя бы частично, относятся и к другим группам данного раздела или даже соседнего раздела. Предполагается, однако, что и такая несовершенная попытка систематизированного расположения статей все же поможет читателю лучше ориентироваться в идейном наследии Ильина в данной области.

Знакомясь с этими статьями, написанными несколько десятков лет тому назад, надо помнить, что их цель — не прописывание готовых рецептов, а установление исторических и иных фактов и формулирование новых идей и общих принципов, которые помогли бы самостоятельно решать стоящие перед россиянами национальные задачи. Именно к такому, творческому отношению к публикуемым текстам призывали читателей с самого начала автор и его издатели. Так, во вступительной заметке к первому номеру, помеченной 14 марта 1948 г., было прямо сказано, что в «Наших задачах» не будет проводиться *«никакой доктрины»*, ибо в данных условиях проведение любой доктрины является «политически вредным». И это прежде всего потому, что после коммунистического рабства «России нужны не доктринеры, выучившие наизусть десяток чужих, идеологических или программных, тезисов и намеревающиеся насильственно и монолитно калечить ими русскую жизнь, а люди, умеющие *самостоятельно наблюдать и мыслить, способные к собственным воззрениям и независимым убеждениям*». Поэтому публикуемые статьи «должны рассматриваться лишь как оселок для оттачивания собственного мышления и характера».¹

Вместе с тем, хотя автор и издатели «Наших задач» не смотрели на них как на некую непререкаемую доктрину, следует помнить, что в этих статьях отражено целостное и многогранное мировоззрение замечательного русского религиозного и политического мыслителя и ученого. Это мировоззрение вырабатывалось десятилетиями; оно плод большого исторического и политического опыта, результат огромной умственной работы, проделанной автором в нескольких академических

областях: философии, права, богословия, истории, политологии, экономики и статистики, искусствоведения и литературоведения. «Наши задачи» — труд в значительной степени энциклопедический и в точном смысле слова итоговый, и потому в особенности ценный, даже в его нынешнем, неполном виде.

Как и в издании 1956 г., в настоящем издании в виде приложения перепечатывается давняя статья И. А. Ильина «Белая идея», в которой в яркой форме выражено его понимание духовной сущности белой идеи и Белого движения. Для более полного представления о взглядах и общественно-политической позиции Ильина в эмиграции вслед за этой статьей воспроизводятся еще три статьи из «Наших задач» — о национальном вожде и партийных главарях, о ген. П. Н. Врангеле и о созданном им Русском Обще-Воинском Союзе (РОВС). Там же приводится письмо-статья И. А. Ильина «Что нам делать?», включенная и в издание 1956 г.

Все тексты печатаются полностью, дословно — с сохранением, в частности, временных ориентиров типа «вот уже тридцать лет» и авторских отсылок к другим изданиям, в том числе к другим выпускам «Наших задач», как вошедшим, так и не вошедшим в настоящее издание. Подстрочные примечания автора (как и все иные примечания) печатаются в конце сборника. Авторские даты под статьями, которые в некоторых случаях имеются в издании 1956 г., здесь сохранены. Во всех остальных случаях даты указываются в «Примечаниях», на основании данных первого, ротаторного издания. Статьи на одну и ту же тему и под тем же названием, по техническим причинам печатавшиеся в свое время по частям, под разными номерами, тут объединены. Все названия статей сохранены, но их нумерация устранена. Сохранены также некоторые пунктуационные особенности оригинала, но старая орфография заменена, в целом, новой. Кроме этих изменений в первоначальной форме статей, функции составителя сводились к отбору статей, новому построению сборника и добавлению предисловия и примечаний.

Ввиду нового состава и построения этого сборника ему дано и новое название: «О грядущей России». Именно России — прошлой, настоящей и *будущей* — были отданы все главные помыслы и усилия выдающегося русского мыслителя и патриота Ивана Александровича Ильина.²

В заключение считаю своим приятным долгом от души поблагодарить те организации и тех лиц, которые оказали существенную помощь в реализации этого начинания: Св.-Троицкий монастырь и его настоятеля Архиепископа Лавра, Сиракузского и Троицкого, включивших этот сборник в издательский план монастыря, Фонд имени Ивана Васильевича Кулаева и Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) и его председателя В. В. Гранитова.

Н. Полторацкий

I

ОБЩИЕ ОСНОВЫ

К ИСТОРИИ ДЬЯВОЛА¹

Дьявольское начало имеет в жизни человеческого рода свою историю. По этому вопросу существует серьезная научная литература, не касающаяся, впрочем, последних десятилетий. Однако именно последние десятилетия проливают новый свет на два прошедших века. Эпоха европейского «просвещения» (начиная с французских энциклопедистов 18 века) подорвала в людях веру в бытие личного дьявола. Образованному человеку не верится в существование такого отвратительного, человекообразного существа «С хвостом, с когтями, с рогами» (по Жуковскому), никем не виданного, а изображаемого только в балладах и на картинках. Лютер еще верил в него и даже швырнул в него чернильницей; но позднейшие века отвергли «чёрта» и он постепенно «исчез», угас как «отживший предрассудок».

Но именно тогда им заинтересовались искусство и философия. У просвещенного европейца остался лишь «плащ» сатаны и он начал с увлечением драпироваться в него. Загорелось желание узнать о дьяволе побольше, рассмотреть его «истинный Облик», угадать его мысли и желания, «переволотиться» в него или хотя бы «пройтись» перед людьми в дьявольском образе...

И вот, искусство стало воображать и изображать его, а философия занялась его теоретическим оправданием. Дьявол, конечно, «не удался», потому что человеческое воображение не способно вместить его, но в литературе, в музыке, в живописи началась культура «демонизма». С начала 19 века Европа увлекается его противо-божественными обликами: появляется демонизм сомнения, отрицания, гордости, бунта, разочарования, горечи, тоски, презрения, эгоизма и даже скуки. Поэты изображают Прометея, Денницу, Каина, Дон-Жуана, Мефистофеля.

Байрон, Гете, Шиллер, Шамиссо, Хофман, Франц Лист, а позднее Штук, Бодлер и другие развешивают целую галерею «демонов» или «демонических» людей и настроений, причем эти «демоны» — «умны», «остроумны», «образованы», «гениальны», «темпераментны», словом «обаятельны» и вызывают сочувствие, а «демонические люди» являются воплощением «мировой скорби», «благородного протеста» и какой-то «высшей революционности».

Одновременно с этим возрождается «мистическое» учение о том, что «темное начало» имеется даже и в Боге. Немецкие романтики находят поэтические слова в пользу «невинного бесстыдства», а левый гегельянец Макс Штирнер выступает с открытой проповедью человеческого само-обожествления и демонического эгоизма. Отвержение личного «чёрта» постепенно заменяется оправданием дьявольского начала...

Скрытую за этим пропасть — увидел Достоевский. Он указал на нее с пророческой тревогой и всю жизнь искал путей к ее преодолению.

Фридрих Ницше тоже подошел к этой пропасти, пленился ею и возвеличил ее. Его последнее произведение — «Воля к власти», «Антихрист» и «Се человек», — содержат прямую и откровенную проповедь зла...

Всю совокупность религиозных предметов (Бога, душу, добродетель, грех, потусторонний мир, истину, вечную жизнь) Ницше обозначает, как «грудю лжи, рожденную из дурных инстинктов натурами больными и в глубочайшем смысле вредными». «Христианское понятие Бога» есть для него «одно из растленнейших понятий, созданных на земле». Все Христианство есть в его глазах лишь «грубая басня о чудотворце и спасителе», а христиане — «партия забракованных ничтожеств и идиотов».

То, что он превозносит — есть «цинизм», бесстыдство, «высшее, что может быть достигнуто на земле». Он взывает к зверю в человеке, к «верховному животному», которое надо во что бы то ни стало разнуздать. Он требует «дикого человека», «злого человека», «с радостным брюхом». Его пленяет все «жестокое, неприкрыто-звериное», преступное. «Величие есть только там, где имеется великое преступление». «В каждом из нас утверждается варвар и дикий зверь». Все, что зиждет в жизни братство людей, — идеи «вины, наказания, справедливости, честности, свободы, любви и т.п.» — «должно быть вообще изъято из существования». «Вперед же», восклицает он, «богохульники, противники морали, всевозможные беспочвенники, артисты, евреи, игроки, — все отвергнутые слои общества!»...

И нет для него большей радости, как видеть «уничтожение лучших людей и следить, как они шаг за шагом идут к гибели»... «Я знаю мой жребий», пишет он, «однажды с моим именем будет сопряжено воспоминание о чем-то чудовищном, о кризисе, какого никогда еще не было на земле, о глубочайшем совестном конфликте, о приговоре, вызванном против всего, во что дотопле верили, чего требовали, что свято чтли. Я не человек, я — динамит»...

Так оправдание зла нашло свои суще-дьявольские, теоретические формулы, — и оставалось только ждать их осуществления. Ницше нашел своих читателей, учеников и поклонников; они приняли его доктрину, сочетали ее с доктриной Карла Маркса — и принялись за осуществление этого плана 30 лет тому назад.

«Демонизм» и «сатанизм» не одно и то же. Демонизм есть дело человеческое, сатанизм есть дело духовной бездны. Демонический человек предается своим дурным страстям и может еще покаяться и обратиться; но человек, в которого, по слову Евангелия, «вошел сатана», — одержим чуждой, внечеловеческой силой и становится сам человекообразным дьяволом.

Демонизм есть преходящее духовное помрачение, его формула: «жизнь без Бога»; сатанизм есть полный и окончательный мрак духа, его формула: «низвержение Бога». В демоническом человеке бунтует необузданный инстинкт, поддерживаемый холодным размышлением; сатанический человек действует как чужое орудие, служащее злу, но способное наслаждаться своим отвратительным служением. Демонический человек тяготеет к сатане: играя, наслаждаясь, мучаясь, вступая с ним (по народному поверию) в договоры, он постепенно становится его удобным жилищем; сатанический человек утратил себя и стал земным инструментом дьявольской воли. Кто не видал таких людей, или, видя, не узнал их, тот не знает исконно-завершенного зла и не имеет представления о подлинно-дьявольской стихии.

Наши поколения поставлены перед ужасными, таинственными проявлениями этой стихии и доселе не решаются выговорить свой жизненный опыт в верных словах.

Мы могли бы описать эту стихию, как «черный огонь»; или определить ее как вечную зависть, как неутолимую ненависть, как воинствующую пошлость, как беззастенчивую ложь, как абсолютное бесстыдство и абсолютное властолюбие, как попрание духовной свободы, как жажду всеобщего унижения, как радость от погубления лучших людей, как антихристианство. Человек, поддавшийся этой стихии, теряет духовность, любовь и совесть; в нем начинается разложение и разнуздание, он предается сознательной порочности и жажде разрушения; он кончает вызывающим кощунством и человекоумительством.

Простое восприятие этой дьявольской стихии вызывает в здоровой душе отвращение и ужас, которые могут перейти в настоящее телесное недомогание, в своеобразную «дурноту» (спазма симпатической нервной системы!), в нервную дисритмию и в психическое заболевание, а могут привести и к самоубийству. Сатанические люди узнаются по глазам, по улыбке, по голосу, по словам и по делам. Мы, русские, видели их въяве и вживе; мы знаем, кто они и откуда. Но иностранцы и доселе не разумеют этого явления и не хотят понять его, потому что оно несет им суд и осуждение.

А некоторые реформатские богословы продолжают доселе писать о «пользе дьявола» и сочувствовать его современному восстанию.

ЗАВИСТЬ КАК ИСТОЧНИК БЕДСТВИЙ²

Наше время принесло людям страдания, скажем прямо, беспрецедентные в истории; и конца этой эпохи еще не видно. И тот, кто даст себе труд вдуматься и вчувствоваться в развертывающиеся за двадцатый век мировые события, тот быстро нащупает их главный источник — человеческую зависть. Эти события как бы подводят итог предшествующим векам — их развитию, их вырождению и их доктринам.

Зависть, конечно, не новое явление в истории. С акта зависти начинается Библия (Каин и Абель); о первозданном акте зависти повествует египетский миф (злой и коварный Сэт убивает благостного Озириса)... В мире всегда были завистники, ожесточившиеся от всякого чужого преимущества. Но никогда еще в истории зависть не становилась главным движущим фактором, руководящей лжеидеей мирового кризиса. А в наши дни зависть не только осознала себя, но и выговорила себя как доктрину, превратилась в мировой заговор (точнее — в несколько параллельных мировых заговоров!) и выработала программу, систему борьбы и организацию. Она становится основным побуждением народов или как бы тем отравленным воздухом, которым дышит современная масса. Почему? Как это сложилось? Чем это объясняется?

Ответить на эти вопросы мы можем здесь только вкратце, с тем, чтобы наши читатели и единомышленники сами додумали все до конца...

1. — Различие между богатыми и бедными было всегда и будет всегда. Но развитие машинной техники и капиталистического производства — резко противопоставило друг другу все возрастающее богатство одних и все возрастающую зависть других, бедных. Производственная беспомощность бедной массы населения — является первым источником обостренной зависти; именно — не просто бедность (с нею люди всегда справлялись), а полная хозяйственная беспомощность, безработица, абсолютная зависимость неимущего от имущего. Этого не должно быть никогда и нигде; об этом должна быть постоянная забота государства.

2. — Рано или поздно от этого должна была вспыхнуть массовая зависть: «почему ты, а не я? твое, а не мое?». Отсюда и возникло учение о противоположности и непримиримости социальных классов, желание перераспределения имущества, доктрина революционной мести и классового-ограбления. Эта доктрина с самого начала отрицала духовный, религиозный и нравственный фактор истории, а признавала только хозяйственно-имущественный, «материальный» фактор. Идея «материи»,

«материализма» получила затем ложно-философское истолкование, что означало сразу: а) «на свете реально только материя», «ни Бога, ни духа нет», б) имущественно-хозяйственно-производственные души («материя») решают все вопросы истории и культуры. Плоские души с формальным мышлением сразу и навсегда удовлетворяются этой ничего не объясняющей пошлостью, и вот, из зависти рождается доктрина безбожия и безнравственности — экономический материализм. У людей неволевых и бестемпераментных («меньшевики») все это прикрывается понятием социального равенства, принимаемого за «справедливость»; у волевых и аморальных людей слагается учение тоталитарного большевизма-коммунизма.

3. — Отсюда возникла и современная доктрина социализма-коммунизма. Личный дух рассматривается как начало антисоциального произвола и анархии. Надо передать все — в полное ведение и распоряжение государства. Но во главе государства становится вместо прежней элиты — новая элита, элита зависти и экономического материализма. Она все отбирает, все перераспределяет и все организует из единого тоталитарного центра. Она дышит классовой идеей, классовой завистью и ненавистью, местью и расправой. Социализм по самой природе своей завистлив, тоталитарен и террористичен; а коммунизм отличается от него только тем, что он проявляет эти особенности открыто, беззастенчиво и свирепо.

4. — Этим определяется и характер новой «элиты». Она поднимается снизу и проходит школу чужемыслия и слепой покорности. Это суть люди с величайшими претензиями (продиктованными слепой завистью) — они притязают на всепонимание, всеумение и всемогущество; и в то же время это — люди лично и духовно нисколько не оформленные; у них нет ни религии, ни совести, ни правосознания, ни художественного вкуса, ни очевидности. Говоря словами Аристотеля, это — «рабы от природы, которые достаточно причастны уму, чтобы понимать чужие мысли» (Маркса, Ленина, Сталина), «но недостаточно, чтобы иметь свои»... Они их и не имеют: повторяют без конца затверженные чужие формулы и влагают в них свой неисчерпаемый заряд зависти и карьеризма.

5. — Так слагается и протекает современный мировой переворот: всплывают новые силы — новые диктаторы, новые классы, новые нации. Эти диктаторы принадлежат к полунинтеллигенции (см. пункт 6), думают упрощающе, не ведают ни правосознания, ни чувства ответственности, но одержимы волею к необузданной власти. Эти новые классы не имеют ни малейшего представления о религии, о духе и о культуре; они ценят только технику и власть, и покупают себе власть ценою холопского подчинения; сами застрашенные, они умеют править только страхом; из зависти рожденные, они разумеют только то, что ее насыщает.

Эти новые национальности, не имеющие истории, не выносившие ни творческого созерцания, ни духовного акта, раздвигают и разлагают культурных соседей, с тем, чтобы занять их место и водворить духовно-культурную пустоту, — свое ничтожество, — на место прежних духовных садов и виноградников. Мир длится и дробится, от этого слабеет и выходит навстречу величайшей опасности в состоянии безсилия.

6. — Всем этим процессом руководит та социальная среда, которая от начала была лучшим рассадником зависти: это мировая полуинтеллигенция.

Полу-интеллигент есть человек весьма типичный для нашего времени. Он не имеет законченного образования, но наслушался и начитался достаточно, чтобы импонировать другим «умственной словесностью». В сущности, он не знает и не имеет ничего, но отнюдь не знает, где кончается его знание и умение. Он не имеет своих мыслей, но застрашивает себя и других чужими, штампованными формулами; а когда он пытается высказать что-нибудь самостоятельное, то сразу обнаруживает свое убожество. Сложность и утонченность мира, как Предмета, совершенно недоступна ему: для него все просто, все доступно, все решается с плеча и с апломбом. Главный орган его — это чувственное восприятие, обработанное плоским рассудком. Духа он не ведаёт; над религией посмеивается; в совесть не верит; честность есть для него «понятие относительное». Зато он верит в технику, в силу лжи и интриги, в позволенность порока. «Полунаука», пишет Достоевский, «самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны. Полунаука — это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, перед которым всё преклонилось с любовью и с суеверием, до сих пор немислимым, перед которым трепещет даже сама Наука и постыдно потакает ему» («Бесы»).

И при этом он знает о своей полуинтеллигентности: он обижен ею, он не прощает ее другим, он завидует, мстит и добивается во всем первенства: он ненасытно честолюбив и властолюбив. И легко усваивает и практикует искусство — играть на чужой, на массовой зависти.

Таково большинство революционеров. Достоевский показал «подпольную» жизнь такой души — ее бешеную обидчивость и уязвляющееся самолюбие. Коммунизм развернул это царство пошлости и безбожия, обезьянего подражания и самодовольного «изображения».

7. — Именно в этой среде созрела химера всеобщего равенства и предрассудок всеобщей свободы.

Именно здесь идея справедливости была подменена «уравнином»: вот она, французская революция, требовавшая сноса всех колоколен, как оскорбляющих чувство равенства; вот она иронически-гениальная формула германского поэта Эйхендорфа:

срезать верхи, пока все не станут оборванцами; вот лозунг Степана Разина, «чтобы всяк всякому был равен». Доктрина, направленная сразу против Бога, против природы и против справедливости. Вещие строки записаны у Достоевского в «Бесах»: «Рабы должны быть равны... Не надо образования, довольно науки!.. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание; мы пустим пьянство, сплетни, донос, мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство»...

Здесь же зародилась и созрела лже-идея недуховной свободы: не свободы веры и Бого-созерцания, а свободы безбожия; не свободы совести, а свободы от совести — от ответственности, от духа, от вкуса, от правосознания. Все это мешало зависти и завистнику; и все это было низвергнуто. Свобода стала разнузданностью в нравах, бесформенностью в искусстве, тоталитарностью в политике (свобода власти и произвола).

8. — Все это привело к величайшему религиозному кризису, известному в человеческой истории. Люди не «утратили Бога», как было в эпоху падения язычества, а ополчились на самую идею Бога; они стремятся скомпрометировать и разложить религиозный акт души; они готовы искоренить на земле всех верующих. В истории человечества меркнут и исчезают чувства священного, тайны, созерцания, благоговения, ответственности, греха и зла. Остается одна пошлость и одно злодейство. Фридрих Ницше возвеличил эти остатки культуры и призвал людей к дерзающему преступлению.

9. — Замечательно, что этому соответствует рост человеческого народонаселения во всех частях света. Количество людей исчисляется уже миллиардами. Плотность населения все возрастает. Города становятся какими-то «Вавилонами» и разрастаются вширь без меры. Это обостряет конкуренцию и многозаботливость жизни; это разжигает зависть и жажду обогащения на любых путях. Мало того — это ведет к истребительным международным войнам, которые равносильны самоистреблению человечества. Вопрос перенаселения земли разрешается по способу массового убийства — войнами и революциями. И там, где медицина и гигиена находят все новые способы оградить человечество от болезней и эпидемий, и продлить человеческую жизнь, там вступает в свои права процесс массового убийства людей: класс против класса, государство против государства.

10. — Понятно, как воздействует на рост социальной зависти технический прогресс. Невозможное становится возможным; пространство побеждается; воздух завоевывается; комфорт избаловывает людей; развлечения умножаются и принимают все

новые формы; претенциозность и зависть все возрастают; а демократический строй поощряет людское самомнение; переоценку своей особы и склонность не брезгать никакими путями и средствами для достижения желанного. Теперь всякий рабочий имеет велосипед, всякий лавочник — автомобиль, всякая кухарка — свой несмолкающий радиоаппарат. Всякой лягушке предносится облик еще не достигнутого по ее размерам вола (Крылов); всякому «гитлеру» снится диктатура; всякая горничная собирается в кругосветное путешествие; всякий лодырь имеет право отравлять вам жизнь своей мотоциклеткой. Техника снижает духовный уровень жизни по всей линии: шум импонирует массе, радио-выкрики и граммофонные диски становятся все пошлее, «кино» демагогирует толпу, товары снижаются в качестве, падение газетного уровня пугает и удручает. Земные «утехи» и «развлечения» манят людей. Жажда наслаждений растет, а с нею вместе и воля к богатству и власти. Трезвые удержки слабеют, мудрая мера утрачивается, порок не отталкивает; современный человек верит в свою окончательную смертность, но не верит в свое бессмертие и в вечную жизнь; и самая молодость кажется ему кратким и непрочным даром. Поэтому он торопится; ему «некогда». Обманчивые радости естества кажутся ему главными или даже единственными. И вот он спешит улучшить или использовать свою «земную конъюнктуру», он боится «упустить» и «не успеть». Совесть его смолкает, честью он не дорожит. Он начинает ломить без стыда и «оправдывает» свою дерзость нравственным релятивизмом («все условно»). Расталкивая друг друга, люди добиваются «лучшего» и «большего» и затаптывают слабых и беззащитных на смерть. И уже трудно бывает отличить — человека от зверя, партию от шайки, парламентария от взяточника-авантюриста, народ от черни. Люди нашего времени утрачивают духовный хребет: они одержимы завистью и жадностью.

Вот откуда эти новые в истории образы порочности: политических разбойников, профессиональных предателей, партийных палачей, садистов государственности, врагов благочестия, артистов клеветы, истребителей праведности, откровенных жецов, закулисных властолюбцев и т. д...

ЧТО ЕСТЬ ГОСУДАРСТВО -

КОРПОРАЦИЯ ИЛИ УЧРЕЖДЕНИЕ?³

1. Когда мы находим в левых органах русской зарубежной прессы категорические заявления о том, что «теперь-де демократия признана всеми и окончательно», то мы изумляемся политической близорукости и партийной наивности этих писателей. На самом деле «демократия» переживает сейчас «великий и затяжной кризис», который может иметь только два исхода: или торжество диктатур и тираний тоталитарного направления (чего не дай Бог!), или же полное обновление демократического принципа в сторону отбора лучших и политического воспитания. Идея «формальной демократии», выдвинутая за последние полтора года в качестве всемирной политической панацеи (всеисцеляющего средства), уже привела целый ряд государств, а за ними и все остальное человечество, к величайшим затруднениям и бедствиям и уперлась в выросший из ее последовательного осуществления тоталитарный строй. Не видеть этого могут одни только доктринеры.

То, что в действительности произошло в мире за последние тридцать лет, есть духовное обличение и отвержение тоталитарного строя, все равно — левого или правого; но совсем не политическое оправдание формальной демократии. Напротив, именно «формальная демократия» с ее внутренними пустотами, ошибками и соблазнами, и привела к левому и правому тоталитаризму: эти два политических режима связаны друг с другом, как уродливая реакция на болезненное преувеличение, или как тирания, возникающая из распада; или как рабство, возвращающееся на того, кто не сумел найти и соблюсти духовно-верную меру свободы. Ныне мы переживаем период, когда человечество еще не разочаровалось ни в формальной демократии, ни в право-левом тоталитаризме; когда одни наивно собираются лечить провалившийся тоталитаризм — формальной демократией, а другие организуются для того, чтобы заменить формальную демократию — правым или левым тоталитаризмом.

Мы же настаиваем для России на третьем исходе и считаем его единственно-верным. Для того, чтобы уразуметь его, надо поставить весь вопрос со всей возможной политико-юридической ясностью.

Государство, как многоголовый (или совокупный) субъект права, может быть или «корпорацией» или «учреждением». Что же оно есть на самом деле?

Спросим себя прежде всего: что есть «корпорация» и что есть «учреждение»?

Корпорация (например, кооператив) состоит из активных полномочных и равноправных деятелей. Они объединяются в единую организацию по своей свободной воле: хотя и входят в нее, не хотят — выходят из нее. Они имеют общий интерес и вольны признать его и отвергнуть. Если они признают его и входят в эту корпорацию, то они тем самым имеют и полномочие действовать для его удовлетворения. Они уполномочены формулировать свою общую цель, ограничивать ее, выбирать голосованием все» необходимые органы, утверждать их и дезавуировать их, «отзывать» свою волю, погашать свои решения, обуславливать свое участие «постольку-поскольку». Кооперация начинается с индивидуума: с его мнения, изволения, решения; с его «свободы» и интереса. Она строится снизу вверх; она основывает все на голосовании; она организуется на свободно-признанной (и соответственно свободно-ограничиваемой, свободно-отвергаемой) солидарности заинтересованных деятелей. «Все через народ» — идеал формальной демократии.

Напротив, жизнь учреждения (напр., больницы, гимназии) строится не снизу, а сверху (даже и тогда, когда само учреждение — учреждено всенародным голосованием). Люди, заинтересованные в жизни этого учреждения, получают от него благо и пользу, но не формулируют сами ни своего общего интереса, ни своей общей цели. Они не имеют и полномочия действовать от лица учреждения. Они «проходят» через него, но не составляют его и не строят его. Они пассивно принимают от учреждения — заботы, услуги, благодеяния и распоряжения. Не их слушаются в учреждении, а они слушаются в учреждении. Учреждение само решает, «принимает» оно их или нет; и, если «принимает», на каких условиях и доколе. Они не выбирают его органов, не имеют права «дезавуировать» или «сменять» их; и даже не всегда могут самовольно отвергнуть его услуги и «уйти». Следовательно учреждение строится по принципу опеки над заинтересованными людьми. Оно имеет свои права и обязанности, свой устав, свою организацию; но все это оно получает не от опекаемых; оно не отчитывается перед ними, и органы его не выбираются, а назначаются. Больные в больнице не выбирают врачей; гимназисты в гимназии не могут сменить директора и инспектора и кадеты не могут самовольно выйти из кадетского корпуса; студенты принимаются в университет, но не определяют его целей и задач, и профессора не слушаются их распоряжений. И поскольку государство есть учреждение, постольку народ в нем не управляет собою и не распоряжается, а воспитывается, опекается и повинуется.

И вот, сторонники формальной демократии считают, что государство тем лучше организовано, чем последовательнее оно превращено в корпорацию. А сторонники тоталитарного строя убеждены, что государство тем лучше организовано, чем

последовательнее всякое самоуправление исключено и подавлено, чем больше государство превращено в учреждение. Принцип корпорации, проведенный последовательно до конца, погасит всякую власть и организацию, разложит государство и приведет его к анархии. Принцип учреждения, проведенный последовательно до конца, погасит всякую человеческую самодеятельность, убьет свободу личности и духа, и приведет к каторге. Анархия не лечится каторгой; это варварство. Каторга не оздоравливается анархией: это безумие. Спасителен только третий путь. Какой же? И как найти его?

Прежде всего надо понять и до конца продумать, что корпоративный строй требует от граждан зрелого правосознания. Желая участвовать в управлении государством, должен уметь управлять самим собой, понимать сущность государства, его задачи и цели, органичность народной жизни, значение и смысл свободы, технику социальной организации, законы политики и хозяйства. Нет этого — и общий интерес останется неосознанным, подмененным частной корыстью и личными вожделениями, принцип солидарности останется пустым словом, общая цель утратится, полномочие будет подменено «кулачным правом»; — начнется фальсификация государственности и развал. Государство погибнет или сложится вновь по типу диктаториального учреждения.

И вот, по отношению ко всем гражданам с незрелым правосознанием (дети, несовершеннолетние, душевно-больные, дикари, политически-бессмысленные, уголовно-преступные, аномальные, жадные плуты и т.п.) — государство всегда останется опекающим учреждением. Тех, кто способен осознать и жизненно оформить свой общественный интерес и кому нелепо давать право голоса, — государство всегда будет опекать и вести.

Но и этим дело не ограничивается. Люди вообще живут на свете не для того, чтобы убивать свое время и силы на политическую организацию, а чтобы творить культуру. Политика не должна поглощать их досуга и отрывать их от работы, а обеспечивать им порядок, свободу, законность, справедливость и технически-хозяйственные удобства жизни. Кипение в политических разногласиях, страстях и интригах, в тщеславии, честолюбии и властолюбии — есть не культура, а растрата сил и жизненных возможностей. Поэтому политика не должна поглощать времени и воли больше, чем это необходимо. Корпоративный строй склонен растрчивать народные силы; строй учреждения, если он на высоте, экономит их.

В довершение всего — политическое дело требует особых знаний, изучения, подготовки, опыта и таланта, которыми «все» никогда не обладали и обладать не будут; политическое строительство всегда было и всегда будет делом компетентного меньшинства.

Поэтому государство никогда не перестанет строиться по типу учреждения, особенно в тех отношениях, где необходимы единая власть и дисциплина: а именно — в делах общественного воспитания, порядка, суда, управления, обороны, дипломатии и некоторых других. Это совсем не означает, что принцип самоуправления исключается из государственной жизни и строительства, что он осуждается и отвергается; но это означает, что сфера его применения по самому существу дела ограничена:

1) принудительным характером государственного союза вообще (подданство — гражданство, лояльность без всякого «постольку-поскольку», налоги, воинская повинность, судебный приговор и наказание); 2) самой техникой государственного и в особенности военного строительства (вопросы, требующие тайны и личной ответственности, вопросы стратегии и тактики — не голосуются); 3) наличным уровнем правосознания в стране; 4) необходимой экономией сил (люди живут на свете решительно не для того, чтобы политиканствовать).

Все это означает, что современные крайности (формальной демократии и тоталитарного режима) являются нездоровыми заблуждениями. Государство в своем здоровом осуществлении всегда совмещает в себе черты корпорации с чертами учреждения: оно строится — и сверху, и снизу, и по принципу властной опеки, и по принципу самоуправления. Есть государственные дела, в которых уместно и полезно корпоративное самоуправление; и есть такие дела, в которых оно решительно неуместно и недопустимо. Голосования в русской армии в 1917 году были проявлением политического кретинизма и революционной интриги (одновременно). Подобно этому есть государственные дела, которые могут вестись только по принципу властного предписания, назначения и взыскания; и есть такие дела, в которых необходимо самоуправление, ибо тоталитарный централизм убивает в них жизнь (срв. советский строй). Нелепо строить все государство по схеме больницы или школы: ибо государственно зрелые граждане — не больные и не школьники; их осознанная солидарность драгоценна, их политическая активность необходима, их публично-правовая уполномоченность сжидательна; все Это есть могучий политический цемент.

Это означает также, что политик, организующий государство, должен считаться, прежде всего, с наличным в данной стране и в данную эпоху уровнем народного правосознания, определяя по нему то жизненное сочетание из учреждения и корпорации, которое будет наилучшим «при данных условиях жизни».

Таковыми условиями жизни являются:

1. **Территория** и ее размеры (чем больше эти размеры, тем необходимее сильная власть и тем труднее проводить корпоративный строй).

2. **Плотность населения** (чем больше она, тем легче организация страны; чем меньше она, тем необходимее начало учреждения).

3. **Державные задачи государства** (чем грандиознее они, тем меньшему числу граждан они понятны и доступны, тем выше должен быть уровень правосознания, тем труднее корпоративный строй).

4. **Хозяйственные задачи страны** (с примитивным хозяйством маленькой страны может легко управиться и корпоративное государство).

5. **Национальный состав страны** (чем он однороднее, тем легче народу самоуправляться).

6. **Религиозная принадлежность народа** (однородная религиозность масс облегчает управление, разнородная — затрудняет; обилие противогосударственных сект — может стать прямой государственной опасностью и т. д.).

7. **Социальный состав страны** (чем он первобытнее и проще, тем легче дастся народу солидарность, тем проще управление).

8. Культурный уровень народа (чем он ниже, тем необходимее начало учреждения).

9. **Уклад народного характера** (чем устойчивее и духовно-индивидуализированнее личный характер у данного народа, тем легче осуществить корпоративный строй; народ индивидуализированный не духовно, а только биологически, и притом бесхарактерный — может управляться только властной опекой).

Все это указывается здесь только для примера; при всем этом подразумевается оговорка «при прочих равных условиях».

Итак: **единого мерила, единого образцового строя для всех народов и государств нет и быть не может.** И тот, кто вечно твердит «все через народ» — обнаруживает свое верхоглядство и свою политическую неспособность.

Идея «государства — учреждения» представлена в истории началом монархическим (и диктаториальным); несмотря на это монархическая форма государства способна ужиться с самым широким корпоративным самоуправлением (напр., Англия; Россия до 1917 г.).

Идея «государства — корпорации» представлена в истории началом республиканским (и демократическим); несмотря на это, республиканская форма государства способна вырождаться в сущий тоталитаризм, приближаясь к диктатуре (Германия после 1933 года; Россия после 1917 года).

Крайние лозунги — «все сверху» и «все снизу», — столь соблазнительные для людей примитивного мышления и страстного темперамента, одинаково несостоятельны и опасны. Тот, кто попытается сделать все «сверху», — убьет творческую самостоятельность своего народа, отвратит его от себя, ожесточит его, изолирует себя, захлебнется в сетях формальной и продажной бюрократии и подорвет жизненную силу своего государства, независимо от того, будет ли он левым или правым тоталитаристом. Тот, кто попытается строить все «снизу», — разложит государство на систему маленьких и бессильных общинок, сделает невозможным единение и правопорядок, даст преобладание дурному количеству над творческим качеством, захлебнется в волнах демагогии и смуты и очнется под пятой у тирана.

Государство по самому существу своему есть организация не частно-правовая, наподобие кооператива, добровольно-свободная, а публично-правовая, властно-повелительная, обязательно-принудительная. И этим одним уже предопределено, что оно никогда не перестает быть учреждением и никогда не превратится в корпорацию чистой воды. Дух учреждения может временно отступать на задний план, но горе той республике или демократии, в которой он выветрится совсем! В час смуты, революции, войны, стихийного бедствия, общей опасности, голода, заразы — самая демократическая, архи-федеративная республика вспомнит о ведущей, повелевающей и принудительной опеке учреждения и не будет решать «все через народ», как этого требовали наши русские сверх-демократические головотяпы в 1917 г.

Грядущей России предстоит найти для себя — свою, особую, оригинальную государственную форму, такое сочетание из «учреждения» и «корпорации», которое соответствовало бы русским, национальным историческим данным, начиная от наличного в России по-революционному правосознания и кончая национальной территорией.

Перед лицом такой творческой задачи — призывы зарубежных партий к формальной демократии остаются наивными, легкомысленными и безответственными.

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФОРМЕ⁴

Этот сложный и очень ответственный вопрос надо ставить с осторожностью и с полной непредвзятостью мысли.

Прежде всего: государственная форма есть не «отвлеченное понятие» и не «политическая схема», безразличная к жизни народов, а строй жизни и живая организация народа. Необходи-

мо, чтобы народ понимал свой жизненный строй; чтобы он умел — именно «так» — организоваться; чтобы он уважал законы этого строя и вкладывал свою волю в эту организацию. Иными словами: именно живое правосознание народа дает государственной форме осуществление, жизнь, силу; так, что государственная форма зависит прежде всего от уровня народного правосознания, от исторического нажитого народом политического опыта, от силы его воли и от его национального характера.

Нелепо сажать за шахматы человека, не понимающего игры и ее правил, не умеющего задумать план партии, не желающего вложить в игру свою мысль и свою волю.

Спортивная дружина, не сыгравшаяся в футбол, провалит состязание.

Суворов готовил каждое сражение, разъясняя солдатам ход и смысл предстоящей операции; и именно благодаря этому он выигрывал бой за боем.

Так и в политической жизни: она делается живыми людьми, их патриотической любовью, их государственным пониманием, их характером, их чувством долга, их организационными навыками, их уважением к закону. Все это надо воспитать. Нелепо вводить в стране государственную форму, не считаясь с уровнем и с навыками народного правосознания.

Далее, государственная форма должна считаться с территориальными размерами страны и с численностью ее населения. В республике Сан-Марино (59 квадрат, километров, 9000 жителей!) исполнительная власть доселе принадлежит двум «капитанам», избираемым «Большим Советом» (парламентом) на 6 месяцев, причем один из них обыкновенно выбирается из пришлых иностранцев... Некоторые, совсем маленькие Кантоны Швейцарии доселе собирают раз в год свое «однодневное вече» — на площади, и, в случае дождя, — под зонтами... Уже в большинстве остальных Кантонов Швейцарии — это невозможно.

Далее, государственная форма должна считаться с климатом и с природою страны. Суровый климат затрудняет всю организацию народа, все сношения, все управление. Природа влияет на характер людей, на продовольствие страны, на ее промышленность; она определяет ее географические и стратегические границы, ее оборону, характер и обилие ее войн. Все это должно быть учтено в государственной форме.

Многонациональный состав населения предъявляет к государственной форме свои требования. Он может стать фактором распада и привести к гибельным гражданским войнам. Но эта опасность может быть и преодолена: природой страны и горным свободолобием солидаризирующихся народов (Швейцария); Или же долгим и свободным эмигрантским отбором, заоканским положением страны и торгово-промышленным характером государства (Соединенные Штаты); или же — наконец — рели-

гнозно-культурным преобладанием и успешным политическим водительством численно сильнейшего племени, если оно отличается настоящей уживчивостью и добротой (Россия).

Выводы: — Каждый народ и каждая страна есть живая индивидуальность со своими особыми данными, со своей неповторимой историей, душой и природой.

Каждому народу причитается поэтому своя, особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых народов и не должно быть одинаковых форм и конституций. Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может стать гибельным.

Растения требуют индивидуального ухода. Животные в зоологическом саду имеют, — по их роду и виду, — индивидуальные режимы. Даже людям шьют платья по мерке... Откуда же эта нелепая идея, будто государственное устройство можно переносить механическим заимствованием из страны в страну? Откуда это наивное представление, что своеобразнейшая английская государственность, выношенная веками в своеобразной стране (смешение кровей! остров! море! климат! история!) своеобразнейшим народом (характер! темперамент! правосознание! культура!) — может воспроизводиться любым народом с любым правосознанием и характером, в любой стране любого размера и с любым климатом!? Можно поистине подумать, что образованные политики совсем не читали — ни Аристотеля, ни Маккиавели, ни Монтескье, ни Бокля...

Какое же политическое верхоглядство нужно для того, чтобы навязывать всем народам государственную форму монархии, даже и тем, у которых нет и тени монархического правосознания (напр., Соединенным Штатам, Швейцарии или бунтовщической Мексике, — где Император Максимилиан был убит восставшими республиканцами через три года по воцарении в 1867 г.)?!.. Однако, не столь же ли безответственно — загонять в республиканскую форму жизнь народа, выносившего в долгие века монархическое правосознание (напр., Англию, Германию, Испанию, Сербию и Россию)?!.. Какое политическое доктринерство нужно было для того, чтобы в 1917 году сочинять в России некую сверхдемократическую, сверхреспубликанскую, сверхфедеративную конституцию и повергать Россию с ее наииндивидуальнейшей историей, душой и природой в хаос бессмысленного и бестолкового распада, который только и мог закончиться тиранией бессовестных интернационалистов! Сколь прав был один из составителей избирательного закона в учредительное собрание, говоривший через три года (1920) с горем и ужасом: «О чем мы тогда думали?! Что мы делали? Ведь это был просто психоз! Мы стремились превзойти в демократичности все известные конституции — и погубили все!»... К сожалению этому

умному, честному и мужественному патриоту, погибшему вскоре после того в советской тюрьме, нисколько не подражают эмигрантские политики...

Ныне почти все эмигрантские партии, следуя по-прежнему собственному политическому доктринерству и напештам своих интернациональных «покровителей», снова требуют для России — демократической, федеративной республики. Они знают, что вышло из «однодневного» учредительного собрания в 1917 году; они знают, что с тех пор русских людей обобрали до нищеты, стараясь превратить их в рабов; они знают, что их в течение тридцати лет лишали всякой верной осведомленности во внутренних и внешних делах и превращали в политических слепцов; они знают, что русских людей систематически отучали от всякого самостоятельного знания, суждения и понимания, от независимого труда и от личной ответственности; что их тридцать лет унижали, разрушали их веру и все духовные и нравственные основы жизни, приучая их к голодной продажности и гнусному взаимодоносительству... Они знают все это и считают это подходящим условием для немедленного введения демократической республики...

Чего же можно ждать от осуществления этих программ, — кроме новых всенародных бедствий?

Пройдут годы национального опаматования, оседания, успокоения, уразумения, осведомления, восстановления элементарного правосознания, возврата к частной собственности, к началам чести и честности, к личной ответственности и лояльности, к чувству собственного достоинства, к неподкупности и самостоятельной мысли, — прежде, чем русский народ будет в состоянии произвести осмысленные и не погибельные политические выборы. А до тех пор его может повести только национальная, патриотическая, отнюдь не тоталитарная, но авторитарная — воспитывающая и возрождающая — диктатура.

ПРЕДПОСЫЛКИ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ⁵

То политическое течение, которое, по-видимому, преобладает в современном мире, должно быть обозначено как «фанатизм формальной демократии». Фанатизм — потому, что это течение превратило свой лозунг в «исповедание веры», в панацею (всеисцеляющее средство), в критерий добра и зла, в предмет слепой верности и присяги; так как если бы надо было выбирать между тоталитарным режимом и формальной демократией, ибо ничего больше нет (тогда как на самом деле есть еще многое другое!). Это есть фанатизм формальной демократии, которая сводит все государственное устройство к форме всеобщего и

равного голосования, отвлекаясь от качества человека и от внутреннего достоинства его намерений и целей, примиряясь со свободой злоумышления и предательства, сводя все дело к видимости «бюллетеня» и к арифметике голосов (количество).

Но в действительности такая «демократия» ни от чего не обеспечивает: ни от всеобщей продажности, ни от предательских заговоров, ни от эксплуатации плутами слабых, добрых, темных и глупых, ни от анархии, ни от тирании, ни от тоталитаризма. История (1914-1951) только что дала новые жестокие уроки, присоединившиеся к прежним (из эпохи греко-римской, из эпохи Возрождения и из революций нового времени). Но разве фанатик внемлет урокам исторического опыта? Сколько раз формальные демократии вырождались, теряли свою творческую силу и губили государства! И нам, русским патриотам, совершенно необходимо додуматься в этом вопросе до конца и договориться друг с другом.

Демократический строй далеко не всегда и не везде у места. Он имеет свои необходимые основы или «предпосылки»: если нет их налицо, то ничего, кроме длительного разложения и гибели, демократия не дает.

Каковы же эти предпосылки творческой демократии?

1. — Первое: народ должен разуть свободу, нуждаться в ней, ценить ее, уметь пользоваться ею и бороться за нее. Все это вместе должно быть обозначено как искусство свободы. Нет его — и демократия обречена.

Дело в том, что свобода совсем не состоит в «развязании» граждан или в «разнуздании» народа, но в замене внешней связанности, идущей «сверху» — внутренней самосвязью, самодисциплиной. Свободный народ сам знает свои права, сам держит себя в пределах чести и закона; он знает, для чего ему дается свобода: он наполняет ее верной творческой инициативой — в религии, в самоуправлении, в хозяйстве, в общении, в науке и в искусстве. Он не пойдет за негодьями, соблазняющими его «вседозволенностью», но заставит их замолчать. Он не позволит тоталитаристам отнять у него свободу, но сумеет отстоять ее.

Народ, лишенный искусства свободы, будет настигнут двумя классическими опасностями: анархией и деспотией.

Если он воспримет свободу как вседозволенность и начнет злоупотреблять ею (попирать все законы, вторгаться в чужие жилища, грабить чужое имущество, убивать своих действительных или мнимых врагов, разрушать, жечь и громить), то настанет анархия, которая сначала поведет страну и государство к гибели, а потом сменится тиранией, — иногда своей, внутренней; иногда иностранной, завоевательной.

Если же он не поймет, на что ему нужна свобода и не сумеет ею воспользоваться, то он отдаст ее любому авантюристу за

обещания частного или классового прироста. Он продает ее тому деспоту, который сумеет разжечь его страсти, организовать свой беззащитный кадр, увлечь людей несбыточными планами и «наградить» толпу «хлебом» и «зрелищами».

Тогда демократия погибнет. История свидетельствует об этом бесчисленное множество раз.

Не ясно ли, что первая опасность (анархия) настигла Россию в 1917 году и осуществителем ее был Владимир Ульянов и что вторая опасность (деспотия) настигла Германию в 1933 году и осуществителем ее был Адольф Гитлер?

2. — Второй предпосылкой творческой демократии является достаточно высокий уровень правосознания.

В каждом из нас есть две силы, обычно противостоящие друг другу: сила инстинкта и сила духа. Инстинкт, взятый сам по себе и не обузданный духом, — есть волк в человеке: он хищен, коварен и жесток. Но он хитрее и изворотливее лесного волка. Человек голого инстинкта — не ведает ни веры, ни совести, ни жалости, ни чести; он посмеивается над честностью, презирает доброту, не верит ни в какие принципы. Для него все хорошо, что ему выгодно. Он ищет богатства и власти. Он именно таков, каким его с восторгом и преклонением описал Фридрих Ницше в своем антихристианском произведении «Воля к власти», где Ницше взывает к «верховному зверю», к «дикому» и «злому» человеку с «веселым брюхом», с «грубым» и «диким» нравом, к безбожному наслажденцу.

Бездуховному инстинкту противостоит дух в человеке, начало сердца, разумной воли, ответственного предостояния и совести. Дух проявляется в жажде священного, в искании Бога, в способности к самообладанию и к деятельной любви. Правосознание есть одно из основных его проявлений: «я есть личность с духовным достоинством и правами, я знаю, что мне можно, должно и чего нельзя; и такую же свободную и ответственную личность я вижу в каждом другом человеке».

Человек, имеющий здоровое правосознание — есть свободный субъект прав; он имеет волю к лояльности (законопослушанию), он умеет блюсти и свои, и чужие полномочия, обязанности и запретности; он есть живая опора правопорядка, самоуправления, армии и государства.

Человек, лишенный правосознания, подобен зверю и ведет себя, как волк. Человек, способный только к повиновению из страха, превращается в волка, как только отпадает страх. Человек без чувства ответственности и чести — не способен ни к личному, ни к общественному самоуправлению, а потому не способен и к демократии.

Если в народе нет здравого правосознания, то демократический строй превращается в решето злоупотреблений и престу-

плений. Беспринципные и пронирливые люди оказываются продажными, знают это друг про друга и покрывают друг друга: люди творят предательство, наживаются на этом и называют это «демократией». Спасти их и страну от гибели может только строгий авторитарный (отнюдь не тоталитарный!) режим.

3. — Третьей предпосылкой является хозяйственная самостоятельность гражданина. Я разумею при этом не богатство, и не предпринимательство, и не земельную собственность, но личную способность и общественную возможность кормить свою семью честным, хотя бы и наемным трудом. Свободный гражданин должен чувствовать себя в жизни самостоятельным работником, не извергнутым из жизни своей страны, но органически включенным в реальный жизнеоборот. Только тот, кто чувствует себя самокормильцем, приносящим пользу своему народу, имеет основу для независимого суждения в политике для неподкупного волеизъявления и голосования. Он имеет под ногами некую творческую почву и в душе тот реальный образ мыслей, который возводит к верному пониманию государственного хозяйства и к верному ощущению государственных польз и нужд. Без этого демократия быстро вырождается в непрерывную схватку беспочвенных рвачей: о государстве и его устройении, о родине и ее спасении не думает никто, потому что все заняты личной добычей.

Человек, лично не способный к честному труду, есть профессионал темных путей, опасный пронира, мастер плутни, продажный рукогрей. Он живет вне правопорядка и правосознания и потому оказывается политическим идиотом. После проигранных войн, гражданских войн и длительных революций — в стране оказывается неисчислимое множество таких отбившихся от дела авантюристов, как бы созданных для того, чтобы разложить и погубить всякую демократию. Удачливые выходят в «нубориши» (многоденежные выскочки); неудачливые создают готовый наемный кадр для всевозможных «псевдогенералов», для крайних партий, для иностранного шпионажа и разбойных банд.

Человек, не имеющий общественной возможности кормить свою семью честным трудом, есть трагическое явление безработного. Он не повинен в своем несчастье и нередко сам с ужасом следит, как длительная безработица деморализует его и губит. С массовой безработицей справиться чрезвычайно трудно, ибо она вызывается сложными причинами: хозяйственными кризисами, перенаселением, экономической отсталостью страны, разрушительными войнами и революциями. А эти причины легче поддаются гениальной инициативе одного человека, если таковой найдется, чем парламентской разногласице.

На обоих этих путях демократия гибнет от обилия в стране черни, отвыкшей от честного труда и жаждущей подачек,

развлечений и авантюры. Историк, конечно, вспомнит вырождение древнеримской демократии, разложение итальянской гражданской общины в эпоху Возрождения, войну «алой и белой розы» в Англии, русскую Смуту, тридцатилетнюю войну в Германии и первую французскую революцию; он вспомнит еще семь миллионов безработных в предгитлеровской Германии, учет состояние некоторых держав в современной Европе — и присоединит к этому свой прогноз для послебольшевистской России.

Устанавливая основные предпосылки живой и творческой демократии, мы должны далее указать на следующее:

4. — Есть минимальный уровень образования и осведомленности, вне которого всякое голосование становится своею собственною карикатурою. Здесь нужна не элементарная грамота, которая позволяет человеку вместо «приложения руки», вымазанной чернилами, нарисовать буквами свою фамилию. Здесь нужно понимание самого выборного процесса и предлагаемых программ, умная оценка кандидатов, разумение государственного и экономического строя страны и его нужд, верное видение политических, международных и военных опасностей; и, конечно, приобщенность к источникам правдивых сведений.

Баба Авдотья рассказывала в 1917 году о своем участии в избрании «учредительного собрания»: «пришла я эта в волость, на крыльце люди толпятся; спрашивают — ты на выборы? на выборы... — что, откеда? — говорю: Авдотья Митрошкина, с Погорельх Выселок, — отыскали они на бумажке, чего-й-то отметили, а мне на ладонь крест поставили мелом, иди, говорят, домой, проголосила; ну, я и пошла»... Так социалисты-революционеры составляли свое «большинство» в «учредилке». Недостаточно и такого образования, чтобы принять правильно выписанный чек от партийного секретаря, поджидающего «грамотных избирателей» перед входом к урнам...

Есть уровень необразованности, малообразованности и неосведомленности, при котором голосует не народ, а обманываемая толпа; и из этого возникает не демократия, а охлократия (правление темной толпы). И нужно быть совсем наивным, чтобы воображать, будто люди, которым обманно морочили головы 30-40 лет, завтра станут «сознательными гражданами», способными разобраться в государственном вреде и политической пользе: стоит только провозгласить «свободу» и «равенство» — и все сейчас же объявят себя сторонниками республики и федерации, Керенского и Федотова, ибо «верно» поймут «благо» государства...

5. — Но и этого мало: необходим политический опыт, которого в будущей России будут лишены и более образованные слои, и менее образованные массы.

Надо вдуматься и представить себе все отчетливо. Тридцать-сорок лет подряд голодом, страхом и пыткой — людей отучали от самостоятельного мышления, от политической и хозяйственной инициативы, от ответственного решения; и с утра до вечера, от рождения до смерти людям забивали души мертвыми и ложными схемами вульгарного марксизма и пошлостями «диамата». Каких граждан, каких демократов готовила этим коммунистическая власть? Не граждан, а рабов тоталитарного государства; не политиков, а до смерти напуганных карьеристов; не деятелей, а пролаз и доносчиков — готовил советский режим; людей совершенно лишенных государственного кругозора и честного, — да, именно, честного, опыта и самостоятельного, да, именно самостоятельного, разума.

Человек, пролежавший в тюрьме тридцать лет, заморенный в цепях, разучившийся стоять и ходить — какой же он участник спортивного состязания? А демократия есть именно политическое спортивное состязание... Этого человека надо под руки водить, а не наваливать на него десятипудовые мешки ответственности...

Какая наивность, какая безответственность, какая историческая слепота нужны для того, чтобы воображать, будто навыки тоталитарного приказчика и тоталитарного поденщика могут создать на что-нибудь способную «демократию»... Как низко расценивают современные «демократы родом из России» — тот режим, которому они присягают! Годы, годы должны пройти до тех пор, пока русский человек опомнится, стряхнет с себя эти унижительные навыки и, встав во весь рост, найдет опять свой уклад, свое достоинство, свою русскую самостоятельность и свою независимую талантливую сметку.

Есть такая политическая неопытность, при которой «народное самоуправление» невозможно и при которой демократия может быть только фальсифицирована, как при позорной памяти «учредилке» 1917 года. На это-то, конечно, и возлагаются надежды.

6. — А между тем, настоящая, творческая демократия предполагает в человеке еще целый ряд свойств и способностей, без которых она становится обманым лицедейством и разбазариванием национального достояния.

Участнику демократического строя необходимы личный характер и преданность родине, черты, обеспечивающие в нем определенность воззрения, неподкупность, ответственность и гражданское мужество. Нет этого — и он пустое место, картонный кирпич в стене, гнилое бревно, проржавевшее кольцо в цепи, заранее обеспеченный предатель. Демократический режим, в котором такие люди преобладают — не рухнет только тогда, если некому толкнуть его. Бесхарактерные люди не способны ни

к какому благому начинанию; они только кажутся людьми; они мнимые величины. Граждане, научившиеся интернационализму, суть граждане всех остальных государств, только не своего собственного. Голосователи, не имеющие определенных воззрений и не умеющие их отстаивать, подобны тем резиновым игрушкам-зверюшкам, которых надувают сзади и из коих потом чужой воздух выходит с писком, а сами они валяются на бок. Что же сказать о продажных? Ведь деньги-то будут только у иностранцев; а нищему — и вменить его продажность трудно. Человека, лишенного чувства ответственности, совсем нельзя подпускать ни к какому публичному делу: все погубит, словчится и скроется в толпе за ее многоголовой неуловимостью. А гражданское мужество есть сущее условие жизни — для всякого демократа, во всякой демократии.

Напрасно было бы указывать нам на историю западных народов. Уже в силу одного того, что это была иная история. И еще в силу того, что ни один из западных народов не искал спасения в демократии после 30-40-летнего тоталитаризма. И особенно в силу того, что то, что одному народу может быть и здорово, то может принести другому смерть! И как же не спросить себя: почему так трудно дается демократия балканским народам, азиатским народам и южно-американским народам? Спасала ли демократия Испанию или губила? Почему Германия, начавшая историю своей демократии сто лет тому назад, кончила тоталитарным крушением? Почему демократический режим, разыгрываемый по всем правилам парламента, никак не вывезет из оврага современную Францию, несмотря на ее политический опыт, цивилизованность и гражданственность? И в чем проявилась целебность демократии в современной Польше, Чехии, Венгрии и Румынии? — Не следует ли раз навсегда оставить победоносный тон, аргументируя демократическим опытом на Западе?

И пусть не найдется ни одного клеветника среди эмигрантских публицистов, который решится, вопреки всему, приписать нам скрытую симпатию к тоталитарному режиму. Мы видели левый тоталитаризм и правый тоталитаризм; мы испытали на себе оба режима вплоть до арестов, допросов, угроз, запретов; и даже более того. Мы имели возможность изучить оба режима до дна и относимся с нескрываемым нравственным и политическим отвращением к обоим.

Но о демократии мы мыслим гораздо выше и лучше, чем господа формальные демократы. И утверждаем следующее: страна, лишенная необходимых предпосылок для здоровой творческой демократии, не должна вводить у себя этого режима до тех пор, пока эти основные предпосылки не будут созданы. До тех же пор введение демократического строя может быть только гибельным для этой страны.

О ФОРМАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ⁶

Есть два различных понимания государства и политики: механическое и органическое. Механическое — отстаивает человеческую инстинктивную особь и ее частные интересы; оно измеряет жизнь количественно и формально. Органическое исходит от человеческого духа и восходит к национальному единству и его общим интересам; оно качественно и ищет духовных корней и решений. Которое же из этих пониманий желательно и спасительно для грядущей России?

Рассмотрим сначала механическое воззрение.

Оно видит в человеке прежде всего инстинктивную особь, имеющую свои «желания» и «потребности»: каждый желает меньше работать, больше наслаждаться и развлекаться; плодиться и наживать; иметь свои безответственные мнения и беспрепятственно высказывать их; подыскивать себе где угодно единомышленников и объединяться с ними; ни от кого не зависеть и иметь как можно больше влияния и власти. Ведь люди рождаются «равными» и потому каждому из них должны быть предоставлены одинаковые права для отстаивания своих «желаний» и «потребностей»: это «неприкосновенные права свободы», которые «не терпят ограничений». Поэтому каждая человеческая особь должна иметь в государственных делах равное право голоса. Сколько людей, столько равных голосов. Что кому нравится, то пусть каждый беспрепятственно и отстаивает. Единомышленники всех стран пусть свободно объединяются; поданные голоса пусть подсчитываются; большинство голосов будет все решать. «Тогда пойдет все гладко и станет все на место»...

Что же касается качества всех этих «желаний», планов и затей у всех этих «единомышленников», а особенно мотивов и намерений всех этих «голосователей», то до них никому не может быть дела: все это ограждается неприкосновенною «свободою», ненарушимым «равенством» и «тайною» голосования. Каждый «гражданин» как таковой заранее считается разумным, просвещенным, благонамеренным и лояльным, неподкупным и «почтенным»; каждому дается возможность обнаружить все свои «доблести» и прикрыть словами о «публичном благе» все свои замыслы и затеи. Пока не пойман — он не вор; пока не взят с поличным — он требует к себе всеобщего уважения. Кто еще не попался на месте преступления (напр., предательства, иностранного шпионажа, вражеской агентуры, подготовки заговора, взятки, растраты, подлога, шулерства, торговли девушками, выделки фальшивых документов или монет) — тот считается политическим «джентльменом» независимо от своей профессии и полноправным гражданином («про его художества все знают, да не докажешь»). Главное: «свобода», «равенство» и «счет голосов». Государство есть механическое равновесие частных (личных и

партийных) вождельней; государство строится как компромисс центробежных сил, как лицедейство политических актеров. И политика должна двигаться «по равнодействующей» (по параллелограмму сил!) взаимного недоверия и состязающихся интриг...

К сожалению, это воззрение (насколько я знаю) нигде не высказано в такой откровенно-отчетливой форме. Оно и не является доктриной; это лишь молчаливый политический «догмат», укоренившийся в мире и выдаваемый за само собою разумеющуюся «сущность демократии»: все формально свободны, все формально равны и все борются друг с другом за власть, ради собственных интересов, прикрываемых общей пользою.

Такое формальное и количественное понимание государства ставит его судьбу в зависимость от того, как и чем заполняется та содержательная пустота и то безразлично-беспризорное качество, которые предоставляются людям формальною «свободою». Государство и правительство суть лишь «зеркало» или «арифметическая сумма» того, что делается в душе и в правосознании человеческой массы. Там вечно что-то само собою варится, в этом непроглядном и в то же время неприкосновенном котле: всякое вмешательство запрещается как «давление»; всякое ограничение или воздействие — клеймится как «стеснение свободы». Каждому гражданину обеспечивается право на кривые и лукавые политические пути, на нелояльные или предательские замыслы, на продажу своего голоса, на гнусные мотивы голосования, на подпольные заговоры, на незаметную измену, на тайное «двойное подданство» — на все те низости, которые бывают людям столь выгодны и столь часто их соблазняют. Гражданину дается неограниченное право тайного самособлазна и совращения других, а также незаметной самопродажи; ему обеспечивается свобода неискреннего, лживого, коварного, инсинуирующего слова и двусмысленного, расчетливого замалчивания правды; ему дается свобода «верить» лжецам и негодьям или же притворяться поверившим (корыстно симулировать такое-то или противоположное политическое настроение). И для свободного выражения всех этих духовных соблазнов ему дается «избирательный бюллетень». «Мотивы голосования» должны быть свободны; образование партий не терпит стеснений; ограничивать политическую пропаганду — значит «проявлять насилие»; судить и осуждать за «политические воззрения» нельзя: это значило бы покушаться на «сердцеведение» и «преследовать за образ мыслей» (по-немецки «Гезиннунгс-юстиц»). Свобода мнений должна быть полною; государственные чиновники не смеют покушаться на нее и урезывать ее. И самое глупое, самое вредное, гибельное и гнусное «мнение» — «неприкосновенно» уже в силу одного того, что нашелся вредный гаупец или предатель, который его провозгласил, укрываясь за его «неприкосновен-

ность». А возможно ли заставить его мнить свое мнение пассивно? Как помешать ему проводить его мнение в жизнь — шепотом, тихой сапой, тайным сговором, подпольной организацией, незаметным накоплением складов оружия?... Свобода слова, союзов и оружия только выражает и осуществляет свободу мнений...

Понятно, что все это сразу обезоруживает государство перед лицом его врагов и разлагателей; и в то же время обеспечивает этим врагам и разлагателям полную свободу и безнаказанность. Государство и правительство обязаны обеспечивать народу свободу соблазнимости, а разлагателям и предателям — свободу соблазнения; естественно, что очередное голосование подводит итоги — успеху обеспеченного соблазна. И такой порядок будет продолжаться до тех пор, пока соблазн не подорвет самую идею голосования и самую готовность подчиняться большинству (ибо согласно недавно высказанной революционной формуле бельгийца Шпаака: «меньшинство не обязано подчиняться большинству»): тогда голосование будет заменено восстанием, и организовавшееся тоталитарное меньшинство захватит власть.

Это означает, что формально-количественное понимание государства открывает двери настежь всем политическим авантюрам, переворотам и революциям, что мы и наблюдаем из года в год, напр., в Южной Америке. И поистине, негодяи всего мира были бы совершенными глупцами, если бы они не заметили и не использовали эту великолепную возможность захвата власти. Правда, американские «гангстеры» не додумывались до этого и «озорничали» вне политики: и сицилийские «маффиатори» тоже довольствуются частным прибытком. Но додуматься было не так уж трудно. Природа не терпит пустоты; и по мере того, как благородные побуждения (религиозные, нравственные, патриотические, духовные) слабели и выветривались в человеческих душах, — в образовавшиеся пустоты формальной свободы неизбежно должны были хлынуть нелепые, злые, порочные и жадные замыслы, подсказывавшиеся демагогами-тоталитаристами слева и справа.

Итак, формальная свобода включает в себя свободу тайного предательства и явного погубления. Механическое и арифметическое состязание частных вождедений с самого начала готовило в душах возможность слепого ожесточения и гражданской войны. Пока центробежные силы соглашались умерить свои требования и найти компромисс — государство могло балансировать над пропастью; но восстали «пророки» классовой борьбы и приблизили момент гражданской войны. Что может им противопоставить формально-механическое понимание государства? Уговоры «главноуговаривающих»? Рыдания о гибнущей свободе? Или идеи сентиментальной «гуманности», забытой совести, отвергнутой чести? Но это значило бы — «вмешаться» и тем самым

отречься от формальной свободы и от механического понимания политики! Это значило бы утратить веру в политическую арифметику и впасть в сущую «демократическую ересь»!.. Ибо формальная демократия не позволяет сомневаться в благонамеренности «свободного» гражданина... Еще Жан-Жак Руссо учил, что человек от природы разумен и добр; и что единственно, чего ему не хватает, это свободы. Надо только не мешать ему свободно извлекать из своего доброприродного сердца — руководительную «общую волю», мудрую, безошибочную, спасительную... Только не мешайте... — а уж он из-вле-чет!..

Люди уверовали в это два века тому назад. Уверовали французские энциклопедисты и революционеры, а за ними анархисты, либералы и сторонники «формальной демократии» во всем мире. Уверовали до такой степени, что даже забыли о своей вере и о ее опасностях: решили, что это и есть «сама» «несомненная» «истина» и что она требует в политике — благоговения перед свободой, почтительного формализма и честного подсчета голосов. И вот, два века этой практики поставили современных политиков перед величайшим политическим землетрясением мировой истории...

Что же им делать? Урезывать формальную свободу? Отказаться от механики частных вожделений? Отменить голосовую арифметику? Но это значило бы усомниться в «священных» догматах современной демократии! Кто же дерзнет на это? Кто сам себя дезавуирует? И что же тогда противопоставить тоталитаристам слева и справа?

Но если здесь — тупик, то что же тогда? Неужели соглашаться на уродства и зверства тоталитарного режима?! Невозможно!..

ОБ ОРГАНИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ ГОСУДАРСТВА И ДЕМОКРАТИИ⁷

Тот, кто хочет верно понять сущность государства, политики и демократии, — должен с самого начала отказаться от искусственных выдумок и ложных доктрин. Так, напр., это есть вздорная выдумка, будто все люди «разумны», «доброприродны» и «лояльны»; жизнь свидетельствует об обратном, и надо быть совсем слепым, чтобы этого не видеть, или совсем прогланым, чтобы лицемерно отрицать это. Точно также это есть ложная доктрина, будто право голоса можно предоставлять людям независимо от их внутренних свойств и качеств; скажем совсем точно — независимо от их правосознания. Это есть величайшее заблуждение, будто государственный интерес состоит из суммы частных интересов и будто на состязании и на компромиссе

центробежных сил можно построить здоровое государство. Это есть слепой предрассудок, будто миллион ложных мнений можно «спрессовать» в одну «истину»; или будто «честно» сосчитанные «свободные» голоса способны указать истинное благо народа и государства: ибо надо не только «честно» считать, но считать-то надо именно честные и разумные голоса, а не партийные бюллетени.

Итак, жизнь государства слагается не арифметически, а органически. Самые люди, участвующие в этой жизни, суть не отвлеченные «граждане» с пустыми «бюллетенями» в руках, но живые личности, телесно-душевно-духовные организмы; они не просто нуждаются в свободе и требуют ее, но они должны быть достойны ее. Избирательный бюллетень может подать всякий; но ответственно справляться с бременем государственного суждения и действия — может далеко не всякий. Человек участвует в жизни своего государства — как живой организм, который сам становится живым органом государственного организма; он участвует в жизни своего государства всем — телесным трудом, ношением оружия, воинскими лишениями, напряжениями и страданиями; своею лояльною волею, верностью сердца, чувством долга, исполнением законов, (всем своим частным и публичным) правосознанием. Он строит государство инстинктивной и духовной преданностью, семейной жизнью, уплатой налогов, службой и торговлей, культурным творчеством и даже славой своего личного имени.

И совсем не в том смысле, что государство, как некий тоталитарный «Левиафан», есть «все во всем», все поглощает и всех поработывает; но в том смысле, что «ткань государственного бытия» слагается из органической жизни всех его граждан. Каждое индивидуальное злодейство совершается «в ткани» государства, вредит ему и разрушает его живое естество; и каждое доброе, благородное и культурное деяние гражданина совершается в ткани государства, строит и укрепляет его жизнь. Государство не есть какая-то отвлеченность, носящаяся над гражданами; или какой-то «я-вас-всех-давишь», вроде сказочного медведя, который садится на жителей домика и передавливает всех. Государство находится не «там где-то», вне нас (правительство, полиция, армия, налоговое ведомство, чиновничий аппарат); нет, оно живет в нас, в виде нас самих, ибо мы, живые человеческие личности, мы есьмы его «части», или «члены», или «органы». Это участие не сводимо к внешним делам и к внешнему «порядку»; оно включает и нашу внутреннюю жизнь. Но это «включение» состоит не в том, что «мы ничего не смеем», а «государство все смеет»; что мы — рабы, а государство рабовладелец; что гражданин должен жить по принципу «чего изволите?». Совсем нет. Тоталитарное извращение есть явление сразу больное, нелепое и преступное. В государство включаются

(строят его, укрепляют его, колеблют его, совершенствуют его или наоборот разрушают его) — все свободные, частно-инициативные, духовно-творческие, внутренние настроения и внешние деяния граждан. Продумаем это на живых примерах.

Так, инициативная жертвенность граждан может поддержать армию, выиграть войну и спасти государство (северно-русские города и нижегородцы в смутное время). Паника населения во время войны, наводнения, землетрясения, эпидемии — может принести государству непоправимый вред. Политическая клевета, подрывающая доверие к законному Государю, отрывает от него сердца граждан, изолирует его и разрушает государство (по правилу: «поражу пастыря и рассеются овцы»). В стране, где граждане переживают воинскую повинность, как честь, как право, как доблестное служение — мобилизация протекает совсем иначе, чем там, где люди «пальцы режут, зубы рвут, в службу царскую нейдут». Чиновник, честно блюдуший «казенную копейку», строит свое государство; чиновник, бормочущий себе под нос «казна — шатущая корова, только ленивый ее не доит», — есть враг своей страны и своего государства.

Тот день, в который патриотическая верность угаснет в сердцах, будет роковым для государства (февраль-октябрь 1917 г.). Политический организм имеет прежде всего душевно-духовную природу: народ, потерявший чувство духовного достоинства, лишенный ответственности и государственного смысла, отрекшийся от чести и честности, — неизбежно предаст и погубит свое государство. Недаром сказано мудрое слово «мир управляется из детской»: ибо воспитание гражданина начинается именно с детской, чтобы продолжиться в школе и завершиться в академии. Гражданин неотрывен от своего духа и своего правосознания: духовно-разложившийся человек подает на выборах позорный и погибельный бюллетень; человек с деморализованным правосознанием будет вредить своему государству на каждом шагу — неисполнением своих обязанностей, произвольным преувеличением своих полномочий, мелкими правонарушениями и дерзкими преступлениями, взяткой и растратой, избирательной коррупцией и шпионажем. Это не гражданин, а предатель, продажный раб, хотячее криводушие, недопойманный вор. К какому голосованию он способен? Кого он может «избрать» и куда его самого можно выбрать? Что понимает он в делах государства? Недаром сказано мудрое слово: «город держится десятью праведниками»...

Государственное дело совсем не есть «сумма» всех частных претензий, или компромисс личных вождедений, или равновесие «классовых» интересов. Все эти вождедения и интересы — близоруки: они не смотрят ни в государственную ширь, ни в историческую даль. Каждый стяжатель промышляет о «своем» и не понимает, что настоящий гражданин мыслит об общем.

Государственное же дело начинается именно там, где живет общее, т.е. такое, что всем важно и всех объединяет; что или сразу у всех будет, или чего сразу у всех не будет; и если — не будет, то все развалится и упразднится, и все рассыпется, как песок.

Такова совместная и общая безопасность жизни; какова национальная армия; такова честная полиция; таков правый суд; таково верное и мудрое правительство; такова государственная дипломатия; таковы школы, дороги, флот, академии, музеи, больницы, санитарная служба, правопорядок, всяческое внешнее благоустройство и ограждение личных прав. Если это есть «частное вожделение» — то чье же? Если это классовый интерес, то какого же класса? Никакого. Кому же это нужно и полезно? Всем, ибо это общее; в нем все «суть едино». И пока каждый промышляет о себе и вожделет для себя, он не подумает об этом и не создаст этого. И поскольку он не Гражданин, а стяжатель и хапуга; и голосование его по делам государственным будет сплошь траги-комическим недоразумением («учредительное собрание» 1917 года!).

Государство состоит из народа и ведется правительством; и правительство призвано жить для народа и черпать из него свои живые силы, а народ должен знать и понимать это, и отдавать свои силы общему делу. Верное участие народа в жизни государства дает этому последнему его силу. В этом выражается демо-кратическая сила истинной государственности. Слово «демос» означает народ; слово «кратос» выражает силу, власть. Настоящее государство «демократично» в том смысле, что оно черпает из народа свои лучшие силы и привлекает его к верному участию в своем строительстве. Это означает, что должен происходить постоянный отбор этих лучших сил и что народ должен уметь верно строить свое государство.

Не следует думать, будто самый способ этого отбора лучших сил раз навсегда найден и будто этот способ применим во всех странах и у всех народов. На самом деле каждый народ в каждую эпоху своей жизни может и должен находить тот способ, который наиболее подходящ и целесообразен именно для него. Всякое механическое заимствование и подражание может дать здесь только сомнительные или прямо гибельные итоги.

Если же этот качественный отбор не происходит или не удается, то правят неспособные или просто порочные элементы и начинается развал государства. А если народ неспособен верно строить свое государство, — в силу политического бессмыслия, или в силу частного стяжательства, или в силу безволия, или же в силу морального разложения, — то государство или погибнет, или же начнет строиться по типу «учреждения» и «опеки» (см. «Н. З.» 40-41).

Отсюда необходимо сделать вывод: то механическое, количественное и формальное понимание государства, которое осуществляется в западных демократиях, не есть ни единственно-возможное, ни верное. Напротив: оно таит в себе величайшие опасности; оно не блюдет органическую природу государства; оно отрубает публичное право человека от его качества и способности; оно не единит граждан в Общем, а утрясает в компромисс их своекорыстные голоса. Поэтому такая форма «государственности» и «демократии» не обещает России ничего доброго и не подлежит ни заимствованию, ни воспроизведению.

России нужно иное, новое, качественное и зиждительное.

ПАРТИЙНОЕ СТРОЕНИЕ ГОСУДАРСТВА⁹

Казалось бы, что может быть естественнее и драгоценнее в свободном государстве, как не свободное образование партий? Свободные граждане ищут себе единомышленников, находят их, организуются и выставляют на выборах своих кандидатов! Ведь это входит в самую сущность демократии!.. Нет этого — и демократия гибнет... Не так ли?

Однако история последних десятилетий показала, что демократия разваливается именно вследствие ее партийного строения. Если образование партии свободно, то кто же может помешать людям организовать партию, требующую для себя монополии? Не предотвратили этого в России; не помешали этому в Италии; не сумели противостать этому в Германии, в Австрии, в Польше, в Латвии, в Эстонии, в Испании и Португалии. А ныне в Югославии, в Венгрии, в Чехии, в Румынии, в Болгарии и в Китае... А разве Англия при социалистическом правительстве запретила у себя англо-фашизм? А куда тяготеет ход дела в государствах Южной Америки, где партии вот уже полтора-два десятилетия заняты гражданской войной и ныне только и думают о том, чтобы удачно воспроизвести европейские «уроки»? Не в самой ли партийной демократии заложены те начала, которые губят ее, открывая двери то правому то левому тоталитаризму?!..

Мы понимаем, что сторонники партийной свободы охотно замалчивают это вырождение демократии через партийность, эту анти-демократическую эпидемию, захватившую современные демократические государства: им все кажется, что это целый ряд «несчастных случаев» или «возмутительных злоупотреблений», о которых «в порядочном обществе» лучше совсем не упоминать, наподобие того, как в доме повешенного не говорят о веревке. Они боятся выговорить, что современные демократии габнут и разлагаются именно от партийного строения и от

доктринерского либерализма. Боятся и не умеют бороться. А мы попытаемся извлечь из уроков истории ответственные выводы.

Партия есть союз граждан, организовавшихся для того, чтобы захватить государственную власть в свои руки. К этому стремятся все партии — и демократические и антидемократические. Различие между ними в том, что демократы считают нужным соблюдать правила конституции, а анти-демократы склонны пренебрегать ими. Среди этих правил есть писанные и неписанные (традиционные, «само-собою-подразумевающиеся»), соблюдать все — значит «вести честную игру» (по-английски: «фер плей»). Такая игра является, конечно, редким исключением. Так, демагогические обещания, партийное кумовство, непрозрачное или просто темное финансирование, инсинуации против честных людей чужой партии при покрывании собственных безобразий, лишение противников свободного слова в собраниях и все махинации мировой закулисы — никак не составляют «честной» игры, но практикуются более или менее везде в демократических государствах. И вот, демократические партии рвутся к захвату власти дозволенными и полупозволенными путями, а анти-демократические — дозволенными и неподзволёнными средствами. Первые — с тем, чтобы спустя некоторое время возобновить «игру», т. е. борьбу, а вторые — с тем, чтобы уничтожить другие партии и оставить власть за собою «навсегда» (что им, конечно, не удастся).

Само собой разумеется, что тоталитарные партии не заслуживают ни малейшего сочувствия; мы вдоволь нагладелись, как и из кого они слагаются и куда они ведут. Однако теперь нам надо «взять под лупу» не только тоталитарные партии, но идею партии как таковую — принцип партийности вообще.

Политическая партия есть всегда часть целого, малая часть всех граждан, и только; и она сама знает это, потому и называет себя «партией» (от латинского слова «парс» = часть). Но посягает она на гораздо большее, на целое, на власть в государстве, на захват ее. Она стремится навязать государству свою частную (партийную) программу всю целиком, вопреки сочувствию и желанию всех остальных граждан, которые или совсем не высказались (25 проц. абсентеизма на выборах!), или же высказались не в ее пользу. В силу одного этого, каждая партия представляет из себя меньшинство, навязывающее свою волю большинству. И в силу одного этого всякий демократический строй должен был бы допускать только одни коалиционные правительства, которые и должны были бы находить спасительный компромисс между партиями («частями»), для того, чтобы представлять Целое. Но история показывает, что при современном, страстном и распаленном духе партийности — такой сговор достигается лишь с большим трудом: партии не желают друг друга. Таким образом, партийный строй разжигает честолюбие

и партийное соревнование, и «части» оттесняют друг друга от власти. В лучшем случае из этого возникают вредоносные для государства «качели»: правей, левее, правее, левее — независимо от подлинного государственного дела. Коренник топчется на месте, пристяжные по очереди срывают экипаж в свою ближайшую канаву, кучера нет или он растерянно бездействует, а едущие пассажиры с тревогой следят за своевольными пристяжными и ждут своей судьбы...

При этом считается, будто победившая партия получила «большинство» голосов на выборах. Какое же это «большинство»? В лучшем случае — большинство поданных голосов, и притом совсем не всегда — абсолютное большинство оных (больше половины), а иногда и относительное большинство (т.е. больше, чем у других партий). Но редко бывает, чтобы в выборах участвовало больше 75 проц. избирателей; а бывает, что число голосовавших падает до 60 и до 55 проц. всех имеющих право голоса. Тогда власть может захватить партия, получившая от 38 проц. до 28 проц. всех избирателей, а может быть и менее того. И это формально-фиктивное «большинство», т. е. заведомое меньшинство претендует на государственную власть; а в некоторых государствах (Румыния) ему «в виде премии» приписывается на бумаге еще 10-20 проц. голосов («мертвых душ»).

Но если бы даже какая-нибудь партия получила 51-60 проц. голосов всех избирателей, то это «большинство» слагается обычно, даже в самых старых и почтенных демократиях, совсем не из сознательных и убежденных сторонников ее. Статистика выборов давно уже отметила, что дело решается непартийной, колеблющейся, «плавучей» массой, которая не связана с партийной программой, а голосует «по настроению». Так, в Англии — победу всегда дает «полая вода» общественного настроения: то она хлынет направо, и завертятся колеса консервативной мельницы; то — налево, и запрыгают жернова все-перемазывающего социализма. Не поучительно ли, что, например, в Швейцарии из 100 проц. избирателей — только 14 проц. имеют партийную принадлежность, а 86 проц. голосуют «по настроению». И партийные комитеты во всех странах знают это и потому заводят «рыболовную сеть» как можно дальше и шире, чтобы партийно злоупотребить непартийными голосами.

Так «большинство» голосов добывается напором («агитацией») и случаем, властолюбием и демагогией; и как часто оно складывается в силу самых нелепых и нелояльных оснований. Одни поверили демагогическим, почти всегда неисполнимым и невыполняемым обещаниям; другие были подкуплены — перед избирательным помещением прямо выдавались чеки (см. исследование Брайса); третьи голосовали сослепу, по недоразумению или от бестолковости; четвертые потому, что предпочитали

”меньшее из зол»; пятые были застрашены; шестые поддались массовому психозу и т. д.

«Это», скажут нам, «безразлично: он подал бюллетень за нашу партию, а остальное нас не касается... Мы не можем разбирать, почему он голосовал так, а не иначе: от страха, из-за личной выгоды, по убеждению, вследствие невежества или от глупости. И какое нам дело до его правосознания? Важен бюллетень в урне, а не правосознание голосующего»...

И вот — эти-то бреши в живом правосознании и были подмечены и употреблены во зло тоталитарными партиями: если правосознание голосующего безразлично — то почему же не построить выборы на сплошной глупости, лжи, трусости, продажности и порочной демагогии?..

Но, если даже условно «забыть» это все и, сделав глупо-почтительное лицо, согласиться, что такая-то партия «действительно» получила на выборах «боль-шин-ство», то остается еще решить самый глубокий и ответственный вопрос: разве большинство (самое арифметически-точное! самое лояльное!) — есть, действительно, критерий государственной доброкачественности? Разве правота, достоинство, полезность, государственность программы — решается количеством? Разве история не знает таких примеров, ксБгда народ голосовал за тиранов, за авантюристов, за тоталитарные партии, за изгнание лучших людей (Аристид), за смертную казнь для праведника (за смертный приговор Сократу было подано 360 голосов из 500)? Конечно, кто-нибудь может стать на ту точку зрения, что «большинство голосов есть мера добра и зла», «пользы и вреда», «здоровья и болезни», «спасения и гибели»; но вряд ли можно будет признать это воззрение самым умным, вдумчивым и глубоким. Мы спросим себя как русские: не меньшинство ли в стране дало России реформу Петра Великого, освобождение крестьян, земское самоуправление и земельную реформу Столыпина? и не большинство ли голосов было избрано в 1917 году погибельной памяти «учредительное собрание»?

С нас пока довольно! Партийный принцип переживает в современных государствах великий и глубокий кризис. Он сводит политику к количеству и к условным формальностям. Он пренебрегает живым правосознанием, расщепляет государство и растит в народе дух гражданской войны. Мало того: он подготавливает крушение для взлелеявшей его формальной демократии. Мы не сомневаемся в том, что человечество, рано или поздно, вынуждено будет искать новых путей и решений; — и чем скорее начнется это искание, тем лучше.

Но к этому вопросу нам надо будет еще вернуться.

ОТ ДЕМОКРАТИИ К ТОТАЛИТАРИЗМУ¹⁰

В наше время существует довольно распространенный предрассудок, будто демократический строй обеспечивает человеческое общество от тоталитарного режима и будто всякое отступление от демократии в сторону авторитарного строя приближает народы к тоталитаризму. Верно ли это?

Обе эти формы государства, — и авторитарная и демократическая, — хорошо известны нам из истории. Всякое государство, управляемое властью, независимо от народного избрания и контроля, является авторитарным государством: таковы все патриархальные общины, все теократические государства, все диктаториальные республики, все аристократические — наследственные республики, все единоличные диктатуры и все неограниченные монархии. Авторитарный строй не исключает народного представительства, но дает ему лишь совещательные права: глава государства (единоличный или коллективный) выслушивает советы народа, но правит самостоятельно.

Такое авторитарное законодательство и правление отнюдь не ведет к тоталитарному режиму. Тоталитаризм состоит в исключении всей и всякой самостоятельности граждан: их личной свободы, их корпоративной организации, их местного и профессионального самоуправления, их усмотрения в делах личных и семейных, их хозяйственной инициативы и их культурной самостоятельности. Такой (или приближающийся к нему) режим отмечается в истории человечества в виде редкого и кратковременного исключения, в виде проваливающихся опытов, отнюдь не связанных с авторитарной формой государства. Такой режим и не мог быть последовательно проведен до XIX века в силу отсутствия технических условий (железных дорог, телеграфа, телефона, радио, авиации) и административной изоциренности (организация всеобщей зависимости и взаимодонорства); он появился впервые, строго говоря, лишь в XX веке. Для нас поучительна история России: наша страна политически сложилась, окрепла и культурно расцвела при авторитарной форме государства, а ныне нищенствует, терпит унижения, прекратила свой культурный рост и вымирает физически — именно при тоталитарном режиме...

Этот режим определяется тотальным объемом государственного регулирования. А между тем авторитарный строй совсем не покушается на такой объем: он может довольствоваться малым объемом административного вмешательства и совсем не претендовать на всестороннюю навязчивую опеку жизни. Мало того, великие государи всегда стремились приучить граждан к свободной самостоятельности и развязать их инициативу. И когда продажные писаки, желая угодить левым или правым тоталитаристам, начинают приписывать тоталитарные тенденции

Петру Великому, то они обнаруживают только свое невежество и свою лживость. Петр Великий имел одну великую, осознанную им самим, задачу: пробудить творческую инициативу русского человека во всех областях жизни; и то, что он сам называл «приневоливанием народа», было пробуждением его воли к живой самодетельности.

И вот, не следует представлять себе дела так, что авторитарный строй ведет к тоталитаризму, а демократический строй спасает и обеспечивает народы от него. Именно демократический строй может обнаружить склонность к систематическому расширению своего административного захвата. Этот процесс мы и наблюдаем теперь в Европе.

Тяготение к вмешательству во все стороны жизни для властного регулирования ее возникло в истории — или по теократически-церковным мотивам, или же из демократически-социалистических побуждений.

Так, идея всепоглощающего, выдвинутая Платоном (V-VI века до Р. Х.), носила характер теократический (власть бого-созерцающих философов): он хотел подвергнуть регулированию всю жизнь граждан (до собственности, брака, воспитания и музыки включительно). Попытка католического монаха Саванаролы ввести во Флоренции церковно-государственно-принудительную добродетель (1494-1497), носила также теократически-клерикальный характер. — Правление реформата Кальвина в Женеве (1541-1564), пытавшееся подвергнуть государственному регулированию верования, нравы, развлечения, поступки и даже выражение лиц у граждан, и не останавливавшееся перед организацией сыска и доносов, а также перед изгнаниями и казнями (1542-1546 было казнено 58 человек и 75 изгнано) — имело также клерикально-теократический характер. — Такой же характер был присущ и сентиментально-коммунистическому государству иезуитов в Парагвае (XVII-XVIII в.).

С другой стороны, социализм, как хозяйственный, а потом и культурно-бытовой тоталитаризм, носил с самой древности революционно-демократический характер. Таков был уже древне-китайский коммунизм (более чем за 1000 лет до Р.Хр.). — Еще ярче выражена эта тенденция в коммунистическом заговоре Абдаллы Ибн-Маймуна (IX век по Р.Х.), который привел к установлению общности имущества и жен в отдельных местностях Хузистана и Аравии. — Европейский социализм последних веков возрождает эту тенденцию и выступает под флагом революционной демократии. Французской революции (конец XVIII века) с ее демократической диктатурой, с ее террором и тоталитарными тяготениями оставалось сделать только один шаг до полного коммунизма, к которому ее и пытался привести коммунист Бабеф (1797), впрочем, своевременно обезглавленный.

В течение всего XIX века именно революционная демократия Европы, продолжая считать себя демократией, проповедовала и готовила предельное расширение государственно-административного объема, т.е. приближение к тоталитарному режиму; большевики же суть не что иное, как крайнее, волевое и последовательное ответвление этого потока. И ныне, после страшных и показательных опытов левого тоталитаризма в России, а потом и в Польше, Чехии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии и восточной Германии, — именно европейская социал-демократия делает все возможное, чтобы осуществить во всех демократических странах хозяйственный и культурный тоталитаризм (начиная с промышленности и кончая «национализацией» врачебной помощи и т. п.)... Вот почему противопоставление демократии и тоталитаризма — есть предрассудок, иллюзия и ошибка.

Правда, демократическое государство может обнаруживать и свободолюбивые тяготения и отстаивать свободу и самостоятельность граждан; так обстоит ныне в Швейцарии и в Соединенных Штатах. Но демократическое государство может выдвинуть и тоталитарно-настроенное большинство (напр., в Англии, в Швеции), которое и начнет вводить тоталитарно-социалистический режим по всем правилам всеобщего-равного голосования парламентских заседаний и министерств. Об этом и стараются ныне европейские социал-демократы при громких и сочувственных восклицаниях нью-йоркского «Социалистического Вестника». Ибо социал-демократы всех стран являются по их основному замыслу и плану третьей по счету тоталитарной партией мира (после коммунистов и наци-фашистов). И то обстоятельство, что они пытаются осуществить свой левый тоталитаризм в эволюционном порядке и по всем правилам формальной демократии, нисколько не делает их не-тоталитаристами. Тоталитарная каторга, введенная постепенно, не меняет своей природы; и мы отлично помним, какой социал-демократический гнет царил в Австрии перед приходом к власти Дольфуса, и в Латвии — перед приходом к власти Ульманиса.

Итак, демократический строй нисколько не обеспечивает народы от тоталитарного режима. Постепенное введение социализма будет означать переход к диктатуре социалистического большинства, но не забудем, большинства, составленного по условным и искажающим схемам формальной демократии.

Тоталитарную природу социализма начали ныне понимать и среди самих социалистов. Там и сям в их среде стали сконфуженно поговаривать и пописывать, что они-де не хотят «тоталитарности», что они пытаются «сочетать социализм со свободой»; или еще, что они хотят «не социализма», а «свободолюбивых социальных реформ». Но этот растерянный лепет не меняет плана, выношенного за 100 лет. Их товарищи, находящиеся у

власти, делают свое дело, и логика политического развития определит судьбу их тоталитарной затеи.

О ТОТАЛИТАРНОМ РЕЖИМЕ¹¹

Еще тридцать лет тому назад никому и в голову не приходило включать в науку права понятие «тоталитарного» государства; не потому, чтобы идея такого государства никогда не появлялась на горизонте историка (это было бы неверно!), а потому, что такой режим казался невозможным и никто его не злоумышлял. Если бы даже кто-нибудь «выдумал» его (срв. напр, проект Шигалева-Верховенского в «Бесах» Достоевского!), то все сказали бы: нет, на земле не найдется ни таких бессовестных и безумных людей, ни таких чудовищных государственных учреждений, ни таких технических орудий и приспособлений, чтобы осуществить эту всепроникающую, всенасилующую, всерастлевающую политическую машину. Но вот тоталитарный режим стал историческим и политическим фактом, и мы вынуждены с этим считаться: и люди нашлись, и учреждения развернулись, и техника явилась к услугам людей.

Что же такое тоталитарный режим?

Это есть политический строй, беспредельно расширивший свое вмешательство в жизнь граждан, включивший всю их деятельность в объем своего управления и принудительного регулирования. Слово «тотус» означает по-латыни, «весь, целый». Тоталитарное государство есть всеобъемлющее государство. Оно отправляется от того, что самостоятельность граждан не нужна и вредна, а свобода граждан опасна и нетерпима. Имеется единый властный центр: он призван все знать, все предвидеть, все планировать, все предписывать. Обычное правосознание исходит от предпосылки: все незапрещенное — позволено; тоталитарный режим внушает совсем иное: все непредписанное — запрещено. Обычное государство говорит: у тебя есть сфера частного интереса, ты в ней свободен; тоталитарное государство заявляет: есть только государственный интерес, и ты им связан. Обычное государство разрешает: думай сам, веруй свободно, строй свою внутреннюю жизнь, как хочешь; тоталитарное государство требует: думай предписанное, не веруй совсем, строй свою внутреннюю жизнь по указу. Иными словами: здесь управление — всеобъемлющее; человек всесторонне порабощен; свобода становится преступной и наказуемой.

Отсюда явствует, что сущность тоталитаризма состоит не столько в особой форме государственного устройства (демократической, республиканской или авторитарной), сколько в объеме управления: этот объем становится всеохватывающим. Однако,

такое всеобъемлющее управление осуществимо только при проведении самой последовательной диктатуры, основанной на единстве власти, на единой исключительной партии, на монополии работодателя, на всепроникающем сыске, на взаимодополнительстве и на беспощадном терроре. Такая организация управления позволяет придать собственно государственной форме любой вид: советский, федеративный, избирательный, республиканский или иной. Важна не государственная форма, а организация управления, обеспечивающая всеохват; — до последнего закоулка городского подвала, деревенского чулана, личной души, научной лаборатории, композиторской фантазии, больницы, библиотеки, газеты, рыбацкой лодки и церковной исповедальни.

Это означает, что тоталитарный режим держится не основными законами, а партийными указами, распоряжениями и инструкциями. Поскольку законы вообще еще имеются, они всецело подчинены партийным инструкциям. Поскольку государственные органы еще с виду действуют, они слагают только показную оболочку партийной диктатуры. Поскольку «граждане» еще существуют, они суть только субъекты обязанностей (но не прав! не полномочий!) и объекты распоряжений; или иначе: индивидуальные люди суть рабочие машины, носители страха и симулянты сочувственной лояльности. Это есть строй, в котором нет субъектов права, нет законов, нет правового государства. Здесь правосознание заменено психическими механизмами — голода, страха, муки и унижения; а творческий труд — психофизическим механизмом рабского надрывного напряжения.

Поэтому тоталитарный режим не есть — ни правовой, ни государственный режим. Созданный материалистами, он весь держится на животных и рабских механизмах «тела-души»; на угрожающих приказах рабо-надзирателей на их, внушенных им сверху, произвольных распоряжениях. Это не государство, в котором есть граждане, законы и правительство; это социально-гипнотическая машина; это жуткое и невиданное в истории биологическое явление —общества, спянного страхом, инстинктом и злодейством, — но не правом, не свободой, не духом, не гражданством и не государством.

Если же всё-таки говорить о форме этой организации, хотя и неправовой и противоправовой, то это есть рабовладельческая диктатура невиданного размера и всепроникающего захвата.

Правовое государство покоится всецело на признании человеческой личности — духовной, свободной, полномочной, управляющей собою в душе и в делах, т. е. оно покоится на лояльном правосознании. Тоталитарный режим, напротив того, покоится на террористическом внушении. Людям грозит: безработица, лишенчество, разлука с семьей, гибель семьи и Детей, арест, тюрьма, инквизиционные допросы, унижения,

избиения, пытки, ссылка, гибель в каторжном концлагере от голода, холода и переутомления. Под давлением этого всеохватывающего страха им внушается: полная покорность, безбожно материалистическое мироощущение, систематическое доносительство, готовность к любой лжи и безнравственности и согласие жить впроголодь и впрохолодь при надрывном труде. И сверх того, им внушается «пафос коммунистической революции» и нелепое чувство собственного превосходства над всеми другими народами; иными словами: гордыня собственного безумия и иллюзия собственного преуспевания. Под влиянием этого террористического гипноза они заряжаются слепой верою в противоестественный коммунизм, трагикомическим сомнением и презрительным недоверием ко всему, что идет не из (советской! коммунистической!) псевдо-России.

Этот гипноз инфильтрирует и калечит их души — давно, десятилетиями, в поколениях; они уже не замечают его происхождения; они не понимают, откуда в них эта одержимость гордынею, и некоторые из них (слава Богу — не все!), попав за границу, блуждают в таком болезненном, тоталитарном душевном состоянии по лицу земли, никому не доверяя, злобою и презрением встречая более ранних эмигрантов и впадая от времени до времени в припадки болезненного самомнения. Это остатки тридцатилетнего гипноза, которые могут быть лишь постепенно изжиты и преодолены. Таковы своеобразные черты этого болезненного и чудовищного режима.

ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЦИЯ ?¹²

Внимательное чтение русских зарубежных газет и журналов привело нас к выводу, что большинство наших доморожденных федералистов имеет лишь смутное понятие о предмете своих мечтаний: они не понимают — ни юридической формы федерации, ни условий возникновения здорового федерализма, ни истории федеративной государственности. Видят во всем этом некую завершительную форму «политической свободы», которая якобы должна всех удовлетворить и примирить; и по старой русской привычке решают: «чем больше свободы, тем лучше!». И потому федерация заносится ими в список «всего высокого и прекрасного» и вписывается в программу российского оздоровления.

Установим прежде всего юридическую природу федерации.

Латинское слово «федус» означает договор и союз, и, далее — порядок и закон. В науке государственного права федерацией называется союз государств, основанный на договоре и учреждающий их законное, упорядоченное единение. Значит, федерация возможна только там, где имеется налицо несколько самостоя-

тельных государств, стремящихся к объединению. Федерация отправляется от множества (или, по крайней мере, от двойцы) и идет к единению и единству. Это есть процесс отнюдь не центробежный, а центростремительный. Федерация не расчленяет (не дифференцирует, не разделяет, не дробит), а сочленяет (интегрирует, единит, сращивает). Исторически это бывало так, что несколько малых государств, уже оформившихся политически и попытавшихся вести независимую жизнь, убеждались в том, что внешние опасности и внутренние трудности требуют от них единения с другими такими же государствами — сочленения, сращения, интеграции. И вот они образовывали единое государство, заключая друг с другом договор о том, в чем именно будет состоять это единение и в каком законном порядке оно будет осуществляться. Это единение обычно провозглашается как «вечное».

Так именно было в Швейцарии, где в борьбе с сильными соседями сначала, в 1291 году, стратегически объединились малые государства (кантоны) Ури, Швиц, Нидвальден и Обвальден и написали затем «союзную грамоту». В 1332 году к их федерации присоединился кантон Люцерн. В 1352 году примкнул Цюрих, Гларус и Цуг. В 1353 году примкнул «навек» Берн. В 1415 году был отвоеван у Австрии и присоединен кантон Ааргау. С этого года «швейцарское клятво-товарищество» начало свои ежегодные федеральные съезды. Ныне таких кантонов (с полу-кантонами) насчитывается всего 26.

Так объединились гораздо позже и Соединенные Штаты. Их было сначала 13 английских колоний, самостоятельных друг от друга, причем каждая из них уже имела «свою особую — политическую и конституционную — историю». В 1775 году они объединились стратегически в борьбе с Англией. В 1781 и затем в 1787 году эти штаты выработали свою федеральную конституцию, т.е. объединились уже и государственно. К ним потом присоединилась купленная у французов Луизиана. У России была куплена Аляска. У Мексики были отвоеваны «территории», у Испании — Антильские острова. Ныне федеративное государство состоит из 47 штатов, трех «территорий» и ряда колоний.

В аналогичном порядке объединились в 1871 году 25 германских независимых государств и вольных городов, в течение столетий ведущих самостоятельную политическую жизнь. Они создали единую Германию как «вечную конфедерацию».

В 1867 году объединились в «единую и независимую державу, под именем Канады», три английских провинции Северной Америки (Канада, Новая Шотландия и Новый Брауншвейг).

В 1885-1886 году, под английским суверенитетом федеративно объединились в государство «Австралазия» — шесть австралийских колоний, Новая Зеландия и Острова Фиджи.

Таково типичное возникновение классического федеративного государства: снизу — вверх, от малого — к большому, от множества — к единству; это есть процесс политического срастания, т.е. целесообразное движение от разрозненности ко взаимопитающему единению. При этом федеральные конституции устанавливаются, в чем именно политически-срастающиеся малые государства сохраняют свою «самостоятельность» и в чем они ее утратят; обычно самостоятельность предоставляется им во всем, что касается каждого из них в отдельности и что не опасно для единства. И вот, если впоследствии союзное государство начинает превышать свою компетенцию и вмешиваться в местные дела, сторонники местной самостоятельности ссылаются на федеральную конституцию и говорят: «Мы федералисты! У нас не унитарное государство, а федеративное! Да здравствует законно признанная местная самостоятельность!» Отсюда идея «федерализма» получает помимо своего главного, объединяющего и центростремительного значения — еще и обратный оттенок: неугасшей самобытности частей, их самостоятельности в законных пределах, их органической самодеятельности в недрах большого союза. Важно отметить, что этот «обратный оттенок» имеет смысл не юридический, а политический, ибо он касается не конституционной нормы, а ее практического применения и осуществления.

Установим далее, что федерация совсем не есть ни единственный, ни важнейший способ срастания малых государств друг с другом. История показывает, что малые государства нередко сливались в единое большое — не на основе федерации, а на основе поглощения и полного сращения в унитарную державу.

Вспомним, как Франция в три-четыре столетия срослась в современное единство, состоя первоначально из одного королевства, одного курфюршества, 26 герцогств, 6 княжеств, одного маркграфства, одного вольного графства, 77 графств, 19 вице-графств, 14 «владений», одного «маркизата», одного «капталата» и 13 духовных владений (из которых некоторые отошли потом к Германии и Швейцарии). Революционный «жирондизм» был последней вспышкой распада во Франции. К началу 19 века от всего этого множества государств не осталось почти и «швов».

Италия еще в середине 19 века (1815-1866) состояла из королевства обеих Сицилий, Ломбардско-Венецианского Королевства (под Австрией), Королевства Сардинского, Герцогства Савойского, Великого Герцогства Тосканского, Герцогства Моденского, Герцогства Пармского, Княжества Пьемонта и

Церковного Государства. Давно ли это было? И где же это все теперь? В единой Италии остались одни «названия» и «титулы»!

История хранит еще память о том, что Испания несколько сот лет тому назад распадалась на три королевства: Кастилию, Арагонию и Гренаду; что имелись на ее территории и другие государства — Астурия, Леон, Наварра, Маркграфство Барселона... Все давно уже срослось в единую Испанию.

Еще хранит кое-какие политические швы сросшаяся воедино на своем острове Великобритания.

Во всех этих случаях малые государства объединились, не федерируясь, а поглощаясь одним из них или сливаясь. Нации ассимилировались и народы заканчивали период политической дифференциации и полугражданских войн — унитарной политической формой. Глупо и смешно говорить, что унитарная форма государства уходит в прошлое. Нелепо утверждать, что все современные «империи» распадаются: ибо одни распадаются, другие возникают. Так всегда и было: вспомним хотя бы историю Испании, Португалии, Голландии, Англии, Германии, Турции и Италии.

Таким образом, история знает два различных пути при возникновении более крупных держав. Оба начинаются с нескольких или многих отдельных государств. Один путь — договорного объединения (федерации); другой путь — политического включения, экономического и культурного срастания в унитарное государство.

Однако, наряду с юридически-прочными и политически-жизнеспособными союзами государств, история знает еще и мнимые, фиктивные «федерации», не возникавшие в органическом порядке — снизу, а искусственно и подражательно насаждавшиеся сверху. Мы называем их «псевдо-федерациями».

ЖИЗНЕННЫЕ ОСНОВЫ ФЕДЕРАЦИИ¹³

Всякий серьезный и ответственный политик знает, что государственная форма вырастает в жизни народа исторически и органически и что она всегда обусловлена его индивидуальными особенностями: внешними — его размерами, его климатом, его географическими данными, его расовым и племенным составом и т. д.; и внутренними — его верою, его душевными дарами, его правосознанием, его моралью и т. д. Нет и не может быть конституций одинаково подходящих разным народам. И когда мы, рассеянные по всему миру, слышим иногда такие «умные» предложения: «введите вы у себя в России федеративную республику с референдумом!», то мы всегда спрашиваем себя, по наивности нам это предлагают или из желания повредить

России? Что иному народу здорово, то может быть для русского смертью.

Федеративный строй имеет свои основы, вне которых он или останется «на бумаге», или превратится в гибельную «псевдо-федерацию» (см. Н. З. номер 69 и 70¹⁴), разлагая и ослабляя страну и вызывая бесконечные внутренние трения, перевороты, гражданские войны и смуты.

1. Первая основа федеративного строя состоит в наличии двух или нескольких самостоятельно-оформленных государств. Где их нет, там о федерации не следует и говорить. Это они договариваются друг с другом о соединении в одно большое политическое «тело». Каждое из них должно быть или совсем самостоятельным, как это было в Германии, или они должны провозгласить свою независимость и начать борьбу за нее, как это было в Швейцарии и в Соединенных Штатах; или же они должны, в качестве колоний, лояльно испросить согласия у своей метрополии, как это было с австралийскими колониями Англии. Но каждое из них должно быть консолидированной государственной общиной, успешно создавшей у себя власть, единство и правопорядок. Политические амебы, кочевые пустыни, фиктивные «якобы-государства», вечно мятущиеся и политически-взрывающиеся общины (соответствующие невменяемым сумасшедшим) — не могут федерироваться: это величины бесформенные, безответственные, невменяемые, неспособные ни заключить государственный договор, ни соблюсти его. Заключать с ними договор было бы нелепым делом: они подлежат не федерации, а культурной оккупации и государственному упорядочению. Такова и бывает их историческая судьба.

2. Эти оформленные государства должны быть сравнительно невелики, настолько, чтобы единое, из них вновь возникающее государство имело жизненно-политический смысл. Из известных миру федераций — маленькой Швейцарии было легче всего; большим Соединенным Штатам — труднее всего. Но уже Швейцария упорно отказывается от приема новых «кантонов». Состоится ли вхождение Канады в состав Соединенных Штатов — это очень сомнительно. Обще-африканская федерация была бы сущей нелепостью; также и обще-азиатская. Есть территориальные, этнические и хозяйственные размеры, при которых федеративная форма совсем не «рентруется»: она становится не облегчением порядка, безопасности жизни и хозяйства, а нелепым затруднением. Именно поэтому ни один серьезный и опытный политик никогда не мог поверить Советии, будто она осуществляет «федеративный строй». Поэтому и слова «всемирный советский союз» звучат сразу юридической глупостью и политическим обманом. Чем больше территория, чем многочисленнее население, чем разнообразнее составляющие его народы, чем сложнее и крупнее державные задачи — тем труднее осуществить

федеративную форму государства, тем выше и крепче должно быть правосознание в стране. И потому есть условия, при которых требование федерации равносильно началу антифедеративного расчленения.

3. Далее, договаривающиеся государства должны реально нуждаться друг в друге — и стратегически, и хозяйственно, и политически; иначе федерация не сложится или не удержится. Федерации вообще не выдумываются и не возникают в силу отвлеченных «идеалов»: они вырастают органически. Но мало взаимной нужды и пользы: нужно, чтобы народы поняли эту нужду, признали эту пользу и захотели этого единения. История знает примеры, где малые государства не могли существовать друг без друга, но признать этого не хотели, объединиться не умели и гибли от гражданских войн (Пелопонесская война) или от завоевания (Удельная Русь). Там, где центробежные силы превышают центростремительные и где малые государства неспособны к объединению, там ищут спасения не в федеративной, а в унитарной форме!

От рапада далеко не всегда спасает и единство: национальное, языковое, культурное и религиозное. Национальное, языковое и культурное единство облегчило федерацию в Германии; но не спасло ни греков, ни русских. Если же имеется налицо множество национальностей, различных по языку, по крови, по религии, то федеративное объединение их будет почти невероятным. Маленькую Швейцарию (с четырьмя национальностями и языками и со многими религиями) спасли три фактора: исконное свободолюбие, нажим соседей и горы. Но Кавказ не знал федерации, его племена боролись на смерть и сдавались порознь... А история знает множество истребленных народов, не нашедших пути к договорному единению с другими.

4. Есть государственные формы, осуществимые при примитивном, наивном и шатком правосознании. Так унитарное государство гораздо меньше зависит от уровня народного правосознания, чем федеративное; авторитарное государство гораздо меньше вовлекает граждан в свое строительство, чем демократическое. Но именно поэтому федерация и демократия возможны только там, где в народе воспитано чувство долга, где ему присущи свободная лояльность, верность обязательствам и договорам, чувство собственного достоинства и чести, и способность к общинному и государственному самоуправлению. Там, где царит южно-американское правосознание — демократия становится своей карикатурой, а федерация — или пустым звуком или началом распада. Союз государств заключается на верность и навеки: он не признает ни «свободного выхода», ни измены; он скрепляется клятвой; он ненарушим; он не может состоять из интригующих предателей и подкупных полупредателей; он не возможен между мелкими народами, боле-

ющими политическим тщеславием, манией величия и ненавистью. Такой союз государств будет эфемерным: он или будет заменен унитарной формой, или же погубит всех своих участников и погибнет сам...

5. Наконец, федерация возможна только там, где народу (или народам) присуще искусство соглашения и дар политического компромисса.

Всякая повышенная склонность к разногласию, к влюбленности в свое личное мнение, к упорству на «своем», к тщеславию и самолюбию, к заносчивому властолюбию, к самодурству, к партийности и дроблению — неблагоприятна для федерации. Народу с авторитарным мышлением (Германцы) федерация дается гораздо легче, чем народу с анархической мыслью. Чем сильнее душевная, религиозная, хозяйственная и национальная дифференциация (многообразие) в стране, тем безнадежнее обстоит дело с федеративной формой.

Искусство соглашения — требует волевой дисциплины и патриотической преданности общему делу. Дар политического компромисса, — способность «отодвинуть» несущественное и объединиться на главном, — воспитывается веками. Нет их — и все будет завершаться «драками новгородского веча»: «уличанскими», «кончанскими» и «общими» (или же соответственно — гражданскими) войнами.

Таковы жизненные основы федерации. О чем же думают зарубежные федералисты из состава эмиграции? О чем угодно, но только не о национально-исторической, духовно самобытной и культурно-творческой России.

ИЗЖИВАНИЕ СОЦИАЛИЗМА¹⁵

Было время, когда среди русской интеллигенции господствовало воззрение, что «порядочный человек не может не быть социалистом» и что «только социализм» осуществит на земле свободу, равенство, братство и справедливость. С тех пор мы много пережили и перестрадали; опыт осуществлен и последовательно проведен в огромном масштабе. Ныне мы должны судить на основании этого опыта. Мы увидели социализм в жизни и поняли, что он осуществим только в форме всепроникающего и всепорабощающего тоталитарного режима.

Социализм прежде всего угашает частную собственность и частную инициативу. Погасить частную собственность значит водворить монопольную собственность государства; погасить частную инициативу значит заменить ее монопольной инициативой единого чиновничьего центра. Так обстоит не только в России: и в Западной Европе, всюду, где проводится советский

социализм (Польша, Чехия, Венгрия, Румыния, Болгария, Югославия, Албания, Восточная Германия) или социализм Второго Интернационала (Франция, Англия), всюду вырастает (быстро или медленно) монополярная собственность государства и слагается монополярная инициатива единого чиновничьего центра. В этом — самая сущность социализма.

Это ведет неизбежно к монополии государственного работодателя и создает полную и бесповоротную зависимость всех трудящихся от касты партийных чиновников. Знаменитый французский социолог Густав Лебон был прав, предсказывая этот ход развития. Чтобы осуществить государственно-централизованный хозяйственный план, эта каста вынуждена силою вещей овладеть всею хозяйственной деятельностью страны, а потом и политической, и культурной жизнью народа и ввести тоталитарный строй. В тоталитарном же строе — нет ни свободы, ни равенства, ни братства, ни справедливости. Мы видели в жизни — и левый, и правый тоталитаризм. С нас достаточно. Пустые мечты и политические сказки предоставим детям и агитаторам.

Почему русская интеллигенция тянула прежде к социализму? Потому, что она, почти утратив христианскую веру (под влиянием западного рассудочного «просвещения»), удержала христианскую мораль и хотела социального строя; т. е. свободы, справедливости и братства (к коим она по недоразумению пристегивала и равенство). Ей внушали и она воображала, будто социализм есть единственно-верный путь к социальному строю. Ныне наступает новая эпоха, которая положит в основание другое воззрение, а именно: социализм — антисоциален; искать социальности надо в ином, новом, несоциалистическом строе.

Социализм антисоциален потому, что он убивает свободу и творческую инициативу; уравнивает всех в нищете и зависимости, чтобы создать новую привилегированную касту партийных-чиновников-угнетателей; проповедует классовую ненависть вместо братства; правит террором, создает рабство и выдает его за справедливый строй. Именно потому истинную социальность (свободу, справедливость и братство) надо искать в несоциалистическом строе. Это не будет «буржуазный строй», а строй правовой свободы и творческой социальности.

Мы не сомневаемся: пройдут года прежде, чем это воззрение станет господствующим в человечестве. Ибо пропаганда социализма велась слишком долго; из социализма сделали какой-то суррогат религии; социалистические партии и теперь еще выдают свой строй за единственный путь к счастью и демагогируют рабочих; а коммунисты стали партией ожесточившегося безумия, мирового разложения и завоевания. Все это надо изжить, во всем этом надо разочароваться, от всего этого надо отречься. Однако, те социалисты, которые ныне одумались —

предпочитают сохранять название своей программы и потихоньку вложить в нее другое, более приемлемое и не столь тоталитарное содержание. У них нет необходимого мужества для отказа, пересмотра и вступления на новый путь.

Силою вещей наша многострадальная Россия идет в этом изживании, разочаровании и передумывании впереди всех. Если бы русский народ был сейчас свободен и услышал вновь проповедь социализма (т. е. левого тоталитаризма), то ответ его был бы наверное недвусмыслен и стихлен.

Мы, русские христиане, по-прежнему будем искать в России социального строя. Однако на основах частной инициативы и частной собственности, требуя от частного-инициативного хозяйства, чтобы оно блюло русские национальные интересы и действительно вело к изобилию и щедрости, а от частных собственников — справедливого и братского хозяйствования.

Знаем, что для этого необходимы: предпринимательский и организационный талант, живое чувство справедливости и органическая христианская доброта сердца. Талантом нельзя снабжать людей; однако, возможно создать такие правовые и экономические условия, при которых бездарный предприниматель будет сам выключаться из хозяйства. Чувство справедливости нельзя ввести законом, но его должно воспитывать и контрольно карать всякую явную несправедливость (введение особой социальной ответственности, слабые начатки которой мы видели в фабричной инспекции). И доброту нельзя предписать; но ее надо укреплять и воспитанием и организацией общественного мнения.

СОЦИАЛЬНОСТЬ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?¹⁶

Эти два понятия отнюдь не совпадают. «Социальность» — это живая справедливость и живое братство людей; и потому всякое установление, всякий порядок, всякий закон, от которых жизнь становится справедливее и братство крепнет, — «социальны». Понятно, что первое условие «социальности» — это бережное отношение к человеческой личности: к ее достоинству, к ее свободе. Порабощение и унижение человека исключает «социальность», ибо социальность есть состояние, духа и порядок духовной жизни; говорить о социальности, унижая человека, делая его рабом — нелепо и лицемерно. Сытые холопы остаются холопами; роскошно одетые и в комфорте живущие рабы не перестают быть рабами и становятся тупыми, развратными и самодовольными рабами. Режим угроз, страха, доносов, шпионажа, лести и лжи никогда не будет социален, несмотря ни на какую возможную «сытость». Человеку нужны, прежде всего, —

достоинство и свобода; свобода убеждений, веры, инициативы, труда и творчества. Только достойный и свободный человек может осуществить живую справедливость и живое братство. Рабы и тираны всегда будут хотеть другого и проводить в жизнь обратное.

Это коварный обман — обещать людям под именем «социализма» справедливость и братство и потом отнять у них достоинство, свободу, способность к братству и путь к справедливости. Именно так поступили в наше время социалисты (в их коммунистическом облики) и они могут быть уверены, что человечество никогда не забудет им этого.

Итак, «социальность» есть цель и задача государственного строя, создаваемого по слову Аристотеля, «ради прекрасной жизни». «Социализм» же есть только один из способов, предложенных для осуществления этой цели и этой задачи. «Социальность» нужна при всяких условиях; а «социализм» — только при том условии, если он действительно осуществляет «социальность».

«Социальность» завещена нам Евангелием как любовь к ближнему, основанная на любви к Богу; но о социализме в Евангелии нет ни слова, ибо раздача личного имущества и нестяжательность, как высшая ступень христианской добродетели, — не имеет ничего общего с социализмом. Социализм не раздает из любви, а отнимает из ненависти и зависти; он есть разновидность земного стяжательства; он ищет коллективного обогащения и для этого создает личное нищенство для всех; он сулит всем равное потребительное богатство — и обманывает.

Первые христиане попытались достигнуть «социальности» посредством своего рода добровольной складчины и жертвенно распределительной общности имущества; но они скоро убедились в том, что и такая элементарная форма непринудительной негосударственной имущественной общности — наталкивается у людей на недостаток самоотречения, взаимного доверия, правдивости и честности. В Деяниях Апостольских (4,34-37; 5,1-11) эта неудача описывается с великим объективизмом и потрясающей простотой: участники складчины, расставаясь со своим имуществом и беднея, начали скрывать свое состояние и лгать, последовали тягостные объяснения с обличениями и даже со смертными исходами; жертва не удавалась, богатые беднели, а бедные не обеспечивались; и этот способ осуществления христианской «социальности» был оставлен как хозяйственно несостоятельный, а религиозно-нравственно — неудавшийся. Ни идеализировать его, ни возрождать его в государственном масштабе нам не приходится.

Общность имущества вообще есть дело претрудное и требующее легкой и свободной добровольности. Но именно

добровольную общность не следует смешивать ни с социализмом, ни с коммунизмом (как делают анархисты-коммунисты).

Неразделенный крестьянский двор, где ссорятся две-три семьи — не есть образец социализма. Добровольную общность части имущества мы наблюдаем в артели, в ученом обществе, у студенческой организации, у скаутов, у Соколов, в кооперативе, в акционерной компании и т.д. Во всем этом нет никакого социализма, ибо это есть общность добровольная, не отменяющая частную собственность и могущая быть прекращенною. Социализм же принудителен, окончателен, бессрочен и враждебен частной собственности.

Элемент социализма имелся в русской крестьянской общине, государственно-принудительной, бессрочной и ограничивающей свободное распоряжение землей. Община казалась целесообразной и «социальной» потому, что связанные ею крестьяне старались преодолеть ее отрицательные стороны справедливым распределением пользующей земли и несомого бремени (передель по едокам и круговая порука). Но на деле это повело к аграрному перенаселению в общине и по всей стране, к экстенсивности и отсталости крестьянского хозяйства, к стеснению и подавлению личной хозяйственной инициативы, к аграрным иллюзиям в малоземельной крестьянской среде и потому к нарастанию революционных настроений в стране; ибо замаринованные в общине крестьяне воображали, будто в России имеется неисчерпаемый запас удобной земли, который надо только взять и распределить, — тогда как осуществившийся в начале революции «черный передел» дал им на самом деле прирезок в две пятых одной десятины на душу (чтобы затем отнять у них и все остальное).

История показывает, что с социализмом всегда связывались всевозможные иллюзии и самые необоснованные надежды. Наша эпоха призвана разрушить эти иллюзии, погасить эти надежды.

Разъединенные телом и душой, духом и инстинктом самосохранения, — люди способны выносить общность имущества лишь постольку, поскольку им удастся преодолеть это разъединение любовью, дружбой, совестью, щедростью, личным благоволением, духом, внутренней дисциплиной и, главное, добровольным согласием.

При всяких иных условиях общность имущества будет вести только к разочарованию, вражде, насилию, воровству и хозяйственным неудачам. Она будет создавать каторжный, тоталитарный режим, всеобщее рабство и падение культуры. Современному человечеству, захваченному социалистическими иллюзиями, придется все это изживать до протрезвления.

В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ¹⁷

Сколь бы разрушительны и свирепы ни были проявления русской революции, как бы ни попирала она всякую свободу и всякую справедливость, — мы не должны упускать из вида, что русский народ пошел за большевиками в смутных и беспомощных поисках новой справедливости. «Старое» — казалось ему несправедливым; — «новое» манило его «справедливостью». К этому присоединились, конечно, и не благие побуждения: жадность, мстительность, злоба, честолюбие и т. д.; но за потакание этим страстям русский народ был жестоко, невообразимо наказан самою революцией. И вот, верно понять революцию значит понять ее не только как наказание злой воли, но и как заблуждение доброй воли. И вывести русский народ из революции сумеет лишь тот, кто вернется к первоначальным поискам справедливости и восстановит эту старую традицию русской души и русской истории.

Русский народ должен быть возвращен к этим поискам. Он должен покаянно осознать выстраданное им заблуждение, — свою беду, свою кару и свой грех. Он должен увидеть впереди иные, новые творческие пути, действительно ведущие к справедливости, — пути, указанные христианством, но доселе не найденные и не пройденные человечеством. Он должен понять, что именно дурные страсти подготовили его порабощение, ибо они ожесточили его сердце, разложили его ум, подорвали его государственную волю и обессилили его инстинкт государственного самосохранения. Ожесточившись, он пошел за безбожием, бессовестностью и бесправием, а они только и могли привести его к вящей несправедливости.

Однажды все народы поймут, что социализм и коммунизм вообще ведут не к справедливости, а к новому неравенству и что равенство и справедливость совсем не одно и то же. Ибо дело в следующем.

Люди от природы не равны: они отличаются друг от друга — полом и возрастом; здоровьем, ростом и силою; зрением, вкусом, слухом и обонянием; красотой и привлекательностью; телесными умениями и душевными способностями — сердцем и умом, волею и фантазией, памятью и талантами, добротой и злобой, совестью и бессовестностью, образованностью и необразованностью, честностью, храбростью и опытом. В этом надо убедиться; это надо продумать — раз навсегда и до конца.

Но, если люди от природы не одинаковы, то как же может справедливость требовать, чтобы с неодинаковыми людьми обходились одинаково... Чтобы им предоставляли равные права и одинаковые творческие возможности... На самом деле справедливость совсем и не требует этого; напротив, она требует, чтобы права и обязанности людей, а также и их творческие возмож-

ности предметно соответствовали их природным особенностям, их способностям и делам. Так, именно справедливость требует, чтобы законы ограждали детей, слабых, больных и бедных. Именно справедливость требует, чтобы способным были открыты такие жизненные пути, которые останутся закрытыми для неспособных. («Дорогу честности, храбрости, уму и таланту»). Подоходный налог устанавливает справедливое неравенство; напротив, «партийный билет» коммуниста устанавливает несправедливое неравенство.

Уравнивать всех и во всем — несправедливо, глупо и вредно. Но это не значит, что всякое неравенство будет справедливым. Есть несправедливые преимущества (напр. — безнаказанность влиятельных чиновников); но есть и справедливые преимущества (напр. — трудовые льготы беременным женщинам).

Бывают верные, справедливые неравенства (т. е. преимущества, привилегии, послабления, ограждения), но бывают и неверные. И вот, нередко люди, возмущаясь чужими, неверными привилегиями («это несправедливо»), начинают восставать против всяких привилегий вообще и требовать всеобщего равенства. Это требование несправедливо; оно проистекает из ожесточенного, и потому ослепшего сердца, а ожесточенное сердце не видит человеческого разнообразия и начинает «приводить всех к одному знаменателю».

Но помимо этого всеобщее уравнивание вредно и в жизненном отношении; уравнивать всех «наверх» (т. е. сделать всех одинаково образованными, хорошо одетыми, богатыми и здоровыми) — невозможно. Всякое преднамеренно-быстрое уравнивание может двигаться только «вниз», понижая общий уровень (т. е. делая всех одинаково необразованными, плохо одетыми, бедными или больными). К этому и стремилась коммунистическая революция; чтобы не было капиталистов и «кулаков», она делала всех нищими; чтобы не было профессиональной касты ученых, она наводняла профессорский состав невеждами и болтунами, и этим насаждала всероссийское невежество. И так от коммунистического равенства русские люди становились полубольными, оборванцами, измученными, нищими и невеждами — они все теряли и не выигрывали ничего.

Однако опыт революции выяснил еще и то, что такое уравнивание на самом деле просто неосуществимо. Никакие человеческие меры, никакой террор не может сделать людей «одинаковыми» и стереть их природные различия; люди рождаются, растут и живут — неравными от природы; а равное обхождение с неравными людьми создает только мучительные для них и нравственно отвратительные несправедливости. Революционное уравнивание «вниз» ведет к тому, что худшие люди (карьеристы, симулянты, подхалимы, люди беспринципные, бессовестные, продажные, «ловчи́лы») выдвигаются вперед и вверх, а лучшие

люди задыхаются и терпят всяческое гонение (по слову Шмелева: «гнус наверху, как пена, а праведники побиваются камнями»). В результате этого худшие сплачиваются в новый привилегированный слой («партия») и создают новое, обратное неравенство, — беспомощность обнищавшего народа перед всемогущим партийным чиновником, политическим доносчиком и палачом.

Отсюда уже ясно, что справедливость не только не требует уравнивания, а наоборот: она требует жизненно-верного, предметного неравенства. Надо обходиться с людьми не так, как если бы они были одинаковыми от природы, но так, как этого требуют их действительные свойства, качества, и дела, — и это будет справедливо. Надо предоставлять хорошим людям (честным, умным, талантливым, бескорыстным) больше прав и творческих возможностей, нежели плохим (бесчестным, глупым, бездарным, жадным), — и это будет справедливо. Надо возлагать на людей различные обязанности и бремена: на сильных, богатых, здоровых — большие, а на слабых, больных, бедных — меньшие, — и это будет справедливо. Если два человека совершат по видимости одно и то же преступление, но один совершит его по злобе, а другой по легкомыслию, то справедливость потребует для них не одинакового, а различного наказания. И так во всем.

Так мы должны осмыслить и русскую историю. Освободить крестьян от крепостного права надо было не потому, что «все люди равны», а потому, что привилегия душевладения была несправедлива, жизненно вредна и для обеих сторон унижительна. Провести аграрную реформу Столыпина надо было именно для того, чтобы освободить крестьян от принудительного, арифметического (душевого) уравнивания в общине и развязать их творческие, от природы неравные трудовые силы. Отменить во имя равенства жизненные, предметно-обоснованные и потому справедливые привилегии, связанные с образованием, с организационным талантом и опытом, и поставить во главе русского государства и хозяйства невежественных коммунистов и бездарных «выдвиженцев» — могли только ослепшие от классовой ненависти революционеры; и вредоносные последствия этой меры вопиют к небу вот уже тридцать с лишним лет. Только от зависти или ненависти можно требовать вместо справедливости — нового, обратного неравенства и восхвалять его как высшее достижение. «Вот так-то, сударыня», говорила угольщица маркизе во время одной из французских революций, — «теперь все будут равны: я буду ездить в вашей карете, а вы будете торговать углем»... Ибо на самом деле справедливость требует — жизненно-верного, предметного неравенства: — в одном случае привилегии, в другом — лишения прав; в одном случае — наказания, в другом — прощения; в одном случае полновластия, в Другом — безоговорочного повиновения. И пока люди не поймут этого, пока они будут настаивать, вслед за Французской

Декларацией Прав, на всеобщем равенстве, — им не понять и не осуществить справедливости.

Равенство — однообразно. Оно не считается с жизненной сложностью и человеческими различиями. Но именно потому оно отвлеченно, формально и мертво. Оно не видит живого человека и не желает его видеть.

Справедливость же многообразна. Она знает, что жизнь бесконечно сложна и что одинаковых людей нет. Именно поэтому она не отвлеченна и не формальна, а конкретна и жизненна. Она всматривается в живого человека, стремится верно увидеть его и предметно обойтись с ним.

Равенство нуждается в формальных правилах и удовлетворяется ими. При этом сторонники равенства воображают, что простое, формальное соблюдение этих правил—ведет к справедливости. На самом деле последовательное и мертвое законничество всегда ведет к несправедливости («суммум юс — сумма инъюриа»).

Напротив, справедливость невозможно ни найти, ни водворить на основании формальных правил, ибо она требует живого созерцания разнообразной жизни. Поэтому невозможно придумать такие справедливые законы, которые годились бы для всех времен и народов; но невозможно также обеспечить справедливый строй и в какой-нибудь одной стране — силою одних законов. Всякий закон есть отвлеченное правило. Никакой закон не может уловить и предусмотреть всю полноту и все разнообразие жизни. Поэтому он по необходимости условно уравнивает людей, связывая с известными, отвлеченно указываемыми свойствами и делами их (если таковые окажутся в действительности — напр., «мужчина», «такого-то возраста», «телесно здоровый», «душевно-нормальный»; — или: «укравший», «ударивший», «убивший», «дезертировавший» и т. д.)—известные полномочия, обязанности или наказания. Но между законом и живым человеком стоит еще применение закона (административное или судебное), т. е. подведение конкретного жизненного случая под отвлеченное правило. И вот здесь-то и должно развертываться истинное царство справедливости.

Это отнюдь не значит, что условно-уравнивающие законы безразличны для справедливости; но от них нельзя требовать слишком многого. От законов надо требовать: 1. Чтобы они не устанавливали несправедливых привилегий — послаблений, ограждений, бесправий, угнетений, а также несправедливых уравниваний. 2. Чтобы все устанавливаемые ими неравенства заведомо не попирали справедливости. 3. Чтобы они вводили такие способы применения права (в управлении, самоуправлении и суде), которые с одной стороны гарантировали бы от произвольного и непредметного применения закона, а с другой стороны требовали бы от чиновников, научали бы их и предо-

ставляли бы им возможность вводить повсюду поправки на справедливость.

Ибо справедливость не обеспечивается общими правилами; она требует еще справедливых людей. Она требует не только удовлетворительных законов, но еще живого человеческого искания и творчества. Если в стране нет живого и справедливого правосознания, то ей не помогут никакие и даже самые совершенные законы. Тут нужны не «правила», а верное настроение души — необходима воля к справедливости. А если ее нет, то самые лучшие законы, начертанные мудрецом или гением, будут только прикрывать язвы творимых несправедливостей.

Нам необходимо понять, что справедливость не дается в готовом виде, и не водворяется по рецепту, а творчески отыскивается, всенародно выстрадывается и взращивается в жизни. Нет готового справедливого строя, который оставалось бы только ввести («анархия», «социализм», «коммунизм», «кооперация», «фашизм», «корпоратизм» и т. п.). Безнадежны и нелепы все подобные надежды и обещания. Справедливое в одной стране может оказаться несправедливым в другой. Справедливое в одну эпоху может впоследствии превратиться в вопиющую несправедливость.

Справедливость есть великое и вечное всенародное задание, которое неразрешимо «раз навсегда». Это задание подобно самой жизни, которая вечно запутывает свои нити и узлы, и вечно требует их нового распутывания. И распутывать эти нити, и развязывать эти узлы — должны не одни законы и не одни правители, а весь народ сообща, в непрерывном творческом искании и напряжении.

О ФАШИЗМЕ¹⁸

Фашизм есть явление сложное, многостороннее и, исторически говоря, далеко еще не изжитое. В нем есть здоровое и больное, старое и новое, государственно-охранительное и разрушительное. Поэтому в оценке его нужны спокойствие и справедливость. Но опасности его необходимо продумать до конца.

Фашизм возник как реакция на большевизм, как концентрация государственно-охранительных сил направо. Во время наступления левого хаоса и левого тоталитаризма — это было явлением здоровым, необходимым и неизбежным. Такая концентрация будет осуществляться и впредь, даже в самых демократических государствах, в час национальной опасности здоровые силы народа будут всегда концентрироваться в направлении охранительно-диктаториальном. Так было в древнем Риме, так бывало и в новой Европе, так будет и впредь.

Выступая против левого тоталитаризма, фашизм был, далее, прав, поскольку искал справедливых социально-политических реформ. Эти поиски могли быть удачны и неудачны: разрешать такие проблемы трудно, и первые попытки могли и не иметь успеха. Но встретить волну социалистического психоза — социальными и, следовательно, противосоциалистическими мерами — было необходимо. Эти меры назревали давно, и ждать больше не следовало.

Наконец, фашизм был прав, поскольку исходил из здорового национально-патриотического чувства, без которого ни один народ не может ни утвердить своего существования, ни создать свою культуру.

Однако, наряду с этим фашизм совершил целый ряд глубоких и серьезных ошибок, которые определили его политическую и историческую физиономию и придали самому названию его ту одиозную окраску, которую не устают подчеркивать его враги. Поэтому для будущих социальных и политических движений подобного рода надо избирать другое наименование. А если кто-нибудь назовет свое движение прежним именем («фашизм» или «национал-социализм»), то это будет истолковано как намерение возродить все пробелы и фатальные ошибки прошлого.

Эти пробелы и ошибки состояли в следующем:

1. Безрелигиозность. Враждебное отношение к христианству, к религиям, исповеданиям и церквам вообще.

2. Создание правого тоталитаризма как постоянного и якобы «идеального» строя.

3. Установление партийной монополии и вырастающей из нее коррупции и деморализации.

4. Уход в крайности национализма и воинственного шовинизма (национальная «мания грандиоза»).

5. Смешение социальных реформ с социализмом и соскальзывание через тоталитаризм в огосударствление хозяйства.

6. Впадение в идолопоклоннический цезаризм с его демагогией, раболепством и деспотией.

Эти ошибки скомпрометировали фашизм, восстановили против него целые исповедания, партии, народы и государства, привели его к непосильной войне и погубили его. Его культурно-политическая миссия не удалась, и левая стихия разлилась с еще большей силой.

1. Фашизм не должен был занимать позиции, враждебной христианству и всякой религиозности вообще. Политический режим, нападающий на церковь и религию, вносит раскол в души своих граждан, подрывает в них самые глубокие корни правосознания и начинает сам претендовать на религиозное значение, что безумно. Муссолини скоро понял, что в католической стране государственная власть нуждается в честном конкордате с католической церковью. Гитлер, с его вульгарным безбожием, за

которым скрывалось столь же вульгарное самообожествление, так и не понял до конца, что он идет по пути антихриста, предвзято большевиков.

2. Фашизм мог и не создавать тоталитарного строя: он мог удовлетвориться авторитарной диктатурой, достаточно крепкой для того, чтобы а) искоренить большевизм и коммунизм и б) предоставить религии, печати, науке, искусству, хозяйству и некоммунистическим партиям свободу суждения и творчества в меру их политической лояльности.

3. Установление партийной монополии никогда и нигде не приведет к добру: лучшие люди отойдут в сторону, худшие повалят в партию валом; ибо лучшие мыслят самостоятельно и свободно, а худшие готовы приспособиться ко всему, чтобы только сделать карьеру. Поэтому монополярная партия живет самообманом: начиная «качественный отбор», она требует «партийного единомыслия»; делая его условием для политической правоспособности и дееспособности, она зовет людей к бессмыслию и лицемерию; тем самым она открывает настежь двери всевозможным болванам, лицемерам, проходимцам и карьеристам; качественный уровень партии срывается, и к власти проходят симулянты, взяточники, хищники, спекулянты, террористы, льстецы и предатели. Вследствие этого все недостатки и ошибки политической партийности достигают в фашизме своего высшего выражения; партийная монополия хуже партийной конкуренции (закон, известный нам в торговле, в промышленности и во всем культурном строительстве).

Русские «фашисты» этого не поняли. Если им удастся водвориться в России (чего не дай Бог), то они скомпрометируют все государственные и здоровые идеи и провалятся с позором.

4. Фашизм совсем не должен был впасть в политическую «манию грандиозы», презирать другие расы и национальности, приступать к их завоеванию и искоренению. Чувство собственного достоинства совсем не есть высокомерная гордыня; патриотизм совсем не зовет к завоеванию вселенной; освободить свой народ совсем не значит покорить или искоренить всех соседей. Поднять всех против своего народа, значит погубить его.

5. Грань между социализмом и социальными реформами имеет глубокое, принципиальное значение. Перешагнуть эту грань — значит погубить социальную реформу. Ибо надо всегда помнить, что социализм антисоциален, а социальная справедливость и социальное освобождение не терпят ни социализма, ни коммунизма.

6. Величайшей ошибкой фашизма было возрождение идолопоклоннического цезаризма. «Цезаризм» есть прямая противоположность монархизма. Цезаризм безбожен, безответственен, деспотичен; он презирает свободу, право, законность, правосудие и личные права людей; он демагогичен, террористичен, горделив;

он жаждет лести, «славы» и поклонения, он видит в народе чернь и разжигает ее страсти; он аморален, воинствен и жесток. Он компрометирует начало авторитарности и единовластия, ибо правление его преследует цели не государственные, и не национальные, а личные.

Франко и Салазар поняли это и стараются избежать указанных ошибок. Они не называют своего режима «фашистским». Будем надеяться, что и русские патриоты продумают ошибки фашизма и национал-социализма до конца и не повторят их.

ИДЕЯ РАНГА¹⁹

Современное человечество утратило чувство верного ранга. Поэтому оно перестало верить в идею ранга вообще, поколебало ее, расшатало и попыталось погасить ее совсем: объявить всякий ранг мнимым, произвольным, незаслуживающим ни признания, ни уважения... «Все в жизни условно и относительно; кому что нравится и выгодно, то и хорошо; кто силен, кто умеет импонировать и принуждать, тот и выше; а остальное — человеческие выдумки, с которыми давно пора покончить»... Так обстоит во всех вопросах ранга: в политике, в искусстве, в науке, в религии и церкви — везде. И в этом состоит самая сущность революции — в сознательном, вызывающем попрании всякого ранга, в осмеянии самой идеи ранга; а все остальное является естественным и неизбежным последствием этого.

На этом сокрушилась тридцать лет тому назад наша Россия. И только позже, слишком поздно, русские люди стали понимать, что здоровое чувство ранга враги подрывали в них для того, чтобы все фальсифицировать: чтобы выдвинуть худших, чтобы вознести бессовестных и бесчестных, чтобы создать новый социальный отбор бесчестия, раболепства и насилия, а когда русские люди стали это понимать, то увидели себя в яре; увидели себя перед выбором: или участвовать в раболепстве и бесчестии — или погибать в лишениях и унижениях. Ранг был не просто «отменен»: он был украден, злоупотреблен, фальсифицирован и заменен новым «анти-рангом».

И вот, среди современного человечества есть два различных мирозерцания: ранговое и эгалитарное. Они стоят в борьбе друг с другом — на всем протяжении земли и во всех областях культуры. Досмотрим в этом все до конца.

1. — Люди равенства (эгалитаристы) не любят и не терпят превосходства: они отвертываются от него, стараются его не замечать; они всегда готовы подвергнуть его сомнению, закритиковать, осмеять, «задвинуть» его интригою или клеветою; или,

еще хуже, фальсифицировать его, выдвигая рекламою «своих» — обычно бездарных, тупых, криводушных, двусмысленных разлагателей, но... покорных. «Мы не терпим никакого превосходства, — говорили мне дословно умные республиканцы одного из демократических государств. — Всякому выдающемуся человеку мы сумеем затруднить и испортить жизнь, чтобы он не заносился; но если он, несмотря на это, чего-нибудь достигает, то мы, пожалуй, поставим ему посмертный памятник» ... «У нас в школе, — рассказывал профессор из другого демократического государства, — планомерно заваливают учеников необъятными фактическими сведениями и гасят у них в душах все, что связано с творческим воображением: добиваются равенства, трафаретного сходства и убивают индивидуальность». Слушая такие признания, я молча поучаюсь и вспоминаю Петра Верховенского (в «Бесах», Достоевского). «Не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами... их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями... Рабы должны быть равны... Мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство»...

Так, люди равенства считают всякий духовный ранг — произвольной выдумкой, посяганием или узурпацией: таков был дух первой французской революции, объявившей, что «люди рождаются равными» и обратившейся в виде доказательства к гильотине. Согласно такому воззрению — в людях существенно сходное и одинаковое, тогда как различное, особенное и своеобразное (тем более превосходное) — несущественно. Одна советская коммунистка так и требовала во всеуслышание: «все должны делать только то, что все могут делать» (долгой высшие способности!).

Это воззрение, исторически говоря, родится из семейных и социальных несправедливостей, из обиды, зависти «подполья» (описанного у Достоевского), безбожия и духовной слепоты; оно питается отвлеченным мышлением, отвергается от всякого несходства и презирает всякое превосходство. Оно выражает себя в «обще-утвердительных» суждениях («все одинаковы, все равны, всем всего поровну!») и в «обще-отрицательных» суждениях («никто не смеет быть лучше, выше, богаче; никому не предоставлять никаких преимуществ» и т. д.). Это воззрение безответственно, заносчиво, материалистично, завистливо, мстительно, безбожно, революционно и социалистично. Оно не считается с природой, вечно производящей бесконечное разнообразие; и потому оно противоестественно. Оно не считается и с духом, берегущим каждого человека как единственного в своем роде и драгоценного в своем своеобразии «сына Божия»; и потому оно противодуховно. Политически это воззрение «верует»

во всеобщее равное голосование, в арифметический подсчет голосов, в «народный суверенитет»; и тяготеет к республике.

2. — Люди, признающие значение ранга (сторонники духа и справедливости, индивидуалисты), не верят ни в естественное равенство, ни в искусственное и насильственное уравнение. Они считают, что все люди, сколько их ни есть, рождаются неодинаковыми, своеобразными и самобытными, и затем, по мере своего развития и совершенствования, — делаются все более самобытными и своеобразными. В этом не только нет никакой беды или опасности, но, напротив, это естественно-нормально и духовно желательно. Но так как люди от природы различны и своеобразны, то справедливость требует, чтобы к ним и относились неодинаково, т. е. соответственно с их свойствами, качествами, знаниями и делами. Ибо справедливость не только не предписывает равенства, но, напротив, она состоит в предметном неравенстве, водворяемом всюду, где возможно (см. «Н.З.» # 76-79²⁰).

Итак, «люди рангового воззрения» видят естественную неодинаковость ближних, ценят их духовное своеобразие и удостоверяются на каждом шагу наблюдением, умом и сердцем, что равенства в действительности нет, что оно только выдумывается ограниченными и завистливыми людьми и что введение его было бы несправедливо и насильственно. И если они замечают где-нибудь «сходство», то они сохраняют уверенность в том, что за этим видимым и поверхностным подобием скрывается сущая и драгоценная неодинаковость. Живая сущность людей не в том, что их уподобляется, а именно в том, что делает их единственными в своем роде и незаменимыми.

Ранговое воззрение рождается, исторически говоря, из естественного отцовства-материнства, а духовно — из религиозного благоговения. Оно питается внимательным наблюдением природы, чуткою совестью, чувством справедливости, живою, индивидуализирующей любовью и молитвенным созерцанием совершенства Божия. Оно выражается в осторожных и вдумчивых «частных» суждениях — то положительных (например, «люди редко похожи друг на друга», «некоторые люди завистливы», «этот человек умнее других», а «этот честнее многих»; «мне радостно преклониться перед её добротой» или «перед его храбростью» и т. д.; отсюда культ героев!); то отрицательных (напр., «многие люди не терпят чужого превосходства», «есть люди, неспособные к политическому голосованию», «многие демагоги совсем не думают о социальной справедливости» и т. д.). Это воззрение подвижно чувством ответственности и справедливости; оно способно к трезвому смирению и умеет радоваться чужому качеству; оно духовно, склонно к традиции и консервативности; оно естественно, органично, лояльно и религиозно. Политически оно стремится к отбору лучших людей — будь то назначением или голосованием, и тяготеет к монархии.

Итак, люди от природы неравны; и в этом не «беда», а дар Божий. Нам надо только верно узнавать этот дар и верно с ним обходиться. Верно, — т. е. соответственно, справедливо. «Звезда от звезды разнится во славе» (1 Кор. 15, 41); и так же человек от человека отличается здоровьем, силой, способностями, нравственным качеством, умственной пронизательностью, волевой энергией, духовным созерцанием и очевидностью. Слепо — не видеть этого; нелепо — отрицать это; вредно — пренебрегать этим. Больной не годится в солдаты; он только обременит собою госпитали. Слабый не может носить кули и копать землю: это его быстро погубит. Нелепо делать талантливого скрипача столяром, даровитого математика — матросом, гениального поэта — столоначальником, способного торговца — поваром, лесовода по призванию — механиком. Но столь же нелепо или прямо пагубно — делать разбойника чиновником, давать предателям и жуликам право голоса, вводить шпионов в министерство иностранных дел, назначать фальшивомонетчика министром, возводить труса в маршалы или партийного интригана в кардиналы. Откуда известно, что каждый глупец способен разбираться в государственных делах? Как можно назначать безвольного пролазу — полководцем (Базен)? Может ли человек с горизонтом тред-юниониста управлять империей (Мекдональд)? Почему не сажают слепого за микроскоп? Годится ли безбожный неуч в священники? Каких детей воспитает развратная гувернантка? К каким политическим выборам способен продажный, заstraщенный, изоглавленный народ?

Итак, в идее «ранга» есть две стороны: во-первых, имеется в виду присущее человеку качество — это его действительный ранг; во-вторых, имеются в виду его полномочия, права и обязанности, которые признаются за ним со стороны общества или государства, — это его социальный ранг. Понятно, что эти два ранга могут расходиться. Мудрый праведник может не иметь никакого социального ранга; злой глупец может пролезть в министры, генералы и президенты. Честный человек может быть нищим, заведомый плут — может быть директором банковского консорциума. Ранг духовного превосходства (праведность, гений, талант, познания, храбрость, сила характера, умение-понимание, политическая дальнзоркость) — и ранг человеческого полномочия (сан, чин, власть, авторитет) — могут не соответствовать друг другу. Ибо, с одной стороны, люди при выделении лучших подслеповаты, беспечны и безответственны, подкупны и коварны; с другой стороны, честолюбцы, властолюбцы и стяжатели энергичны, напористы и часто готовы пользоваться любыми средствами. Но истинный социальный авторитет возникает из соединения обоих рангов. И когда это соединение удастся, тогда идея ранга справляет свой духовный праздник: перед нами великий император (Петр I), победоносный полководец (А. В. Су-

воров), праведный Епископ (Феофан Затворник), прозорливый ученый (Д. И. Менделеев), замечательный организатор (С. И. Мамонтов), социальный воспитатель (Н. И. Пирогов), общепризнанный гениальный поэт (А. С. Пушкин), композитор (А. П. Бородин), живописец (И. К. Айвазовский). Тогда ранг духовного качества и ранг человеческого признания совпадают, и национальная культура цветет.

Но оба этих ранга могут и не совпасть. Если это исключение, то оно всеми ощущается как больное место: лучшие люди говорят о нем, протестуют, негодуют, стараются исправить дело; худшие отвертываются или, наоборот, стараются использовать эту болячку в свою пользу (например, развратный временщик). Если же эти явления оказываются обиходными или преобладающими, то это означает, что такому народу в данную эпоху отбор лучших не удастся, что весь режим несостоятелен, что «честность и талант — не имеют дороги в жизни» и что предстоят социальные потрясения. Таковы, например, черствые и развратные родители, порочное духовенство, продажное чиновничество; дурной король, глупый и невежественный профессор, тупой и злой учитель; засилие бездарных «артистов», черствое и жестокое офицерство, судьи без правосознания, парламентарии без чувства ответственности, полиция, лишенная гражданского мужества и т. д. Такое массовое явление больного и мнимого ранга разочаровывает всех, родит в душах подполье и революционность и отбрасывает людей в химеру равенства... При этом элементарная справедливость заставляет нас признать и выговорить, что предреволюционная Россия такого разложения не знала. Разгоревшаяся в ней химера равенства имеет совсем иные причины, таковы: политическая наивность народа, антирагковые настроения русской интеллигенции, переходная эпоха в хозяйстве, разрастание полуобразованного слоя, военные неудачи и, как последний толчок, — внезапное угашение монархического ранга и присяги, спровоцированное известными политическими кругами.

Никакая общественная организация невозможна без ранга. Государство с неудачным ранговым отбором—слабо, неустойчиво, может быть прямо обречено. От больного и фальсифицированного ранга гибнет все: семья, школа, академия, церковь, армия, государство, корабль, хозяйственное предприятие. Все дело в том, чтобы узнавать подлинно-лучших (людей естественного ранга) и выдвигать их, возлагая на них необходимые полномочия и обязанности (социальный ранг). Бывает так, что это достигается лучше всего назначением, например, в церкви, в армии, в школе, в хозяйстве; нередко и в государстве. Но бывает и так, что это осуществляется лучше всего выборами, например, в академии, в культурных обществах, в жизни прихода и в местном самоуправлении; иногда и в государственных делах.

Но в этом нет единого масштаба для всех времен и народов; то, что хорошо в одной стране, может погубить другую; здесь нет и не может быть политической «панацеи» (всеисцеляющего средства). Назначение имеет свои соблазны и ошибки; выборы имеют свои опасности и соблазны. И может быть недалеко то время, когда будет практиковаться новый способ отбора, сочетающий выборы с назначением и преодолевающий недостатки того и другого.

1. — ВЫБОРЫ. — Чем больше в народе зависти и партийности, тем хуже будут его выборы. Чем ниже его уровень образования, тем бессмысленнее будет вся выборная процедура. Чем сильнее разыгралось в народе честолюбие, тем неудачнее будет его отбор. Чем влиятельнее в его жизни тайные (религиозные или политические) общества, тем скорее ранг будет фальсифицирован и извращен.

2. — НАЗНАЧЕНИЕ. — Чем сильнее в стране кастовый дух, тем неудачнее будут проходить все назначения (протекция, nepoтизм, лeсть). Продажность (коррупция) может прямо скромпрометировать весь назначающий порядок. Слабо развитое чувство ответственности и отсутствие контроля могут прямо погубить государство, строящееся назначением.

На самом деле надо добиваться того, чтобы социальный ранг соответствовал духовному рангу человека; чтобы назначенный был для народа своим и любимым; и чтобы избранный мыслил не о партийной, не о классовой, не о провинциальной и не о личной пользе, а о всенародно-государственной. Тогда вопрос ранга будет верно разрешен.

Но так как явления «большого ранга» всегда и везде возможны, то в действительной жизни необходимо блюдение двух правил:

1. — Необходима общая уверенность, что и назначающие и выбирающие действительно ищут лучших людей и стараются сообразовать бремя даваемых полномочий с духовно-естественным рангом выдвигаемых людей («лучших людей вперед!»). Всякое отступление от этого правила отзовется на государстве вредоносно.

2. — Необходима общая готовность — лояльно нести возможную ошибку в ранге и не раздувать случайное явление «большого ранга» в общественный или национальный скандал неповиновения. Несимпатичному, неопытному, неумелому, безвольному, бездарному начальнику надо помогать — во имя чести, во имя совести, во имя патриотизма, во имя всенародного и государственного дела, а не интриговать против него, не вредительствовать, не изолировать его, не подкапываться под него. Этому учат идея ранга и монархическое правосознание, побуждающее верно служить не только великому Государю.

Замечательно, что в России идея ранга исторически держалась главным образом на религиозном основании и на патриотическом чувстве. Вот почему присяга («целование креста») имела в России такое значение. Вот почему народ тысячу лет верил в праведную волю Государя, в его сердечную заботу о всем народе без изъятия и в его искание справедливости для всех. Ранг в России держался верою и любовью; и постольку вызывал в душах искреннюю и самоотверженную лояльность.

Именно поэтому Россия никогда не знала республиканского строя.

О ЧУВСТВЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ²¹

Когда будущие историки России захотят понять и осветить сущность белого движения, белой борьбы и белой идеи, — они должны будут усвоить себе то основное духовное побуждение, которое владело и двигало белыми сердцами. Это побуждение было — любовь к национальной России, живое, могучее чувство ответственности за все то, что в ней совершается, и чувство собственного достоинства, чувство чести, уводившее людей в борьбу на жизнь и на смерть. Это были три главных источника, которым и в будущем суждено строить новую Россию, питая ее новое правосознание и созидая ее духовную культуру.

Скажем прямо и недвусмысленно: поколение безответственных шкурников и безответственных честолюбцев не освободит Россию и не обновит ее; у него нет и не будет тех духовных сил и качеств, которые строили подлинную Россию в прошлом и которые необходимы для ее будущего. Русский человек, пройдя через все национальные унижения, беды, лишения и страдания, должен найти в себе духовное начало и утвердиться в нем, — постигнуть и принять свое духовное естество и призвание; и только тогда перед ним откроются двери в грядущую Россию.

Человек, как духовное существо, всегда ищет лучшего, ибо некий таинственный голос зовет его к совершенству. Он, может быть, и не знает, что это за голос и откуда он... Он, может быть, чувствует бессилие своей мысли, своего слова каждый раз, как пытается сказать, в чем же состоит это совершенство и какие пути ведут к нему. Но голос этот внятн ему и властен над ним; и именно желание отозваться на этот призыв и искание путей к совершенству придают человеку достоинство духа, сообщают его жизни духовный смысл и открывают ему возможность творить настоящую культуру на земле.

А человек призван быть на земле именно духом, — не просто живым существом наподобие животных и насекомых, и не только одушевленным созданием, удачно соображающим и желающим

для себя всякой пользы, капризно и разнообразно чувствующим и неестественно фантазирующим. Все эти душевные способности даются ему, но не для злоупотребления ими, а для благого и ответственного служения. И вот, первое, что необходимо каждому человеку, желающему творить культуру, это чувство своего предстояния, своей призванности и ответственности. Можно было бы сказать, что люди делятся на две большие категории: одни — безответственно ищут в жизни или своего наслаждения (это люди «поглупее!») или своей пользы (это люди «поумнее!»); другие же чувствуют себя предстоящими чему-то Высшему и Священному, так, что даже не умея сказать, что это за Высшее и где обретается это Священное, они не сомневаются в самом своем предстоянии Ему. Мир не есть для них «вольное пастбище», данное им для личного прокормления и устройства; он не есть для них и случайное нагромождение «впечатлений», «явлений», удовольствий и неприятностей. Они чувствуют и прозревают великий смысл мирового вращения и своей собственной жизни; и не успокаиваются на том потоке «ничтожной суеты» и «мелкого сора» (А. К. Толстой), в котором тонут столь многие.

Это чувство предстояния и призванности сразу успокаивает их и тревожит; успокаивает — ибо дает им ощущение некой высшей «водимости»; творческой основы, жизненного смысла и собственного достоинства; тревожит — ибо вызывает в них живое чувство духовного задания, высшей ответственности и собственного несовершенства. Это возлагает на них обязанность не мириться со всем тем, что происходит в них и во внешнем мире, обязанность оценивать, искать верных мерил, выбирать, решать и творить. Это зовет их сразу к труду, к дисциплине и к вдохновению.

Такое удостоверение в собственной духовности и приятие ее есть первооснова живой религиозности. Ибо то Высшее, чему человек предстоит, есть Господь, Его зовы и Его божественные излучения. И призвание человека определяется именно свыше. И духовное измерение человеческой жизни и всех ее дел имеет тот же единый источник. И ответственность человека есть в последнем измерении всегда ответственность перед Богом.

Само собою разумеется, что человек не всегда отчетливо сознает это и редко может точно выговорить ощущаемое. Но это ничего по существу не меняет. Сознание есть не первая и не важнейшая ступень жизни, а вторичная, позднейшая и подчиненная. И закрепление в слове глубоких и священных жизненных сил дается не каждому человеку, дается не всегда и не легко. Здесь важно и драгоценно не умствование и не словесное описание, а твердое и глубокое укорененное чувство предстояния, призванности и ответственности. Духовность человека отнюдь не совпадает, с сознанием, отнюдь не исчерпывается

мыслью, отнюдь не ограничивается сферой слов и высказываний. Духовность глубже всего этого, могущественнее, богаче, значительнее и священнее.

Духовность человека состоит прежде всего в уверенности, что в пределах его собственной души есть лучшее и худшее, на самом деле лучшее; такое, качество и достоинство которого не зависит от человеческого произвола; такое, которое надлежит признать и перед которым подобает преклониться. К этому лучшему и высшему надо прислушиваться, сосредоточенно испытывать его, вникать в него, предаваться ему. И по мере того как человек осуществляет это, он убеждается в том, что это высшее и лучшее совсем не исчерпывается его личными пределами, но является в нем самом как бы излучением и энергией действительно Высшего и Совершенного Начала, которому он и предстоит на протяжении всей своей жизни. Приобщаясь этому Началу, духовный человек не может не радоваться Ему, не может не возжелать Его и не полюбить Его. И очень скоро он удостоверяется в том, что это радование естественно и целесообразно, что это желание драгоценно и жизненно необходимо, что эта любовь открывает ему настоящий доступ к жизненному свету, к истинной свободе, к подлинному бытию и личному духовному достоинству. В этом делании духовный человек научается преклоняться перед Богом, чтить самого себя, видеть и ценить духовность во всех людях и желать творческого раскрытия и осуществления духовной жизни на земле. Это и есть сущая культура.

Все это можно было бы выразить так: в основе подлинной духовной культуры лежит личная, искренняя религиозность культуротворящего человека. Религиозность есть живая первооснова истинной культуры. Она несет человеку именно те дары, без которых культура теряет свой смысл и становится просто неосуществимой: чувство предстояния, чувство задания и призванности и чувство ответственности.

Предстояние Высшему есть первый дар религиозности. Напрасно думать, что это чувство «унижает» человека или придает ему «рабские черты». Такое мнение свидетельствует о том, что данному человеку далеко до истинной свободы: он боится попасть в «рабское» положение именно потому, что он все еще чувствует себя сам «недавним рабом», или «полурабом», или, если угодно, «вольноотпущенником». Человек, нашедший свою свободу и утвердившийся в ней, знает, что никакие условия, ни внешние, ни внутренние, не могут отнять у него этой свободы; ибо от того, что другие люди будут обходиться с ним, как с рабом, его свобода не угаснет, а только углубится до пределов внешней недосягаемости; сам же он никогда не усвоит рабскую установку. Свобода, вообще говоря, не «дается», а «берется»: она берется духом как его неотъемлемое достояние

и соблюдается им как неотчуждаемая святыня. Но для того чтобы это совершилось, свобода должна найти свой источник в том Высшем, которому она имеет счастье предстоять и от которого исходит всяческая духовность и всяческая свобода. Именно это имел в виду мудрый Томас Карлейль, когда писал: «В груди человека нет чувства более благородного, чем это удивление перед тем, что выше его»...; «человек не может вообще знать, если он не поклоняется чему-либо в той или иной форме»...²²). Надо сказать еще больше: человек не может творить культуру, не чувствуя себя предстоящим именно тому, что он должен осуществить в своем культурном творчестве. «Творящий» без верховного начала, без идеала, перед которым он преклоняется, не творит, а произвольничает, «балует»ся, тешит себя или просто безобразничает (наподобие Пикассо и других модернистов). Новые поколения, следующие за нами, должны признать, что поклонение Богу не унижает человека, а впервые довершает его бытие и возвышает его. Человек же, который «ничему не поклоняется», обманывает сам себя, ибо, на самом деле, он поклоняется себе самому и служит своей бездуховной и противодуховной похоти. И культура его будет не культурой, а беспредметным посяганием и произволением, лишенным главного, не способным ни познать истину, ни создать художественное, ни совершить любовное, благое и чистое, ни узреть и раскрыть справедливое право.

Предстоящий измеряет себя именно тем, чему он предстоит. Именно это следует иметь в виду, читая Евангельские слова: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мтф, 5,48). Предстоящий Богу измеряет и оценивает себя лучами Божественности. Предстоящий совершенству судит себя высшим, доступным человеку критерием. Предстояние подымлет сначала взор человека, потом сердце его и волю его; оно вызывает в нем новые мысли, новое понимание себя, других людей и всей вселенной. Строение его души, доселе бывшее как бы одноэтажным домиком, надстраивается и возвышается. Его око начинает видеть новые «пространства», усваивает их и приобщает их к своей жизни. Или можно сказать: душа его переживает некое священное окрыление. Сердце его воспринимает новые, горние лучи и научается радоваться им, ожидать их и трепетать от этого ожидания. Воля его научается выходить из всего чисто личного, мелкого и пошлого, и сосредоточивается на лучшем, на объективно-лучшем, на совершенном; она научается представлять себе это лучшее не только «вверху», но и «вперед»; она находит в нем жизненное задание для своего будущего.

Так пробуждается и крепнет в человеке живая совесть. Не совесть, угрызающая за несовершенство в прошлом добра или за свершение в прошлом зла; но совесть, как творческая энергия, энергия любви и воли, направленная вперед, в будущее, к

предстоящим совершениям. Она же и дает человеку то высшее счастье на земле, которое выражается словами духовное достоинство и призвание.

Духовное достоинство состоит в том, что «предстоящий» человек утверждает свою жизнь приятием Божественного, любовью к Нему и верностью Ему. Он принимает Его лучи, и эти лучи проникают в его душу до самого дна. Он проникается ими, как бы питается и животворится ими, и они сообщают ему свой огонь, свой свет и свое тепло. В них он находит свое бытие; так, что самое существо или естество его личности определяется и освещается ими. В глубине его души как бы строится храм, и в храме этом утверждается алтарь и престол с неугасающим светильником. И не в том смысле, чтобы этот храм, и престол, и светильник — были бы «доступны» ему, как извне приходящему «прихожанину»; но в том смысле, что этот храм есть его собственная обитель, и престол этот есть его собственная святыня, и светильник этот есть его собственное горение. Не только «в нем есть пламя», но он сам в полноте своего духовного бытия есть это пламя. И это пламя есть его Главное, от которого он не может отказаться, которым он дорожит превыше всего своего «прочего» и которому он не может изменить. И чувствуя это удостоверенно, он начинает постигать, что значит «читать самого себя» (Пушкин!) и что такое есть чувство собственного достоинства.

Вот где скрывается последний и безусловный корень духовной ответственности, без которой человеку недостойно жить на земле и невозможно создавать духовную культуру.

Человек как свободное и зрелое существо отвечает за свою жизнь, за ее содержание и ее направление. Это духовно-естественно и неизбежно. Дух есть живая сила, энергия, которая чувствует себя выбирающей, решающей и действующей; и это самочувствие его не иллюзия и не обман. Тайна свободы, — или как обычно говорят «свобода воли», — состоит в том, что сила духа способна сосредоточиваться, укреплять себя, увеличивать свою силу и преодолевать свои внутренние затруднения и свои внешние препятствия. Дух человека «свободен» не в том смысле, что на него «ничто не влияет», или что он не несет никакого бремени «воздействий» и «причин»; но в том смысле, что ему дан дар самоусиления, самоосвобождения, который он должен принять и в пользовании которым он должен искуситься и укрепиться. Обычная воля человека есть не более чем потребность, влечение, страсть или упрямство. Но духовная воля человека есть дар освободить себя от всякого неприемлемого и отвергаемого воздействия, как внутреннего, так и внешнего. Человеческому духу присуще это живое чувство: «я мог в прошлом поступить иначе», и, соответственно, «я и в настоящем могу выбрать, решить и осуществить свое решение». Повторяю:

это не иллюзия и не самообман, ибо эта мощь самоусиления своей мощи действительно присуща человеческому духу. Неискушенному — и неопытному — может казаться, что он «не умеет», или «не знает, как начать»; что он «слаб» и «беспомощен». Но ему будет казаться это лишь до тех пор, пока он будет сохранять «душевную», а не «духовную» установку. Ибо душа человека может действительно «духовно не уметь» и чувствовать себя «духовно-слабой и беспомощной»; ей неизбежно пребывать «под давлением обстоятельств» и «влечений»; для нее естественно колебаться, откладывать, не дерзать, искать оправданий и ссылаться на «среду», которая ее «заедает». Но для духа все это неестественно, чуждо, странно и мертво. Дух есть живая энергия: ему свойственно не спрашивать о своем умении, а осуществлять его; не ссылаться на «давление» влечений и обстоятельств, а преодолевать их живым действием. Как сказал однажды Карлейль: «Начинай! Только этим ты сделаешь невозможное возможным».

Свобода духа состоит в том, что не его определяют «влечения» и «обстоятельства», а он определяет сам себя, то расценивая свои влечения и видоизменяя свои обстоятельства, то извлекая из себя решения и свершения, идущие наперекор всем обстоятельствам и влечениям. Свободы полной, тотальной, абсолютной нет и быть не может; и можно только радоваться тому, что человек лишен таких свойств и способностей. Ибо трудно себе даже представить, что за кошмарное создание представлял бы из себя человек, способный ежесекундно к проявлению какого-то метафизического произвола, обреченный на такие свойства, как невоспитываемость, непредусмотримость в решениях и поступках, невеняемость, хаотическая капризность и способность в любой момент провалиться в невиданную бездну зла. Общение с такими людьми исключало бы всякое взаимное доверие, всякое воспитание, всякий правопорядок и всякое участие в прекрасном космосе и в Царстве Божием. Можно только благодарить Бога за то, что такая свобода не дана человеку. На самом же деле свобода есть сила и искусство человека определять себя самого и свою жизнь к духовности согласно своему предстоянию, своему призванию и своей ответственности.

Вот откуда у человеческого духа эта бессознательная, но твердая уверенность: «я мог иначе, но не сделал того, что мог»; или: «я должен был совершить такой-то поступок и мог это сделать, но не сделал; и соответственно: «многое в моем настоящем и будущем дается мне как готовое и неизменяемое, но мой личный образ действий зависит от моего выбора и решения, а следовательно, от моего призвания и от моей ответственности». При таком самочувствии и понимании явление зовущей совести и явление укоряющей совести получают свой полный

смысла и значение. Призывы совести бесконечно расширяют горизонт человеческих возможностей, утверждая в каждом из нас способность найти путь к совершенству и вступить на него, возвращаться на него после ошибок и падений, и всегда созерцать ту даль, в которой это совершенство нас ожидает. А укоры совести освещают нам те ошибки и падения, которых мы не сумели избежать; мало того, они как будто указывают нам, почему именно эти ошибки и падения состоялись, каких именно усилий наша свободная воля не совершила «тогда» для того, чтобы избежать уклонений и неудач, и какие именно усилия надо осуществить «теперь», чтобы укрепить себя для будущего. И практический смысл христианского покаяния и исповеди «на духу» состоит именно в том, чтобы оживить в душе человека чувство предстояния, энергию совести, веру в свое призвание, жажду духовной свободы и чувство ответственности... Отсюда уже ясно, какое великое значение имеет «священное недовольство» человеческого духа самим собою, а также трезвое, честное, искреннее самоосуждение, которым «заболевает» духовно выздоравливающая душа.

Итак, предстоящий дух призван, а призванный человек ответствен; и в основе всего этого лежит дар к самоосвобождению, сообщенный человеческому духу свыше.

Как это просто, ясно и бесспорно: человеку подобает жить не состояниями, а действиями, и соответственно отвечать за эти действия. Дух человека подобен не воде, бесформенно растекающейся и безвольно плещущейся в своем ложе. Он не подобен и песку, пассивно лежащему пока лежит и пассивно осыпаящемуся, «сползающему», когда потянет вниз. Дух человека есть личная энергия, и притом разумная энергия; разумная — не в смысле «сознания» или «рассудочного мышления», а в смысле предметного созерцания, зрячего выбора и действия в силу духовно-достаточного основания. Так созерцал; так возлюбил; так выбрал; так совершил; — и потому признаю это деяние моим деянием, поддерживаю его основания и мотивы и принимаю на себя ответственность за совершенное, признаю свою ошибку за ошибку, свое «заранее обдуманное намерение» признаю за таковое, — и вина моя, и заслуга (если она есть) моя, и последствия мною совершенного я готов нести и за них отвечать. Неспособный к этому не может считаться ни деятелем, ни человеком с характером, ни морально зрелой личностью, ни творцом культуры, ни воспитателем, ни врачом, ни священником, ни солдатом, ни судьей, ни политиком, ни гражданином. Он есть робкий обыватель, трус, карьерист или ловчила. Он сам себе не доверяет; а потому и ему не следует доверять. В старой Руси про таких людей говорили: «бегун и хороняка». Да и что может быть более жалкое, чем безответственный чиновник или политик, имеющий полномочия, призванный действовать, обязанный

решать — и мечтающий об одном: занести себе «на приход» свои жизненные успехи и уклониться от «расплаты» по закону об ответственности?..

Отсюда уже ясно, что необходимо различать предварительную ответственность и последующую ответственность.

Предварительная ответственность есть живое чувство предстояния и призванности, и в то же время — живая воля к совершенству. Человек не совершил еще деяния; может быть, и не решил еще, что делать; может быть, и не избрал своей высшей ценности и не наметил своей высшей цели. Он только чувствует в себе активную силу и волевою энергию, он предвидит возможность и неизбежность будущих деяний — и связывает их намерением и внутренним обязательством осуществить «наилучше наилучшее». Он ставит себя перед Лицом Божиим и «предстоит»; он слышит призыв к совершенству и осмысливает его как свою «призванность»; он принимает эту призванность и как бы «заряжает» свою душу волею к совершенству. Еще не совершив, он уже знает о своей ответственности. И это чувство своей ответственности — сразу дисциплинирует его, сосредоточивает его и вдохновляет.

Значение этой предварительной ответственности в культурном творчестве основополагающе и велико. Чтобы убедиться в нем, достаточно представить себе человека, который берется за какое-нибудь творческое дело и лишен предварительной ответственности. — Что создаст живописец, который не знает ничего высшего и священного над собою, не чувствует своей призванности сказать верное, зоркое и значительное, и несколько не намеревается создать «наилучше наилучшее»? Он будет только тешить свою живописную похоть, писать кое-что и кое-как, капризничать, демагогировать или дразнить воображаемого зрителя, произволять и безобразничать. Не так же ли обстоит дело с поэтом, музыкантом, скульптором и архитектором? Именно отсюда возник весь современный «модернизм» в искусстве... — Что познает безответственный ученый, который не связал себя внутренне аскетической клятвой — созерцать неутомимо, исчерпывать все возможные средства и пути для удостоверения, не щадить опытных усилий, не выдавать гипотезу за истину и утверждать с силою окончательности только достоверное и очевидное? Страшно и гадко думать о том, во что превратится у него научная культура. — Чего можно ждать от безответственного судьи, не требующего ни верного правосознания от себя самого, ни очевидности в изучении факта, ни прозрения в душу подсудимого, ни точного знания закона? Такой судья, не ведающий ни предстояния, ни призвания, ни желания осуществить «наилучше наилучшее», создаст режим произвола, коррупции и кумовства. — Безответственный политик есть интриган и карьерист, деятель столь же отвратительный

морально, сколь пагубный в общественном отношении; а между тем современная государственность кишит такими людьми — и в демократиях, и в тоталитарных государствах. Кто захочет лечиться у безответственного врача? Кто поручит своих детей безответственному воспитателю? Кто захочет принимать молитвы и таинства от безответственного священника? Какой полководец выиграет сражение, командуя безответственными офицерами, ведущими в бой безответственных солдат? — Люди, не ведающие, что есть чувство предстояния и призванности, и что есть воля осуществить «наилучше наилучшее», — не способны творить настоящую духовную культуру. В этом приговор им и создаваемой ими лже-культуре...

Такова сущность, таков смысл ответственности, — и предварительной и последующей, — в деле творческого обновления и углубления грядущей духовной культуры. И тот, кто продумает это, тот примет на себя обязанность изъяснить это другим. А русский человек сразу поймет, что это всего важнее в деле возрождения России.

Именно отсюда росло и выросло российское Белое движение.

II
РОССИЙСКАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ЗАДАЧИ

ПОЧЕМУ СОКРУШИЛСЯ В РОССИИ

МОНАРХИЧЕСКИЙ СТРОЙ?¹

Прошло 35 лет с тех пор, как в России — так неожиданно, так быстро, в несколько дней, и притом столь трагически и столь беспомощно, — сокрушился, отменился и угас монархический строй. Распалась тысячелетняя твердыня. Исчезла государственная форма, державно державшая и строившая национальную Россию. Священная основа национального бытия подверглась разложению, поруганию и злодейскому искоренению. И Династия не стала бороться за свой трон. Трон пал, и никто тогда не поднял и не развернул упавшего знамени; никто не встал под ним открыто, никто не встал за него публично. Как если бы никогда и не было дано присяги, как если бы угасли все священные обязательства монархии — и наверху, и внизу. Честных, и храбрых, и верных было не мало; но воля у них была как бы в параличе, и кадры их были рассеяны по всей стране. И началась отчаянная и гибельная авантюра, длящаяся и до сего дня; и конца ей еще не видно.

И вот, за все эти 35 лет я не знаю ни одной попытки осветить это трагическое крушение, объяснить этот государственный обвал, указать те исторические причины и те политические ошибки, которые привели Россию к такому крушению. Ибо — скажем это открыто и недвусмысленно — крушение монархии было крушением самой России; отпала тысячелетняя государственная форма, но водворилась не «российская республика», как о том мечтала революционная полунинтелигенция левых партии, а развернулось всероссийское бесчестие, предсказанное Достоевским, и оскудение духа; а на этом духовном оскудении, на этом бесчестии и разложении вырос государственный Анчар большевизма, пророчески предвиденный Пушкиным, — большое и противоестественное древо зла, рассылающее по ветру свой яд всему миру на гибель.

В 1917 году русский народ впал в состояние черни; а история человечества показывает, что чернь всегда обуздывается деспотами и тиранами. В этом году, который шестнадцатилетний Лермонтов почти за 100 лет перед тем пророчески обозначил как «России черный год», русский народ развязался, рассыпался, перестал служить великому национальному делу — и проснулся под владычеством интернационалистов. История как бы вслух произнесла некий закон: в России возможны или единовластие, или хаос; к республиканскому строю Россия не способна. Или еще точнее: бытие России требует единовластия — или религиозно и национально укрепленного единовластия чести, верности и служения, т. е. монархии; или же единовластия безбожного,

бессовестного, бесчестного, и притом антинационального и интернационального, т. е. тирании.

И возвращаясь мыслью, воображением и сердцем к дореволюционному времени, когда Россия, оставаясь Россией, органически и в то же время стихийно росла и цвела, мы не можем не спросить себя, как же это тогда — и в тесном династическом кругу, и среди чиновничества, и среди интеллигенции, и в народной массе — как же это тогда люди не видели, что крушение монархии будет крушением самой России? Как не видели они той спасительной политической формы, которая одна только и могла вести и строить русскую жизнь и беречь русскую культуру? Что это было за ослепление? Чего не хватало русским людям для того, чтобы мужественно пережить трудную годину и сохранить религиозно освященную и исторически оправдавшую себя государственную форму? Чего не хватало, — политического предвидения и разума, или верности, или дисциплины, или терпения?

Ибо, в самом деле, мы твердо уверены в том, что если бы Государь Император предвидел неизбежный хаос, яд большевизма и дальнейшую судьбу России, то он не отрекся бы, а если бы отрекся, то обеспечил бы сначала законное престолонаследие и не отдал бы народ в подчинение тому государственно-беспомощному и заранее «обойденному слева» пустому месту, которое называлось Временным Правительством. И в русских обывателях проснулось бы гражданственное начало; и русское крестьянство держалось бы иначе. Но предвидения не было; и государственное начало проснулось сразу лишь в героическом меньшинстве, решившем сопротивляться до конца... Из него и образовались белые армии.

Чего же не хватало в России? Почему тысячелетняя форма государственного спасения и национально-политического самоутверждения могла исчезнуть с такой катастрофической легкостью от первого же порыва народного, уличного и солдатского бунта?

Ответим: России не хватало крепкого и верного монархического правосознания. Правосознания — не в смысле «рассуждения» только и «понимания» только; но в том глубоком и целостном значении, о котором теперь должна быть наша главная забота: правосознания — чувства, правосознания — доверия, правосознания — ответственности, правосознания — действенной воли, правосознания — дисциплины, правосознания — характера, правосознания — религиозной веры.

Монархическое правосознание было поколеблено во всей России. Оно было затемнено и вытеснено в широких кругах русской интеллигенции, отчасти и русского чиновничества и даже русского генералитета — анарходемократическими иллюзиями, и республиканским образом мыслей, насаждавшимися и

распространявшимися мировой закулисою с самой французской революции. Оно имело в простонародной душе своего вечного конкурента — тягу к анархии и к самочинному устройению... Вследствие этого оно, по-видимому, поколебало и властную уверенность в самой царствующей Династии.

II

Начнем с народной массы. На протяжении всей русской истории русское простонародье никогда не теряло склонности — противопоставить обременительному закону свой собственный, незаконный или противозаконный почин. «До Бога высоко, до Царя далеко»; надо управляться самим; надо разрешать себе больше, чем разрешает власть; надо не бояться правонарушения и преступления и самому «переменять свою участь». Терпению есть предел. Дисциплина хороша лишь в меру. Русь велика и равнинна. Надо бежать вдаль, искать «свободной» жизни и устраиваться по-новому. И в течение всей русской истории Холопий Приказ должен был работать не покладая рук.

Люди сбрасывали государственное тягло: «постылое тягло на мир полегло»... И уходили «на волю», в степи и леса. Вот откуда это множество «людей вольных, гулящих», о которых повествуют летописи; людей без оседлости, без органической хозяйственности, но тем не менее кормящихся. Вот откуда эти «удалые-добрые молодцы», с атаманами в бархатных кафтанах и с закопанными богатствами; о них слагались легенды и пелись песни, даже и доселе, а ныне уже по всему свету (песня о Разине, песня о Кудеяре...). И не было в старину твердой грани между разбойниками и казаками; эта грань появлялась лишь тогда, когда «вольные люди» приобретали оседлость и имущество, когда начиналось огосударствление «удалых добрых молодцев», и когда храброе казачество заселяло и обороняло русские окраины. Тогда анархия постепенно принимала закон и подданство, и в силу веры и совести возвращались к монархической верности.

Именно так думали про себя и чувствовали русские народные массы: порядок — от Царя; спасать и строить Русь может только царская власть. «Горе тому царству, коим владеют многие»; «лучше грозный царь, чем семибоярщина». Но анархия, развязание, разнуздание, посягание и погром создают более выгодную возможность. Отсюда эти бунты, с разбойниками и самозванными возглавителями. От времени до времени поднимался всенародный бунт (Смута, Разиновщина, Пугачевщина, Ленинщина), когда находился Григорий, или Степан, или Емельян, или Ильич («Пугачев с университетским образованием»), которые разрешали или прямо предписывали анархию посягания и погромов. И

разинские воззвания «иду истребить всякое чиновачалие и власть и сделать так, чтобы всяк всякому был равен»; и пугачевские прокламации; и ленинское «грабь награбленное» — явления одного смысла и порядка. Приходила власть, призывавшая к бунту и грабежу; некий «царь» или поддельный, самозванный, мнимый «лже-царь» узаконял анархию и имущественный передел — и правосознание русского народа, поддаваясь смуте, «кривизне» и «воровству», справляло праздники всевластия, мести и самообогащения. Дурные силы брали верх, а русская история переживала великий провал.

Вот это и случилось в России в 1917 году. Грозная война с грозными неудачами поколебала доверие к военному командованию, а потому и к трону. Крестьянская деревня переживала эпоху аграрного перенаселения и великой реформы Столыпина. Вопрос земельного приращения стал источником всекрестьянской напряженной тревоги. И вдруг отречение двух Государей от Престола угасило присягу, и верность, и всяческое правосознание; а левые партии — призывающий к грабежу Ленин, рассылающий двусмысленно-погромные циркуляры министр Виктор Чернов, открыто исповедующий и практикующий государственное непротивление министр Александр Керенский, и все их агитаторы, рассеянные по всей стране, — понесли развязанному солдату, матросу и крестьянину право на беспорядок, право на самовластие, право на дезертирство, право на захват чужого имущества, все те бесправные, разрушительные, мнимые права, о которых русский простолюдин всегда мечтал в своем анархически-бунтарском инстинкте и которые теперь вдруг давались ему сверху. Соблазн бесчестия и вседозволенности стал слишком велик, и катастрофа сделалась неизбежной.

Монархический лик русского простонародного правосознания как бы поблек и исчез в смуте, а вперед выступила страшная и кровавая харя всероссийской анархии.

Напрасно было бы сомневаться в том, что русское правосознание действительно имело свой монархический лик, которым и держалось русское государство. Желая убедиться в этом пусть обратится хотя бы к тому богатству государственной мудрости и монархического чувства, которые накоплены в русских простонародных поговорках и пословицах (см. у Даля, Снегирева, Иллюстрова, Максимова и других), — и при том на века. Припомним кое-что из этого духовного богатства, с лишком сто лет обессиливавшего пропаганду «народовольцев», «чернопередельцев» и других разрушителей России.

«Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится». «Что Бог на небе, то Царь на земле». «Без Царя земля вдова». «Без Царя Народ сирота». «Богом да Царем Русь крепка». «Сердце царево в руке Божией». «Одному Богу Государь ответ держит». «Царские глаза далеко видят». «Близ Царя — близ чести и

смерти». «При солнце тепло, а при Государе добро». «Ни солнышку на всех не угреть, ни Царю на всех не угодить», «Царь добр, да слуги злы». «Царские милости в боярское решето сеются». «Не от Царя угнетение, а от любимцев царских». «Воля Царя — закон». «Где Царь, тут и правда». «Нет больше милосердия, как в сердце царевом». «У Царя колокол по всей России». «Благо царей — в правде судей». «Народ думает, а Царь ведает». «Как весь народ вздохнет, до Царя дойдет». «Царь да нищий — без товарищей». «В слепом царстве кривой Царь». «Царский глаз далече сягает»...

Не довольно ли? Уже слышен нам тысячеклетный государственный опыт русского народа, умевшего верить своим Царям, чтить их, любить их и служить верою и правдою. Но Государь отреклись от трона, и в народном сердце угасла присяга. Лик народной верности, ответственности и грозного служения отвернулся и вперед выступила харя предателя, преступника и озлобленного раба. От монархии к анархии, от анархии к порабощению антихристом, на долгие годы смуты и тирании.

Таков был соблазн русского престонародья.

III

Перейдем теперь к рассмотрению русского интеллигентского правосознания.

Говоря о русской интеллигенции, следует иметь в виду не просто «верхний» общественный слой, как сравнительно более образованный (в старину — боярство и служилое сословие), но тот кадр, который так или иначе приобщился академии и академическому образованию. История этого кадра начинается в России, в сущности говоря, с Ломоносова и с Московского Университета. Социальные верхи старого времени, конечно, имели своих монархически-лояльных и своих монархически-нелояльных представителей; но прежняя нелояльность сводилась к тому, что бояре и особенно «княжата», не забывшие своего удельного княжения и достоинства, «подыскивались на царство». Это было не республиканство, а особого рода «монархизм в свою пользу», к которому так остро подозрительно относился Иоанн Грозный и который впоследствии дал наиболее показательный и отрицательный плод в лице князя Василия Шуйского, боярина, достаточно «умного» для любой интриги, но совершенно лишённого «дара государить».

Та русская интеллигенция, которую мы имеем в виду, медленно созревала при императрицах Елизавете и Екатерине Второй; ее заграничными «профессорами» были энциклопедисты, Вольтер и Руссо, ее практической школой была первая французская революция; ее политическими выступлениями были

предательское убийство Императора Павла и заговор Декабристов. Этим определилось ее направление; в этом сложилась ее традиция; и от этой политической традиции она и поныне не освободилась до конца. Это направление было революционно-республиканское, с своей стороны подготовленное революционно-монархической традицией XVIII века (дворянские перевороты 1730, 1740, 1741 и 1762 годов). Однако традиция XVIII в. («революционно» возвести на трон новую царицу) получила новое направление: Руссо с Вольтером и Робеспьер с Дантоном убедили русских интеллигентов того времени, что республика означает «свободу» и что поэтому она выше монархии...

Отсюда эта беспочвенная мечта строить Россию без Царя в голове. Первым осуществлением этой мечты должно было стать освобождение русского крестьянства без земли, как это проектировали Декабристы; оно неминуемо пролетаризировало бы и ожесточило бы всероссийское крестьянство и возобновило бы разиновщину и пугачевщину в невиданных еще размерах. Император Николай I удержал Россию на краю гибели и спас ее от «бессмысленного и беспощадного бунта». Мало того, он дал русской интеллигенции срок, чтобы одуматься, приобрести национально-государственный смысл и вложиться в подготовленные им реформы Императора Александра II. Пушкин осуществил эту необходимую эволюцию огосударствления русского правосознания — первый, в самом деле, и для себя и для других. Через 10 лет после его смерти ту же эволюцию пережил Достоевский, увидевший в каторге дно российского простонародья, отвернувшийся от республиканства и социализма, и отчетливо показавший русскому народу — и его верный национально-монархический лик (в «Дневнике Писателя»), и его внерелигиозные соблазны и опасности, и анархо-криминальную рожу («Бесы»).

Постепенно сложилась и окрепла монархически-лояльная русская интеллигенция, окружившая Александра II Освободителя и осуществившая его реформы. Но именно эти реформы, столь блестяще доказавшие творческие силы верно окруженного русского Государя, — ожесточили не передумавших республиканцев и революционеров и побудили их во что бы то ни стало искать путей к западному подражанию. «Западники» были лояльным аванпостом этого течения; народовольцы и им подобные организации пошли в открытую на террор; Бакунин с Нечаевым образовали крайнюю левую этого движения, которая подобно Петру Верховенскому («Бесы») искала братания с уголовным миром. Последовал целый ряд покушений на драгоценную жизнь Царя-Освободителя: выстрелами, подкопом дворца, взрывом поезда и, наконец, бомбами. Напрасно было бы объяснять это тем, что господа «народовольцы» считали новые реформы «недостаточными» и добивались их углубления. Совсем нет. Здесь дело шло о монархии: ее творческие успехи, ее во

многих отношениях демократические реформы, ее растущая в народе популярность — все это было нестерпимо для революционеров-республиканцев-социалистов из подпольных кругов; им надо было вбить клин недоверия, страха и компрометирования между Царем и народом. Реформа в их глазах пресекала и обессиливала революцию. Перемены должны были идти не через Царя и не от Царя, а помимо него и против него; эти перемены не должны были привлекать сердца народа к Царю, ибо это тормозило в глазах одной части революционеров — революционную республику, в глазах другой части — анархию черного передела. Все это было движением революционного максимализма, который впоследствии, на переломе XX века, развернулся в виде большевизма.

IV

Было бы несправедливо и исторически неверно смешивать воедино таких умеренных «западников», как Грановский и Тургенев, с неумеренными западниками наподобие Герцена; было бы еще несправедливее объявлять Герцена «ранним большевиком». Но идейно и духовно водораздел шел именно здесь. Верить ли в спасительность монархии для России? Строить ли Россию, верно помогая ее Государям, ч е р е з них и от их лица?

Или же считать монархию главным препятствием русского прогресса и требовать для России «последовательного и полного народоправства», т. е. учредительного собрания, выборов по четырехчленной формуле, республики, федерации и т. д. И этот водораздел был с особенной ясностью и совершенно недвусмысленно формулирован одним из виднейших политических идеологов «февраля» Ф. Ф. Кокошкиным, противопоставившим «старую ненавистную монархию», той республике, которая «бесспорно в наших глазах не может не быть наилучшей формой правления» (Республика, стр. 12-13). Такова была затаенная мысль конституционно-демократической партии: монархический строй, даже и парламентарный, был для «ка-детов» с самого начала «ничем иным, как компромиссом» (там же, стр. 7), и Ф. Ф. Кокошкин признает даже, что они «стояли на почве социалистического мировоззрения» (там же, стр. 6).

Все это вместе взятое и определяет собою тот водораздел, о котором мы упомянули выше. Искренно-лояльной, — монархической интеллигенции, которая за последние годы перед революцией группировалась вокруг Столыпина и его аграрной реформы и о которой заграничные наблюдатели этой реформы (например, берлинский знаток профессор Зеринг) давали такой блестящий отзыв, — противостояла тайно-нелояльная интеллигенция, для которой республика была «бесспорно наилучшей формой

правления». Монархия была для них временно необходимым средством, тактически приемлемой переходной ступенью. Они как будто только и ждали того, чтобы пробил час ее исчезновения или свержения. И вот, дождались... Но они, конечно, не только и не просто «ждали», а делали все возможное, чтобы политически изолировать Царя и его верных помощников и скомпрометировать все их строительство. Вот откуда категорический отказ «кадетских» лидеров от переговоров о вступлении в состав царского министерства; вот откуда их борьба против Столыпина и его реформы; вот откуда клеветническая речь Милюкова в ноябре 1916 года («глупость или предательство»). Вот почему в отречении Государя они увидели не всероссийскую катастрофу, а часть «освобождения» России от «ненавистного режима», часть перехода к «наилучшей форме правления»!..

Замечательно, что это русское предреволюционное республиканство охватывало не только весь левый сектор «общественности», но и часть более правого. Русская радикальная интеллигенция вряд ли смогла бы назвать в своих рядах какого-нибудь монархиста; разве только Илью Фундаминского, но уже в эпоху эмиграции... И как же он шокировал своими настроениями и речами весь остальной левый сектор эмиграции, ставивший себе в особую заслугу топтание «на старых позициях». Что же касается предреволюционного времени, то можно уверенно сказать: левее конституционно-демократической партии вся русская интеллигенция, а особенно полунинтеллигенция, считала монархию «отжившей» формой правления. И если бы кто-нибудь захотел от нас доказательств, то нам было бы достаточно указать на так называемые «юмористические журналы» 1905-1906 годов; они все были полны стишками, памфлетами и карикатурами, так или иначе восхвалявшими цареубийство или прямо призывавшими к нему (о, конечно, прикровенно, в дерзко-прозрачных намеках!). Журнальчики эти брались публично нарасхват и комментировались на всех перекрестках. Был один враг: Государь и Династия, и этот враг должен был быть скомпрометирован; лишен доверия и уважения и поставлен под угрозу изгнания или убийства.

Спросим же: почему вся эта политически неопытная, близорукая и полубразованная толпа — республиканствовала? Почему? Где и в чем они видели республиканские способности и добродетели русского народа? О чем они думали? На что надеялись? Ответ может быть только один: «на западе республика возможна и устрояюща, почему же она у нас была бы невозможна? Республика есть (по слову Ф. Ф. Кокоскина) наилучший способ правления; к тому же, он нас сразу же и усовершенствует»... Нам нет надобности отвечать на этот ребячий лепет; история уже дала на него ответ и притом страшный ответ.

Одинаково и правее «кадетов» имелись республиканские фигуры вроде А. И. Гучкова, своевременно воспевавшего младотурецкий переворот и считавшего себя призванным провести нечто подобное и в России. Это, конечно, не было случайностью: издание пресловутого «Приказа номер 1» по армии, вышедшего в бытность его военным министром Временного Правительства и им никак и нигде не отмененного и не дезавуированного; не была случайностью и его поездка в Ставку для принятия отречения из рук Государя.

Психологически можно понять, что последние назначения министров многим не казались убедительными; и что влияние известной зловещей фигуры, вращавшейся в сферах, могло многих и тревожить и возмущать. Но фигура эта уже исчезла, а вместе с нею и опасность ею обусловленная. А идея о том, что Императорский Трон ничем не заменим в России, что Государю невозможно отречься и что нужно помогать ему до конца и не покидать его с самого начала — была многим, по-видимому, чужда.

Вот что мы можем установить по вопросу о политическом правосознании русской интеллигенции предреволюционного времени. Она промотала, проболтала, продешевила свою верность монархической России; она не сберегла, а опошילה свое правосознание. И с ребячьим легкомыслием воображала и себя, и русское простонародье республикански созревшим народом.

Трагедию же изолированного Царя она совершенно не могла постигнуть и осмыслить как трагедию гбнущей России.

V

Итак, монархия в России сокрушилась — так неожиданно, так быстро, так трагически беспомощно — потому, что настоящего, крепкого монархического правосознания в стране не было. В трудный, решающий час истории верные, убежденные монархисты оказались вдали от Государя, не сплоченными, рассеянными и бессильными, а бутафорский «многомиллионный Союз Русского Народа», в стойкости которого крайне-правые вожаки уверяли Государя, оказался существующим лишь на бумаге.

Все это не могло не отразиться на самочувствии Государя и правящей Династии. Близился грозный час, когда Государь мог почувствовать себя изолированным, преданным и бессильным; когда могла понадобиться борьба за Трон, а сил для этой борьбы могло не оказаться. И час этот пробил.

Это не есть ни осуждение, ни обвинение. Но прошло 35 лет, и ради восстановления монархии в России мы обязаны выговорить историческую правду. Царствующая русская Династия покинула свой престол тогда, в 1917 году, не вступая в борьбу за него; а

борьба за него была бы борьбой за спасение национальной России. Конечно, это оставление Престола имело свои психологические и нравственные основания. Ему предшествовало длительное и притом агрессивно оформленное давление революционного террора, то поддерживаемого, то прикрываемого республикански настроенной частью интеллигенции. Покушения на благостного реформатора Александра II, закончившиеся злодейским убийством его, могли сами по себе поколебать в Династии веру в ее миссию и доверие ее к русской интеллигенции. Убийство Великого Князя Сергея Александровича и прямые угрозы цареубийством в нелегальной и даже легальной («юмористической»!) прессе — должны были обновить это ощущение. Упорное противодействие левых Дум, «Выборгское воззвание» и убийство П. А. Столыпина в присутствии Государя — все это говорило языком недоверия к Престолу, языком ненависти и угрозы. А между тем, никакого отпора этим угрозам, никакой бескорыстно-монархической мобилизации общественности, никакого искреннего, организованного порыва к Престолу в стране не наблюдалось. Русский народный монархизм оставался пассивным и не давал Династии живого ощущения — доверия, любви, поддержки, весомости и единения. При таком положении дел воля Государя могла почувствовать себя изолированной, одинокой, бессильной или даже, как внушали генералы главного командования, — прямой помехой в деле национального объединения и спасения.

Помимо этого, в первом отречении от Престола и во втором отказе немедленно принять власть — было столько живого патриотизма, опасения вызвать гражданскую войну на фронте и в тылу, столько царственного бескорыстия, скромности в учете своих личных сил и христианского принятия своей трагической судьбы («день Иова многострадального» — был днем рождения Государя, о чем сам Государь часто вспоминал), что язык не повертывается сказать слово суда или упрека. И тем не менее историческая правда должна быть выговорена — во имя будущего.

В своем замечательном исследовании, легитимно-обоснованном и лаконически-точном («Императорский Всероссийский Престол», Париж, 1922 г.), сенатор Корево ставит вопрос о том, имеет ли Государь Император Николай II право отречься от трона и дает такой ответ: «в российских основных законах отречение царствующего Императора вовсе не предусматривается. Отречение до занятия Престола считается возможным, но принципиально лишь тогда, когда засим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании престола» и когда царствующий Государь разрешает и санкционирует такое отречение. «С религиозной же точки зрения отречение Монарха Помазанника Божия — является противоречащим акту Священного Его Коронавания и Миропомазания» (стр. 26-38-42).

Далее сенатор Корево указывает на то, что Государь передал право на престол Великому Князю Михаилу Александровичу, «не удостоверясь в его на то согласии» (стр. 41), т. е. не обеспечив в труднейший час истории непрерывность законного престолонаследника.

Право отречения за наследника Корево, по справедливости, отвергает совершенно; он считает главным и основным условием законности отречения, чтобы «за сим не предстояло никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола», а отречение за наследника не могло не создать таких затруднений (стр. 29-30). Корево признает, что Великий Князь Михаил Александрович вступил на престол в час отречения Государя; что он от престола прямо не отказался, но немедленного восприятия верховной власти тоже не осуществил и обусловил такое восприятие «волею великого народа», имеющего высказаться в Учредительном Собрании. И вот, Корево прав, когда характеризует все это как «полное нарушение Основных Законов»; и в объяснение такого нарушения он ссылается на «революционное насилие и измену» (стр. 125, 42).

VI

В действительности дело обстояло так, что и Государь и Великий Князь отреклись не просто от «права» на престол, но от своей, религиозно освященной, монархической и династической обязанности блюсти престол, властно править, спасти свой народ в час величайшей опасности и возвращать его на путь верности, ответственности и повиновения своему законному Государю. Нам трудно ныне понять, что двум последним государям нашей правящей династии — Николаю Второму и Михаилу Второму — никто из их окружения (военного или штатского) не сказал в виде верноподданнического совета, что у них в силу русских Основных Законов, коим они присягали и кои составляют самый основной и строгий строй монархического государства — нет права на отречение от престола в час великой национальной опасности и при совершенной необеспеченности в дальнейшем наследовании. Объяснить отсутствие такого совета изменою, утомлением, растерянностью людей можно. Но этих объяснений мало: в глубине событий, за всем этим скрывается и открывается отсутствие крепкого и верного монархического правосознания — в высших кругах армии и бюрократии. Если была измена, то Государь был в праве уволить изменников и призвать верных; и дальнейшая гражданская война показала, что такие верные имелись и что они пошай бы на все. Но те, кто советовал Государю и Михаилу Александровичу отречься, должны были знать и понимать, что они действуют уже не как монархисты, а как республиканцы.

И вот состоялось личное решение Государя: он отрекся за себя и за наследника. Быть членом династии значит иметь не только субъективное право на трон (в законном порядке), а священную обязанность спасать и вести свой народ, и для этого приводить его к чувству ответственности, к чувству ранга, к законному повиновению. Династическое звание есть призвание к власти и обязательство служить властью. Одна из аксиом правосознания состоит вообще в том, что от публично-правовых обязанностей одностороннее отречение самого обязанного невозможно; именно эта аксиома и признана в российских Основных Законах. В труднейшие часы исторической жизни Монарх блюдет свою власть и властью ищет национального спасения. Вспомним Петра Великого в часы стрелецких бунтов; или в то время, когда «внезапно Карл поворотил и перенес войну в Украйну»; или во время Прутского сидения и несчастья. Вспомним Императора Николая I, шествующего по улицам Петербурга навстречу восставшим декабристам... Отрекся ли бы от власти Царь Алексей Михайлович во время разинского восстания? Отрекся ли бы Петр Великий, уступая бунту стрельцов? Императрица Екатерина во время пугачевских восстаний? Император Александр III при каких бы то ни было обстоятельствах? ..

Но за последние десятилетия уверенное и властное самочувствие российской правящей Династии как будто бы поколебалось. Быть может, революционный напор ослабил у нее веру в свое призвание, поколебал в ней волю к власти и веру в силу царского звания; как будто бы ослабело чувство, что Престол обязывает, что Престол и верность ему суть начала национально-спасительные и что каждый член Династии может стать однажды органом этого спасения и должен готовить себя к этому судьбоносному часу, спасая свою жизнь не из робости, а в уверенности, что законное преемство трона должно быть во что бы то ни стало обеспечено.

Вот откуда это историческое событие: Династия в лице двух Государей не стала напрягать энергию своей воли и власти, отошла от престола и решила не бороться за него. Она выбрала путь непротивления и, страшно сказать, пошла на смерть для того, чтобы не вызывать гражданской войны, которую пришлось вести одному народу без Царя и не за Царя...

Когда созерцаешь эту живую трагедию нашей Династии, то сердце останавливается и говорить о ней становится трудно. Только молча, про себя, вспоминаешь слова Писания: «яко овча на заклание ведеса и яко агнец непорочен прямо стригущего его безгласен»...

Все это есть не осуждение и не обвинение; но лишь признание юридической, исторической и религиозной правды. Народ был освобожден от присяги и предоставлен на волю своих соблазни-

телей. В открытую дверь хлынул поток окаянейшего в истории напористого соблазна и те, которые вливали этот соблазн, желали власти над Россией во что бы то ни стало. Они готовы были проиграть великую войну, править террором, ограбить всех и истребить правящую Династию; не за какую-либо «вину», а для того, чтобы погасить в стране окончательно всякое монархическое правосознание.

Грядущая история покажет, удалось ли им это или нет.

А на нас, на поколение русских людей, скорбью и мукой переживших эту революцию, лежит обязанность спросить себя, в чем же состоит сущность здорового, крепкого и глубокого монархического правосознания и как нам возродить его в России.

VII

<«ПОЧЕМУ СОКРУШИЛСЯ В РОССИИ МОНАРХИЧЕСКИЙ СТРОЙ?»>

Мы уже не раз ставили этот вопрос в «Наших Задачах», но ни один ответ свой мы не считали исчерпывающим и всесторонним. А между тем русскому человеку, если в нем живут национально-патриотические чувства, естественно возвращаться к этому вопросу и добиваться исчерпывающего ответа.

Одна из основных формул этого ответа должна быть выражена так: русский народ имел Царя, но разучился его иметь. Был Государь, было бесчисленное множество подданных; но отношение подданных к их Государю было решительно не на высоте. За последние десятилетия русский народ распатал свое монархическое правосознание и растерял свою готовность жить, служить, бороться и умирать так, как это подобает убежденному монархисту.

Знаем, что это относится далеко не ко всем русским людям. Помним и никогда не забудем те доблестные воинские подвиги, которые были совершены русской гвардией, армией и флотом в борьбе со смутой 1905 года и со вторгающимся в Россию неприятелем — от рядового до главнокомандующего.

Однако, «умение иметь Царя» знает не только форму воинского подвига, но еще и форму гражданской доблести, государственного разума, политического такта и политической сплоченности. И вот в этом отношении русский народ оказался в роковые часы истории не на высоте. Знаем, что и это относится не ко всем русским людям. И на верхах и в народных низах были люди искренней преданности и служения. Не будем называть имен; укажем лишь на традицию А. Д. Самарина и П. А. Столыпина и вспомним целые кадры русских сенаторов,

дипломатов и членов Государственного Совета. Служение им и государственные заслуги — незабываемы.

Но единой и организованной монархической партии, которая стояла бы на страже трона и умела бы помогать монарху — не было. А те, которые пытались выдавать себя за такую «партию», вели линию не государственную, а групповую и не понимали своих исторических и государственных заданий.

Спросим нашу историческую память — где была и что делала эта «монархическая партия» в трудные минуты колебания земли и трона, в мучительные, а потом трагические часы жизни Государя?

Когда вкрадчивый и с виду добродушный лукавец Сухомлинов, назначенный военным министром в 1909 году и чуть-чуть не назначенный Главнокомандующим Русской Армией в 1914 году, пытается несколько лет подряд уверить Государя, ссылаясь на телеграммы приамурского генерал-губернатора Унтербергера, будто война грозит совсем не с Германией, а с Японией; когда он вслед затем, к ужасу Столыпина, пытается упразднить привисленские крепости (Варшаву, Новогеоргиевск, Ивангород); когда он затем начинает демонстративно вымогать у министерства финансов сотни миллионов на якобы вооружение русской армии, с тем чтобы не использовать эти кредиты (к началу войны 1914 г. им было не использовано 250 миллионов рублей!) и оставить русскую армию без подготовки и без снарядов, — что сделали эти «монархисты», чтобы открыть глаза доверчивому монарху и спасти армию? Ничего! — Когда тень мнимого «богомольного» появилась у трона, распространяя гибельный яд распутства, хвастовства, сплетен, клеветы и коррупции, — что сделала эта «партия» для того, чтобы грудью прикрыть чистоту трона и оберечь его всенародный ореол? Когда и где они дерзнули, спасая Россию заслужить себе немилость Государя открытою правдою, так, как это делали в свое время Филипп Митрополит и князь Яков Долгорукий, а впоследствии Столыпин, Кокцов, Джунковский, Самарин, Тютчева и другие? Ибо последнее деяние В. М. Пуришкевича было не партийным, а личным... Нет, они не дерзнули произнести открыто достойную и спасающую правду, но держали себя как «незнайки» и «хороняки»...

А когда они увидели, что гвардия легла костями на полях сражений и потеряла свой первоочередной состав, подумали ли они о том, что императорский трон потерял основной кадр своих ближайших защитников и что необходимо заполнить эту страшную брешь новым, идейно непоколебимым отбором? И сумели ли они убедительно доложить об этом самоотверженному Государю, или продолжали успокаивать его пусто-хвастливыми извещениями о «многомиллионном Союзе Русского Народа», не

разумея ничего в событиях и подготавливая февральскую беззащитность трона?!

А когда саботаж Сухомлинова, приписываемый почему-то его «легкомыслию», довел дело в 1915 году до великого крушения фронта, осмелилась ли эта «партия» представить Государю, что в неудачной войне бремя и ответственность главнокомандования не должны падать на Монарха; что большая стратегия требует воли, волевого мышления, опыта, знания и особенно полководческого таланта, а не только личного обаяния и благостного благородства; что всякая война есть только одна страница в истории народа, а Государь призван обзирать все ее страницы и не должен отдавать трон, этот вековечный источник национального правосознания, в залог успеха именно этой войны? Кто из тогдашних «партийных» монархистов был достаточно зрел, государственно дальновзорок и независим, чтобы «прямить Царю», не думая о личных последствиях?

Когда же совершилось неизбежное и Ставка не-оказалась необходимым для войны волевым стратегическим центром (вспомним хотя бы отказ генерала Эверта от наступления на западном фронте в 1916 году!), несмотря на то, что армия была богата доблестными, опытными и вдохновенными полководцами; когда Государь почувствовал себя переутомленным и, видя бунт петербургской черни и поведение Думы, заколебался о троне — где оказались тогда представители этого якобы «многомиллионного Союза Русского Народа»? Поспешил ли их организационный круг к подножию трона, чтобы укрепить нервно переутомленного и семейно озабоченного Государя, чтобы дать ему хотя бы двадцатитысячный резерв верных и непоколебимых монархистов всех видов оружия, или же он сокрылся в безответственности и неизвестности, предоставляя Государю одиноко решать страшный вопрос? Кто из них решился сказать ему, что русские Основные Законы не знают права на отречение, что Помазанник вообще не отрекается от своего трона в час всенародной беды; что преемство трона в данный час не подготовлено и не обеспечено; что необходимо отстаивать трон как залог единства России; что отречься значит развязать всю страну от трехвековой присяги и повергнуть ее в анархию, что есть еще верные люди и что они готовы исполнить свой долг до конца?! Таких верных и мужественных советников не оказалось у трона. Трон был ими изолирован, покинут, предоставлен своей собственной судьбе. Были командующие, советовавшие Государю отречься. Почему же не было мудрых офицеров и политиков, которые умолили бы не отречься, а бороться за трон, как источник национального спасения?!

А потом, когда Государь и его семья остались одиноки в Царском Селе, — что сделала эта «партия»? Ринулась ли она на спасение трона? Пыталась ли она заставить членов временного

правительства и советский сброд — спасти Государя и увезти его за границу; найти те средства, которые оказались бы действительными и побудили бы революционеров чтить и беречь жизнь Государя и его невинных детей? Куда девались эти люди, умевшие дотоле расходовать только на один свой убогий журнальчик «Земщина» двести тысяч рублей ежегодной казенной субсидии? — А потом, когда Государя увезли в Тобольск, сумели ли они поставить вместо предателя Соловьева хоть одного своего верного человека для связи? А трагедия Екатеринбурга? Что они сделали для ее предотвращения? Где они все в это время находились? Переодевались? Укрывались? Спасались? И предавали своего всероссийского монарха?.. И наконец, когда опасность стала угрожать всем членам Династии, кто из этих «монархистов» пытался уговорить каждого из Великих Князей беречь себя не для себя, а для России? Кто из них сумел поставить династический вопрос на должную высоту, при которой быть членом Династии не значит иметь «право» на произвольное отречение и не значит готовиться к пассивному революционному мученичеству, но значит быть обязанным занять трон в положенный час, готовиться к этому и считать себя органом общенародного спасения? И если никто из «верных» монархистов не подумал тогда об этом, то о чем же они думали? Да и думали ли они о чем-нибудь, кроме личного спасения?

Мне известно, что были героические исповедники, подобные московскому протоиерею Восторгову, шедшие на смерть и принимавшие ее; или подобно тому монархисту Матусову, которого я видел в подвале «чеки», где он во всех служебных орденах и в своих партийных значках вызывающе требовал себе расстрела за верность Государю. Но сколько бы ни было таких, — они не составляли того, в чем нуждалась Россия, т. е. продуманной, организованной и отстаивающей национальный трон политической партии. Такой партии в России не было.

История удостоверяет нам, что имелась партийная «головка», постоянно добивавшаяся от правительства то избирательных, то пропагандных субсидий, довольная обильным получением и отзывавшаяся грубыми выходками на недостаточное получение или на прямой отказ (см. у В. Н. Коковцова. «Из моего прошлого», II, стр. 164-165 и др.). Но это и было не служение, а личное устроение; не партия монархистов, а группа вымогающих просителей; это была не опора трона, а собрание льстецов. И те из них, которым удалось впоследствии спастись за границу, промышляли этим и в эмиграции: «если от вас не будет субсидии, то возьмем из другого источника, но тогда уже будем работать против вас».

От таких людей — ни тогда, ни теперь — не следует ждать для монархии ничего, кроме вреда. Монарху нужны люди дальнозоркие, умеющие разуть знаки истории и верно предвидеть

зарождающиеся опасности. Монарху нужны люди правдолюбивые, а не рисующие угодливо оптимистические горизонты там, где история нависает над людьми черной тучей. Государю нужны совестные советники, а не ловцы субсидий. Государю нужен кадр непоколебимых стоятелей, знающих, разумеющих, волею твердых, за которых дела говорят громче лукавых и льстивых слов.

России нужна была настоящая монархическая партия, а ее тогда не оказалось.

Почему? Как объяснить это?

VIII

Настоящей, ответственной монархической партии, с глубоко продуманной программой и верной, активной политической тактикой — в России перед революцией не было. Потому монархисты и не могли ни поддержать трон и династию, ни выдвинуть в роковые дни свой крепкий кадр, ни отстоять неприкосновенность и жизнь отрешившегося Государя. Русские монархисты полагали, что они призваны восхвалять, поздравлять, ждать распоряжений, угождать, демонстративно повиноваться, испрашивать субсидии и уверять в своей преданности; но самостоятельное политическое мышление, но государственная ответственность, но смыкание верного, активного кадра, но создание реальной, силовой опоры для трона — все это «не входило» в призвание «русской» монархической партии. Монархисты как бы «висели» на троне, но не составляли его социального и политического фундамента. И в тот момент, когда трон формально «замолк», оказалось, что монархисты рассыпались прахом и сошли на нет.

Монархический строй сокрушился в России потому, что русский императорский трон имел в стране историческую традицию правосознания, но не имел идейного кадра, дальновидного, сплоченного и способного к активным выступлениям. Русские монархисты обязаны осознать это, с горечью и скорбью признать это, осудить себя и не возвращаться более к этой «политике» пустых фраз и хвастливой пропаганды. Реальная политика не делается ни словами, ни резолюциями, ни восторгами, ни поздравлениями; тем более она не делается пустословными и заведомо неправдивыми уверениями, будто «нас тьмы, и тьмы, и тьмы»... С этим надо покончить: монархист повинен своему Государю не хвастовством и обманами, а правдою и грозно-честным служением.

Монархической партии в истинном смысле этого слова в России не было уже вследствие того, что самая политическая культура страны была в этом отношении первобытна: она только еще начинала завязываться, крепнуть и находить свои формы.

Самая идея «политической партии» находилась вплоть до 1905 года под запретом. До тех пор русские политические партии могли существовать и работать только нелегально, без разрешения или даже в запрещении; и те из них, которые вступили на этот путь раньше, могли бы уже иметь, казалось бы, некоторый организационный опыт. Однако и их опыт оказался скудным, беспомощным и бездейственным. Достаточно вспомнить, например, что социал-демократы-меньшевики и социалисты-революционеры, давно уже возившиеся в своем подполье, нисколько не подумали о защите своего «учредительного собрания», не имели в запасе никаких партийно-силовых кадров и разошлись по домам чуть ли не на цыпочках, когда вооруженный матрос посоветовал на ушко их председателю и главному храбрецу Виктору Чернову кончить эту учредительную «канитель» «добровольно».

Русский человек просто не умел еще строить партию и приводить ее в движение. Правда, революционеры научились устраивать небольшие конспиративно-террористические группы и развивать их активность: тайно сговариваться, добывать деньги, подделывать паспорта, уклоняться от полицейской слежки, менять конспиративные квартиры, давать нелегальные ночлеги и явки, обходиться с револьвером и бомбю и устраивать побеги из тюрем.

Но напрасно они воображали, что, усвоив все разбойничьи приемы, они научились политической деятельности. Ловкий «ассасин» вроде Савинкова совсем еще не политик, и вся его суетня имеет только тот смысл, что она силится помешать другому, делающему живую государственную работу. Это политическое неумение, это непонимание здоровой государственности и обнаружилось у левых партий во время того демагогического «аукциона», в который они превратили выборы «учредилки» и во время их суточного «правотворчества». После этого провала им оставалось только вернуться к своей прежней тактике: к покушениям (на Урицкого, на Володарского, на Ленина) и к поместным восстаниям (Ярослав, Тамбов, Кронштадт).

Этим я совсем не хочу сказать, что «искусство партии» далось одним большевикам... Напротив, надо признать, что их организация всегда была заговорщической и тоталитарной, а не лояльно-партийной. Они начали с уличной вербовки и все время отбирали купленных наймитов, соблазненных жадников и расчетливых нырял. Они все время нажимали на массы — голодом, страхом, обещаниями и подачками, развращая человеческую совесть и правосознание; и таким способом строили не партию, а тоталитарный государственный аппарат, осуществляя торжество политической полиции над недумаящим, обманутым и беззащитным обывателем.

Но кому «искусство партии» совсем не далось — это русским монархистам. Они совсем не понимали, в чем же именно состоит

призвание монархической партии в России, где правит «абсолютная» власть монарха... Одно из двух: или монархисты лояльны и принимают эту «абсолютную» власть, но тогда им нечего предаваться — ни самостоятельной мысли, ни самостоятельным действиям; или же они ее не принимают — и тогда их партии лучше не существовать...

Здесь мы находим самую главную причину их политического провала.

Русские партийные монархисты по своей политической наивности всегда были склонны смешивать самодержавие монарха с абсолютизмом и воспринимать власть законного Государя как абсолютную. А между тем это далеко не одно и то же, и власть законного монарха не может быть абсолютной.

Термин «аб-солютной» власти происходит от латинского глагола *absolvo*, что значит развязываю, разрешаю, все дозволено. И вот абсолютизм утверждает, будто монарх стоит выше всякого права и закона; будто власть его не знает никаких границ; будто ему все позволено, — всякое произволение, бесправие, противозаконие и преступление.

«Самодержавие» монарха указывает как раз на обратное: на правовую и законную природу его власти. Самодержавный монарх есть высший правовой орган государства; его верховенство устанавливается правом и есть правовое верховенство. Власть монарха не дается ему ни от иноземных, ни от внутригосударственных сил (напр., от армии, от гвардии, от народного голосования, от дворянства, от финансовых кругов); нет, она принадлежит ему в силу закона и возводит его ответственность к высшим источникам правосознания — к совести, к патриотизму, к Богу. Осуществляет же он ее независимо от всякой чужой воли, именно постольку, поскольку закон присваивает ему его основные полномочия — законодательные, исполнительные, судебные и воинские. В этом его «самодержавие».

Это необходимо продумать и понять раз навсегда: самодержавие отвергает, осуждает и исключает абсолютизм; а абсолютизм отвергает основное в правах Государя, ибо он не признает его законным монархом, он отрицает его высокое звание верховного субъекта права, он снижает его звание до звания тирана, он разлагает и разрушает самую правовую форму монархии. Именно поэтому абсолютизм не совместим с самодержавием, этим высшим проявлением законности на троне, правосознания у Монарха, чувства обязанности и ответственности у верховного в государстве лица.

Тиберий, Калигула, Нерон и другие римские тираны — не были самодержавны; они получали свою власть «милостью легионов» и всходили на трон, не признавая ни закона, ни права, ни границ своей власти. Как тираны, они развертывали свой абсолютизм, правили страхом и злодейством, прикрывали все это своей

мнимой «божественностью» и рушились в преступность и позор. Людовик XI, Людовик XIV, Иоанн Грозный шли по их следам и несли бедствия своим народам и государствам.

Абсолютный монарх «все смеет» и «все может», чего желает его политическая или иная похоть ("son bon plaisir"). Но самодержавный Государь «смеет» далеко не все, а лишь законное, законами предоставленное, правое, правовое, государственное, совестное, честное, Богу угодное. Тиранин не связан правом и законом; он призван к разнузданию и осуществляет его в самых фантастических и свирепых формах. Но именно этим он роняет и позорит свое звание монарха. Напротив, самодержавный монарх знает законные пределы своей власти и не посягает на права, ему неприписанные; он знает, что Государь, не блюдуший право и закон, сам подрывает свою власть...

Всякому, не усвоившему эти основы монархического строя, мы советуем внимательно прочесть и продумать хотя бы римского историка Светония («Жизнь 12 цезарей»), «Анналы» Тацита и «Культуру итальянского Возрождения» Якоба Буркхардта. Необходимо понять и усвоить, что есть «абсолютизм», что он вносит в душу монарха и к каким поистине ужасным последствиям он ведет. Напротив, все государи, постигшие опасность абсолютного произволения, не унижали, а возвеличивали звание монарха. Так, Фридрих Великий, уступивший мельнику в Сан-Суси — по приговору судьи — право на мельничный шум; Петр Великий, искавший во всем и всегда писанной законности и всегда напоминавший людям, что законы требуют соблюдения; Александр I, умевший отказывать людям в случаях, когда он чувствовал, что «закон выше него»; и все Государи, умевшие не тяготиться законными формами своего правления, — оставались на высоте своего трона.

Отсюда уже понятно, что законный монарх будет ценить всякое свободно-ответственное слово, всякое честное возражение, всякую государственно-творческую инициативу своих подданных. Петр Великий говаривал: «Полезное я рад слушать и от последнего подданного»... «Весело слушать, когда подданные открыто говорят своему Государю правду; вот чему надо учиться у англичан» (после посещения инкогнито Палаты Лордов). Но тиран не потерпит в своих подданных ни самоличного размышления, ни независимого мнения, ни свободного слова (Джугашвили!).

Поэтому подданные самодержавного Государя отнюдь не должны внушать — ни себе, ни ему — будто он является «абсолютным» властителем, который требует славословия, лести и безоговорочной покорности и не терпит ни самостоятельного мнения, ни творческой инициативы. Вспомним, что главной заботой Петра Великого было — пробудить в своем народе творческую инициативу и подсказать ей верное направление. Напротив, предреволюционные партийные монархисты в России

считали своей единственной задачей — славословие, слепое повиновение, угождение, предупредительность и недерзание иметь свое суждение... Именно поэтому их «партия» не имела ни самостоятельного суждения о происходящем, ни организационного кадра, ни плана действий, ни соответствующих решений и выступлений. Здесь не было зрелого политического мнения и не было борьбы за трон. И Государь с Государыней, неосторожно полагаясь на заверения этой «партии», оказались изолированными и выданными врагам. Это не было сознательное «предательство»; но это была пассивность от неумения иметь Царя; это была выдача от бессмыслия, безволия и бессилия. Ожидания были обмануты; надежды не оправданы. И высокие пленники остались невырученными...

Если русские монархисты желают участвовать в дальнейшем в созидании русской истории, то они должны прежде всего пересмотреть и осудить свое прошлое, обновиться, переродиться, вступить на новые пути и не воображать, будто в происшедшей трагедии русского трона повинны все, кроме них. Они — повинны первые, ибо выдавали себя за верных и преданных.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЫЛА КАТАСТРОФОЙ²

После всего, что произошло в России за последние 32 года (1917-1949), нужно быть совсем слепым или неправдивым, чтобы отрицать катастрофический характер происходящего. Революция есть катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет.

Смута была брожением; народ перебродил и опомнился. Революция использовала новую смуту и брожение, и не дала народу ни опомниться, ни восстановить свое органическое развитие.

Смута была хаотическим бунтом и дезорганизованным разбоем. Революция оседлала бунт и государственно организовала всеобщее ограбление.

Смуту никто не замышлял: она была эксцессом отчаяния, всенародным грехопадением и социальным распадом. Революция готовилась планомерно, в течение десятилетий; в известных слоях интеллигенции она стала традицией, передававшейся из поколения в поколение; с 1917 года она стала систематически проводиться по заветам Шигаева и чудовищным образом закрепляться: она ломала русскому человеку и народу его нравственный и государственный «костяк» и нарочно неверно и уродливо срращивала переломы.

Смута длилась 9 лет (1604 — появление самозванца, 1613 — избрание на царство Михаила Федоровича). Революция тянется уже 32 года и конца ей не видно. Подрастают новые поколения, живущие в России, но не знающие ни ее истории, ни ее священных традиций, ни ее международного положения.

Смута разразилась в сравнительно первобытной России, расшатанной и оскудевшей от террора Иоанна Грозного. Революция была подготовлена и произведена в России, которая культурно цвела, хозяйственно богатела и прогрессивно реформировалась. Россия начала 20 века имела две опасности: войну и революцию. Войну ей сознательно навязала Германия, чтобы остановить ее рост; революцию в ней сознательно раздули революционные партии, чтобы захватить в ней власть.

После смуты Россия была разорена (засевалась всего одна двадцать-третья часть прежней площади); но она сохранила свой национальный лик. Революция разоряет и вымаривает ее систематически, и симулирует ее мнимое «богатение»; она исказила ее национальный лик, отменила даже ее имя и превратила ее в мировую язву, грозящую всем народам.

Поэтому русская революция есть величайшая катастрофа — не только в истории России, но и в истории всего человечества, которое теперь слишком поздно начинает понимать, что советский коммунизм имеет европейское происхождение и что он теперь ломится назад — на свою «родину». Ибо он готовился в Европе сто лет в качестве социальной реакции на мировой капитализм; он был задуман европейскими социалистами и атеистами и осуществлен международным сообществом людей, сознательно политизировавших уголовщину и криминализировавших государственное правление. В мире встал аморальный властолюбец, сделавший науку и государственность орудием всеобщего ограбления и порабощения, — жестокий и безбожный, величайший лжец и пошляк мировой истории, научившийся у европейцев клясться именем «пролетариата» и оправдывать своими целями самые гнусные средства.

Итак, русская революция готовилась на протяжении десятилетий (с семидесятых годов) — людьми сильной воли, но скудного политического разума и доктринерской близорукости. Эти люди, по слову Достоевского, ничего не понимали в России, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы, «идеями» которой они, как голодные дети, объелись и подавились. Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией со времен главного поносителя России — католика Чаадаева...

Русские революционеры не понимали величайших государственных трудностей, создаваемых русским пространством, русским климатом и ничтожной плотностью русского населения. Они

совершенно не разумели того, что русский народ является носителем порядка, христианства, культуры и государственности среди своих многонациональных и многоязычных сограждан. Они не желали считаться с суровостью русского исторического бремени (на три года жизни — два года оборонительной войны!) и хотели только использовать накопившиеся в народе утомление, горечь и протест. Они не понимали того, что государственность строится и держится простым народным правосознанием и что русское национальное правосознание держится на двух основах — на Православии и на вере в Царя. Как «просвещенные» неверы, они совершенно не видели драгоценного своеобразия русского Православия, не понимали его мирового смысла и его творческого значения для всей русской культуры. Они не видели тех опасностей, которые заложены для России — в неуравновешенности русского темперамента, в незрелости русского добродушного, по-детски увлекающегося и шаткого характера и в его много-столетней непривычке активно и ответственно строить свое государство. Они не понимали, что западные демократии держатся на многочисленном и организованном «среднем сословии» и на собственническом крестьянстве и что в России нет еще ни того, ни другого.

Они видели только сравнительную бедность и нравственную удобособлазнимость русского народа — и десятилетиями демагогировали его. И никому из них и в голову не приходило, что народ, непривыкший к политической свободе, не поймет ее и не оценит; что он злоупотребит ею для дезертирства, грабежа и резни, а потом продаст ее тиранам за личный и классовый прибыль... Подпиливали столбы и воображали себя титанами, «Атлантами», способными принять государственное здание на свои плечи. Закладывали динамит и воображали, что удастся снести одну крышу, которая немедленно сама вырастет вновь из «нерухнувшего» здания. Сеяли ветер на все четыре стороны и, пожиная бурю, удивлялись, что их парусную лодчку опрокинуло волною...

На этой политической близорукости, на этом доктринерстве, на этой безответственности — была построена вся программа и тактика русских революционных партий. Они наивно и глупо верили в политический произвол и не видели иррациональной органичности русской истории и жизни. И слишком поздно поняли свои ошибки. Благороднейшие из них признали свои недоразумения и промахи уже в эмиграции (Плеханов, Церетели, Фондаминский), тогда как другие и доселе восхищаются своим «февральским» безумием...

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЫЛА БЕЗУМИЕМ³

Она была безумием, и притом разрушительным безумием. Достаточно установить, что она сделала с русской религиозностью всех исповеданий, в особенности с православной церковью; что она учинила с русским образованием, в особенности с высшим и средним образованием, с русской семьей, с чувством чести и собственного достоинства, с русской добротой и с патриотизмом...

Она была безумием со стороны самых умеренно-революционных и пол у революционных партий, кои вскоре были уничтожены со всеми их планами, программами, кадрами, газетами и традициями.

Но она же обнаружила и безумную беспечность и близорукость правых — охранительных партий, которые не имели ни творческих идей, ни социальных программ, ни верных кадров в стране. Их хватило только на то, чтобы затруднить великую реформу Столыпина... А «крайне-правые» только и умели обманно уверять Государя в «многомиллионности» своего «союза» и в его «верноподданничестве», с тем чтобы в грозный час опасности предать Царя и его семью на арест, увоз и убийство...

Революция была безумием и для русского крестьянства. Русское крестьянство стояло перед исполнением всех своих желаний; оно нуждалось только в лояльности и терпении. Равноправие и полноправие давалось ему от Государственной Думы (законопроект, выработанный В. А. Маклаковым). Земля переходила в его руки столь стремительно, что по подсчету экономистов к 1932 году в России не осталось бы ни одного помещика: все было бы продано и куплено по закону и нотариально закреплено. Земля отдавалась ему в частную собственность (реформа П. А. Столыпина, 1906). К началу этой реформы Россия насчитывала 12 миллионов крестьянских дворов. Из них 4 миллиона дворов уже владело землею на праве частной собственности; а 8 миллионов числилось в общинном владении. За 10 лет (1906—1916) на выдел из общины записалось 6 миллионов дворов из восьми. Реформа шла полным ходом в связи с прекрасно организованным переселением; она была бы закончена к 1924 году. Но революционные партии позвали к «черному переделу», осуществление которого было сущим безумием: ибо только «тело земли» переходило к захватчикам, а «право на землю» становилось спорным, шатким, непрочным и прекарным (т. е. срочным до востребования); оно обеспечивалось лишь обманно — будущими экспроприаторами, коммунистами. Итак, историческая эволюция давала крестьянам землю, право на нее, мирный порядок, культуру хозяйства и духа, свободу и богатство; революция лишила их всего. Подготовительный нажим большевиков начался немедленно вслед за «черным переделом» и

длился 12 лет. Вслед за тем (1929-1935) коммунисты приступили к коллективизации и, погубив казнями и ссылками не менее 600000 дворов и семей, ограбили и пролетаризировали крестьян и ввели государственное крепостное право.

Революция была безумием и для русского промышленного пролетариата. Война 1914—1917 г. поставила его непосредственно перед легализацией свободных рабочих союзов. Революция дала ему — гибель его лучших технически обученных кадров; долгие годы безработицы, голода и холода; порабощение в тоталитарных тред-юнионах; снижение уровня жизни на целые поколения; падение реальной зарплаты; государственную «потогонную систему» (стахановщина); систему взаимного политического сыска, доноительства и концлагеря.

Революция была проявлением безумия и со стороны русского промышленно-торгового класса, который в лице Саввы Морозова, Ивана Сытина и других финансировал революционеров до тех пор, пока не был истреблен ими. А когда гибель стояла уже у порога, этот же самый класс не захотел или не сумел своевременно изыскать средства для борьбы с большевиками. Во время гражданской войны на юге, когда города переходили из рук в руки, — промышленники по уходе белых считали свои «убытки» и «протори» и роптали, а по уходе красных — подсчитывали свои «остатки» и благодарили судьбу за спасение.

Но наибольшим безумием революция была для русской интеллигенции, уверовавшей в пригодность и даже спасительность западноевропейских государственных форм для России и не сумевшей выдвинуть и провести необходимую новую русскую форму участия народа в осуществлении государственной власти. Русские интеллигенты мыслили «отвлеченно», формально, уравнительно; идеализировали чужое, не понимая его; «мечтали» вместо того, чтобы изучать жизнь и характер своего народа, наблюдать трезво и держаться за реальное; предавались политическому и хозяйственному «максимализму», требуя во всем немедленно наилучшего и наибольшего; и все хотели политически сравняться с Европой или прямо превзойти ее.

И теперь еще люди этого сентиментально-мечтательного поколения покидают земную жизнь, не передумав и вменяя себе это самодовольное упрямство в заслугу «стойкости» и «верности»... Они так и не поймут, что глупо глотать все лекарства, полезные другим; что пальмы и баобабы не всюду растут на воле; что страусы не могут жить в тундре; что республика и федерация требуют особого правосознания, которого многие народы не имеют и коего нет и в России. Не поймут, что народы, веками проходившие через культуру римского права, средневекового города, цеха и через школу римско-католического террора (инквизиция! религиозные войны! крестовые походы против еретиков! грозная исповедальня!) — нам не указ и не образец. Ибо

мы, волею судьбы, проходили совсем другую школу — сурового климата, татарского ига, вечных оборонительных войн и словенно-крепостного строя. Что «немцу здорово», то русского может погубить...

Так безумие русской революции возникло не просто из военных неудач и брожения, но из отсутствия политического опыта, чувства реальности, чувства меры, патриотизма и чувства чести у народных масс и у революционеров. Люди утратили органическую национальную традицию и социально-политическое трезвение. В труднейший час исторической войны, когда монарх и указанный им наследник двукратным отречением погасили в народе присягу на верность, — все это вызвало развал правосознания, безумную толкотню и давку из-за эфемерного полноправия и столь же мнимого обогащения захватом. Все это брожение возникло отнюдь не из «нищеты», «гнета» или «разрухи». Брожение шло от нежелания отстаивать Россию и держать фронт и от жажды революционного грабежа. По прозорливому слову Достоевского — русский простой народ понял революционные призывы (Приказ номер 1) и освобождение от присяги — как данное ему «право на бесчестие», и поспешил бесчестно развалить фронт, удовлетвориться «похабным миром» и приступить к бесчестному имущественному переделу. Это бесчестие выдвинуло наверх демагогов-интернационалистов.

Русские летописи пишут о Смуте, что она была послана нам за грехи, — «безумного молчания нашего ради», т. е. за отсутствие гражданского мужества, за малодушное «хоронячество» и непротивление злодеям. Несомненно, что эти слабости и недостатки сыграли свою роль и в нынешней революции. Но были и иные грехи, важнейшие: утрата русских органических и священных традиций, шаткость нравственного характера, безмерное политическое дерзание и отсутствие творческих идей.

ПОЛИТИКА И УГОЛОВЩИНА⁴

Мы переживаем эпоху, в которую политика все более смешивается с грязью. Это надо продумать и из этого надо сделать выводы.

Всякое революционное движение нуждается в денежных средствах. Чем настойчивее, чем нетерпеливее и чем беднее революционер, тем острее становится для него вопрос о добычании денег любыми путями и средствами; чем решительнее он «отвергает капитализм» и чем больше он, в качестве социалиста или коммуниста, «презирает частную собственность», тем ближе он подходит к уголовному правонарушению. Это предвидел Достоевский, у которого Петр Верховенский прямо говорит: «я ведь мошенник, а не социалист». Это предвидел Лесков (в

«Соборянах»): «мошенники ведь всегда заключают свою узурпацию все сумятицы, в которые им небезвыгодно вмешаться». Это предвидел граф А. К. Толстой и другие. Но предотвратить этого развития в России не удалось.

Еще Бакунин, мечтая о русской революции, возлагал свои надежды на русский преступный мир.

Уже в первую русскую революцию (1905—1906) некоторые революционные партии перешли к «экспроприациям», т. е. к ограблениям с убийством и к прижизненным и посмертным вымогательствам (смерть Саввы Морозова).

В страшные годы 1917—20 смешалось все. Люди грабили и уверяли, что они «грабят награбленное». Интеллигентные революционеры присваивали себе чужие дома, чужие квартиры, чужую мебель, чужие библиотеки; и нисколько не стыдились этого. Крестьяне грабили помещичьи усадьбы; революционные матросы — офицеров и городских «буржуев»; чекисты — арестованных; безбожники — храмы; солдаты — военные склады. Революция стала грабежом, следуя прямому указанию Ленина. В марте 1917 года Временное Правительство амнистировало уголовников, считая их, по-видимому, нелегальными борцами против имущественной несправедливости, которые совершали свои уголовные деяния якобы вследствие отсутствия в стране свободы и равенства и якобы жаждали морального возрождения (см. в воспоминаниях заведующего всем розыскным делом Империи А. Ф. Кошко «Очерки уголовного мира Царской России», стр. 214). В то время петербургская дактилоскопическая коллекция с фотографиями преступников и подозрительных лиц достигала двух миллионов (стр. 195) снимков. И вот преступный мир покинул тюрьмы, освобождая их для «контрреволюционеров» — и привычные жители тюрем влились в революцию. Уголовные, принимавшие коммунистическую программу, быстро и легко вращались в партию и особенно в Чеку; уголовные, желавшие грабить самовольно, вне революционной дисциплины, арестовывались и расстреливались. В 1920 году лицо, близкое к профессиональному уголовному розыску, отмечало: «все нынешние преступники — новички, дилетанты; они грешат с голоду, ни скрыть, ни "завязаться", "смыть кровью" не умеют; а профессионалы-рецидивисты, тюремщики — или в партии, или перебиты ею за самовольство».

Главные правила революции гласят: «добро есть то, что полезно революционному пролетариату; зло есть то, что ему вредно», «революции — позволено все»; «законы буржуазных стран не связывают революционера». Все это внушено членам компартии и ее чиновникам. Так возник этот режим; разбойники стали чиновниками, а чиновники стали разбойниками. Уголовные и политики слились. Политическое и уголовное смешалось. В самую сущность новой «политики» были включены: ограбление,

ложное доносительство, незаконные аресты, произвольные мучительства и убийства, вечная ложь, вечное вымогательство и законченный административный произвол. Уголовное (преступное) обхождение человека с человеком стало самой сущностью политики. А политика, принципиально признавая преступление полезным для революции, злое зазвучало всеми цветами уголовщины.

Но что еще хуже: режим, возникший из этого смещения, поставил граждан в такие условия, при которых невозможно прожить без «блата». Это систематически подрывает все основы русского правосознания — вот уже в течение тридцати лет.

Уже в начале революции в широких кругах русского народа (в том числе в интеллигенции!) складывалось сознание, что человек, ограбленный революцией, может вернуть себе свое имущество любыми путями. Именно отсюда все эти бесконечные советские «растраты», «хищения», подкупы, взятки: это есть или революционный грабёж, или же произвольное самовознаграждение пострадавшего от революции. Русское правосознание отвергло государственную природу советских захватов и признало ее делом уголовного насилия. И на уголовщину сверху — стало отвечать «блатом» снизу.

Это понимание приобрело в дальнейшем величайшую популярность в народе под давлением тех хозяйственных мер, которые лишили русский народ свободных и достаточных средств производства и прокормления (социализм!). Нелегальное приобретение стало в России необходимым условием существования при социалистическом режиме. Черный рынок; отчетом прикрытая перетрата и растрата; тайная продажа «казенного имущества»; унос продуктов и полупродуктов с фабрик; ночное расширение крестьянами приусадебных участков; взаимное «одоление» советских директоров; торговля похищенными спецами со стороны ГПУ и ГУЛАГа; ложное доносительство как средство «спасения» и заработка — все виды советской нелегальности, вынужденной социализмом, неисчислимы. Уголовщина оказалась естественным коррективом к коммунистическому бедламу. Здесь человек от голода крадет свою собственную курицу; здесь библиотекарь потихоньку торгует страницами, вырванными из книг, на курево; здесь коммунисты «протаскивают через постель» подчиненных им интеллигентных женщин. Здесь люди в голодные годы доходят до людоедства. Бее это должно быть сохранено для историков последующих поколений. Из всего этого должны быть сделаны выводы теперь же.

В революции политическое вырастает в уголовщину. В социальной и социалистической революции политика и уголовщина становятся неразличимы. В коммунистическом строе люди ищут спасения от голодной смерти и стужи в непрерывной уголовщине.

Тридцать лет упражнения в таком правосознании вряд ли могут быть признаны хорошей подготовительной школой для демократии.

О СТРАДАНИЯХ И УНИЖЕНИЯХ РУССКОГО НАРОДА⁵

Каждый русский, любящий свой народ и гордящийся своей культурой, наверное, не раз спрашивал себя: «Почему именно русскому народу надо переносить такие мучения и унижения? Почему именно России пришлось стать гигантской камерой пыток, всемирным позорищем и рассадником заразы?!»...

Этот вопрос духовно естествен и патриотически понятен; плох тот русский человек, которому он никогда не приходил в голову. Но обычно он формулируется неясно и сбивчиво и это чрезвычайно затрудняет ответ. В нем скрыты по крайней мере четыре различных вопроса: 1. Почему? 2. Кто виноват? 3. За что? и 4. Зачем?

«Почему?» — есть вопрос национально-исторический; это вопрос о причинах русской революции, т. е. об общих и частных факторах, приведших к этой национальной трагедии. — Над разрешением этого вопроса мы все обязаны постоянно думать, созерцая и исследуя, но отнюдь не облегчая себе ответ поверхностной, дешевой и часто клеветнической ссылкой на «реакционное правительство», ссылкой, продиктованной не историческим пониманием, а политической ненавистью.

«Кто виноват?» — есть вопрос обывательски-политический, исходящий из наивного и близорукого представления о том, что все дело в отдельных людях, в их заблуждениях, ошибках, глупостях и преступлениях; что надо этих людей — «сыскать» и по рецепту щедринских «глуповцев» — «сбросить с раската колокольни». — Этот вопрос наиболее лично-страстный и партийно-пристрастный и потому самый неумный и самый опасный; впрочем, и наименее плодотворный.

Третий вопрос — «за что нам это послано?» — есть вопрос религиозно-философский, который следует рассматривать только среди людей однородного миросозерцания и одной религиозной веры; это вопрос самый трудный, ибо он посягает на уразумение путей Божественного Провидения, и потому он обречен на то, чтобы разрешаться как бы «зерцалом в гадании»...

И, наконец, четвертый вопрос — «зачем?» — есть вопрос практически-волевой; это самый важный и плодотворный в жизненном отношении вопрос, над разрешением которого мы все должны были бы неустанно трудиться духовно и политически...

Не следует думать, что все эти вопросы могут быть быстро и окончательно разрешены. Их будут теоретически исследовать и практически разрешать еще целые поколения. Но кое-что

основное, необходимое и полезное для их разрешения должно быть сказано немедленно.

1. Прежде всего — по вопросу о причинах русской революционной трагедии. Они сложны и глубоки: все то, что задерживало политическое и культурное развитие России — климат, почва с ее «мерзлотою», открытая незащищенная равнина, обилие пространств, континентальная замедленность жизни, оторванность от морей, обилие малых и чужеродных племен, особливость языка и быта, положение страны между Востоком и Западом, вечный нажим презрительно-завистливой Европы и вторжения хищно-погромной Азии, бесконечное татарское иго, нескончаемые оборонительные войны, всяческое «воровство», «кривизна» и «неправда» самих русских людей всех сословий (о ней давно уже зывал Хомяков, обличительно и покаянно!), все государственные ошибки, упущения, вся политическая близорукость бывшей русской власти и многое другое... — все это создало известную образовательно-политическую и хозяйственно-техническую отсталость России и русской народной массы; все это затруднило нам нашу национальную борьбу с внешними врагами двадцатого века и с Третьим Интернационалом; все это должно быть впоследствии вскрыто в составе исторических причин крушения Императорской России.

Но при всем том надо признать следующее.

Болезнь, ныне изводящая Россию, а именно: воинствующее безбожие; антихристианство; материализм, отрицающий совесть и честь; террористический социализм; тоталитарный коммунизм; вселенское властолюбие, разрешающее себе все средства — весь этот единый и ужасный недуг имеет не русское, а западно-европейское происхождение. В течение девятнадцатого века русская интеллигенция соблазнялась им как «последним словом передовой культуры», мечтательно, сентиментально и безвольно заражаясь им. В двадцатом веке — многонародно-международная, полурусская, полуинтеллигенция, зараженная им до мозга костей, тупая, волевая и жестокая, — пошла в грозный час мировой войны на штурм, захватила власть в России и превратила нашу страну в опытный рассадник этой духовной чумы. Эта-то чума и принесла нам все наши национальные мучения и унижения, с тем чтобы впоследствии (ныне!) наградить ими и соседние народы Запада и Востока, считавшие себя «неугрожаемыми»...

Но почему же нам не удалось оборониться от этого засилия? — Потому, что русская национальная интеллигенция не понимала своего народа, не разумела его монархического правосознания, не умела верно вести его и отвернулась от своих Государей. И еще: по невежеству, ребячливой доверчивости и имущественной жадности народной массы. И еще: по недостатку волевого элемента в русском Православии последних двух веков. И,

главное — по незрелости русского национального характера и русского национального правосознания.

Запад выносил погубительную идею и программу, но именно потому он сам мог противопоставить ей волевой, социальный и организованный отпор; а в русском народном организме не оказалось — для занесенных в него «бактерий» — необходимых «антитоксинов». Полуинтеллигенция Востока уверовала в западного дьявола, как в бога, и поработила многоплеменную российскую массу — сначала соблазном разнуздания, а потом страхом голода, унижения, муки и смерти...

2. На вопрос о «виноватых» — может быть только один ответ: все виноваты — по-своему и на своем месте. По-своему правители и по-своему подданные; по-своему соблазнитель и по-своему соблазненные; по-своему волевые люди и по-своему безвольные. Однако соблазненные и покоренные, страдающие и унижаемые искупают свою вину мукою, очищаются и преображаются; а ныне правящие, соблазнитель и волевые мучители делают свое дьяволово дело до конца. У одних вина в прошлом, и теперь они поступили бы иначе; а у других вина — и в прошлом, и в настоящем, и до века. И однажды русский народ, совершив свой крестный путь и свое очищение, в благоприятный час истории ответит им по достоинству и по заслугам.

3. Третий вопрос — «за что нам это послано» — пытается сам предвосхитить свой ответ, ибо он обращается не к Богу любви, милосердия и прощения, а к «богу» лютого гнева, «талионной» кары (око за око) и неумолимой жестокости. Однако и такой «бог» должен был бы отмерять каждому грешнику по «талиону», то есть столько кары, сколько греха, справедливою мерою. Мы же видим множество невинных в муке и гибели — беспризорных детей, исповедников, людей светлой веры и светлого порыва, самоотверженных героев; мы видим и средних людей в незаслуженной ими сверхсильной муке. А злодеев и соблазнительей мы видим в животном благоденствии и безнаказанности. Вот почему люди, настаивающие на вопросе «за что?», — неизбежно приходят к самым фантастическим выдумкам: еще недавно один из таких «следопытов» утверждал, будто в русских людях наших дней живут «переселившиеся души» злого народа и иного многогрешного века, ныне претерпевающие свое возмездие в новом обличии... Фантазия — поистине нехристианская!

Посему третий вопрос надо изменить в корне, спрашивая не «за что нам это послано?», а «для чего, в какое испытание, в какое научение и удостоверение, закаление и преображение нам посланы эти мучения и унижения?», с тем чтобы волею и сердцем принять посланное и вступить на предугазанный путь обновления. Не следует думать, будто страдание всегда посылается человеку в наказание за его грехи. Бог не есть Бог мести и безжалостного воздаяния; Он есть Бог искупления, очищения,

одухотворения и преображения. И христианину надлежит помышлять не только о заслуженной мзде, но прежде всего и больше всего — о совершенствовании через сердечное созерцание.

4. И вот, третий вопрос приводит нас к четвертому: «ЗАЧЕМ?» Страдания и унижения русского народа должны умудрить и очистить его, открыть ему новые земные горизонты и новые небесные высоты, пробудить его сердце и укрепить его волю. Весь наш душевный уклад должен быть обновлен: в этой трагедии должен завязаться и окрепнуть новый русский национальный характер, укорененный во Христе, сердечный и волевой, достойный и прямой, без изворотливо-аживой хитрости и с живым чувством духовного ранга. В русской душе должен быть преодолен раб; в ней должно начаться новое гражданственно-свободное правосознание.

Русский человек должен перестать поклоняться чужим идолам и дьяволам. Он должен «вернуться к себе», к живым и драгоценным корням своей национальной культуры. Он должен понять, принять и выговорить свою русскую Идею, с тем чтобы затем осуществить ее во всем — в религии и в науке, в праве и в государственной форме, в искусстве и в труде, в суде, в медицине и в воспитании.

Страдания и унижения революции даны нам для того, чтобы мы увидели ту бездну, в которую нас тянули дореволюционные соблазнитель, и чтобы мы восхотели Божьего; чтобы мы очистились, возродились и заткали ткань новой России. И потому нелепо нам гордиться тем, что мы-де «ничего не пересмотрели» и «ничему не научились»; и еще нелепее нам опять «идти побираться под окнами» западной культуры, западной религиозности, философии и политики, и выпрашивать себе «на бедность» черствые корки европейских рассудочных выдумок. Россия ждет от нас — своего видения, своей веры, своей мысли и новой, своей государственной формы. И мы должны готовиться к тому дню, когда рухнет в России засилие дьявола.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПРЕОДОЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА В РОССИИ⁶

Трагедия русской революции стала возможною вследствие того, что индивидуализация инстинкта в России опередила индивидуализацию духа, а исторические события и испытания требовали иного. Мировая война 1914-1918 г.г. потребовала от русского народа чрезвычайных напряжений и жертв, а главное, несоблазненности и несоблазняемости частным прибытком: нужна была воля к победе, а не к имущественному переделу; необходимо было государственное чувство и великодержавное

понимание, а не классовая зависть и ненависть, не мстительное памятозлобие, подземно тлевшее еще от эпохи крепостного права. События снова поставили русский народ на распутье, как уже не раз бывало в его истории. И было опять два пути, две возможности: или, по слову летописи, «грозно и честно нести дело» России, или же начать «Русь нести розно». Русский народ не выдержал искушения, не справился с соблазном и пошел по второму пути, подсказанному большевиками. Индивидуализированный инстинкт восстал против духа, не внял его призывам, отверг его заветы и предпочел (как говорили тогда) «похабный мир» и всенародный имущественный передел.

Все дальнейшее было этим predetermined. Массы доверились тем, кто их повел по второму пути. А те, которые звали их на этот путь, никогда и не помышляли о России с творческим патриотизмом и никогда не ценили личного начала (ни в инстинкте, ни в духе). Готовился великий обман: массы помышляли о частном прибытке, о частной собственности, об избавлении от непонятного им историческо-государственного «пресса» и о смутно воображаемой «народной власти»; а коммунисты готовили и дали массам — отмену частной собственности, хозяйственное разорение, исторически невиданный и неслыханный (тоталитарно-террористический) зажим государственного пресса и новую антинациональную и противонародную, привилегированную «элиту» («компартия»).

В результате этого русский человек, начавший революцию в качестве инстинктивно-индивидуализированного бунтовщика,⁷ заканчивает ее в качестве инстинктивно и духовно-коллективизированного раба. Большевизм был только соблазном; настоящим замыслом был коммунизм. Надо было взбунтовать русского гражданина, чтобы превратить его в крепостного пролетария. Надо было сделать ставку на разнуздание индивидуального инстинкта — чтобы захватить власть; чтобы в дальнейшем раздавить всякую индивидуализацию, как инстинктивную, так и духовную; чтобы подорвать и искоренить (по возможности) всякую духовность — как личную, так и примитивно-коллективную; чтобы коллективизировать инстинкт, оторвать его от духа и закрепить эту коллективизацию нищетой, голодом и страхом. Коммунистическая партия может быть уподоблена свирепому «ордену» (в смысле орденской организации), но только рабовладельческому ордену, без Бога, чести и совести; а режим, созданный ею, подобен огромной рабовладельческой колонии, построенной на искоренении лично-инициативного (инстинкт!) и лично-творческого (дух!) начала и на попытке превратить человека из одухотворенного организма в духовно-опустошенный, но покорный механизм.

Такова трагедия русской революции. Чем же объяснить ее? Как она стала исторически возможной?

Русскому народу всегда была присуща тяга к индивидуализации, склонность русского человека «быть о себе», стоять на своих ногах, самому строить свою жизнь, иметь свое мнение и расширять предел своей личной власти над вещами.

Еще византийские источники, описывая славян, отмечают не только их храбрость и выносливость, их семейственность и целомудрие, их ласковость и гостеприимство, но и в особенности их свободолюбие, их отвращение ко всякому игу, их склонность расходиться друг с другом во мнениях и обнаруживать взаимную страстную неуступчивость (Маврикий, Прокопий, VI век до Р. Х.). В этой характеристике верно подмечено центробежное тяготение славянского характера. Это тяготение не исчезает и в дальнейшей истории России и служит в ней немалую положительную службу. Способность славянина к самостоятельной, лично ответственной инициативе обнаруживается и в истории сербской борьбы против турок за независимость («четничество»). В своей дезорганизующей форме оно выступает в польском «либерум вето», т. е. в праве каждого члена сейма сорвать своим единоличным несогласием всякий по большинству голосов принимаемый закон (1652—1764).

Наряду со славянским элементом надо отметить далее значение равнинного пространства в истории русской индивидуализации. Открытое и обильное пространство облегчает людям обособление и расселение: нет необходимости «уживаться друг с другом» во что бы то ни стало, ибо организационное приспособление друг к другу заменяется расхождением в разные стороны. Теснота жизни и густота населения приучает людей к организующей сплоченности; и обратно.

К этим факторам славянства, равнинного пространства и редкой населенности надо прибавить еще влияние азиатского кочевничества. Кочевничество имеет способность расплывать людей: с оседлого участка не легко уйти, а имущество скотовода и открытая степь сами зовут к уходу и обособлению. Если же азиатский кочевник становился воинственным, то от его неистового грабительского напора страдали все окрестные страны (Чингисхан). Таким образом, Азия дала русскому народу мучительный и заразительный урок противообщественности, ограбления и порабощения: она вдохнула ему в душу склонность разнуздывать инстинкт и богатеть не от творческого труда, а от нещадного нажима на соседа — от смуты и погрома.

Под влиянием этих и других факторов сложилась русская индивидуализированность во всем ее отрицательном и положительном значении. Следы и проявления ее идут через всю русскую историю.

Так, в эпоху уделов каждый княжич получал особый «удел», что вело к бесчисленным несогласиям и усабицам, и обессилило Россию перед лицом вторгающихся монголов. Свободного

соглашения интересов русские люди искали на вечевых собраниях, и если не находили его, то решали дело побоищем. Тяга к самостоятельности и обособлению вызвала к жизни и новгородское «ушкуйничество», которое повело к колонизации Новгородом севера России. На том же пути возникло и наше казачество: это были беглые свободолюбцы, люди вольной инициативы, предпринимчивые индивидуалисты, предпочитавшие анархически-грабительскую авантюру — покорному, тягловому домоседству. Русская колонизация шла целыми столетиями — не в порядке правительственных мероприятий, а в процессе вольного разбегания народа, искавшего «где лучше» и бежавшего от государственного зажима; потому русские казахи «войска» и разместились по окраинам России.

Вся история России есть борьба между центростремительным, созидующим тяготением и центробежным, разлагающим: между жертвенной, дисциплинирующей государственностью и индивидуализирующимся, анархическим инстинктом. Центробежная тяга в известном смысле тоже служила государству, заселяя окраины, отстаивая их от вторжений и постепенно поддаваясь государственно-воспитывающему влиянию Москвы. Напряжения и успехи государственного духа, которым строилась историческая Россия, постепенно укрощали и замиряли порывы анархического инстинкта; и тогда буйный авантюризм или вытеснялся в душах, или уходил на окраины государства, но и в том и другом случае он не угасал, а тлел подпочвенно наподобие горящего торфяного болота. И когда давление центра возрастало (Иоанн Грозный, закрепление сословий при Алексее Михайловиче, государственное напряжение при Петре, усиление крепостного права при Екатерине, напряжение великой войны 1914—1917 г.г.), то подземное тление вспыхивало пожаром и грозило распадом России (Смута 1607—1613, бунт Разина 1667—1668, бунты стрельцов 1682, 1689, 1697; бунт Пугачева 1773—1774, большевистская революция). Русское правительство как бы укрепляло и приводило в движение национально-государственный мускул; но перенапряжение этого мускула отзывалось восстаниями центробежного инстинкта.

Однако, было бы нелепо думать, что историческая Россия строилась больше всего принуждением, страхом и казнью. Государство вообще держится инстинктом национального самосохранения и правосознанием граждан, их полусознанной лояльностью, их чувством долга, их патриотизмом. А в исторической России (XIII-XIX веков) административный аппарат был технически слаб и беспомощен и совершенно не мог проработать силою принуждения огромную пространственную толщу нашей страны. Историческая Россия строилась верою и национальным инстинктом, государственным чувством и правосознанием, а также тяжкими уроками завоевания и порабощения со стороны

иноплеменников (татары, шведы, немцы, поляки, турки). Нажим врагов на незащищенную естественными рубежами Россию — заставлял русский народ осознать свою самобытность, укрепиться духом, центристремительно сплотиться, чтобы затем центробежно раздвинуться и отстоять свои новые рубежи.

Этот процесс постепенно превратил Россию в великую державу и потребовал от русского гражданина великодержавного разума и волеия. Индивидуализированный инстинкт должен был увенчаться индивидуализированной духовностью, т. е. лично окрепшею верою, личным характером, личным правосознанием, личным разумением государственных потребностей и задач России. В критический час истории этого не оказалось и наступила трагедия — разложение фронта и большевистская революция со всеми ее последствиями.

Это не значит, что личная духовность совсем отсутствовала в России. Но в массах она была не укреплена, не воспитана и не организована, а в смысле государственного разума и навыка совершенно слаба.

Личная духовность в России всегда имела свободное дыхание в области веры, ибо Православие (в отличие от протестантизма, утратившего веру в личное бессмертие человека) всегда утверждало лично бессмертную и лично ответственную душу, и (в отличие от католицизма, строящего свою веру на воле, дисциплине и гетерономии) всегда культивировало тайну личного восприятия Бога, личного созерцания святости и личного, автономного совестного делания. Россия не знала инквизиционной системы и системы истребления еретиков: православно верующий был по самой идее своей призван к религиозному самостоянию и личному строительству своей веры — и если это осуществлялось недостаточно (и со стороны верующих, и со стороны церкви), то идея православия и задание его от этого не менялось.

Далее, личная духовность в России строила семью, воспитывала детей и вынашивала тот глубокий и чуткий совестный акт, который так характерен для русского человека. Она вынашивала и выносила русское искусство, начиная от православной иконописи и кончая русской музыкой наших дней. Она создала русскую науку.

Она нашла себе особое выражение в русской армии, где военная организация и личная доблесть солдата шли рука об руку; где Суворов, идя по стопам Петра Великого, выдвинул идею солдата как религиозно верующей и несущей духовное служение личности; где воинская инициатива и импровизация ценились всегда по заслугам.

Личная духовность в России проявлялась и в местном, сословном и церковном самоуправлении, история которого начинается с XII века, в создании артелей и кооперации, в

культурном (музыкальном, театральном и школьном) организаторстве, в хозяйственном творчестве русского крестьянина, купечества и дворянства.

Но, может быть, она нигде не выразилась так самобытно и совершенно, как в русском национальном хоровом пении. В отличие от ряда других народов, заменяющих хоровое пение рубленным речитативом или совместным ревом в унисон, русский национальный хор, никем не обученный, как бы «от природы», без подготовки, исполняет песню во много голосов, по слуху, верно, причем каждый голос гармонически ведет свою мелодическую линию, свободно варьируя подголоски и двигаясь в самобытных тональностях, доселе не определенных музыкальными теоретиками. Русский поющий хор есть истинное чудо природы и культуры, в котором индивидуализированный инстинкт свободно находит себе индивидуальную и верную духовную форму, и свободно слагается в социальную симфонию. Этим и предначертываются пути грядущей России.

Все это можно выразить так:

индивидуализация инстинкта дана русскому человеку, а индивидуализация духа является его исторической задачей;

русский человек имеет душу внутренне свободную, даровитую, темпераментную, легкую и певучую, а духовная дисциплина и духовный характер должны быть еще выработаны в русской народной массе.

Русская душа не может пребывать в рабстве — ни у своих собственных страстей, ни у коммунистов. Она не должна довольствоваться индивидуализацией своего инстинкта; она призвана найти для него духовно верную, личную форму. Русскому человеку предстоит сделаться из «особи» — личностью, из соблазненного «шатуна» — характером, из «тяглеца» и «бунтовщика» — свободным и лояльным гражданином. Тогда Россия окончательно превратится из песчаного вихря — в художественное здание несокрушимой прочности. Она станет поющим хором и хаос не будет ей страшен.

Этим определяется и настоящее и грядущее нашей страны.

Коммунистическая революция есть в действительности глубокая историческая реакция: попытка вернуться к доисторической первобытной коллективности, к недифференцированному состоянию души и общества. И в то же время это есть некоторый радикальный и поучительный опыт, доказывающий разрушительность и жизненную нелепость этого замысла. Нельзя «взять назад» индивидуализацию инстинкта и «отменить» всякую духовность в жизни народа, как попытались сделать коммунисты. Личное начало должно быть утверждено и признано. И Россия возвратит себе все «взятое назад» и «отмененное». Этим и определится ее будущее.

Только этим путем, т. е. воспитанием русского человека к духовности и свободе, воспитанием в нем личности, самостоятельного характера и достоинства, можно преодолеть и все тягостное наследие тоталитарного строя и все опасности «национал-большевизма». Изображать же этот путь духовности, личной свободы и творческой самостоятельности как призыв к национал-большевизму можно, только утратив и смысл и совесть.

1-го мая 1950 г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РЕВОЛЮЦИИ⁸

Двадцатый век нашей христианской эры, этот последний и страшный век, далеко еще не закончил свое течение. Мы только вступаем в его вторую половину. Но политические тенденции его достигли такой зрелости, и зрелость эта доведена до такого предела, что мы можем уже говорить о его своеобразии.

Конечно, третья (атомная) война, если она состоится, вызовет к жизни совсем новые, невиданные и небывалые последствия, но это будут военные события, способы разрушения и истребления, формы гибели и опустошения, а не политические формы. Политически же человеку остается только завершить некоторые способы дальновидения, дальнослышания и химического воздействия на человеческую душу, для того чтобы обеспечить водворение на земле последних унижений, последней бессмыслицы и предельного насилия.

Нам не надо дожидаться водворения этих последних практически-применительных выводов безбожия для того, чтобы уже теперь подвести некоторые основные итоги тому политическому наследию, с которым следующие за нами поколения вступят в жизнь.

1. Первое и основное, чем отличается государство XX века — это сознательный, планомерный и последовательный отрыв его от тех духовных корней, которыми оно доселе держалось и питалось: от религии, от нравственности и от национально-патриотического чувства.

Итак, прежде всего — от религии. Отделение «церкви» от «государства» было бы не ново; западные государства работают над этим уже давно. Новое же государство отделяет друг от друга не учреждения и не финансы двух организаций, но отрывает правосознание своих граждан от религиозного чувства, не только христианского, но и от всякого другого. Оно тщится погасить в душах чувство Бога, память о Боге, идею божественного, священного, благодатного, сверхчувствительно-потустороннего; отнять у гражданина потребность в молитве, дар молитвы, повод для молитвы, всякий свет духовного совер-

шенства и всякий путь святости. Отсюда: поругание святынь, разрушение храмов, истребление или унижение духовенства, система кощунства и запрещение книг Св. Писания. Это есть некое грубое вторжение в исторически и свободно сложившийся строй души: запугивающее, насильственное, мучительное подрезание и засушивание религиозных корней правосознания. И самый «компромисс», допущенный коммунистами впоследствии с внешней видимостью церковности (московская «псевдо-патриархия»), быть попыткой использовать остатки униженной, запутанной, пролганной псевдо-религиозности для служения антихристианскому государству и стерилизованному в безбожии разбойному правосознанию.

История знает эпохи постепенного засыхания и выветривания религиозного чувства у народов. Но это состояние возникало само, оно поражало народ, как крадущееся бедствие и всегда вело к государственному кризису (смуты древнего Китая, разложение Греции в Пелопонесской войне, великие смуты и гражданские войны Рима, современная Франция). В XX веке тоталитарное государство впервые пытается намеренно обезбожить правосознание подмятого им народа. Это есть политический эксперимент в чистом виде. Мы предсказываем ему жалкий исторический провал.

2. С этим тесно связана попытка погасить в душах людей религиозно-совестное чувство добра и зла, т. е. намерение деморализовать граждан, чиновников и самую государственную форму. Мораль, как совестный призыв, как чувство долга, как система обязанностей, как живая дисциплина, владеющая человеком, — презирается, осмеивается, попирается и объявляется контрреволюционным предрассудком. Человек должен «освободить себя от добра, чтобы стать способным ко всецелому "полезному" злу». И вот, провозглашается и систематически внедряется новый критерий добра и зла: «то, что в данный момент полезно интересам революционного пролетариата (т. е. коммунистического правительства и его политической полиции), — то и морально, то и обязательно; всё остальное есть буржуазный предрассудок, измена пролетариату, наказуемое преступление»... Но так как каждый «данный момент» может потребовать иного, противоположного, ибо история по учению марксистов развивается якобы «диалектически», то вырабатывается специальная доктрина жестоковыйного раболепства («диамат», т. е. диалектический материализм, или «истмат», т. е. исторический материализм), доктрина, которая декретируется сверху, подавляет всякое личное наблюдение, соображение и постижение и приучает людей быть покорно-готовыми к совершению любых жестокостей, мерзостей и предательств. Государство поощряет и возвращает в человеке угодливого и деморализованного раба, награждая его, привилегируя его,

заstraщивая и дисциплинируя его в слепом повиновении. Этот раб покорствуется до тех пор, пока боится и пока чувствует силу своего порабощателя. История покажет нам, к чему он окажется склонным и способным в тот момент, когда он почувствует своего «владыку» ослабевающим и осмелится побороть свой страх. Это будет жестокий урок для коммунистов во всем мире.

История человечества есть постепенное освобождение его от рабства и воспитание личности к свободе, достоинству, самостоятельности и чести. В XIX веке никто не предвидел, что декорации демократии вдруг раздвинутся и что из-за них выступит тоталитарный порабощатель. Но, если бы даже этот порабощатель принес людям не принуждение к бессовестности, а строгую порядочность в личной и гражданской жизни (подобно строю Кальвина в Женеве), то и тогда его строй был бы фальшив и подлежал бы отвержению, ибо начало добра должно быть свободно избрано человеком, а не навязано ему.

Всей этой деморализованной и деморализующей государственности мы предсказываем жалкое и позорное крушение: кто возвращает злого раба, тот будет злобно низвергнут этим рабом и сам погибнет от насаждаемого им рабства и зла. И Рим, и Византия явили тому достаточно примеров...

3. И третья основа здорового государственного правосознания — национально-патриотическое чувство — подрывается современным коммунизмом совершенно так же, как и первые две. Любовь к своему родному языку, к отцовской вере и духовной культуре; хранение национального духовного акта, национальной независимости и чести — всё это отвергается как буржуазный предрассудок и как «измена международному пролетариату». Многоплеменные государства известны в истории; антинациональное и интернациональное государство, покушающееся на вселенский объем, появляется впервые. Здесь дело не в приращении племен и народов, а в угашении их своеобразия, в обезличении, в нейтрализации и всесмешении. Так, Джугашвили имел развязную глупость сказать, что у всех народов будет со временем один «общий язык», более похожий на немецкий, чем на русский (бедные китайцы, японцы, арабы, греки и французы!, да и другие народы!). Все эти драгоценные и могучие источники жизни должны быть отвергнуты, должны иссякнуть; их должен заменить противоестественно обезображенный хозяйственный интерес (солидарная покорность эксплуатируемых государством рабов), раз навсегда закрепленный массовой нищетой и политическим терроризмом. И только в час величайшей военной опасности был и здесь допущен лукавый демагогический компромисс: интернационалисты, ведущие государство и войну, решили воззвать к национально-патриотическим чувствам русского народа, ибо сначала почуяли, а потом убедились воочию в том, что лицемерный «пафос» социализма и тоталитаризма не

поднимает народные массы на защиту новой «государственности». Вторая мировая война явила вьаве крушение интернационального государства, порывающего со здоровым инстинктом национального самосохранения.

4. Из этого уже видно то дерзновенное и противодуховное новшество, которое лежит в основе всего этого принудительного безбожия, аморализма и антипатриотизма: презренна и попрана грань, ограждающая индивидуальную человеческую душу. Государственная власть не считает личную душу человека самостоятельным источником воли, мысли и дел. Человек не есть для нее более «субъект права» с неприкосновенными правами и гарантированной свободой: он есть объект произвола, повинный беспрекословным послушанием; он есть трудовой механизм, подлежащий в любой момент — унижению, насилию, изоляции, пытке и казни.

Мало того: ему предписывается, во что верить и во что не верить, как и о чем думать; самая последняя тайна его личностного бытия признается нарушимой и подверженною произвольному воздействию. Таковы все применения длительной пытки (начиная с пытки стоянием, страхом, унижением, голодом, холодом, грязью и побоями) и кончая впрыскиванием обезволивающих и обезличивающих химических веществ. Тело человека рассматривается при этом не как естественное ограждение души от внешнего вторжения, а как естественная дверь, ведущая к изнасилованию души и духа. Медицинская химия становится здесь гнуснейшим орудием духовной фальсификации и душевного порабощения. Такое же значение злодейского изнасилования приобретает и гипнотическое воздействие на душевно-духовный строй личной души. Такое же значение приобретает и всесторонняя государственная монополия — монополия работодателя (входящая в самую сущность социализма-коммунизма), монополия продовольственная, монополия печати, слова и агитации.

Внутренняя жизнь личной души, к неприкосновенности и ненарушимости которой взывал в XIX веке А. С. Пушкин, рассматривается теперь как подлежащая «перевоспитывающему» воздействию. Она подобна как бы «государственному тротуару», по которому волен ходить и которым волен злоупотреблять всякий по требованию тоталитарной полиции; один подслушивает, другой доносит, третий томит в «собачнике», четвертый допрашивает и грозит, пятый выпытывает, «врач» впрыскивает, следователь добивается «чистосердечного признания», а другие ссылают, изводят работой и замучивают насмерть. Мучительства первых христиан и приемы католической инквизиции — не просто «вернулись»; они принципиально включены в самый строй нового государства. Демократия левела, левела до тех пор, пока не были угашены идеи духа, свободы, личности, совести, субъекта права

и гражданина; пока человек не был приравнен дрессированному животному с применением голода, страха, соблазна и мучений.

Такова идея нового государства. Но этим она еще не исчерпывается.

5. Новое, социалистически-тоталитарное государство отличается далее тем, что оно обдуманно, принципиально и последовательно заменяет идею правосознания идеей рабчувствия. Правосознание имеет свои аксиомы: 1. чувство собственного достоинства и уважения к себе и своему духу; 2. способность управлять собою и свободно строить свою жизнь — как внутреннюю (духовную личность), так и внешнюю (субъект права с хозяйственной инициативой); 3. взаимное уважение и доверие правительству. Чем строже и полнее соблюдаются эти аксиомы в жизни, тем выше и благороднее государственность в стране. — Тоталитарный строй попирает эти аксиомы. Соблюдающий свое достоинство — идет на пытки и смерть; самоуправление угашается, и внутренне и внешне; недоверие всех ко всем, подозрение и презрение во все стороны — становятся системой жизни. Верный коммунист есть раб власти; и в то же время он есть рабовладелец по отношению к некоммунистам; шпион-предатель по отношению к своим сокоммунистам; кандидат в палачи для всех. Коммунизм, как система жизни, держится на страхе и предательстве. Боятся все — и застращивающие, и застращиваемые; и каждый должен быть всегда готов купить себе жизнь ценою симуляции, отречения, предательства и доноса. Застращивающие боятся мести своих рабов; и в то же время они боятся расправы со стороны «начальства». А тоталитарное «начальство» охотно казнит не только своих соучастников (Зиновьев, Каменев, Бухарин, Пятаков, Рыков, Максим Горький, Орджоникидзе), но и своих палачей — за то, что слишком старались на службе и слишком много знают (Ягода, Ежов, Берия и др.).

Что же касается граждан, то новое государство считает взаимное недоверие среди них и взаимный шпионаж — лучшей гарантией своей прочности; и не только в низах — ибо какой же возможен политический заговор среди привычных доносчиков — но и на партийных верхах. И сами коммунисты не раз жаловались печатно, что из двух «доверительно» побеседовавших коммунистов — по крайней мере один наверное донесет из страха, как бы другой его не предупредил в этом.

6. Одна из самых жутких особенностей нового государства состоит в открытии «безмерности нажима». Казалось, опыт столетий установил уже, что есть «мера» террора и вымогательства, мера порабощения и голода, до которой режимы держатся, а после которой народное возмущение сбрасывает деспотизм. Даже римские «императоры» и итальянские тираны эпохи Возрождения находили эту меру и падали. Опыт тоталитарного коммунизма показывает, что эта «мера», по-видимому, может быть

растянута и отложена до «безмерности». Весь вопрос в страхе, в организации полицейского аппарата, в голодно-холодном хозяйственном режиме, в монополии печати и, главное, в пренебрежении к смертности населения. Страх парализует мысль и волю; голод и холод довершают этот паралич; полицейский аппарат, отделяющий мужа от жены, детей от родителей и друзей друг от друга развращает и истощает нравственные силы народа; монополия печати убивает общественное мнение, а умелая вербовка палачей с «идейно» задрапированной готовностью не считать казнимых и погибающих — дает тоталитарному государству средства «гугага», «Катыни» и «Аушвица».

Новая государственность не знает меры в принуждении, предела в вымаривании населения, удерживании в казнях, стыда и совести в изнасиловании и погублении человека. Она создала новый способ каторжного правления, новый тип злодейского государства, осуществимость которого зависит от целого ряда условий. А именно: оно тем легче может быть осуществлено, чем больше в народе наивной доверчивости и преувеличенных надежд, чем меньше у него образования и характера, чем неустойчивее его правосознание; оно предполагает в организаторах завершенное безбожие, законченную безнравственность, неутолимое властолюбие и неисчерпаемый садизм; для осуществления такого строя необходима крайняя самоуверенность невежд, не понимающих природу человеческой души и слепо уверовавших в противоестественную доктрину социализма; необходима и школа палачей, организующих террор и политическую полицию. Но, что имеет еще особое значение, это поддержка такого злодейского начинания со стороны людей, лишенных национального и патриотического чувства: здесь очень важно участие людей других наций и рас, не способных одуматься, а может быть даже озлобленных, мстящих и зложелательных. Понятно, что введение такого строя непременно поведет к массовому вымиранию и убиванию, которое примет характер «геноцида» (т. е. национального истребления); и если введение этого строя будет осуществляться изнутри авантюристами чуженационального и интернационального порядка и поддерживаться извне — по соображениям страха, корысти или завоевания — другими государствами, то борьба с ним может стать особенно трудной. Именно такой «геноцид» происходит вот уже 36 лет в России, при участии многих других народов и почти всех других правительств, охотно прикрывающихся на словах своею «неосведомленностью» и «нейтральностью».

7. Понятно, что такое государство, как система насилия, доведенного до национального истребления, может позволить себе все и не останавливаться ни перед чем. Такова планомерная экспроприация и пролетаризация народа, составляющая самую сущность социализма и коммунизма. Наивные меньшевики были

склонны истолковывать программу Маркса в смысле эволюции: капитализм будет все больше и больше пролетаризировать массы и когда пролетаризированные граждане окажутся в большинстве, тогда они «экспроприируют экспроприаторов» и введут райскую «свободу» добренького социализма. Совсем иначе у большевиков: капиталисты и средняя буржуазия экспроприируются немедленно: естественное голодание и казни помогают их исчезновению. Вслед затем экспроприации подвергается мелкая буржуазия, включая сюда и крестьянство; и опять-таки ее исчезновению помогают голод, казни и ссылки в концлагери. Нищета становится лучшей гарантией бесполезности и покорности. Однако история показала уже, что из этого возникает не «всеобщая и равная» нищета, а имущественный передел, новое классовое строение общества, новая классовая дифференциация (политическая и имущественная): слагается партийная верхушка (числом около 2000 человек), абсолютно привилегированная в командовании и в потреблении благ, — это повелевающие, угрожающие и приговаривающие; во-вторых, партийно-покорная бюрократия (числом в несколько миллионов, иные исчисляют ее состав в 10—15 миллионов «совчиновников»), — это исполнители, передающие террор по всей стране, вымаривающие, казнящие и тихомолком накапливающие новое имущество; и, в-третьих, остается ограбленная, неимущая масса народа из всех прежних классов и сословий (числом в 170—180 миллионов изнасилованных жертв нового «геноцида»). Именно в таком порядке погибли и крымские татары, карачаи, черкесы, приволжские немцы, и ныне доканываются эстонцы, латыши и некоторые другие российские народности. В общем и целом, возникает невиданное еще в истории издевательство над равенством: здесь отбирается кверху весь худший элемент страны, — люди с рабской психологией, уголовные, бессмысля, продажности и жадности. Если «аристос» значит по-гречески наилучший, а «какистос» — наихудший, то этот строй может быть по справедливости обозначен как правление наихудших или «какистократия».

8. Да и могло ли быть иначе, когда с самого начала большевизм — разнуздывал людей, а коммунизм их порабощал. Программа Ленина с его призывом «грабь награбленное», с его разлагательством религии, патриотизма, семьи и правосознания сводилась именно к этому: разнуздать, чтобы поработить. Из этого могло выйти и вышло неслыханное по своей гнусности «государство», — явление антиправовое, противоорганическое, заменяющее правопорядок механизмом страха и насилия — явление мирового рабовладельчества. И замечательно, что это новое псевдогосударство с самого начала выступило с мировой программой для всех остальных государств, с готовым разбойничьим штабом, который и донныне навязывается всем остальным народам —

то уговором, то заговором, то восстанием, то завоеванием, то вторжением, то тихой сапою. И нет таких порочных и подлых средств, которые не пускались бы при этом в ход.

9. Вот почему весь этот новый способ организовывать видимость государства должен быть охарактеризован так: система лжи и система насилия во имя вызывающей и законченной пошлости.

Тоталитарный социализм строится ложью и обманом: лживыми обещаниями для масс, систематической ложью в монопольной печати, обманными договорами и обязательствами, обманными призывами и перспективами. Лгут слова, лгут лстивые пресмыкательства, лгут улыбки при подаче избирательных бюллетеней, лгут каменные лица на неповоротливых шеях, лгут «чистосердечные признания», лжет статистика, лжет огромное большинство ученых и их книг, лжет продажное искусство, лжет приспособившаяся к «отцу лжи» псевдо-патриаршая «церковь»...

Наряду с этим тоталитарный социализм строится страхом и насилием, — сверху донизу; и если бы было возможно погасить в душах страх перед этим насилием, то весь этот злодейский строй распался бы в одну неделю.

И все это — во имя величайшей и невиданной в истории пошлости. Произнося это слово, разумею не «банальность» и не просто низкий уровень коммунистических познаний и идей, а воинствующее посягательство на все великое, чистое, божественное и благородное, что доступно земному человеку. «Идея» нового государства есть безбожное мировоззрение, механическое миропонимание, выдуманный сослепу материализм, отвержение Евангельского учения, попрание философии и науки, презрение к совести и чести, издевательство над самодовлеющим искусством, практика предательства и убийства, или, короче, утверждение на земле дьяволова духа и дела; а этот дух и есть слепота для Божественного и культ ничтожного.

И все это вместе взятое именуется тоталитарным социализмом. Господа социалисты! Вы еще не уразумели этого? Вы не поняли еще, что это вы снесли это сатанинское яйцо, высиже**ное ныне большевиками? Вам еще не жутко? Вы еще настаиваете на ваших затеях? — Будьте же уверены, что кара истории не минует вас...

ПРОТИВ РОССИИ⁹

Где бы мы, русские национальные эмигранты, ни находились в нашем рассеянии, мы должны помнить, что другие народы нас не знают и не понимают, что они боятся России, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому ее ослаблению. Только одна

маленькая Сербия инстинктивно сочувствовала России, однако без знания и понимания ее; и только одни Соединенные Штаты инстинктивно склонны предпочесть единую национальную Россию как неопасного им антипода и крупного, лояльного и платежеспособного покупателя.

В остальных странах и среди остальных народов — мы одиноки, непонятны и «непопулярны». Это не новое явление. Оно имеет свою историю. М. В. Ломоносов и А. С. Пушкин первыми поняли своеобразие России, ее особенность от Европы, ее «не-европейскость». Ф. М. Достоевский и Н. Я. Данилевский первыми поняли, что Европа нас не знает, не понимает и не любит. С тех пор прошли долгие годы, и мы должны были испытать на себе и подтвердить, что все эти великие русские люди были прозорливы и правы.

Западная Европа нас не знает, во-первых, потому, что ей чужд русский язык. В девятом веке славяне жили в самом центре Европы: от Киева до Магдебурга и Галле, за Эльбой, в «Богемском лесу», в Каринтии, Хорватии и на Балканах. Германцы систематически завоевывали их, вырезали их верхние сословия и, «обезглавив» их таким образом, подвергали их денационализации. Европа сама вытеснила славянство на восток и на юг. А на юге их покорило, но не денационализировало турецкое иго. Вот как случилось, что русский язык стал чужд и «труден» западным европейцам. А без языка народ народу нем («немец»).

Западная Европа не знает нас, во-вторых, потому что ей чужда русская (православная) религиозность. Европой искони владел Рим, — сначала языческий, потом католический, воспринявший основные традиции первого. Но в русской истории была воспринята не римская, а греческая традиция. «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер (Пушкин). Рим никогда не отвечал нашему духу и нашему характеру. Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце. А греческое вероисповедание мы, не искажая, восприняли настолько своеобразно, что о его «греческости» можно говорить лишь в условном, историческом смысле.

Европа не знает нас, в-третьих, потому, что ей чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека. Западно-европейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живет прежде всего сердцем и воображением, и лишь потом волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как «глупости»; русский человек, наоборот, ждет от человека прежде всего доброты, совести и искренности. Европейское правосознание формально, черство и уравнительно; русское — бесформенно, добродушно и справедливо. Европеец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы (и европейские тоже) и желает властвовать над ними; за

то требует внутри государства формальной «свободы» и формальной «демократии». Русский человек всегда наслаждается естественною свободою своего пространства, вольностью безгосударственного быта и расселения и неестественностью своей внутренней индивидуализации; он всегда «удивлялся» другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей; он ценил свободу духа выше формальной правовой свободы — и если бы другие народы и народцы его не тревожили, не мешали ему жить, то он не брался бы за оружие и не добивался бы власти над ними.

Из всего этого выросло глубокое различие между западной и восточно-русской культурой. У нас вся культура — иная, своя; и притом потому, что у нас иной, особый духовный уклад. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад; у нас совсем другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям. И при том наша душа открыта для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем и, если есть чему, то учимся у нее; мы овладеваем их языками и ценим искусство их лучших художников; у нас есть дар вчувствования и перевоплощения.

У европейцев этого дара нет. Они понимают только то, что на них похоже, но и то искажая все на свой лад. Для них русское инородно, беспокоино, чуждо, странно, непривлекательно. Их мертвое сердце — мертво и для нас. Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожною, или каким-то большим и загадочным «недоразумением»...

И за тридцать лет революции в этом ничего не изменилось. Так, в середине августа 1948 года происходил съезд так называемого «церковно-экуменического» движения в Швейцарии, в котором были выбраны 12 виднейших швейцарских богословов и пасторов (реформатской церкви) на такой же «всемирный» съезд в Амстердаме. И что же? На съезде господствовало «братское» сочувствие к марксизму, к советской церкви и советчине, и мертвое холодно-пренебрежительное отношение к национальной России, к ее Церкви и культуре. Вопрос о русской культуре, о ее духовности и религиозной самобытности совсем и не ставился: она приравнивалась к нулю. Марксизм есть для них «свое», европейское, приемлемое; и советский коммунист для них ближе и понятнее, чем Серафим Саровский, Суворов, Петр Великий, Пушкин, Чайковский и Менделеев.

То же самое происходило потом и на «всемирном» съезде в Амстердаме, где подготовлялось чудовищное месиво из христианства и коммунизма.

Итак, Западная Европа не знает России. Но неизвестное всегда страшновато. А Россия по численности своего населения, по территории и по своим естественным богатствам огромна. Огромное неизвестное переживается всегда как сущая опасность. Особенно после того, как Россия в 18 и 19 веках показала Европе доблесть своего солдата и гениальность своих исторических полководцев. С Петра Великого Европа опасалась России; с Салтыкова (Кунерсдорф), Суворова и Александра Первого — Европа боится России. «Что, если этот нависающий с востока массив, двинется на запад»? Две последние мировые войны закрепили этот страх. Мировая политика коммунистической революции превратила его в неутрачивающую тревогу.

Но страх унижает человека; поэтому он прикрывает его презрением и ненавистью. Незнание, пропитанное страхом, презрением и ненавистью, фантазирует, злопахательствует и выдумывает. Правда, мы видели пленных немцев и австрийцев, вернувшихся в Европу из русских лагерей и мечтавших о России и русском народе. Но европейское большинство и особенно его демократические министры — кормятся незнанием, боятся России и постоянно мечтают о ее ослаблении.

Вот уже полтора столетия Западная Европа боится России. Никакое служение России общеевропейскому делу (семилетняя война, борьба с Наполеоном, спасение Пруссии в 1805—1815 году, спасение Австрии в 1849 году, спасение Франции в 1875 году, миролюбие Александра III, Гаагские конференции, жертвенная борьба с Германией 1914—1917 г. г.) — не весит перед лицом этого страха; никакое благородство и бескорыстие русских Государей не рассеивало этого европейского злопахательства. И когда Европа увидела, что Россия стала жертвой большевистской революции, то она решила, что это есть торжество европейской цивилизации, что новая «демократия» расчленил и ослабит Россию, что можно перестать бояться ее и что советский коммунизм означает «прогресс» и «успокоение» для Европы. Какая слепота! Какое заблуждение!

Вот откуда это основное отношение Европы к России: Россия — это загадочная, полуварварская «пустота»; ее надо «евангелизировать» или обратить в католичество, «колонизировать» (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих западно-европейских целей и интриг; а впрочем — ее необходимо всячески ослаблять. Как?

Вовлечением ее в невыгодный момент в разорительные для нее войны; недопущением ее к свободным морям; если возможно — то расчленением ее на мелкие государства; если возможно — то сокращением ее народонаселения (например, через поддержание большевизма с его террором — политика германцев 1917-1939 г. г.); если возможно — то насаждением в ней революций и граж-

данских войн (по образцу Китая); а затем — внедрением в Россию международной «закулисы», упорным навязыванием русскому народу непосильных для него западно-европейских форм республики, демократии и федерализма, политической и дипломатической изоляцией ее, неустанным обличением ее мнимого «империализма», ее мнимой «реакционности», ее «некультурности» и «агрессивности».

Все это мы должны понять, удостовериться в этом и никогда не забывать этого. Не для того, чтобы отвечать на вражду — ненавистью, но для того, чтобы верно предвидеть события и не поддаваться столь свойственным русской душе сентиментальным иллюзиям.

Нам нужны трезвость и зоркость.

В мире есть народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди — враждебные России, особенно православной России, тем более императорской и нерасчлененной России. Подобно тому, как есть «англофобы», «германофобы», «японофобы» — так мир изобилует «русофобами», врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления всяческий успех. Это надо продумать и прочувствовать до конца.

Поэтому, с кем бы мы ни говорили, к кому бы мы ни обращались, мы должны зорко и трезво измерять его мерилom его симпатий и намерений в отношении к единой, национальной России и не ждать от завоевателя — спасения, от расчленителя — помощи, от религиозного совратителя — сочувствия и понимания, от погубителя — благожелательства и от клеветника — правды.

Политика есть искусство узнавать и обезвреживать врага. К этому она, конечно, не сводится. Но кто к этому неспособен, тот сделает лучше, если не будет вмешиваться в политику.

МИРОВОЙ САМООБМАН¹⁰

С тех пор, как коммунисты завладели Россией и превратили ее в плацдарм мировой революции, прошло 32 года, и за это время, казалось бы, так называемое «мировое общественное мнение» могло и должно было рассмотреть, что произошло с национальной Россией и что представляет из себя вновь возникшее, национальной России враждебное и от нее во всех своих целях и средствах отличное, новое государство. Это небывалое в истории правительство небывалого в мире государства — культурные западно-европейцы, с их эгоцентризмом и шахматным мышлением, конечно, не могли постигнуть сразу. Посеяли они «Бебеля», а взошел «Ленин»; надеялись они на демократический урожай, а выросла тоталитарная деспотия. Однако большевики с

самого начала не скрывали ни своих целей, ни своих планов, ни своей тактики, ни своего отношения к остальному человечеству; все выговаривалось громко и все делалось почти в открытую. Коммунисты «верили», что хозяйственная «анархия», хозяйственные кризисы и буржуазный империализм — подтачивают и очень скоро погубят «капиталистические» страны; и в силу этой глупой и близорукой доктрины, против которой тщетно и долго пытался аргументировать ныне наконец услышанный «Компроф» Варга, не стеснялись громко говорить в присутствии якобы «полумертвого» старика о том, как лучше его прикончить и как обойтись с его наследством.

Уже Ллойд Джордж разглядел, что имеет дело с «людоедами», но решил «торговать с ними». Уже социал-демократическое правительство Германии (Носке!) разобралось в вопросе о том, чего следует ждать от Коминтерна и решило не пускать его к себе, а пока что разыграть его «псевдо-дружбу» против Антанты (Рапалло). С тех пор Коминтерн, его Исполнительный Комитет, его Политбюро, его Совнарком, его Чека-Гепеу — действовали повсюду в открытую: разрабатывали детальные планы для пропаганды, организации гражданских войн, революций и новой, нетерпеливо ожидаемой мировой войны; излагали свои планы в резолюциях, переводили эти резолюции томами на все языки и повсюду открыто их продавали; приводили эти резолюции в исполнение и поучали вселенную своими партиями и «акциями», потрясая до корня то Италию (1920), то Болгарию (1923), то Эстонию (1924), то Англию (1926), то Австрию (1927), то Китай (1928), то Германию (1929), то Испанию (1931—1936), то Францию (1934) и Соединенные Штаты (1934) и т. д. И все это постоянно освещалось и разъяснялось серьезной и ответственной антикоммунистической литературой, выпускавшейся русскими эмигрантами на всех европейских языках. Сталинский террор тридцатых годов (коллективизация крестьян, партийные процессы и казни, «чистка» красной армии, ежовщина, концлагеря) — был подробно описан и обсужден во всей мировой прессе. Казалось бы — европейцы и американцы, по крайней мере наиболее дальновзоркие и чуткие из них, могли понять, в чем дело и что есть Советская власть...

Но вот началась вторая мировая война и обнаружила, что умственная лень, застарелая предубежденность против России, экономическая и торговая заинтересованность, полное незнание русской истории и тайная прокоммунистическая пропаганда, ведшаяся повсюду (и коммунистами и полуреволюционной «закулисой») затмили политическую дальновзоркость, возобладали над трезвым разумением и привели великие и малые державы к целому ряду грубых (политических, экономических и стратегических) ошибок. Ни германцы, ни англичане, ни французы, ни итальянцы, ни американцы — не «реализовали» воображением и

мыслью новое явление мировой истории и судьбу национальной России; и не сумели сделать из этого волевых и практических выводов. Ни героический Черчилль, ни лукавый Рузвельт, ни самоуверенный Муссолини, ни тупой фанатик Гитлер — не поняли натуры и намерений Сталина, не поняли различия между национальной Россией и Советским Союзом, не постигли судьбы и своеобразия русского народа и наделали величайших исторических ошибок. Гитлер затеял бороться сразу с коммунистами и с русским народом — и погиб. Муссолини понимал коммунистов, но совсем не знал Россию и поддался гипнозу Гитлера. Черчилль и Рузвельт «договаривались» со своим лютым врагом в Тегеране, в Ялте, в Потсдаме и отдали ему в политической наивности и «союзнической лояльности» — все малые государства Восточной Европы и Манчжурию с Китаем в Азии; отдали, а преемники их схватились за голову, когда было уже поздно.

Поняли ли теперь великие державы и их правительства — мировую конъюнктуру? Разобралось ли теперь мировое «общественное мнение» в прошлых ошибках и будущих опасностях?

К сожалению — нет еще. Есть отдельные зоркие политики и ясно мыслящие стратеги, которые видят и ошибки и опасности. Не следует называть их имена из осторожности. Но наряду с ними прокоммунистическая печать и полуреволюционные закулисные организации продолжают свою пропаганду и делают все возможное, чтобы «смешать карты», чтобы отвести влиятельным политикам глаза, выдать ложь за истину и тем, с одной стороны, облегчить мировому коммунизму его работу, с другой стороны, затруднить некоммунистическим государствам (и политически и стратегически) — разумное и успешное сопротивление...

И первое, о чем они стараются, это — о смещении Советского государства с Россией: делается все для того, чтобы выдать политику коммунистов за дело русского народа, и еще хуже, еще глупее — чтобы выдать всю советскую революцию за коварно-злойдейский прием «России», жаждущей будто бы мирового завоевания и потому «притворяющейся» коммунистической. Такие статьи ныне рассылает, например, так называемый Комитет борьбы за демократию («закулиса»!) по всем странам западного блока.

ЧТО ЖЕ ПРЕДСТОИТ В РОССИИ?¹¹

Взвесив все высказанное нами об основах народоправства, всякий трезво-мыслящий и ответственный демократ должен со скорбью признать, что русский народ после тридцатилетнего разгрома, насилия, обнищания и всяческого разврата — окажется неспособным к осуществлению демократического строя, до тех пор, пока он не восстановит в себе честь, совесть и национально-

государственный смысл. Ныне в его душе все элементарные и необходимые основы народоправства подорваны, поруганы, извращены или прямо упразднены тоталитарными коммунистами. Русский народ существует, но существование его подобно мученическому унижению его собственных беспризорных детей. Состояние его — религиозное, духовное, интеллектуальное, волевое, политическое, хозяйственное, трудовое, семейственное и бытовое — таково, что введение народоправства обещает ему не правопорядок, а хаос, не возрождение, а распад, не целение, а «войну всех против всех»; это было бы последним и горшим бедствием. За кошмарной эпохой революционного «якобинства» началась бы эпоха затяжной «жирондистской» анархии — со свирепой крайне-правой тиранией в заключение. Ребячливо и безответственно — закрывать себе на это глаза.

Поэтому первое, что обязан выговорить идейный и ответственный демократ, есть пессимистический диагноз и прогноз: коммунистическая революция не приблизила Россию к народоправству, напротив — она подорвала все его живые основы, имевшиеся налицо в Императорской России.

Революция длится уже 32 года; и она еще не окончена. За это время коммунисты сделали все, чтобы убить в не-коммунистической массе русского народа чувство государственной ответственности и духовного предстояния; — чтобы сделать государственное начало ненавистным для русской души; синонимом бессмысленной каторги; — чтобы отучить русского человека от свободного и верного политического изволения; — чтобы погасить в его душе гражданина и приучить его к рабству; — чтобы внушить ему презрение к унижениям избирательной комедии. Какое же «народоправство» может быть построено на этом?

За эти долгие, мучительные годы советская власть делала все, чтобы отучить русских людей от свободной лояльности, чтобы смешать ее в душах с пресмыканием, с грубой лестью и подлым доношением. В советской России право стало равнозначным произволу и насилию; в душах угасало всякое уважение к закону; правонарушение стало основной и необходимой формой жизни. Еще в 1919 году из Совнаркома была сформулирована директива: «сущность революции состоит в открытом попирании всякого права, включая и собственные декреты революции». И вот, по этой директиве — чиновник становился разбойником и взяточником, а социальный отброс возводился в чиновники. Загнанный же русский обыватель, — в порядке жизненной самообороны от революционного разбоя, превратил «блат» в естественный и неизбежный способ борьбы за существование. Сверху сделано было все, чтобы смешать «мое» и «твое», «мое и казенное» — в одну неразличимую кучу, чтобы вытравить из душ

всякую имущественную законность и честность. Какую же демократию можно построить на таком «воровстве»?

Коммунисты и поныне продолжают делать все, чтобы лишить народ русского национально-государственного кругозора и подменить его всемирно-революционным угаром, заносчивостью, самоуверенностью международного авантюризма. То чувство державной правоты и державной меры, которое столетиями воспитывалось в русской душе и на котором строилась вся Русь от Киева до Петербурга, попорчено и распалось. Четвертый десяток лет коммунисты истощают без всякого национального смысла жертвенность, чувство долга и силу служения, присущие русскому народу, как редко какому другому; проматывается русский патриотизм; разочаровывается русское самоотвержение; русский гражданин проходит величайшую принудительную школу политического разврата. Нужно совсем не знать историю и ничего не понимать в политике, чтобы пытаться строить демократию на этом разврате.

Русский человек никогда не жил чужою мыслью. Он всегда предпочитал думать «глупо», но самостоятельно; идти в разброд и тонуть в разногласии, но не подчиняться слепо чужому авторитету. И вот четвертый десяток лет из него выколачивают, революционной «учёбой», голодом, страхом, навязчивой пропагандой и партийной монополией печати, — способность к самостоятельной мысли. В его образовании — все оплошено, искажено и пролгано; в его принудительном «миросозерцании» — все мертво, трафаретно, безбожно и аморально. Он в течение целых поколений оторван от верного знания — и о самом себе, и о других народах. Он слеп в политике; и часто не знает о своей слепоте; и все чаще принимает свою слепоту за высшую умственную «зрячьсть». Предлагать ему народоправство можно только в надежде: заменить тоталитарный трафарет коммунистов новым, тоже тоталитарным партийным трафаретом. Что же может быть противнее истинному демократу, чем такая фальсификация «народоправства»? Или они попытаются создать новый «демократический фашизм», чтобы, воспевая свободу, попирать ее от лица новой, неслыханной в истории псевдо-демократии?

После большевиков Россию может спасти — или величайшая государственная дисциплинированность русского народа; или же национально-государственно-воспитывающая диктатура. Какая же психологическая наивность нужна для того, чтобы «верить», будто русский народ, всегда страдавший недостатком характера, силы воли, дисциплины, взаимного уважения и доверия, найдет в себе именно после этих долгих лет рабства и рабления эту сверх-выдержку, эту сверх-умеренность, сверх-волю и сверх-солидарность для осуществления демократического строя?

Подорваны все духовные и все социальные основы демократии — вплоть до оседлости, вплоть до веры в труд, вплоть до ува-

жения к честно нажитому имуществу. В клочки разодрана ткань национальной солидарности. Повсюду скопилась невиданная жажда мести. Массы мечтают о том, чтобы стряхнуть с себя гипноз подлого страха и ответить на затяжной организованный террор — бурным дезорганизованным террором. И в этот момент им предложат: 1. «Демократическую свободу». 2. «Право всяческого самоопределения» и 3. «Доктрину народного суверенитета». Кто же будет отвечать за неизбежные последствия этого?..

ДОЛОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОКТРИНЕРСТВО!¹²

Тот, кто желает служить России в сфере политики, должен прежде всего понять, что к этому служению необходимо умственно и нравственно подготовиться. Ибо, в самом деле, политика не только не легче любого ремесла, но гораздо труднее, сложнее, ответственнее, глубже и тоньше. Сапожники учатся своему делу долго и старательно; учатся маляры, слесаря, переплетчики, трубочисты, каменщики, столяры. А о политике в современном мире часто думают так: «Если у тебя есть досуг и желание фигурировать, то займись, пожалуй, политикой... Это дело простое: надо только выбрать определенную доктрину (ее можно заимствовать, а можно и самому выдумать!..); потом надо примкнуть к какой-нибудь организации, которая захотела бы финансировать твое политическое «предприятие» (лучше — негласно, из-за кулисы!..); и затем надо поэнергичнее выдвинуться на первые места, провозглашая свою компанию «ведущим слоем»... А остальное — само пойдет. Чтобы издавать на субсидию какую-нибудь газетку или журналчик, — кому ума не доставало? Не боги горшки обжигают... А раз начавши фигурировать, скоро привыкнешь и любого конкурента незаметно перефигурируешь»...

Конечно, лучше придумать для своей партии и для своей газеты удачное название, чтобы «влекло» и «обещало». Например, хорошо назвать партию «Дружинное Движение» — в самом названии слышен уже мерный шаг дружно марширующих Дружин; или «Грядущая сила» — сразу ясно, что это «Сила» и что «Грядущее» за тобою обеспечено. А газету можно, например, назвать «Русская Идея», особенно, если за ней скрывается антирусская и враждебная Православию католическая пропаганда; или «Единая Россия», особенно, если в программу газеты входит незаметная подготовка умов к расчленению и распадению России. Но разве в политике важна правда или честность? В политике нужна предприимчивость, нахрап и ловкость рук. А если найдется много доверчивых глупцов, так на то им и глупость дана, чтобы «доверять» и плестись в хвосте более бойких болтунов.

И вот последствия этого: множество полуобразованных и дилетантов безответственно занимается безответственной политикой. Люди ставят неверные вопросы, решают их вкривь и вкось, пишут, печатают и фразерствуют... фразерствуют без конца. И доселе не понимают, что и февральская, и октябрьская революции родились именно из такой политики; что именно к такому нахрапу сводится советская государственность; и что из такой эмигрантской политики не выйдет ни добра, ни спасения. Здесь все вопросы ставятся неверно; и уже в силу этого — решаются фальшиво и погибельно. Фальшивые решения незаметно вьдаются в сознание, становятся привычными и распространенными воззрениями, создают незаметно атмосферу безответственной фразы, ошибочности и лжи и искажают всю нашу политическую деятельность. А враги наши искусно играют на этом, чтобы одурачить нас окончательно...

Отсюда у нас в политике такое множество вредных предрас-судков и тупого доктринерства. Ибо к доктринерству в политике склонен прежде всего тот, кто сам не умеет думать, а живет чужими готовыми мыслями. Это самые упорные доктринеры — доктринеры чужих доктрин. Наилучший пример тому доктрина марксизма и ее окаменевшие («твердокаменные!») последователи. Эти счастливые «обладатели истины» давно уже развернули осуществление своей программы, давно уже обнаружили ее тоталитарное безумие и ее трагические последствия. Давно уже все разумные люди, прикоснувшиеся к слепой прямолинейности «ленинизма» и к свирепой деспотии «сталинизма» поняли все противоестественное безумие этой доктрины; давно уже все народы, подпавшие этой деспотии, ужасаются, изнемогают и гибнут; давно уже эта теория и практика стали символом рабства, унижения, муки и нищеты. Но доктринеры чужой доктрины продолжают «веровать» и собираются в будущем водворять повсюду вместо марксистского «коммунизма» — марксистский «социализм». Так, например, и заявляют: России больше не будет, а будет множество мелких государств, демократических и социалистических.

В этой связи выступает вторая политическая доктрина современности — демократизм. Везде и повсюду, при всех условиях — есть только одно политическое спасение, а именно водворение демократического строя. Чтобы быть «почтенным» и «признаваемым» деятелем, надо быть демократом, а это значит верить в демократию и требовать ее осуществления. Пусть введение демократии в России (1917) погубило нашу родину и стоило жизни ста миллионам русских людей; пусть введение демократии в Германии привело к национал-социализму со всеми его тягчайшими последствиями; пусть современная Франция заведена своей демократией в политическое безволие, в хозяйст-венное бессилие и в стратегический тупик; пусть в современной

Италии демократический строй вырождается в политику парламентарских драк и коммунистических интриг, так что министры называют коммунистических парламентариев в лицо «подданными чужого государства и продажными шпионами» (20.X.1954). Знаем, что все это неоспоримые факты, и видим, что несмотря на все это «вера в демократию» продолжает быть критерием добра и требованием «мировой политики»... Демократиям надо сочувствовать, что бы в них ни происходило и какие бы ни были последствия; дурное, превратное, больное и развратное в них надо замалчивать или объяснять коварными происками «анти-демократов». Критика — трезвая, зоркая, честная — недопустима. Правды не нужно! К чему она? Важно одно: чтобы всюду водворилась демократия, к чему бы это ни повело... Да, именно: хотя бы к ее гибели, подобно тому, как это наблюдалось перед второй мировой войной, когда в Германии, Австрии, Венгрии, Польше, Советии, Румынии, Латвии, Литве, Эстонии демократия оказалась скомпрометированной и угасшей. «Да осуществится демократия — и да погибнет мир!» А мы призваны верить в нее и призывать ее во что бы то ни стало...

На то она и есть доктрина, а ее сторонники — «премудрые» доктринеры...

Наблюдая и учитывая все это, трудно отделаться от впечатления какого-то доктринерского безумия, овладевшего народами за последний век и ныне торжествующего в массе. И пусть нам не говорят, что если в Швейцарии, Швеции, Голландии и в Соединенных Штатах демократический строй «справляется» с местными государственными заданиями, то он может и должен быть введен повсюду. Так эти вопросы не решаются. Все народы различны. Различны их территории, их климаты, их душевные уклады, их религии, их мораль, их культура. Политическая «уравниловка» есть такая же нелепость, как и хозяйственная. Нелеп тот строй, который навязывает всем семьям один и то же семейственный уклад. Ничего не стоит тот врач, который прописывает всем пациентам один и тот же режим, одно и то же лечение. Каждая армия строится по-своему: иначе прусская, иначе английская, иначе русская, иначе армия Соединенных Штатов. Какому воспитателю придет в голову воспитывать и наказывать всех детей одинаково? Какой глупый адвокат поведет одинаково все порученные ему процессы? Какой тупица-психиатр начнет лечить всех своих больных по единой схеме? Откуда эта нелепая мысль, что есть единое политическое устройство, всюду целесообразное и благотворное? Она понятна в устах гимназиста; она уже непростительна рядовому интеллигенту; но в устах серьезного политика она является безумным доктринерством.

Демократия может быть уместна, целесообразна и политически оправдана в одних государствах, и может быть совершенно неподходяща, прямо губительна в других. Политический режим не

выбирается человеческим произволом; он не выдумывается по усмотрению; он не насаждается механически в зависимости от упрямства политиков. И в этом отношении он даже не похож на одежду человека, ибо ее можно менять по произволу. Политический режим («конституция») подобен скорее личному укладу человеческого тела («индивидуальной конституции», как говорят врачи): у каждого человека свое особое строение организма, своя сила и слабость, свои недуги, свои дары, свои пути. И потому каждому из нас полезен свой особый образ жизни. Каждому свое. Каждому по его силам и способностям. Политическое доктринерство отжило свой век. Мы не должны и не смеем превращать политическую доктрину в предмет веры, или в основу миро-созерцания, или в критерий добра и зла! Не только в силу духовной терпимости («пусть каждая страна по-своему кует свое счастье!»), и не только в силу политического такта («в чужой монастырь со своим уставом не ходят»); но и в силу государственного опыта, наблюдения и разума. Мы можем уважать демократию в Швейцарии и в Англии, республику в Соединенных Штатах. И в то же время мы должны свободно и предметно ставить вопрос о России: имеются ли в России и будут ли в России после революции — необходимые предпосылки для демократии? И если они будут налицо, то в чем же именно они будут выражаться? А если их не будет, то не явится ли безумием и предательством требование «демократической республики» в России?!

Демократия медленно зрела и складывалась в Англии под покровом королевской власти и родовой аристократии. Море воспитывало характер англичанина; строгий климат и мореплавание шлифовали его. Мировая торговля давала людям имущество, укрепляла самостоятельность, развивала личную инициативу, укрепляла правосознание. Страна оставалась по существу маленькой метрополией со свободным уходом людей в обширные колонии. Страна оставалась островом с возрастающей промышленностью и интенсивным хозяйством. Страна была образцом самостоятельного, медленного богатения, консервативного духа, культивировавшего законность и медленную демократизацию. И она научилась демократическому режиму. Значит ли это, что демократия уместна во всех государствах и у всех народов? Самая постановка такого вопроса не свидетельствует ли о том, что мы не уважаем силу суждения господ демократов, допуская с их стороны возможность такого обывательского легкомыслия?..

Швейцария сложилась на протяжении веков из маленьких самоуправляющихся общин. Здесь горы делали людей, а потом объединяли их, приучая их к свободолюбию и самоуправлению; горы воспитывали силу характера; горы обороняли свободных людей от завоевания соседями. Поколение за поколением вырастало здесь в суровом труде, в дисциплине, в искусстве

метко стрелять и отражать сильнейшего врага, в традициях братского договора («клятвововарищества») и верной взаимной поддержки. Страна оставалась маленьким «горным островом»; она медленно богатели от пастушества и скотоводства, культурно одолевая свою природу, обслуживая воинственных соседей в порядке найма и транзитную торговлю — в порядке пропуска. Она доселе изумляет всякого, кто внимательно изучает ее, своим консерватизмом, своим сочетанием религиозности, верности и свободы. Вследствие всего этого Швейцария умеет быть демократией и всякая попытка поднять в ней антидемократическое движение была бы проявлением глупости и измены. Но пусть не удивляются наивные наблюдатели: самые демократические кантоны Швейцарии обладают способностью незаметно выдвигать правящее меньшинство в непосредственном кантональном собрании; исследователь найдет в Швейцарии и мощное противодействие женскому равноправию и обычай телесного наказания в применении к взрослым людям из рецидивистов... Можно ли из всего этого заключить, что необходимые предпосылки для демократии имеются у всех народов и во всех государствах?!.. Не наивно ли это?..

Итак, нет «единого государственного строя», который был бы «наилучшим» для всех стран и народов. Ироническая русская поговорка говорит: «что русскому здорово — то немцу смерть». Эта поговорка сохраняет свою верную мудрость и при обратном изложении ее смысла: «что англичанину здорово, то русскому не по силам»; «что французу сходит безнаказанно, на том русский сломит себе шею»; «от чего Швейцария цветет, на том Россия может погибнуть»... И замечательно, что умнейшие и дальновзоркие иностранцы знают это и понимают; и, беседуя с нами, русскими патриотами, они усердно советуют нам вернуться к русской монархической традиции, осуществляя ее по-своему, по-русски, и в то же время творчески и всенародно, в славном духе Императора Александра Второго.

Замечательно, что на введении демократии в грядущей России настаивают, во-первых, неосведомленные и лукавые иностранцы, а во-вторых, бывшие российские граждане, ищущие ныне разложения и погубления России. На самом же деле «демократия» совсем не есть легко вводимый и легко устрояемый режим. Напротив — труднейший, о чем еще недавно гласно заявлял французский президент Венсан Ориоль. Демократия предполагает исторический навык, приобретаемый народом в результате долгого опыта и борьбы; она предполагает в народе культуру законности, свободы и правосознания; она требует от человека — политической силы суждения и живого чувства ответственности. А что же делать там, где всего этого нет? Где у человека нет ни имущественной, ни умственной, ни волевой самостоятельности? Где всё подготовлено для своекорыстия и публичной продаж-

ности? Где дисциплина не сдерживает личного и совместного произвола? Где нет ни характера, ни лояльности, ни правосознания? — Все-таки вводить демократический строй? Для чего же? Чтобы погубить государство и надругаться над всеми принципами демократии? Чтобы все закончилось коррупцией, безобразной смутой, гражданской войной и разложением государства? И все во имя доктрины?!..

Именно такого воззрения держатся русские политики-доктринеры, доживающие свой век в эмиграции. В их политической словесности — термин «демократ» равносителен одобрению, комплименту, благонадежному паспорту, рекомендации; а термин «монархист» означает «реакционер», «черносотенец», «погромщик» и т. п. Не знаю, верят ли они сами своим словам; но доктринеры, не умеющие думать самостоятельно и живущие чужими готовыми мыслями, способны верить и не таким глупостям. И понятно, что вследствие этого глупое и вредное доктринерство торжествует над жизнью. И как часто мы видим, что люди торопятся объявить себя «демократами» ради признания со стороны недругов России и ради закулисных субсидий!..

Но мы-то должны быть свободны от этого. Пусть другие народы будут счастливы и несчастливы по-своему и пусть не мешают нам строить Россию по-русски, жизненно- и исторически-верно, без доктринерства и без слепого подражания Западу! А если демократический террор будет и впредь торжествовать в эмиграции, тогда

Мы возбудим течение встречное —
Против течения!

(Граф А. К. Толстой)

ДЕМОКРАТИЯ - НЕМЕДЛЕННО

И ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО¹³

Мы должны предвидеть, что трезвые политические соображения, изложенные в двух последних статьях «Наших задач» (№№ 59 и 60), не убедят «доктринеров от демократии». Они внушили себе раз навсегда, что демократическая форма государственной жизни есть высшая и самостоятельная ценность, воздух бытия, свет жизни, радость существования, гарантия всяческой справедливости, смысла творчества... Так они и ставили этот вопрос перед началом революции: пока нет истинно-демократического учредительного собрания — невозможно ни учить, ни учиться, ни лечить, ни лечиться, ни заседать, ни обсуждать, ни решать, ни торговать, ни печатать, ни вообще вести какую бы то ни было жизнь. Словом, демократия или гибель! — Казалось бы опыт

истории мог научить их чему-нибудь: в 1917 году демократия развернулась в России на полной свободе и принесла с собой сущую гибель. Но разве доктринеры учатся у Истории? Прошло более тридцати лет, наполненных бедствиями. И вот, мы опять перед тем же вопросом и слышим опять то же решение и тот же ответ: демократия немедленно и во что бы то ни стало, ни с чем не считаясь, любой ценою, ибо она есть воздух бытия, свет жизни, радость существования, гарантия всяческой справедливости, смысл творчества и т. д.

Наша патриотическая тревога о России ничего не говорит им. Мы спрашиваем: что сделает из политической свободы человек, который не созрел для нее и переживает ее как разнуздание? Ведь мы прожили 1917 год с открытыми глазами и с сердцем, обливающимся кровью! Мы наблюдали и учились. Мы учились и научились. Мы спрашиваем: чем же заполнит такой человек свои политические права теперь, после тридцати — или сорокалетнего революционного рабства? Что даст своей стране такой человек, злоупотребляя всеми свободами, выбирая криводушно, голосуя продажно, решая все вопросы государства на основах воровства, мести, жадности? Что же можно будет сделать, если окажется, что он сам становится опаснейшим врагом чужой и общей свободы?

Мы должны предвидеть, что эти вопросы ничего не скажут доктринерам. Они ответят нам на это приблизительно так.

«Чтобы приучить людей к истинной свободе, надо непременно дать им полную свободу. Чтобы пробудить правосознание в народе, надо предоставить все на его усмотрение. Чтобы проснулась честность, лучше всего дать людям возможность воровать и не воровать, — тогда только они поймут на собственном опыте, что воровать постыдно. Чтобы приучить людей к осмысленному голосованию, необходимо дать им право располагать своим голосом свободно: лет десять, двадцать, тридцать, а может быть и больше, они будут торговать своими голосами (продавая их за иностранную валюту), голосовать за демагогов, за интернациональных агентов, за политических проходимцев и просто за своих домашних жуликов, а впоследствии, пройдя через все это, они научатся голосовать умнее и лучше. Все народы шли этим *путем* и так учились демократии; русский народ не лучше прочих. Когда ребенок учится ходить, то он первое время падает; что же из этого? Стрелок не сразу попадает в цель, а сначала много и долго промахивается. Только самоуправляясь люди приучаются к самоуправлению. Кто боится воды, тот никогда не научится плавать: — Россия должна сделаться демократическим государством как можно скорее и во что бы то ни стало, любой ценою. Это главное; это самое важное. Если она при этом еще и еще пострадает, то это не существенно. Пусть осуществится демократия, хотя бы ценою всероссийского распада и нового

значительного уменьшения народонаселения в России! За науку свободы никакая цена не высока. Надо выбирать. Одно из двух: или тоталитарное рабство — или последовательная демократия. Третьего исхода нет!»

— Так скажут нам политические доктринеры...

Мы ответим им.

«Нет, есть еще третий исход и именно о н должен быть найден и осуществлен в жизни: это — твердая, национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура, помогающая народу выделить кверху свои подлинно-лучшие силы и воспитывающая народ к трезвлению, к свободной лояльности, к самоуправлению и к органическому участию в государственном строительстве. Только такая диктатура и может спасти Россию от анархии и затяжных гражданских войн.

«Чтобы приучить людей к свободе, надо давать им столько свободы, сколько они в состоянии принять и жизненно наполнить, не погубляя себя и своего государства; безмерная и непосильная свобода всегда была и всегда будет — сущим политическим ядом.

«Чтобы пробудить правосознание в народе, надо воззвать к его чести, оградить его от погромных эксцессов властными запретами и предоставить на усмотрение народа не более того, чем сколько он сумеет поднять и понести, не погубляя себя и своего государства. Безмерные полномочия никогда не приводили к добру, а только вызывали политическое опьянение и разнуздание страстей. И ныне ни одна государственная конституция не предоставляет ни одному народу таких полномочий.

«Чтобы проснулась и окрепла честность, отнюдь не надо выпускать из тюрем всех уголовных (как это было сделано в России в марте 1917 года) и отнюдь не надо обеспечивать им безнаказанность. Честность есть разновидность свободной лояльности, а она воспитывается поколениями. Сентиментальное и фальшивое непротивленчество только поощряет злое начало в людях.

«Чтобы приучить людей к государственно-верному изволению, надо начинать с ограниченного права голоса: давать его только оседлым, только семейным, только работающим, только никогда не служившим компартии, только возрастно зрелым, только приемлемым и для избирателей и для национальной власти. Иными словами: надо начинать с системы не имущественных цензов, обеспечивающих необходимый минимум почвенности, честности и государственного смысла, с тем, чтобы в дальнейшем, по мере оздоровления народа и страны, расширять круг голосующих. Все остальное было бы доктринерским безумием и погублением России.

«Зачем говорить заведомую неправду, будто все народы шли этим путем?»

«На самом деле ни один народ не имел такого пространства, такого климата, таких границ, такого исторического бремени, такого многонационального состава, таких трудностей и соблазнов, такой героической жертвенности, такого государства и такой культуры! Ни один народ не проходил через такое мученическое насилие и растрепанье, какое принесла с собою коммунистическая революция.

«Глупо ссылаться на падающего ребенка, ибо ныне дело идет не о детском синяке, а о бытии России. Еще глупее ссылаться на промахивающегося стрелка, ибо промах не беда, а вторичное доктринерское надругательство над свободой и над участием народа в государственном самоуправлении (ибо первое надругательство состоялось в 1917 году и длилось с февраля до декабря) — неизбежно закончится новым потоком национальных бедствий.

«Самое важное — это бытие России. Она должна прежде всего восстать из порабощения и возобновить свою хозяйственную и духовную жизнь. А потом только, в меру своих наличных способностей к корпоративно-государственной форме, — она может думать о своем демократическом облачении. Россия должна продолжать свое великое, вековое, религиозно-национальное Дело, свое общечеловеческое культурное служение. Это главное, это самое существенное. Она не может и не должна платить «любую цену» за это псевдо-демократическое разнуздание, которое доктринеры называют «свободой»; от этого разнуздания они сами погибнут первые, если не успеют опять спастись за кордон. Но наша скорбь не о них, а о России. Лозунг «демократия немедленно и во что бы то ни стало» один раз привел уже в России к тоталитарной диктатуре. Он грозит такой же диктатурой и впредь, но уже анти-коммунистической.

«Мы понимаем, что доктринерам — их доктрина дороже России: на то они доктринеры. Но нам Россия дороже всего и мы не желаем ни всероссийского распада, ни нового вымирания русского народа в подготовляемых расчленителями гражданских войнах».

Да спасет нас от этого Господь!..

О ГРЯДУЩЕЙ ДИКТАТУРЕ¹⁵

Если таковы необходимые предпосылки творческой демократии (см. «Н. З.», 134 и 135¹⁶), то ясно, что при отсутствии их демократия перестает быть творческой государственной формой, а становится разлагающей. Желать ли нам для России такого разлагающего бесформия? Конечно, нет. Вся задача наша будет состоять на первых порах в том, чтобы сократить возможно более период неизбежного хаоса, который разольется в России после падения тоталитарного коммунизма. Нелепый и жизненно зло-

вредный зажим был слишком длителен; террор, применявшийся им, был слишком жесток и беспощаден; несправедливость была безмерна; насилие было вызывающе; ставка все время делалась на бессовестных садистов, которые покупали подлецов, заговаривали гаупцов и искореняли драгоценных русских людей. Негодование «загонялось внутрь»; протесты заливались кровью. Как только люди почувют, что «режиму конец», так всё закипит.

В чем выразится это «кипение»? Стоит ли это описывать? Одно можно сказать: искоренение лучших русских людей — оставляло жизнь и свободу худшим; система страха, пресмыкательства, лжи, лести и насилия снижала систематически нравственный уровень и вызывала на поверхность душ древние осадки жестокости, наследие татар. Надо предвидеть страшное, такое, чего не остановят никакие уговариватели, что окажется непосильным для всех непротивленцев, как таковых. Сократить период самочинной мести, бесчинной расправы и соответствующего нового разрушения — сможет только национальная диктатура, опирающаяся на верные войсковые части и быстро выделяющая из народа наверх кадр трезвых и честных патриотов. Попытка же немедленно ввести «демократию» затянет это хаотическое кипение на непредвидимое время и будет стоить жизни огромному количеству людей, как виновных, так и невинных.

Кто этого не желает, тот должен требовать немедленной национальной диктатуры.

Да, ответят мне, но — эта диктатура должна быть «демократическая»!

Это понятие может иметь три различных значения.

1. — «Демократическая диктатура» может означать, во-первых, что диктатором должен быть партийный демократ.

Ждать добра от такого диктатора в России нет никаких оснований. Видели мы «всю полноту власти» в руках таких демократов: дивились на их красноречие, слышали их категорические отказы от усмирения погромов, видели, как они «защищали» свое учредительное собрание и как они бесследно скрылись за границу. Эти люди рождены для рассуждений, дискуссий, резолюций, интриг, газетных статей и бегства. Это люди поэты, а не воли; — люди пера, а не власти; люди сентимента, импонирующие только самим себе. А диктатору, спасающему страну от хаоса, необходимы: воля, сдерживаемая чувством ответственности, грозное импонирующее и всяческое мужество, военное и гражданское. Русские формальные демократы совсем не созданы для России, им место в Дании, в Голландии, в Румынии: их умственный горизонт совсем неподходящ для великой державы; их трепет за «чистоту» своих сентиментально-свободолюбивых одежд — противогосударствен; их склонность ко всяческой амнистии и к международной солидарности, их приверженность к традиционным лозунгам и отжившим схемам, их наивная уве-

ренность в том, что народная масса состоит везде и всегда из прирожденных и благонамеренных демократов, — всё это делает их водительство в послебольшевистской России чрезвычайно опасным и безнадежным. Среди них нет ни одного Носке, который справился в Германии с переворотом Каппа; ни одного Салазара, как в Португалии. И если в Соединенных Штатах этого не видят, то люди там просто слепы.

2. — «Демократическая диктатура» может означать, во-вторых, что дело будет передано в руки немногочисленного коллегиального органа (директории), который будет поставлен в подчинение многочисленному коллегиальному органу (парламент по кооптации, набранный из всех февральских зубров с присоединением распропагандированной иммигрантской молодежи и перебежавших коммунистов).

От такой «диктатуры» можно ждать только одного: самого скорого провала. Коллегиальная диктатура есть вообще внутреннее противоречие. Ибо сущность диктатуры в кратчайшем решении и в полновластии решающего. Для этого необходима одна, личная и сильная воля. Диктатура есть по существу своему учреждение военно-образное: это есть своего рода политическое полководчество, требующее глазомера, быстроты, приказа и повиновения. У семи нянек дитя бывает без глаза. Медицина не поручает операцию коллективному органу. Гофкригсрат есть заведение просто провальное. Дискуссия как бы создана для растраты времени и упущения всех возможностей. Коллегиальность органа означает — многоволие, несогласие и безволие; и всегда — бегство от ответственности.

Никакой коллегиальный орган не овладеет хаосом, ибо он сам по себе уже заключает начало распада. В нормальной государственной жизни, при здоровом политическом строе и при наличности неограниченного времени — это начало распада может быть преодолено с успехом в заседаниях, прениях, голосованиях, уговорах и переговорах. Но в час опасности, беды, смятения и необходимости мгновенных решений-приказов — коллегиальная диктатура есть последняя из нелепостей. Требовать коллегиальной диктатуры может только тот, кто боится диктатуры вообще и потому старается утопить ее в коллегиальности.

Римляне знали спасительность единовластия и не боялись диктатуры, давая ей полные, но срочные и целевые полномочия. Диктатура имеет прямое, историческое призвание — остановить разложение, загородить дорогу хаосу, прервать политический, хозяйственный и моральный распад страны. И вот, есть в истории такие периоды, когда бояться единоличной диктатуры, значит тянуть к хаосу и содействовать разложению.

3. — Но «демократическая диктатура» может иметь еще одно значение, а именно: во главе становится единоличный диктатор,

делающий ставку на духовную силу и на качество спасаемого им народа.

Не подлежит никакому сомнению, что Россия сможет возродиться и расцвести только тогда, когда в это дело волеется русская народная сила в ее лучших персональных представителях — вся, сколько ее есть. Народы России, отрезвившиеся в унижениях, одумавшиеся в многолетней каторге коммунизма, постигнувшие, какой великий обман скрывается за лозунгом «государственного самоопределения национальностей» (обман, ведущий к дроблению, ослаблению и порабощению с тыла!) — должны встать от одра, стряхнуть с себя паралич большевизма, братски объединить свои силы и воссоздать единую Россию. И притом так, чтобы все чувствовали себя не заморышами и рабами, застрачиваемыми из бюрократически-тоталитарного центра, а верными и самостоятельными гражданами Российской Империи. Верными — но не рабами, или холопами, а верными сынами и субъектами публичных прав. Самостоятельными — но не сепаратистами, или революционерами, или разбойниками, или предателями (ведь они тоже «само-деятельны»...), но свободными стоителями, трудниками, слугами, гражданами и воинами.

Эту ставку на свободную и благодатную силу русского народа должен сделать будущий диктатор. При этом качеству и таланту должна быть открыта дорога вверх с самого низа. Необходимый отбор людей должен определяться не классом, не сословием, не богатством, не пронырливостью, не закулисными нашествиями или интригами и не навязыванием со стороны иностранцев, — а качеством человека: умом, честностью, верностью, творческой способностью и волею. России нужны люди совестные и храбрые, а не партийные выдвигенцы и не наймиты иноземцев...

И если демократии понимать в этом смысле, в смысле все-народного самовложения, всенародного служения, творческой самостоятельности во имя России и качественного отбора вверх, — то поистине трудно будет найти порядочного человека, христианина, государственно мыслящего патриота, который не сказал бы вместе со всеми: «да, в этом смысле и я тоже демократ». И будущая Россия — или осуществит это и явит подлинную творческую народную силу, или распалется, распалется и ее не будет. Мы веруем в первое; господа расчленители явно добиваются второго.

Итак, национальный диктатор должен будет: 1. — сократить и остановить хаос; 2. — немедленно начать качественный отбор людей. 3. — наладить трудовой и производственный порядок; 4. — если нужно будет, оборонить Россию от врагов и расхитителей; 5. — поставить Россию на ту дорогу, которая ведет к свободе, к росту правосознания, к государственному самоуправлению, величию и расцвету национальной культуры.

Можно ли думать, что такой национальный диктатор выйдет из нашей эмиграции? Нет, на это нет никаких шансов. Здесь не должно быть иллюзий. И если, не приведи Бог, Россия оказалась бы завоеванной иностранцами, то эти последние посадили бы или своего иностранного тирана, или эмигрантскую коллегиальную диктатуру — для вящего позорного провала.

ОЧЕРТАНИЯ БУДУЩЕЙ РОССИИ¹⁷

Помышляя о грядущей России и подготавливая ее в мыслях, мы должны исходить из ее исторических, национальных, религиозных, культурных и державных основ и интересов. Мы не смеем — ни торговать ими, ни разбазаривать наше общерусское, общенародное достояние. Мы не смеем обещать от лица России — никому, ничего. Мы должны помнить ее, и только ее. Мы должны быть верны ей, и только ей. Поколение русских людей, которое поведет себя иначе, будет обозначено в истории России, как поколение дряблое и предательское.

Известные компромиссы в будущем неизбежны; но они должны быть сведены к минимуму; и их найдет и установит будущая русская государственная власть. Она, а не мы. Ибо иначе разговаривают с государственной властью и совсем иначе с зависимым, полуголодным эмигрантом. Политический компромисс есть уравнивающая взаимная уступка двух сил, ищущих взаимного и совместного равновесия. А мы, рассеянные и разноголосые эмигранты — мы не сила, а воплощение государственной слабости. Поэтому мы не можем и не смеем предлагать или заключать компромиссы — за Россию, вместо России, от ее лица. Ибо мы немедленно ставим ее тем самым в положение слабой стороны, сразу предаем ее державный интерес и попадаем сами в фальшивое положение человека, обязавшегося отстаивать в будущей России иноземную или иноверную пользу.

А такие «судары» в эмиграции имеются. Есть такие, которые предлагают добровольно уступить Германии Украину: «у нас, ведь, так много земли, а бедная Германия перенаселена; это было бы проявлением международной справедливости». Есть и такие, которые сами, будучи сроду протестантами, говорят по радио речи о соединении Православия с католичеством и развязно заявляют, что в этом деле «решительно никаких затруднений нет». А есть еще и сущие расчленители, одни с претензией на «малый трон», или «полутрон» для себя, другие — просто «ликвидаторы» и расхитители России...

Таково первое требование, предъявляемое к эмигрантским политикам: верность Национальной России.

Второе требование: не выдвигать пустых и неопределенных лозунгов. Мы должны исходить из реального исторического опыта,

искать в нем строительных и спасительных очертаний для будущей России и предлагать политически-осмысленное и осязательное.

А между тем эмигрантские публицисты удовлетворяются пустой словесностью. Одни говорят «демократия» — и думают, что они что-то сказали. А между тем демократия швейцарских кантонов, с непосредственным участием граждан, не имеет ничего общего с демократией английского типа (избирательной, парламентарной и монархической). Чего же они хотят? Какое избирательное право они считают спасительным для России и почему? Или, может быть, они собираются посадить подобно Сиейсу — одного «великого избирателя», скажем Кускову или Чернова, который и «изберет» всех своих приверженцев? Ведь история «демократии» знает и такие трюки... А «демократы» под сурдинку пробалтываются, что после большевиков о выборах нечего и думать, необходима будет диктатура!.. — Другие произносят слово «республика» немедленно и впадают в антимонархические судорги... Но ведь Рим и при Цезаре, и при Августе — был республикой; и Венецианская республика с Дожем никогда не была монархией; и Временное правительство (недоброй памяти) ввело в России «республику»; и совдепия (совнаркомия) была несомненной республикой; республику ввел Кромвель, а впоследствии Робеспьер... А центрально-американские государства (начиная с Мексики) и южно-американские государства (кончая Чили и Аргентиной) с их системой вечных переворотов — разве не республики? Какое светлое будущее готовится для России под этим флагом — между тиранией и анархией?.. Или, может быть, весь смысл этого лозунга состоит в том, чтобы отнять у России навсегда любовь и доверие к Государям, а там всякий тиран и всякая анархия будут хороши? — Иные провозглашают «федерацию» — как если бы они были слепы и не понимали, что «советская федерация» не имеет ничего общего ни со швейцарской, ни с северо-американской, и что эти две последние различаются друг от друга, как звезда от звезд!... — А те, кто говорят о «монархии», думают ли они о том, что «монархами» были и Тиберий, и Нерон, и Калигула (пусть только почитают Тацита и Светония), что «монархом» был и презренный Андроник Комнин византийский, и мудрый, тихий Марк Аврелий, и великий Петр, и аморальный Генрих VIII, и Ричард III, и Гарун-Аль-Рашид, и Антигон I македонский, государь мудрый и творческий, и безумный Эрик XIV шведский, и Иоанн VI Антонович!.. История знает множество государей, которые своим правлением только подрывали все светлое, священное и могучее, что заложено в монархическом начале. Какая же монархия зиждительна и спасительна для России и почему именно? И почему одни стоят за самодержавную монархию, а другие за конституционную (и эти последние — неужели только для того, чтобы угодить радикалам-

демократам?., о, тщетная надежда!..). И какая же именно «конституция» возродит и утвердит Россию?

После событий последних пятидесяти лет — все эти лозунги сами по себе ничего не означают, ибо прежние политические понятия ныне выветрились, исказились и омертвели. Кто ограничивается ими, тот ничего не говорит и обманывает ими и себя и других.

Прошло то время, когда русская интеллигенция воображала, будто ей стоит только заимствовать готовую государственную форму у запада и перенести в Россию — и все будет хорошо. Ныне Россия в беспрецедентном историческом положении: она ничего и ни у кого не может и не должна «заимствовать». Она должна сама создать и выковать свое общественное и государственное обличье, такое, которое ей в этот момент исторически будет необходимо, которое будет подходить только для нее и будет спасительно именно для нее; и она должна сделать это, не испрашивая разрешения ни у каких нянек и ни у каких соблазнительей или покупателей.

Современный русский политик, к какому бы возрасту он ни принадлежал, и в какой бы стране он ни находился, должен продумать до конца трагический опыт русского крушения и затем обратиться к истории. Он должен отыскать в истории человечества живые и здоровые основы всякой государственности, основные аксиомы права и государственного здоровья и проследить их развитие и судьбу в русской истории. Тогда ему откроется судьба русского государства — источники его силы (чем держалась и крепла Россия?), ход его великодержавия (рост России вопреки всем затруднениям и препятствиям!) и причины его периодических крушений (иссыкание государственного чувства и жертвенности). И пусть он всмотрится в современное положение России и пусть попытается представить себе ее грядущие очертания... И тогда — пусть он выскажет публично то, что он увидит.

Тогда он выйдет из праздной толпы ходячих или навязанных слов и из толчеи мнимо-политических лозунгов. И то, что он выскажет об очертаниях будущей России, будет иметь значение целостного рецепта для русских государственных недугов. Он не повторит лжепророчество больного фантазера Мережковского, что революция принесет России «Царство Духа Святого». Он не повторит и глупость другого современного публициста, что России нужна «федерация провинций». Он будет застрахован от губительной и предательской формулы, согласно которой «России вообще не будет, а будет федерация множества маленьких социалистических государств»...

Но что же ему откроется?

Он начертит нам строй, в котором лучшие и священные основы монархии (какие именно?!) впитают в себя все здоровое и сильное, чем держится республиканское правосознание (чем же именно?!).

Он начертит нам строй, в котором естественные и драгоценные основы истинной аристократии (какие же именно?) окажутся насыщенными тем здоровым духом, которым держатся подлинные демократии (в чем же этот дух?). Единовластие примирится с множеством самостоятельных изволений; сильная власть сочетается с творческой свободой; личность добровольно и искренно подчинится сверхличным целям; и единый народ найдет своего личного Главу, чтобы связаться с ним доверием и преданностью.

И все это должно совершиться в вековых традициях русского народа и русского государства. И притом — не в виде «реакции», а в формах творческой новизны. Это будет новый русский строй, новая государственная Россия.

И пусть нам не говорят, что мы «можем ошибиться». Мы знаем это сами. Но эти ошибки, — если это будут ошибки, — Россия простит нам: ибо мы любили только ее, служили только ей, и искали только ее блага.

Когда пытаешься всмотреться в очертания будущей России, то чувствуешь прежде всего, до какой степени черты ее закрыты мглою революционного хаоса и до какой степени необходима осторожность в суждениях о русском будущем. Не только было все «потрясено» и «сдвинуто», о чем так старались ненасытные «углубители» революции; нет, все сознательно и нарочно ломалось, перевертывалось, выворачивалось в интересах марксистского эксперимента. Большевицкая революция в России действовала, как огромная обезьяна, которую научили вивисекции («резанию заживо») и пустили в детский сад. Положительного идеала коммунисты не имели; их программа была чисто отрицательная и выражалась в двух тезисах: «долгой все буржуазное» и «устроим все наоборот». А для этого надо было все сломать. Никто из них не знал, в чем состоит эта пресловутая «социалистическая культура», наука, суд, управление, обмен товаров, нравственность, правосознание (которое они называли «самосознанием»), семья. По откровенному признанию Ленина, их, старых нелегалычиков, «в тюрьмах торговать и управлять не учили». Никто из них не знал, какими хозяйственно-трудовыми побуждениями руководится здоровый человек, и какие — надо навязать невиданному доселе уроду, именуемому «социалистическим человеком». Никто из них не думал о том, в какие государственные формы это все может облечься; и над своей же, впервые опубликованной «советской конституцией» они сами издевались поносными словами, открыто выговаривая, что «революция призвана попирать все и всякие законы, в том числе и те, которые она сама установила». Ведь премудрые Маркс и Энгельс обещали социалистическую отмену государства и какой-то совершенно бессмысленный «прыжок из царства необходимости в царство свободы» — настоящий образец радикального пустословия и обманословия. Коммунисты и

прыгнули. И оказалось, что надо строить неизвестно что и неизвестно как. И начались безжалостные и бесстыдные эксперименты над живым, и совращаемым, и страждущим, и восторженным, и казнями усмиряемым русским народом...

В этом ужасном процессе, длящемся ныне уже 33 года, очень многое снесено, истреблено и разрушено непоправимо. И сама русская душа в этих муках и унижениях менялась: слабое разлагалось, сильное закалялось, доброе гибло, злое ожесточалось; и в души изливался яд соблазна — страха, пресмыкания, предательства, деморализации и самого бесстыдного революционного карьеризма.

В двадцатом году один крупный московский ученый, знавший Ленина и ранее, писал ему: «вы сифилитизировали Россию спирохетами лени и жадности!» — и был прав. Но к этой заразе надо добавить еще: отраву бесхозяйственности, безответственности, всеобщего взаимного недоверия, защитного притворства, лжи и всем навязываемой пошлости (безверия, безбожия, бездушия и материализма). Эта отравка останется надолго.

Прежней России нет. Это был исторически сложившийся организм, выросший в борьбе с природой и с врагами, в лишениях и страданиях. Это был еще не окрепший, но крепнущий и здоровеющий организм. Креп и богател достопыпинский и стольпинский крестьянин-собственник. Умственно рос и креп рабочий. Развивалась промышленность высокого качества. Отбирались и крепили интенсивные помещичьи хозяйства, тогда как отсталые распродавали свою землю крестьянам и оставались культурными гнездами в крестьянском океане. Слагался и креп русский национальный капитал. Расцветала могучая кооперация. Море просвещения изливалось во все слои народа. Интеллигенция изобледала соблазны безбожия и слепой оппозиционности. Суд был идейный, честный и неподкупный. Отдельные отрасли управления — как коннозаводство, уголовный розыск и военная разведка — далеко опередили Европу. А о чиновничестве, осуществлявшем аграрную реформу Столыпина, берлинский ученый, профессор Зеринг, обозревавший все производство на местах, говорил и писал: «это европейски образцовая бюрократия: люди идейные, убежденные, знающие, честные, инициативные; любая страна могла бы позавидовать такому кадру»...

Все это было; и всего этого нет. А есть измученные вивисекцией, ограбленные, униженные, изголодавшиеся, ожесточенные и, увы, политически деморализованные народные массы. Однажды это революционное наследство достанется русским людям следующего поколения: то, что они получают, будет зависеть не от них; но то, что они должны будут делать для спасения России, они должны знать и будут решать сами. Ответственность за это ляжет на них.

Каково же будет это наследство?

Русский народ выйдет из революции нищим. Ни богатого, ни зажиточного, ни среднего слоя, ни даже здорового, хозяйственного крестьянина — не будет вовсе. Нищее крестьянство, пролетаризованное вокруг «агро-фабрик» и «агро-городов»; нищий рабочий в промышленности; нищий ремесленник, нищий горожанин. Социалистическая справедливость сделала их всех «голодранцами усих краив». Конечно, вынырнет перекрасившийся коммунист, награбивший и припрятавший; но его быстро узнают по самому его «богатству» и вряд ли согласятся оставить его ему. Эмигрант, вернувшийся со средствами, — будет тоже редким исключением. Это будет народ «бесклассового общества»: ограбленный, но отнюдь не забывший ни того, что его ограбили, ни того, что именно у него отняли, ни тех, кто его подверг «экспроприации». Будут городские и сельские жители; люди различных специальностей; различной подготовки; различных тяготений. Но все будут бедны, переутомлены и ожесточены.

Государственный центр, ограбивший всех, исчезнет; но государственная монетная единица, оставшаяся в наследство наследникам, будет обладать минимальной покупательной силой на международном рынке и будет находиться в полном презрении на внутреннем рынке. И трудно себе представить, чтобы государственное имущество, награбленное и настроенное, было оставлено коммунистами в хозяйственно-цветущем виде: ибо оно по всем видимостям пройдет через период ожесточенной борьбы за власть.

Итак, предстоит нищета граждан и государственное оскудение: классическое последствие всех длительных революций и войн. Первое, что сделает русский народ после падения коммунистического ига и террора, — он попытается самочинно, самотеком вернуть себе ограбленное и хозяйственно устроиться по-новому, восстановить свое законное владение. Надо представить себе стотридцати-миллионное русское крестьянство, «отыскивающее» отнятую у него землю: люди возвратятся из сылок, из концентрационных лагерей, из городов и «агро-городов», — «к себе», искать свою землю и расплачиваться с ограбителями. Надо представить себе сорокамиллионное рабочее население, с таким трудом прикрепляемое ныне к фабрикам для «оседлого» прозябания и изнурения,—ищущим, где «поспособнее» устроиться или как вернуться на землю. Надо представить себе тридцати-миллионную советскую «бюрократию», утратившую свое «коммунистическое начальство», безхозяйную, безработную, отставшую от злых берегов и не приставшую к добрым, — привыкшую трепетать, угождать и не иметь своих убеждений. Надо прибавить к этому коммунистические банды, сплошь состоящие из людей, не надеющихся на прощение, спаянных долгим совместным злодейством и пролитую кровью; кто из них сможет, скроется за границу, к «своим» и «полусвоим», чтобы реализовать припрятанное и

заняться ложью и клеветой; но кому это не удастся, те засядут в стране, отсиживаясь и пытаясь продолжать сорвавшееся дело. Отсюда выступают десятки авантюристов, по пугачевски лезущих «в енаралы» и пристегивающихся к сепаратистским группам и народцам. Конечно, найдутся всевозможные иностранные «центры», готовые субсидировать этих беспардонных «приключенцев», наподобие того, как это было в Китае. Национальные обиды и племенные претензии будут разжигаться снаружи — и иноземными врагами и «своими» предателями, давно уже мечтающими ликвидировать Россию. И ко всему этому прибавится разногласица интеллигентски-эмигрантских «политических партий», заручившихся выдуманными «программами» и закулисными субсидиями...

Если представить себе при этом отсутствие сильной и авторитетной государственной власти и страстную тягу скорее поставить всех перед «свершившимся фактом», то картина хаоса будет полная. И тот, кто представит себе все это, неизбежно увидит себя перед двумя вопросами:

1. — О каких «демократических выборах», о каких «избирательных списках» можно будет думать при этом? И кто говорит о них теперь — тот или пустословит от наивности или лжет сознательно.

2. — Не ясно ли, что для спасения множества виновных людей от уличного растерзания и множества невинных людей от лютой нужды и гибели, — необходима будет единая и сильная государственная власть, диктаториальная по объему полномочий и государственно-национально настроенная по существу.

Как же могут люди, русские по любви и разумению, думать, что Россию выведет из этого хаоса — власть, слабейшая по силе, наитруднейше организуемая, по русскому пространству, хаосу и деморализации совершенно неосуществимая и после революции совершенно лишенная в стране массового кадра — именно, власть демократическая?! Мы, со своей стороны, видим и предвидим обратное: если что-нибудь может нанести России, после коммунизма, новые, тяжчайшие удары, то это именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании — демократический строй. Ибо эта тирания успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии, без которых возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность, и всплывание на поверхность все новых и новых антикоммунистических тиранов, наподобие того, как это было в древней Греции во время Пелопонесской войны, в Риме в эпоху так называемых «цезарей» (начиная с Тиберия, за немногими исключениями!), и в Италии в эпоху Возрождения с его свирепыми «кондотьярами», лишенными патриотизма, чести и совести...

КОЕ-ЧТО ОБ ОСНОВНЫХ ЗАКОНАХ

БУДУЩЕЙ РОССИИ¹⁸

Если бы, после всего того, что было высказано нами в «Наших задачах» от номера 1 до номера 156, мы попытались формулировать некоторые принципиальные основы будущего русского государственного устройства, то лишь с тою оговоркою, что это устройство мы отказываемся мыслить себе, как республиканское. Республику, все равно унитарную или федеративную, мы не считаем государственною формою, способною восстановить Россию, дать ей творческую свободу и культурно-духовный расцвет. И если мы не упоминаем об этом прямо в ближайших выпусках «Наших задач», то лишь потому, что считаем необходимым дать углубленное исследование вопроса о государственной форме и в частности о духовном существе монархического начала.

Мы можем, однако, сделать опыт формулирования тех принципиальных основ, которые говорят, во-первых, о Российском Государстве вообще, и, во-вторых, о Правах и Обязанностях Русских Граждан. С этого мы и начинаем.

О Российском Государстве

Ст. 1. — В порядке Божьего изволения возникшее, Божиим Промыслом в веках ведомое, Российское Государство утверждает-ся, как установление по духу своему христианское и национальное, призванное ко хранению и осуществлению закона правды в жизни российских народов.

Ст. 2. — Российское Государство есть правовое единство, — священное, исторически преемственное, властное и действительное. Оно покоится на братском единении русских людей, на их верности Богу, Отечеству, государственной власти и закону.

Ст. 3. — Российское Государство едино и нераздельно. Оно имеет единый состав граждан, определяемый законом; единую, законом очерченную территорию; единую государственную власть, строение коей устанавливается основным законом; единый свод законов, в который включаются и все местные своды.

Всякое произвольное выхождение граждан из состава государства, всякое произвольное расчленение территории, всякое образование самостоятельной или новой государственной власти, всякое произвольное создание новых, основных или обыкновенных законов — объявляется заранее недействительным и наказуется по всей строгости уголовного закона, как измена или предательство.

Ст. 4. — Российское Государство есть правовой союз. Каждый русский гражданин имеет свои неприкосновенные права, свои установленные обязанности, свои ненарушимые запреты ости; все это устанавливается законами, ограждается властью и судом. Всякое беззаконие, превышение власти, вымогательство и произвол преследуются. Праву подчинены все без исключения. Основы правопорядка обязательны для всех.

Ст. 5. — Российское Государство есть единство священное, ибо оно объединяет людей не только внешне, но и внутренне, не токмо за страх, но и за совесть, не токмо перед лицом всех людей, но и перед лицом Божиим. Российское Государство служит делу Божьему на земле: оно ограждает и обслуживает жизнь русского национального духа в его единстве и в его всенародной и общенародной совокупности.

Ст. 6. — Российское Государство есть единство исторически-преемственное. Оно основано нашими предками; оно утверждено всенародными жертвами, приносившимися отечеству под водительством русских Князей и Государей; оно не может прекратиться и не прекращается никакими временными смутами, восстаниями, вторжениями и засилиями.

Ст. 7. — Российское Государство есть единство властное, т. е. публично-правовое, и при том — верховное. Оно само создает свою верховную власть, не подчиненную никакой внешней силе, никакой иной власти, явной или тайной, никакой иной державе. Русская государственная власть призвана править и повелевать: она властвует по праву и обязана в пределах права опираться на силу.

Ст. 8. — Российское Государство есть единство действительное. Это означает, что русские граждане призваны к правовой свободе и самостоятельному творчеству, к добровольной законопослушности (лояльности), к верной, незасорной семейной жизни, к свободному труду и частной собственности. Они суть субъекты права. Они повинны вкладывать в государственное дело свой почин, свое сердце, волю и разум. Они должны всеми способами, как лучше, промышлять о своем отечестве и о пользе своего народа. Они обязаны содействовать всем благим и правым начинаниям своей власти.

Ст. 9. — Российское Государство связывает людей в братский союз. Русский русскому есть брат и помощник, всегда, везде и во всем. Всякая взаимная неправда возбраняется. Всякое взаимное притеснение преступно. Всякая злостная эксплуатация наказуема по закону. Всякое оставление в беде предосудительно и позорно. Все за одного — один за всех.

Ст. 10. — Российское Государство связывает русских людей с отечеством и между собою преимущественно, а в случае столкновения с другими союзами — исключительно. Поэтому двойное подданство недопустимо; оно воспрещается

и наказуется, как измена. Также воспрещается всякая принадлежность граждан к каким бы то ни было международным (интернациональным) объединениям.

Ст. 11. — Российское Государство связывает всех своих граждан единою патриотическою солидарностью: общим отечеством, общею целью, общею властью, общим правопорядком. Общее выше частного. Частные интересы должны уступать, подчиняться, служить средством для высшей цели (ст. 4). Русский гражданин повинен своему отечеству служением и жертвенностью; он повинен своим согражданам уважением, миролюбием и сотрудничеством.

Ст. 12. — Всякое деление русских граждан на враждебные политические станы объявляется вредным, предосудительным и в случаях, особо предусмотренных, — наказуемым срочною или бессрочною утратой публичной правоспособности. Борьба за классовые, партийные и корпоративные интересы позволительно лишь постольку, поскольку эти интересы соответствуют единому и общему благу народа и государства.

Ст. 13. — Русский суд призван быть правым, справедливым, милостивым, скорым и равным. Русский судья, всегда укрепляя себя в законе Божием, ведает в решениях своих два источника: закон Российского Государства и свое совестное правосознание. Он не может ни кривить душою, ни угождать предрержащим властям.

Ст. 14. — Русский государственный чин есть звание честное и ответственное, милостивое и строгое. Творящий кривду или растрату разрушает отечество и позорит себя. Российское чиновничество обязуется помнить, что оно призвано строить и украшать свою родину.

Ст. 15. — Солдатом именуется всякий военнотружущий, от рядового до старшего генерала. Русский солдат есть звание высокое и почетное. Он представляет всероссийское народное единство, русскую государственную волю, силу и честь. Армия есть кость от кости народной, кровь от крови его, дух от его духа. Тружущий в русской армии, — пожизненно или временно, — осуществляет почетное право верного за отечество стояния и приобщения национальной славе. Военное знамя есть священная хоругвь всего российского народа. Военный инвалид — почетное лицо в государстве.

Ст. 16. — Русский язык есть язык общегосударственный. Он обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях допускается только наряду с русским языком: оно обязательно во всех общинах с иноязычным большинством и определяется особыми законами и указами.

Так можно было бы формулировать основные аксиомы всероссийского государственного порядка и единения.

РОССИЯ ЕСТЬ ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ¹⁹

Когда нам ставят вопрос, как это могло случиться, что русский народ в эпоху второй отечественной войны (1914-1917) предпочел имущественный передел национальному спасению, мы отвечаем: это случилось потому, что русское простонародное, а также и радикально-интеллигентское правосознание не были на высоте тех национально-державных задач, которые были возложены на него Богом и судьбою. — Русский человек видел только ближайшее; политическое мышление его было узко и мелко; он думал, что личный и классовый интерес составляют «главное» в жизни; он не разумел своей величавой истории; он не был приучен к государственному самоуправлению; он был не тверд в вопросах веры и чести... И прежде всего он не чувствовал своим инстинктом национального самосохранения, что Россия есть единый живой организм.

И с этого нам надо теперь начинать. Это нам надо уяснить себе и укрепить в наших детях. Россия есть организм природы и духа — и горе тому, кто ее расчленяет! Горе — не от нас: мы не мстители и не зовем к мести. Наказание придет само... Горе придет от неизбежных и страшных последствий этой слепой и нелепой затеи, от ее хозяйственных, стратегических, государственных и национально-духовных последствий. Не добром помянут наши потомки этих честолюбцев, этих доктринеров, этих сепаратистов и врагов России и ее духа... И — не только наши потомки: вспомнят и другие народы единую Россию, испытав на себе последствия ее преднамеренного расчленения; вспомнят ее так, как уже вспоинал ее в 1932 году дальнорский итальянский историк Гвидельмо Ферреро (см. «Наши Задачи», №№45 и 46²⁰).

Итак, Россия есть единый живой организм. Глупо и невежественно сводить ее исторический рост к «скопидомству Мономаховичей», к «империализму Царей», к честолюбию ее аристократии или к рабской и грабительской мстительности развращенного русского простонародья (как до этого договорился в своей недавно вышедшей книге недообрусевший швед Александр фон Шельтинп его книга есть сущий образец презрения к русскому народу и ненависти к Православию)...

Тот, кто с открытым сердцем и честным разумением будет читать «скрижали» русской истории, тот поймет этот рост русского государства совсем иначе. Надо установить и выговорить раз навсегда, что всякий другой народ, будучи в географическом и историческом положении русского народа, был бы вынужден идти тем же самым путем, хотя ни один из этих других народов,

наверное, не проявил бы ни такого благодушия, ни такого терпения, ни такой братской терпимости, какие были проявлены на протяжении тысячелетнего развития русским народом. Ход русской истории сложился не по произволу русских Государей, русского правящего класса или, тем более, русского простонародья, а в силу объективных факторов, с которыми каждый народ вынужден считаться. Слагаясь и возрастая в таком порядке, Россия превратилась не в механическую сумму территорий и народностей, как это натверживают иностранцам русские перебежчики, а в органическое единство.

1. Это единство было прежде всего географически предписано и навязано нам землею. С первых же веков своего существования русский народ оказался на отовсюду открытой и лишь условно делимой равнине. Ограждающих рубежей не было; был издревле великий «проходной двор», через который валяли «переселяющиеся народы», — с востока и юго-запада на запад... Возникая и слагаясь, Россия не могла опереться ни на какие естественные границы. Надо было или гибнуть под вечными набегами то мелких, то крупных хищных племен или давать им отпор, замирать границу оружием и осваивать ее. Это длилось веками; и только враги России могут изображать это дело так, будто агрессия шла со стороны самого русского народа, тогда как «бедные» печенег, половцы, хазары, татары (ордынские, казанские и крымские), черемисы, чуваша, черкесы и кабардинцы — «стонали под гнетом русского империализма» и «боролись за свою свободу»...

Россия была издревле организмом, вечно вынужденным к самообороне.

2. Издревле же Россия была географическим организмом больших рек и удаленных морей. Среднерусская возвышенность есть ее живой центр: сначала «волоки», потом каналы должны были связать далекие моря друг с другом, соединить Европу с Азией, Запад с Востоком, Север с Югом. Россия не могла и не должна была стать путевой, торговой и культурной баррикадой; ее мировое призвание было прежде всего — творчески-посредническое между народами и культурами, а не замыкающееся и не разлучающее... Россия не должна была превращаться, подобно Западной Европе, в «коечно-коморочную» систему мелких государств с их заставами, таможнями и вечными войнами. Она должна была сначала побороть своих внутренних «Соловьев-Разбойников» (подвиг Ильи Муромца!) и «Змеев Горынычей» (подвиг Ивана Царевича!), залегавших добрым людям пути и пресекавших все дороги, — с тем, чтобы потом стать великим и вседоступным культурным простором.

А этот простор не может жить одними верховьями рек, не владея их выводящими в море низовьями. Вот почему — всякий, всякий народ на месте русского вынужден был бы повести борьбу за устья Волги, Дона, Днепра, Днестра, Западной Двины, Наровы,

Волхова, Невы, Свири, Кеми, Онеги, Северной Двины и Печоры. Хозяйственный массив суши всегда задыхается без моря. Заприте французам устье Сены, Луары или Роны... Перегородите германцам низовья Эльбы, Одера, лишите австрийцев Дуная — и увидите, к чему это поведет. А разве их «массив суши» может сравниться с русским массивом? — Вот почему пресловутый план Густава Адольфа: запереть Россию в ее безвыходном лесном-степном территориальном и континентальном блоке и превратить ее в объект общеевропейской эксплуатации, в пассивный рынок для европейской жадности, — свидетельствовал не о государственной «мудрости» или «дальновидности» этого предприимчивого короля, но о его полной неосведомленности в восточных делах и о его узко-провинциальном горизонте, ибо он не видел ничего дальше своей Балтики и не постигал, из-за собственного «губернского» империализма, что Европа есть лишь небольшой полуостров великого азиатского материка...

Нациям, которые захотят впредь загородить России выход к морям, надлежит помнить, что здесь дело идет совсем не о том, чтобы «уловить поступь современности», как выражаются теперь заносчивые сепаратисты русской равнины, и поскорее «расчлениться», а о том, чтобы верно увидеть проблему континентального размера и не становиться поперек дороги мировому развитию. Не умно и не дальновидно вызывать грядущую Россию на новую борьбу за «двери ее собственного дома», ибо борьба эта начнется неизбежно и будет сурово-беспощадна.

3. Отстаивая свою национальность, Россия боролась за свою веру и религию. Этим Россия, как духовный организм, служила не только всем православным народам, и не только всем народам европо-азиатского территориального массива, но и всем народам мира. Ибо Православная вера есть особое, самостоятельное и великое слово в истории и в системе Христианства. Православие сохранило в себе и бережно растило то, что утратили все другие западные исповедания и что наложило свою печать на все ответвления Христианства, магометанства, иудейства и язычества в России. Всякий внимательный наблюдатель знает, что лютеране в России, и реформисты в России, англикане в России, и магометане в России — разнятся от своих иностранных соисповедников по укладу души и религиозности, удаляясь от своих перво-образцов и приближаясь незаметно для себя к Православию... А Католичество кончило тем, что открыто выработало и выдвинуло межеемочно-подражательную форму исповедания: «католичество восточного обряда» — форму, по видимости, православно-свободно-молитвенную, но по существу католически-лукаво-неискреннюю, симулирующую в обрядах невосприимчивый и даже не постигнутый дух Православия...

И при всем том Православная Церковь никогда не обращала иноверных в свою веру мечом или страхом, открыто осуждая это

и запрещая уже в ранние века своего распространения. Она не уподоблялась ни католикам (особенно при Карле и Каролингах, и во Франции в эпоху «Варфоломеевской ночи» и религиозных войн, при Альбе, в Нидерландах и всюду, насколько у них хватало сил, например, в Прибалтике), — ни англиканам (например, при Генрихе VIII, в период английской революции и междоусобных войн).

В религии, как и во всей культуре, русский организм творил и дарил, но не искоренял, не отсекал и не насиловал...

4. Духовный организм России создал далее свой особый язык, свою литературу и свое искусство. На этот язык, как на родной, отзываются все славяне мира. Но помимо своих особых и великих языковых достоинств, он оказался тем духовным орудием, которое передало начатки Христианства, правосознания, искусства и науки — всем малым народам нашего территориального массива.

Живя и творя на своем языке, русский народ, как надлежит большому культурному народу, щедро делился своими дарами со своими замиренными и присоединенными бывшими соседями, вчувствовался в их жизнь, вслушивался в их самобытность, учился у них воспевать их в своей поэзии, перенимал их искусство, их песни, их танцы и их одежды, и простосердечно и искренно — считал их своими братьями; но никогда не гнал их, не стремился денационализировать их (по германскому обычаю!) и не преследовал их. Мало того: нередко он впервые слагал для них буквенные знаки и переводил им на их язык Евангелие (ср., например, труды И. А. Яковлева в деле создания чувашской письменности и одухотворения их языка).

Жизненно-культурное значение русского языка быстро обнаружилось после революции и отделения от России западных окраин. К сожалению, немногие знают, что все железнодорожное сообщение между Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей и Бессарабией могло наладиться и происходило до самой второй мировой войны — на русском языке, ибо малые народы взаимно не знали, не признавали и не хотели признавать соседних языков, а по-русски говорили и думали все... Немногие знают также, как судьи прибалтийских государств вплоть до сенаторов, изучившие русское право на русском языке, готовясь к «слушанию» сколько-нибудь сложного дела, обращались к русскому праву и к образцовым произведениям замечательных русских юристов (от Таганцева до Тютрюмова!) — по ним искали права и правды для своих соплеменников и затем подбирали новые слова на своих языках, чтобы передать и закрепить рецепированное русское право.

Что же касается русского искусства, то о его всенародном и мировом значении нет нужды распространяться.

И вот, в силу того, что на протяжении российского пространства и в длительности веков не оказывалось народа, равного по

талантливости, по вере и по культуре русскому народу или соперничающего с ним (в языке, в организации, в творческой самобытности, в жизненной энергии и в политической дальновидности), — русский народ оказался естественно ведущим и правящим народом, «культуртрегером», народом защитником, а не угнетателем. Всякий талант, всякий творческий человек любой нации, вставая в Россию, пролагал себе путь вверх и находил себе государственное и всенародное признание — от евреев Шафиров, Левитана, Антокольского и братьев Рубинштейнов до армян Лорис-Меликова, Деянова и Джаншиева; от немцев барона Дельвига, Гильфердинга и отца Климента Зедекерхольма до литовцев Ягужинского, Балтрушайтиса и Чурляниса; от грузина Чавчавадзе до карачайского князя Крым-Шохмалова и до текинца Лавра Корнилова. Кто преследовал в России после замирения — казанских и касимовских татар? Мордву? Зырян? Лопарей? Армян? Черкесов? Туркмен? Имеритин? Узбеков? Таджиков? Сартов? Кого из них не видели стены российских университетов — сдающими экзамены, кому из них мешали по-своему верить, одеваться, богатеть и блюсти своё обычное право?.. Однажды полный и беспристрастный словарь деятелей русской имперской культуры вскроет это общенациональное братство, это всенациональное сотрудничество российских народов в русской культуре.

5. Далее, Россия есть великий и единый хозяйственный организм.

Все ее части или территории связаны друг с другом взаимным хозяйственным обменом или «питанием» — отличительный признак всякого организма. Хлебородный юг европейской России нужен не малороссам только, а всей стране, вплоть до далекого севера. Лесообильный север с его невысыхающей влагой и незамерзающими выходами в Балтийское море и в океан — необходим всем народам России вплоть до среднеазиатских. Нелепо думать, будто кавказские народы, уцепившись за нефть и марганец, процветут во славу Англии или Германии, предавая им Россию. Ребячливо мечтать о том, будто «Донецкая Всевеликая Республика» — «не даст» на север ни угля, ни железа. Или будто «высокие послы» Мордовии, Черемисии и Чувашии, отрезав Великороссию от Волги и Каспия, добьются от Лиги Наций вооруженного похода на Москву для подавления ее «всевожского империализма»... Сколько во всех подобных замыслах политического диетанства и доктринерства, того самого, которое погубило «февралистов» и которым они доселе гордятся!..

Хозяйственное взаимопитание российских стран и народов будет рано или поздно органически восстановлено; и если рано, то в мирное процветание всех народов Империи; а если — поздно, то в результате многих лишений, после ряда войн и ценою многих крови. Рабочая сила, сырье, готовые товары и единая валюта — или

будут свободно циркулировать от «линии Керзона» до Владивостока и от Баку до Мурманска, и тогда народы российского пространства будут блюсти свою независимость и экономически процветать; или же Россия покроеся внутренними рубежами и таможенными, и сорок бессильных и беспомощных государств будут бедствовать на сорока монетных системах, ломать себе голову над сорока рабочими вопросами, вести друг с другом таможенные и иные войны и сидеть без необходимого сырья и вывоза. — Ибо Россия есть единый хозяйственный организм.

6. Само собою разумеется, что этим органическое единство России только очерчено. Однажды оно будет раскрыто с подобающим вниманием и установлено с полной доказательной силой.

Мы приведем здесь только еще одно поучительное доказательство.

Выдающийся русский антрополог нашего времени, пользующийся мировым признанием, профессор А. А. Башмаков, устанавливает замечательный процесс расового синтеза, осуществившегося в истории России и включившего в себя все основные народности ее истории и территории. В результате этого процесса получилось некое величавое органическое «единообразие в различии».

Именно в этом единообразии при различии, пишет Башмаков, «лежит ключ к русской загадке, которая сочетает эти два противоположные начала в единое устойчивое и умеряющее соотношение; в нем резюмируется вся история этих десяти веков, разрешивших между Эвксинским Понтом и пятидесятой параллелью ту проблему, которую другие расы тщетно пытались разрешить, и которая состояла в творческом закреплении человеческих волн, вечно обновлявшихся и вечно распадавшихся.

«Этот русский успех, там, где сто других различных рас потерпело неудачу, должен непременно иметь антропологический эквивалент, формулу, резюмирующую... выражение этой исторической мощи, которая привела к успеху после тысячи лет приспособления славянской расы.

«Вот эта формула. Русский народ, славянский по своему языку, смешанный по крови и по множественной наследственности, роднящей его со всеми расами, сменявшимися друг друга до него на русской равнине, — представляет собою в настоящее время некую однородность, ярко выраженную в черепоизмерительных данных и весьма ограниченную в объеме отклонений от центрального и среднего типа представляемой им расы. В противоположность тому, что все воображают — русская однородность есть самая установившаяся и самая ярко выраженная во всей Европе»...

Американские антропологи исчислили, что вариации в строении черепа у населения России не превышают 5 пунктов на

сто, тогда как французское население варьирует в пределах 9 пунктов, а итальянское — в пределах 14 пунктов, причем средний череповой тип чисто-русского населения занимает почти середину между нерусифицированными народами Империи. Напрасно также говорить о «татаризации» русского народа. На самом деле в истории происходило обратное, то есть русификация иноплеменных народов: ибо иноплеменники на протяжении веков «умыкали» русских женщин, которые рожали им полурусских детей, а русские, строго придерживавшиеся национальной близости, не брали себе жен из иноплеменных (чужой веры! чужого языка! чужого нрава!); напуганные татарским игом, они держались своего и соблюдали этим свое органически-центральное чистокровие. Весь этот вековой процесс «создал в русском типе пункт сосредоточения всех творческих сил, присущих народам его территории». (См. труд А. А. Башмакова, вышедший на французском языке в 1937 году в Париже, «Пятьдесят веков этнической эволюции вокруг Черного моря».)

Итак, Россия есть единый живой организм: географический, стратегический, религиозный, языковой, культурный, правовой и государственный, хозяйственный и антропологический. Этому организму несомненно предстоит выработать новую государственную организацию. Но расчленение его поведет к длительному хаосу, ко всеобщему распаду и разорению, а затем — к новому собиранию русских территорий и российских народов в новое единство. Тогда уже история будет решать вопрос о том, кто из малых народов уцелеет вообще в этом новом собирании Руси. Надо молить Бога, чтобы водворилось как можно скорее полное братское единение между народами России.

О РАСЧЛЕНИТЕЛЯХ РОССИИ²¹

У национальной России есть враги. Их не надо называть по именам: ибо мы знаем их и они знают сами себя. Они появились не со вчерашнего дня, и их дела всем известны в истории.

Для одних национальная Россия слишком велика, народ ее кажется им слишком многочисленным, намерения и планы ее кажутся им тревожно-загадочными и, вероятно, «завоевательными», и самое «единство» ее представляется им угрозой. Малое государство часто боится большого соседа, особенно такого, страна которого расположена слишком близко, язык которого чужд и непонятен, и культура которого инородна и своеобразна. Это противники — в силу слабости, опасения и непоследовательности.

Другие видят в национальной России — соперника, правда, ни в чем и никак не посягающего на их достоинство, но «могущего, однажды, захотеть посягнуть» на него, или слишком успешным

мореплаванием, или сближением с восточными странами, или же торговой конкуренцией! Это недоброхоты — по морскому и торговому соперничеству.

Есть и такие, которые сами одержимы завоевательными намерениями и промышленной завистью: им завидно, что у русского соседа больше пространства и естественные богатства; и вот они пытаются уверить себя и других, что русский народ принадлежит к низшей, полуварварской расе, что он является не более, чем «историческим навозом» и что «сам бог» предназначил его для завоевания, покорения и исчезновения с лица земли. Это враги — из зависти, жадности и властолюбия.

Но есть и давние религиозные недруги, не находящие себе покоя оттого, что русский народ упорствует в своей «схизме» или «ереси», не приемлет «истины» и «покорности» и не поддается церковному поглощению. А так как крестовые походы против него невозможны и на костер его не взведешь, то остается одно: повергнуть его в глубочайшую смуту, разложение и бедствия, которые и будут для него или «спасительным чистилищем», или же «железной метлой», выметающей Православие в мусорную яму истории. Это недруги — из фанатизма и церковного властолюбия.

Наконец, есть и такие, которые не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом «терпимости» — безбожие, под видом «республики» — покорность закулисным манованиям, и под видом «федерации» — национальное обезличение. Это зложелатели — закулисные, идущие «тихой сапой» и наиболее из всех сочувствующие советским коммунистам, как своему («несколько пересаливающему!») авангарду.

Не следует закрывать себе глаза на людскую вражду, да ще в исторически-мировом масштабе. Не умно ждать от неприятелей — доброжелательства. Им нужна слабая Россия, изнемогающая в смутах, в революциях, в гражданских войнах и в расчленении. Им нужна Россия с убывающим народонаселением, что и осуществляется за последние 32 года. Им нужна Россия безвольная, погруженная в несущественные и нескончаемые партийные распри, вечно застревающая в разногласии и многоволении, неспособная ни оздоровить свои финансы, ни провести военный бюджет, ни создать свою армию, ни примирить рабочего с крестьянином, ни построить необходимый флот. Им нужна Россия расчлененная, по наивному «свободолюбию» согласная на расчленение и воображающая, что ее «благо» — в распадении.

Но единая Россия им не нужна.

Одни думают, что Россия, расколовшаяся на множество маленьких государств (например, по числу этнических групп или подгрупп), — перестанет висеть вечной угрозой над своими «беззащитными» европейскими и азиатскими соседями. Это выговаривается иногда открыто. И еще недавно, в тридцатых

годах, один соседний дипломат уверял нас, что такое саморасчленение «бывшей России» по этническим группам будто бы уже подготовлено подпольными переговорами за последние годы и начнется немедленно после падения большевиков.

Другие уверены, что раздробленная Россия сойдет со сцены в качестве опасного, — торгового, морского и имперского, — конкурента; а затем можно будет создать себе превосходные «рынки» (или рынки) и среди маленьких народов, столь отзывчивых на иностранную валюту и на дипломатическую интригу.

Есть и такие, которые считают, что первую жертвою явится политически и стратегически бессильная Украина, которая будет в благоприятный момент легко оккупирована и аннексирована с запада; а за нею, быстро созреет для завоевания и Кавказ, раздробленный на 23 маленькие и вечно враждующие между собою республики.

Естественно, что религиозные противники национальной России ожидают себе полного успеха от всероссийского расчленения: во множестве маленьких «демократических республик» воцарится, конечно, полная свобода религиозной пропаганды и конфессионального совращения, «первенствующее» исповедание исчезнет, всюду возникнут дисциплинированные клерикальные партии, и работа над конфессиональным завоеванием «бывшей России» закипит. Для этого уже готовится целая куча искушенных пропагандистов и вороха неправдивой литературы.

Понятно, что и закулисные организации ждут себе такого же успеха от всероссийского расчленения: среди обнищавшего, напуганного и беспомощного русского населения инфильтрация разольется неудержимо, все политические и социальные высоты будут захвачены тихой сапой, и скоро все республиканские правительства будут служить «одной великой идее»: безыдейной покорности, безнациональной цивилизации и безрелигиозного псевдо-братства.

Кому же из них нужна единая Россия, это великое «пугало» веков, этот «давящий» государственный и военный массив, с его «возмутительным» национальным эгоизмом и «общепризнанной» политической «реакционностью». Единая Россия есть национально и государственно-сильная Россия, блюдущая свою особливую веру и свою самостоятельную культуру: все это решительно не нужно ее врагам. Это понятно. Это надо было давно предвидеть.

Гораздо менее понятно и естественно, что эту идею расчленения, обессиления и, в сущности, ликвидации исторически-национальной России ныне стали выговаривать люди, родившиеся и выросшие под ее крылом, обязанные ей всем прошлым своего народа и своих личных предков, всем своим душевным укладом и своей культурой (поскольку она вообще им присуща). Голоса этих людей иногда звучат просто слепым и наивным политическим

доктринерством, ибо они, видите ли, остались «верны» своему «идеалу федеративной республики», а если их доктрина для России не подходяща, то тем хуже для России. Но иногда эти голоса, как ни страшно сказать, проникнуты сущей ненавистью к исконной исторически-сложившейся России, и формулы, произносимые ими, звучат безответственной клеветой на нее (таковы, например, статьи «федералистов», печатающихся в нью-йоркском «Новом Журнале», статьи, за которые целиком ответственна и редакция журнала, и основная группа его сотрудников). Замечательно, что суждения этих последних писателей, по существу своему, очень близки к той «украинской пропаганде», которая десятилетиями культивировалась и оплачивалась в парниках германского милитаризма и ныне продолжает выговаривать свою программу с вящим ожесточением.

Читая подобные статьи, невольно вспоминаешь одного пред-революционного доцента в Москве, недвусмысленного пораженца во время первой войны, открыто заявлявшего: «у меня две родины, Украина и Германия, а Россия никогда не была моей родиной». И невольно противопоставляешь его одному современному польскому деятелю, мудрому и дальновидному, говорившему мне: «Мы, поляки, совершенно не желаем отделения Украины от России! Самостоятельная Украина неизбежно и быстро превратится в германскую колонию, и мы будем взяты немцами в клещи — с востока и с запада».

И вот, имея в виду русских расчленителей, мы считаем необходимым привлечь внимание наших единомышленников к проблеме федерации по существу. И для этого просим внимания и терпения; ибо вопрос этот — сложный и требует от нас пристального рассмотрения и неопровержимой аргументации.

ЧТО СУЛИТ МИРУ РАСЧЛЕНЕНИЕ РОССИИ²²

1. — Беседуя с иностранцами о России, каждый верный русский патриот должен разъяснять им, что Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен, и не искусственно сложенный «механизм» «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм (см. «Н. 3.» 92 и 93²³) есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально-младшими братьями — духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейски-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия (см. «Н. 3.» 45 и 46²⁴). Расчленение его явилось бы

невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена.

Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения. И в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейские, азиатские и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы, и свои стратегические расчеты в ново-возникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваясь преобладания и «опорных пунктов»; мало того, — выступают империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или скрытое «аннексирование» неустроенных и незащищенных ново-образований (Германия двинется на Украину и Прибалтику, Англия покусится на Кавказ и на Среднюю Азию, Япония — на дальневосточные берега и т. д.). Россия превратится в гигантские «Балканы»; в вечный источник войн; в великий рассадник смут. Она станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран («инфильтранты», «оккупанты», «агитаторы», «разведчики», революционные спекулянты и «миссионеры» — все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы вселенной). Расчлененная Россия станет неизлечимой язвой мира.

2. — Установим сразу же, что подготовляемое международною закулисою расчленение России не имеет за себя ни малейших оснований, никаких духовных или реально-политических соображений, кроме революционной демагогии, нелепого страха перед единой Россией и застарелой вражды к русской монархии и к Восточному Православию. Мы знаем, что западные народы не разумеют и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство, как плотину для их торгового, языкового и завоевательного распространения. Они собираются разделить всеединый российский «веник» на прутики, переломать эти прутики поодиночке и разжечь ими меркнущий огонь своей цивилизации. Им надо расчленить Россию, чтобы провести ее через западное уравнение и развязание, и тем погубить ее: план ненависти и властолюбия.

3. — Напрасно они ссылаются при этом на великий принцип «свободы»: «национальная свобода» требует-де «политической самостоятельности»... Никогда и нигде племенное деление народов не совпадало с государственным. Всегда были малые народы и племена, не способные к государственному самостоянию: проследите тысячелетнюю историю армян, народа темпераментного

и культурно-самобытного, но не государственного; и далее, спросите — где самостоятельные государства фламандцев (4,2 милл. в Бельгии, 1 милл. в Голландии), или валлонов (4 милл.)? почему не суверенны уэльские кимры и шотландские гэлы (0,6 милл.)? где государства кроатов (3 милл.), словенцев (1,26 милл.), словаков (2,4 милл.), вендов (65 тысяч)? французских басков (170 тысяч), испанских басков (450 тысяч), цыган (до 5 милл.), швейцарских лодинов (45 тысяч), испанских каталонцев (6 милл.), испанских галлегосов (2,2 милл.), курдов (свыше 2 милл.) и многого множества других азиатских, африканских, австралийских и американских племен?

Итак: племенные «швы» Европы и других материков совершенно не совпадают с государственными границами. Многие малые племена только тем и спаслись в истории, что примыкали к более крупно-сильным народам, государственным и толерантным: отделить эти малые племена значило бы — или передать их новым завоевателям и тем окончательно повредить их самобытную культурную жизнь, или погубить их совсем, что было бы духовно разрушительно, хозяйственно разорительно и государственно нелепо. Вспомним историю древней римской империи — это множество народов «включенных», получивших права римского гражданства, самобытных и огражденных от варваров. А современная Великобританская Империя? И вот, именно таково же культур-трегерское задание единой России.

Ни история, ни современное правосознание не знают такого правила: «сколько племен, столько государств». Это есть новоизобретенная, нелепая и гибельная доктрина; и ныне она выдвигается именно для того, чтобы расчленив единую Россию и погубить ее самобытную духовную культуру.

4. — Далее, пусть не говорят нам о том, что «национальные меньшинства» России стояли под гнетом русского большинства и его Государей. Это вздорная и ложная фантазия. Императорская Россия никогда не денационализовала свои малые народы — в отличие хотя бы от германцев в Западной Европе.

Дайте себе труд заглянуть в историческую карту Европы эпохи Карла Великого и первых Каролингов (768-843 по Р. X.). Вы увидите, что почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой (славянская «Лаба»!), через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю — сидели славянские племена: Абодриты, Лютичи, Лионы, Гевелы, Редарии, Укры, Поморяне, Сорбы и много других. Где они все? Что от них осталось? Они подверглись завоеванию, искоренению, или полной денационализации со стороны германцев. Тактика завоевателя была такова: после военной победы в стан германцев вызывался ведущий слой побежденного народа; эта аристократия вырезывалась на месте; затем обезглавленный народ подвергался принудительному крещению в католицизм, несогласные убивались тысячами; оставшиеся принудительно и бесповоротно германизи-

ровались. «Обезглавливание» побежденного народа есть старый общегерманский прием, который был позднее применен и к чехам, а в наши дни опять к чехам, полякам и русским (для чего и внедрены были в Россию большевики с их террором).

Видано ли, слыхано ли что-нибудь подобное в истории России? Никогда и нигде! Сколько малых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла. Она выделяла, правда, верхние слои присоединенных племен, но лишь для того, чтобы включить их в свой имперский верхний слой. Ни принудительным крещением, ни искоренением, ни всеуравнивающим обрусением она никогда не занималась. Насильственная денационализация и коммунистическая уравниловка появились только при большевиках.

И вот доказательство: население Германии, поглотившей столько племен, доведено посредством беспощадной денационализации до всегерманской однородности, а в России общие переписи установили сначала свыше ста, а потом до ста шестидесяти различных языковых племен; и до тридцати различных исповеданий. И господа расчленители забывают, что племенной состав для затеваемого ими политического расчленения соблюла именно Императорская Россия.

Вспомним хотя бы историю немецких колонистов в России. Подвергались ли они за 150 лет — денационализации? Они переселились на Волгу и в южную Россию во второй половине 18-го века и позже (1765—1809) — в числе 40-50 тысяч. К началу 20-го века это был богатейший слой российского крестьянства, числом около 1.200.000 человек. Все соблюли свой язык, свои исповедания, свои обычаи. И когда, доведенные экспроприацией большевиков до отчаяния, они хлынули назад в Германию, то немцы с изумлением слышали в их устах исконные — голштинские, вюртембергские и иные диалекты. Все сообщения о принудительной руссификации были этим опровергнуты и посрамлены.

Но политическая пропаганда не останавливается и перед явной ложью.

5. — Далее, надо установить, что самое расчленение России представляет задачу территориально неразрешимую. Императорская Россия не смотрела на свои племена, как на дрова, подлежащие перебросу с места на место; она никогда не гоняла их по стране произвольно. Расселение их в России было делом истории и свободного оседания: это был процесс иррациональный, не сводимый ни на какие географические размежевания: это был процесс колонизации, ухода, переселения, рассеяния, смешения, уподобления, размножения и вымирания. Откройте дореволюционную этнографическую карту России (1900—1910) и вы увидите необычайную пестроту: вся территория наша была испещрена маленькими национальными «островками», «ответвлениями», «окружениями», племенными «заливами», «поливами», «каналами» и «озерами». Всмотритесь в это племенное смешение и учтите

следующие оговорки: 1) все эти цветовые обозначения условны, ибо никто не мешал грузинам жить в Киеве или Петербурге, армянам в Бессарабии или Владивостоке, латышам в Архангельске или же на Кавказе, черкесам в Эстонии, великороссам повсюду и т.д.; 2) поэтому все эти краски на карте обозначают не «исключительную», а только «преимущественную» племенную заселенность; 3) все эти племена за последние сто-двести лет вступали друг с другом в кровное смешение, причем дети от смешанных браков вступали в новые и новые племенные смешения; 4) учтите еще дар русского духа и русской природы непринудительно и незаметно обрусевать людей иной крови, что и передается в южно-русской поговорке «папа—турок, мама — грек, а я русский человек»; 5) распространите этот процесс на всю русскую территорию — от Аракса до Варангерской губы и от Петербурга до Якутска — и вы поймете, почему провалилась большевистская попытка показным образом размежевать Россию на национальные «республики».

Большевикам не удалось отвести каждому племени его особую территорию потому, что все племена России разбросаны и рассеяны, кровно смешаны и географически перемешаны друг с другом.

Политически обособляясь, каждое племя претендует, конечно, на течение «своих» рек и каналов, на плодородную почву, на подземные богатства, на удобные пастбища, на выгодные торговые пути и на стратегические оборонительные границы, не говоря уже о главном «массиве» своего племени, как бы малочислен ни был этот «массив». И вот, если мы отвлечемся от малых и рассеянных племен, как то — вотяки, пермяки, зыряне, вогулы, остяки, черемисы, мордва, чуваша, ижора, талышинцы, крызцы, долгане, чуванцы, алеуты, лаки, табасаранцы, удины и др., и взглянем только в национальную гущу Кавказа и Средней Азии, то мы увидим следующее.

Расселение более крупных и значительных племен в России таково, что каждое отдельное «государствице» должно было отдать свои «меньшинства» соседям и включить в свой состав обильные чужие «меньшинства». Так обстояло в начале революции в Средней Азии с узбеками, таджиками, киргиз-кайсаками и туркменами: здесь попытки политического размежевания вызвали только ожесточенное соперничество, ненависть и неповиновение. Так же обстояло и на Кавказе. Застарелая национальная вражда между азербайджанскими татарами и армянами требовала строгого территориального раздела, а этот раздел оказался совершенно неосуществимым: обнаружились большие территориальные узлы со смешанным населением, и только присутствие советских войск предотвращало взаимную резню. Подобные же большие узлы образовались при размежевании Грузии и Армении, уже в силу одного того, что в Тифлисе, главном городе Грузии, армяне

составляли почти половину населения, и притом наиболее зажиточную половину.

Понятно, что большевики, желавшие под видом «национальной самостоятельности» — изолировать, денационализировать и интернационализировать российские племена, разрешали все эти задачи диктаториальным произволом, за которым скрывались партийно-марксистские соображения, и силою красноармейского оружия.

Так, национально-территориальное размежевание народов было делом искони безнадежным.

6. — Ко всему сказанному надо добавить, что целый ряд российских племен живет доньше в состоянии духовной и государственно-политической малокультурности: среди них есть такие, что пребывают религиозно в самом примитивном шаманстве; вся «культура» сводится у многих к кустарным ремеслам; кочевничество далеко еще не изжито; не имея ни естественных границ своей территории, ни главных городов, ни своих письменных знаков, ни своей средней и высшей школы, ни своей национальной интеллигенции, ни национального самосознания, ни государственного правосознания, они (как это было известно русскому Императорскому Правительству и как это подтвердилось при большевиках) неспособны к самой элементарной политической жизни, не говоря уже о разрешении сложных задач судопроизводства, народного представительства, техники, дипломатии и стратегии. В руках большевиков они оказались политическими «куклами», надетыми на «пальцы» большевистской диктатуры: двигались эти пальцы, и несчастные куклы шевелились, кланялись, покорно разводили руками и лепетали партийно-марксистские пошлости. Демагогия и обман, экспроприация и террор, разрушение религии и быта — выдавались за «национальный расцвет» российских меньшинств, а на западе находились глупцы и продажные корреспонденты, которые воспевали это «освобождение народов».

Неизбежен вопрос: после отчленения этих племен от России — кто завладеет ими? Какая иностранная держава будет разыгрывать их и тянуть из них жизненные соки?..

7. — С тех пор протекли десятилетия большевистского произвола, голода и террора. С тех пор пронесся ураган второй войны и была проведена послевоенная «национальная чистка». Вот уже 33 года, как большевики убивают или вымаривают голодом непокорные слои населения и перебрасывают людей всех российских племен и наций массами в концлагеря, в новые города и на фабрики. Вторая мировая война сдвинула с места всю западную половину Европейской России, уводя одних («украинцев», немецких колонистов, евреев) на восток к Уралу и за Урал, а других на запад, в качестве пленных «остарбайтеров» или беженцев (в том числе добровольно ушли в Германию целою массой калмыки).

Немцы заняли тогда русскую территорию с населением около 85 миллионов людей, массами расстреливали заложников и истребили около полутора миллиона евреев. Этот режим расстрелов и передвижений продолжался затем при большевиках после обратного занятия ими отвоеванных у них территорий. Потом начались расправы с национальными меньшинствами: надо считать почти погубленными — немцев-колонистов, крымских татар, карачаев, чеченцев и ингушей; а ныне расправа продолжается в Эстонии, Латвии и Литве. Представители УНРРА исчислили погибших жителей Белоруссии в 2,2 миллиона, а на Украине — в 7—9 миллионов. Помимо этого нам достоверно известно, что выбывающее население Украины, Белоруссии и Прибалтики пополняется населением из центральных губерний, с иными национальными традициями и тяготениями.

Все это означает, что процесс вымирания, национальной перетасовки и племенного смешения достиг в России за время революции небывалых размеров. Целые племена исчезли совсем или сведены к ничтожеству; целые губернии и области очнутся после революции с новым составом населения; целые уезды окажутся запустевшими. Все прежние планы и расчеты господ расчленителей окажутся беспочвенными и несостоятельными. Если же советская революция закончится третьей мировой войной, то в племенном и территориальном составе русского населения произойдут такие изменения, после которых сама идея национально-политического расчленения России может оказаться совершенно нежизненной химерой, планом, не только изменчивым, но просто глупым и неосуществимым.

8. — И тем не менее мы должны быть готовы к тому, что расчленители России попытаются провести свой враждебный и нелепый опыт даже и в после-большевистском хаосе, обманно выдавая его за высшее торжество «свободы», «демократии» и «федерализма»: — российским народам и племенам на гибель, авантюристам, жаждущим политической карьеры, на «процветание», врагам России на торжество. Мы должны быть готовы к этому, во-первых, потому, что германская пропаганда вложила слишком много денег и усилий в украинский (а может быть, и не только в украинский) сепаратизм; во-вторых, потому что психоз мнимой «демократии» и мнимого «федерализма» охватил широкие круги пореволюционных честолюбцев и карьеристов; в-третьих, потому что мировая закулиса, решившая расчленить Россию, отступит от своего решения только тогда, когда ее планы потерпят полное крушение.

9. — И вот, когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг «народы бывшей России, расчленийтесь!», то откроются две возможности:

или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои крепкие руки «бразды правления», погасит

этот гибельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране;

или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмищений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия (см. «Н. З.» 11²⁵).

Тогда Россия будет охвачена анархией и выдаст себя головой своим национальным, военным, политическим и вероисповедным врагам. В ней сложится тот водоворот погромов и смуты, тот «Мальстрем нечисти», на который мы указали в пункте 1; тогда отдельные части ее начнут искать спасения в «бытии о себе», то есть в расчленении.

Само собой разумеется, что этим состоянием анархии захотят воспользоваться все наши «добрые соседи»; начнутся всевозможные военные вмешательства под предлогом «самоограждения», «замирения», «водворения порядка» и т. д. Вспомним 1917—1919 гг., когда только ленивый не брал плохо лежащее русское добро; когда Англия топила союзно-русские корабли под предлогом, что они стали «революционно-опасными», а Германия захватила Украину и докатилась до Дона и Волги. И вот «добрые соседи» снова пустят в ход все виды интервенции: дипломатическую угрозу, военную оккупацию, захват сырья, присвоение «концессий», расхищение военных запасов, одиночный, партийный и массовый подкуп, организацию наемных сепаратистских банд (под названием «национально-федеративных армий»), создание марионеточных правительств, разжигание и углубление гражданских войн по китайскому образцу. А новая Лига Наций попытается установить «новый порядок» посредством заочных (Парижских, Берлинских или Женевских) резолюций, направленных на подавление и расчленение Национальной России.

Допустим на момент, что все эти «свободолюбивые и демократические» усилия временно увенчаются успехом и Россия будет расчленена. Что же даст этот опыт российским народам и соседним державам?

10. — При самом скромном подсчете — до двадцати отдельных «государств», не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армий, ни бесспорно национального населения. До двадцати пустых названий. Но природа не терпит пустоты. И в эти образовавшиеся политические ямы, в эти водовороты сепаратистской анархии хлынет человеческая порочность: во-первых, вышколенные революцией авантюристы под новыми фамилиями; во-вторых, наймиты соседних держав (из русской эмиграции); в-третьих, иностранные искатели приключений, кондотьеры, спекулянты и «миссионеры» (перечитайте «Бориса Годунова» Пушкина и Исторические хроники Шекспира). Все это будет заинтересовано

в затягивании хаоса, в противорусской агитации и пропаганде, в политической и религиозной коррупции.

Будут появляться все новые жадные, жестокие и бессовестные «псевдо-генералы», добывать себе «субсидии» за границей и начинать новую резню. Двадцать государств будут содержать 20 министерств (20 x 10, по меньшей мере 200 министров), двадцать парламентов (20 x 200, минимум 4.000 парламентариев), двадцать армий, двадцать штабов, двадцать военных промышленности, двадцать разведок, и контрразведок, двадцать полиций, двадцать таможенных и запретительных систем и двадцать всемирно разбросанных дипломатических и консульских представительств. Двадцать расстроенных бюджетов и монетных единиц потребуют бесчисленных валютных займов; займы будут даваться «державами» под гарантии — «демократического», «концессионного», «торгово-промышленного» и «военного» рода. Новые государства окажутся через несколько лет сателлитами соседних держав, иностранными колониями или «протекторатами». Известная нам из истории федеративная неспособность русского населения и столь же исторически доказанная тяга его к «самостоятельному фигурированию» (см. «Н. 3.» 80 и 81²⁶) — довершат дело: о федерации никто и не вспомнит, а взаимное ожесточение российских соседей заставит их предпочитать иноземное рабство всерусскому единению.

11. — Чтобы наглядно вообразить Россию в состоянии этого длительного безумия, достаточно представить себе судьбу «Самостийной Украины».

Этому «государству» придется прежде всего создать новую оборонительную линию от Овруча до Курска и далее через Харьков на Бахмут и Мариуполь. Соответственно должны будут «ощетиниться» фронтом Украины и Великобритания и Донское Войско. Оба соседних государства будут знать, что Украина опирается на Германию и является ее сателлитом; и что в случае новой войны между Германией и Россией немецкое наступление пойдет с самого начала от Курска на Москву, от Харькова на Волгу, и от Бахмута и Мариуполя на Кавказ. Это будет новая стратегическая ситуация, в которой пункты максимального донине продвижения германцев окажутся их исходными пунктами.

Нетрудно представить себе и то, как к этой новой стратегической ситуации отнесутся — Польша, Франция, Англия и Соединенные Штаты; они быстро сообразят, что признать Самостийную Украину значит отдать ее германцам (то есть признать первую и вторую мировые войны проигранными!) и снабдить их не только южно-русским хлебом, углем и железом, но и уступить им Кавказ, Волгу и Урал.

На этом может начаться отрезвление Западной Европы от «федеративного» угара и от общерусского расчленения.

12. — Из всего этого явствует, что план расчленения России имеет свой предел в реальных интересах России и всего человечества. Доколе ведутся отвлеченные разговоры, доколе политические доктринеры выдвигают «соблазнительные» лозунги, делают ставку на русских изменников и забывают империалистическую похоть предприимчивых соседей; доколе они считают Россию конченою и похороненною, а потому беззащитною, — дело ее расчленения может представляться решенным и легким. Но однажды великие державы реализуют в воображении неизбежные последствия этого расчленения и однажды Россия очнется и заговорит;—тогда решенное окажется проблематичным и легкое трудным.

Россия, как добыча, брошенная на расхищение, есть величина, которую никто не осилит, на которой все перессорятся, которая вызовет к жизни неимоверные и неприемлемые опасности для всего человечества. Мировое хозяйство, и без того выведенное из равновесия утратой здорового производства России, увидит себя перед закреплением этого бесплодия на десятки лет. Мировое равновесие, и без того ставшее шатким, как никогда, окажется обреченным на новые невиданные испытания. Расчленение России не даст ничего далеким державам и невероятно укрепит ближайших соседей — империалистов. Трудно придумать меру, более выгодную для Германии, как именно провозглашение русской «псевдо-федерации»: это значило бы «списать со счета» первую мировую войну, весь междувоенный период (1918—1939) и всю вторую мировую войну — и открыть Германии путь к мировой гегемонии. Самостийная Украина только и может быть «трамплином», ведущим немцев к мировому водительству.

Именно Германия, восприняв старую мечту Густава Адольфа, силится отбросить Россию до «Московской эпохи». При этом она, рассматривая русский народ как предназначенный для нее исторический «навоз», совершенно неспособна понять, что Россия не погибнет от расчленения, но начнет воспроизведение всего хода своей истории заново: она, как великий «организм», снова примется собирать свои «члены», продвигаясь по рекам к морям, к горам, к углю, к хлебу, к нефти, к урану.

Легкомысленно и неумно поступают враги России, «впрыскивая» российским племенам политически безумную идею расчленения. Эта идея расчленения Европейских держав была однажды выдвинута на Версальском конгрессе (1918). Тогда она была принята и осуществлена. И что же? В Европе появился ряд небольших и в самоотстаивании слабосильных государств: — Эстония, Латвия и Литва; многоземельная, но неудобозащитимая Польша; стратегически безнадежная, ибо всюду удобопроломимая и внутренне разъединенная Чехословакия; маленькая и разоруженная Австрия; урезанная, обиженная и обессиленная Венгрия; до смешного раздувшаяся и стратегически ничего не стоящая Румыния; — и

непопрежнему обширная, но по новому оскорбленная, мечтающая о реванше Германия. С тех пор прошло тридцать лет, и когда мы теперь оглядываемся на ход событий, то невольно спрашиваем себя: может быть, версальские политики хотели приготовить для воинственной Германии обильную и незащищенную добычу — от Нарвы до Варны и от Брегенца до Барановичей? Ведь они превратили всю эту европейскую область в какой-то «детский сад» и оставили этих беззащитных «красных шапочек» наедине с голодным и обозленным волком... Были ли они столь наивны, что надеялись на французскую «гувернантку», которая «воспитает» волка? Или они недоценили жизненную энергию и горделивые замыслы немцев? Или они думали, что Россия по-прежнему спасет европейское равновесие, ибо воображали и уверяли себя, что Советское государство и есть Россия? Что ни вопрос, то нелепость...

Трудно теперь сказать, о чем именно эти господа тогда думали и о чем не думали. Ясно только, что приготовленное ими расчленение Европы, заключенной между германским и советским империализмом, было величайшей глупостью двадцатого века. К сожалению, эта глупость их ничему не научила и рецепт расчленения опять извлечен из дипломатических портфелей.

Но для нас поучительно, что европейские политики заговорили одновременно — о пан-европейском объединении и о всероссийском расчленении! Мы давно прислушиваемся к этим голосам. Еще в двадцатых годах в Праге видные социалисты-революционеры публично проболтались об этом замысле, избегая слова «Россия» и заменяя его описательным выражением «страны, расположенной к востоку от линии Керзона». Мы тогда же отметили эту многообещающую и, в сущности, изменническую терминологию и сделали соответствующий вывод: мировая закулиса хоронит единую национальную Россию...

Не умно это. Не дальновидно. Торопливо в ненависти и безнадежно на века. Россия не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!

ФАНАТИКИ «ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА»²⁷

Замечательно, что все расчленители России, чем бы они ни руководились, произносят одно и то же слово, формулируют одну и ту же директиву: Россия должна стать федеративным

государством, она должна быть построена на всеобщем добровольном соглашении ее народов и ее граждан. В этом они видят высшее и последнее слово «демократизма»; поэтому они и готовы причислить каждого, несогласного с этой директивой, к «реакционерам», «империалистам», сторонникам деспотизма, террора и т. д.

Действительно, есть старое учение (известное издавна, но обычно приписываемое Жану Жаку Руссо), согласно которому всякое государство покоится на «общественном договоре», на договоре всех граждан между собою; такой договор, в действительности наблюдавшийся только в немногих федеративных государствах (см. «Н. З.» № 69, 70, 72²⁸) и имевший там совсем иную форму и иное содержание, считается молчаливо — предполагаемым и обязательным повсюду. Политические мыслители пытались не раз на протяжении веков формулировать этот фиктивный (то есть выдуманный, созданный воображением) или, как говорят юристы, — «презюмированный», (то есть предложенный в виде условного допущения) договор, согласно которому каждый гражданин добровольно и свободно включается в свое государство и обязуется повиноваться его законам. Пусть, говорят они, такого договора никогда не было, но надо считать его как бы состоявшимся и принципиально оправдывающим существование государства.

И вот это учение имеет своих фанатиков, которые не удовлетворяются «фикцией» и «презумпцией», но желают довести свой народ до фактического осуществления общественного договора. Они не хотят успокоиться до тех пор, пока в их стране государство не будет построено на всеобщей, свободной «оптации». Они добиваются этого повторно и любой ценой. Великая и позорная неудача 1917 года, когда русский народ не пошел по пути федерации, а предался преступности, убийствам, анархии и гражданской войне, что и привело его к многолетнему тоталитарному рабству, — нисколько не смущает их. Они готовы «начинать сказку сначала». Их утопическое государство должно быть построено в виде корпорации ничем не стесненных «вкладчиков» и стать чем-то вроде потребительской кооперации. Меньше этого максимализма они не способны думать и желать. А того обстоятельства, что государство всегда было и всегда будет учреждением (см. «Н. З.» № 40 и 41²⁹), они не постигнут до самой смерти.

Эта юридическая и историческая слепота должна быть раз навсегда преодолена в России.

В действительности же самая принадлежность гражданина к какому-либо государству определяется отнюдь не его свободной «оптацией», а законами самого государства и решением власти, применяющей эти законы. Возьмем любую, самую свободную и демократическую конституцию и мы тотчас же убедимся, что

принцип «добровольного самопричисления» и «нестесненного самоотчисления» не признается в ней. Люди приобретают права и обязанности гражданина при самом своем рождении/когда оптация им решительно не по силам. Государства считаются с тем, от кого ты родился, где ты родился, когда ты родился, а впоследствии с тем, сколько лет ты прожил в стране и как ты вел себя при этом. Каждого из нас причисляют к гражданам и отчисляют из состава граждан по законам данной страны, и нигде одностороннее волеизъявление не решает этого вопроса. Найдите хотя бы одно государство, которое предоставляло бы всем желающим входить в свой состав и выходить из него односторонним заявлением; или еще — такое государство, которое давало бы своим гражданам право по взаимному соглашению «отложиться» от него и присоединиться к другому; или же право учреждать в своих пределах новые государства или государствца. История знает односторонние отказы от гражданства, но они сопровождаются удалением за кордон и создают бесправный статус «беженца» или «эмигранта». История знает и односторонние отпадения городов, общин и целых стран (напр. Ирландия). Но эти акты совершаются вне права и с нарушением лояльности. Это внеправовые деяния, это нарушения, потрясения или прямые восстания; это революционные акты, которые могут повести к усмирению, или гражданским войнам. Но право на односторонний выход из государства, или право на отложение и отпадение — не признано нигде; о нем не знает ни одна демократическая конституция.

Но расчленители России, желающие превратить ее в федерацию, призывают именно к таким внеправовым потрясениям, к отпадениям, к актам «свободной» измены, к революционным восстаниям. Они мечтают о том, что после падения большевиков, граждане единой России опять провалятся в хаос и всепозволенность, безнаказанно разложат свое государство и осуществят по своему произволу столько «общественных договоров», и учредят, ни с чем не считаясь, столько новых «государствиц», сколько им заблагорассудится, с тем что каждое из этих новообразований будет иметь свое правительство, свою армию, свою монету и свою дипломатию. Им мало тридцатилетней революции: они хотят длить и углублять ее после падения большевиков. После бесконечного неистовства «монтаньяров» (революционеров-централистов-объединителей) они желают еще бесконечного неистовства «жирондистов» (революционеров-децентрализаторов-расчленителей). Именно поэтому они желают, чтобы «русские народности» не считались больше с существованием единого русского народа и государства, а воспользовались после-большевистской смутой для осуществления всеобщего произвола и распада — на основании ложно понятой доктрины «общественного договора».

Каждому жителю России должно быть предоставлено право определить по своему усмотрению, к какому такому государству ему угодно принадлежать — к России или к какому-нибудь иному: кто хочет, потянет к Турции, кто к Китаю, кто к Польше, кто к Германии. Иные пусть учредят новые государства — Тунгузию, Чувашию, Черемисию, Украину, Белоруссию, Зырянню, Грузию, Крымню, или, подобно тому, как было в 1917 году—Моршанскую Республику, Саранскую Федерацию, Сычевскую Демократию, Чухломским Кантон, Новоржевский Штат, Пошехонскую Советию, Бузулукское Ханство, Иваново-Вознесенскую Социалистическую Олигархию и Минское Прелатство. Фанатики «общественного договора» доселе мечтают, что после революции тоталитарной тирании начнется революция всеобщего развязания, меньшинственной анархии и разложения России во имя ложной доктрины — эпоха погубления «каторжной» Империи (выражение г. Федотова), эпоха завоевания ее окрепшими и хищными иноземцами. Они мечтают превратить Россию во множество политически ничтожных и стратегически бессильных карликов — и тем предать ее на завоевание и порабощение западным и юго-восточным государствам. Достояние России станет, в сущности, «ничьим»; а по старому римскому праву «ничья вещь принадлежит первому захватчику»... Но фанатики федерализма идут и на это.

Прочтите об этом у г. Федотова (в книге XVI «Нового Журнала») и учтите то обстоятельство, что ни один сотрудник этого журнала не нашел в себе мужества, чтобы отмежеваться от его формул: напротив, все стали «примыкать», расшаркиваться и полу соглашаться с ним, так, как если бы он считался среди них вождем, или «политруком»... Вот его подлинные формулы: «Если бы не было никаких сепаратизмов в России, их создали бы искусственно». (Кто создал бы?.. Ред.). «Раздел России все равно был бы предрешен». (Кем?., властной «закулисой»?.. Ред.). «Россия — обреченная империя». Ее «народы потребуют реализации своего конституционного права на отделение». И «если даже победит Великобритания и силой удержит при себе народы Империи, ее торжество может быть только временным». «В современном мире нет места Австро-Венгриям» («Новый Журнал», кн. XVI, стр. 168).

Нетрудно догадаться, из какой среды идет эта программа и кто за ней стоит... Но Россия сама скажет за себя свое последнее слово.

ОПТИМИЗМ В ПОЛИТИКЕ³⁰

Прожитые нами черные десятилетия должны были, казалось бы, излечить нас от того наивного политического оптимизма,

который был внушен девятнадцатому веку Жан Жаком Руссо и который в свое время породил большую французскую революцию. «Человек от природы добр и его надо только освободить, тогда все устроится само собою». Вот предпосылка, на которой строили свои программы анархисты, либералы и демократы 19-го века. Мы не смешиваем анархистов с либералами, а либералов с демократами — это различные доктрины и программы, но наивный оптимизм человеческой свободы присущ и донныне им всем (см. напр., статью В. А. Маклакова «Еретические мысли» в XIX книжке «Нового Журнала»), хотя и в различной степени.

Казалось, уже один опыт большой французской революции должен был доказать, что политическая свобода сама по себе не «облагораживает» человека, а только развязывает его, выпускает его на волю таким, каков он есть, со всеми его влечениями, интересами, страстями и пороками, которые он и выносит на улицу. Казалось бы, что опыт всех последующих войн и революций, всего хозяйственного и политического развития за полтора столетия («капитализм» и «демократия»), должен был обличить и опровергнуть наивную и сентиментальную предпосылку такого оптимизма. Этот опыт показал недвусмысленно и ясно: нет, человек есть существо сложное; заряженное страстями, но способное иногда и к доброте; не зверь, но подчас с наклонностями к зверству; расчетливое и жадное, но не лишённое совести; восприимчивое к божественным лучам, но и весьма удобопревратное ко злу; естественное, но с противоестественными тяготениями; способное и к доблести, и к самому смрадному душевному «подполью» (см. у Достоевского); и слишком часто бесхарактерное, неустойчивое, погрязающее в мелочности и трусости. «Свобода» — не переделывает его к лучшему, а только «проявляет» (в фотографическом смысле) его со всеми его чертами, склонностями и страстями. «Освободить» его — не значит сделать его внутренне способным понести внешнюю свободу и не превратить ее в разнуздание. Напрасно анархист Кропоткин твердил до конца, будто человек дурен потому, что его угнетают законы государства, и будто тотчас после отпадения государства, законов и власти осуществится свободное, солидарное и гармоническое сожителство людей.

С этими наивными иллюзиями, надо надеяться, покончено надолго, на века: наши черные десятилетия дали нам незабываемый урок. Мы видели, во что внутренне-несвободные люди превращают внешнюю свободу. Мы видели, как злодеи нарочно разнуздывали народные массы, чтобы взнуздать из по-новому, по-своему, «по-свойски», тоталитарно; мы видели, как массы валяли за ними, создавая для себя новое, неслыханное и невиданное ярмо коммунизма. И когда мы теперь рассказываем о том, как свободен был русский народ под своими Государями и как эта свобода все возрастала вместе с ростом духовной культуры, то

нам верят лишь с трудом: ибо в рабстве выросли заново целые поколения русских людей, которым вдолбили неправду об историческом прошлом России.

Политика будущего должна смотреть на человека трезво и брать его таким, каков он есть. Она будет разумеет под свободой — прежде всего свободу внутреннюю: духовное, нравственное и политическое самообладание человека; его способность распознавать добро и зло, предпочитать добро и нести ответственность; его умение — обуздывать в себе преступное и добровольно блюсти лояльность законам; его готовность — ставить интерес родины и государства выше своего собственного. К этой внутренней свободе людей надо воспитывать, от молодых ногтей, из поколения в поколение: интеллигенцию, рабочих и крестьян, в народных школах, в гимназиях, в университетах, в армии, в общественной и политической жизни. Нельзя исходить из уверенности, будто всякий, умеющий одеться, обуться и заработать себе дневное пропитание — способен активно участвовать в строительстве государства; и будто всякий, кто способен

Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка...

— политически «умен и очень мил»... (Пушкин).

Однако и этого мало: надо понять, что происходит в душе человека, голосующего в любом государстве.

Во-первых, он не компетентен в большинстве вопросов, по которым он подает свой голос: он не знает этих предметов; он не разбирается в том, что именно народу и государству полезно и что вредно; он или голосует наобум, или же подменяет пользу государства — своею личною выгодой. Его спрашивают: что нужно народу в целом, в чем польза государства? А он отвечает, подавая свой голос: мне выгоднее «то», а не «это»! Люди «танцуют» от «своей печки»; голосуют про собственную «шкуру»; радеют о личном прибытке, и только самые «развитые» и «соznательные» подменяют государство своим «классом» или «профессией».

«Мне завтра надо голосовать по трем существенным вопросам жизни, — пишет мне из Швейцарии один выдающийся ученый, — а я не знаю, за что голосовать; надо бы изучить каждый вопрос отдельно, отвести на каждый по крайней мере по неделе, а у меня нет времени; придется голосовать наобум»... Таково положение честного ученого. Какова же компетентность рядовых обывателей?

Во-вторых, каждый человек, идущий подавать свой голос, несет в себе весь свой сложный состав: тут и приобретатель, и гражданин; и шкурник, и патриот; и добросовестный, и карьерист;

и классовый «требователь», и реальный политик, а, может быть, и бессовестный злыдень; а нередко вся эта «сложность» упрощается — и голосовать идет просто хитрый шкурник. Западная демократия — формальна: она «верует» в «свободу» голосования, которая является будто бы лучшей наставницей и «священным правом». Голосование должно быть «свободным» и «тайным»: каждый человек должен иметь обеспеченное священное право подать свой голос из своего внутреннего «шкурника», из «карьериста», из классового требователя и бессовестного злыдня. А потом все эти недоуменные и недоразуменные голоса шкурников будут подсчитаны, и по наивной вере Жан Жака Руссо — «крайности отпадут, а безошибающаяся никогда Общая Воля будет выяснена»...

Прожитые нами черные десятилетия заставляют нас поставить ребром вопрос: да полно, так ли это? Определяется ли истина — прессованием недоразумений? Познается ли государственно-полезное посредством арифметического подсчета частных вожелений? Действительно ли священно право гражданина — «тайно» и «свободно» рвануть к себе общественный пирог? Хорошо ли это — приравнять голос честного патриота голосу предателя, мнение политического мудреца — мнению ловкого карьериста, суждение Петра Аркадьевича Столыпина — суждению эсера Чернова, голос Ключевского — голосу Абрама Крыленко, мнение Менделеева — мнению батьки Махно? Верен ли и спасителен ли путь формальной демократии, арифметически оперирующей с частными вожелениями?

И вот, мы думаем, что этот путь неверен и опасен; а для грядущей России он может стать прямо гибельным. Надо искать других путей.

Но не значит ли это, что мы рекомендуем тоталитаризм с его фальсификацией голосования, в сущности лишаящей подачу голоса всякого смысла? Нет. Боже избави Россию от всякого тоталитаризма — левого, правого и среднего. Но в таком случае остается только путь западно-европейской демократии? Знаем, что многие так думают: загнали сами себя в мнимый тупик и не видят ни перспективы, ни исхода: или тоталитарная диктатура — или формальная демократия. А между тем, в самой этой формуле уже указываются новые исходы:

1. Диктатура, но не тоталитарная, не интернациональная, не коммунистическая; диктатура, организующая новую неформальную демократию, а потому демократическая диктатура; — не демагогическая, «сулящая» и развращающая, а государственная, упорядочивающая и воспитывающая; не угашающая свободу, а приучающая к подлинной свободе.

2. Демократия, но не формальная, не арифметическая, не прессирующая массовые недоразумения и частные вождельения; демократия, делающая ставку не на человеческого атома и не безразличная к его внутренней несвободе, а на воспитываемого ею, самоуправляющегося, внутренне-свободного гражданина; демократия качества, ответственности и служения — с избирательным правом, понятным и осуществленным по-новому.

А за этими двумя возможностями скрывается множество новых политических форм в разнообразнейших сочетаниях, начиная с новой, творческой, чисто русской народной монархии. Но ведь такой формы нигде нет! Странное возражение! Как будто на свете не бывает ничего нового! Или как будто мы, русские, только и можем заимствовать у других народов их моды и их ошибки...

...Ах, если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнания иноземцев...
...Чтоб истребил Господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражания...

(Грибоедов)

России необходимо иное, новое! И русские люди создадут его.

РОССИИ НЕОБХОДИМА СВОБОДА³¹

Кто любит Россию, тот должен желать для нее свободы; прежде всего свободы для самой России, как государства, ее международной независимости, ее державной самостоятельности; далее — свободы для России как национального, хотя и много-членного единства, то есть творческой несестенности, любовного вращения русской и всех других российски-нерусских национальных культур; и, наконец,—свободы для русских людей, как множества духовных и хозяйственных личностей, свободы для всех нас как живых субъектов права: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности.

Это требование свободы есть основное, неоспоримое, аксиоматическое... Его необходимо продумать и прочувствовать до конца. Его необходимо принять духом и волею, чтобы уже не колебаться. Грядущая Россия должна быть свободна и будет свободна. Отвергающий эту аксиому жизни будет готовить и ей, и нам всем, и нашим детям и внукам — распад, соблазн и поражение. Спорить здесь можно не о самой свободе, а лишь о мере

ее и о формах ее политического и хозяйственного осуществления.

Необходимо прежде всего признать, что старый спор между «либералами» и «антилибералами» потерял свой былой смысл и обновился. За последние десятилетия в мире совершились события, которые сделали этот спор устаревшим. Впервые за всю свою историю мир увидел тоталитарное государство, и испытал, что значит лишиться всякой свободы; он увидел и понял, что такой строй восстает и против Бога и против всех законов созданной им природы; что он превращает человека — не то в раба, не то в машину; что такой строй служит делу дьявола и что он поэтому обречен и гибелен!

В результате этого спор о свободе передвинулся и углубился. Оказалось, что он вращался на поверхности жизни и касался всего лишь некоторых отдельных видов личной свободы, о мере и о формах которой можно спорить и теперь, разрешая этот спорный вопрос различно в разных странах, ибо и здесь, как во всех человеческих делах, нет единого, спасительного рецепта для всех времен и народов.

Оказалось, что либералы не предусмотрели, что крайняя или несвоевременно и неуместно предоставленная свобода ведет к разнузданию и порабощению; они не предугадали, что человек, не созревший для свободы, может злоупотребить ею в разнуздании и продать ее за личный или классовый интерес, за чистый прибыль; что в мире встанут поработители, которым он и отдастся в рабство; они сумеют зажать разнуздавшихся, извести людей чести и совести, организовать злых, заставить своих новых рабов служить себе за страх пуще чем за совесть — и тогда посягнут на порабощение и всех остальных народов, всего мира. Либералы с ужасом поняли, что они хотели совсем иного: они готовились к идиллии, а настал разврат... И даже самые крайние либералы — анархисты — с отвращением увидели безобразное буйство черни и живой ад тоталитарного коммунизма (князь Петр Кропоткин). Но было уже поздно. Безмерная свобода есть или ребяческая мечта или соблазн дьявола, а в жизни — то и другое вместе. Зло скрывается совсем не «в принуждении» и не в «государственности», как проповедовал Лев Толстой, а в безбожной и злой человеческой воле, которой безумно предоставлять «свободу». И потому всякая свобода должна иметь свою меру и форму, и притом у каждого народа — свою особую...

С другой стороны, оказалось, что противники либерализма гораздо вернее предвидели опасности разнуздания и тирании; но и они отрицали только известные виды свободы, которые они считали развращающими и опасными. Они и не думали отвергать всякую свободу и всю свободу, но всегда разумели человека как существо самостоятельное, призванное к внутреннему (духов-

ному) самоуправлению и самодеятельности. Уже дохристианское римское право, выговорившее парадоксальное утверждение — «раб есть вещь», не сумело и не захотело проводить в жизнь это духовно-противоестественное обобщение и постоянно отступало от него в сторону права и свободы. А после торжества Христианства, с его учением о личной, нравственно-ответственной и бессмертной душе, человек явился нам живым и творческим центром нравственной самодеятельности. Самые последовательные антилибералы, вроде английского философа Гоббса — начинали с человеческой самодеятельности и свободы, пытаясь примирить и уравновесить множество состязающихся личных центров, не угашая их жизни и творчества; и никто не думал о возможности или желательности коммунистического бедлама.

Итак, новейшее тоталитарное государство явилось великим потрясением и для сторонников политической свободы и для их противников. Этого исхода, такой развязки — никто не ожидал. Перед таким финалом старые споры потеряли свой смысл, и ныне весь вопрос должен быть поставлен и разрешен заново.

Историческое наказание было очень сурово и наставительно: кто не дорожит свободой, этим Божьим благом, — кто злоупотребляет или торгует им, — тот лишается его, лишается целиком, до конца, до гибели, чтобы другие на его примере научились ценить его... Мы имели в дореволюционной России: свободу веры, исследования, слова, печати, труда, собственности, неполную свободу союзов, свободные выборы в законодательное собрание, чрезвычайно разветвленное и всестороннее общественное самоуправление, — и роптали... И только тогда, когда пришла настоящая полная несвобода — цельная до конца, до гибели, — тогда мы поняли, сколь свободны мы были в Императорской России и чего мы лишились... — не «мы, русская буржуазия» и не «мы, русская интеллигенция», — а мы, русский народ всех званий, сословий и племен...

Ибо все утратили всё.

Русские люди роптали на то, что недостаточно ограждены права личности; — казалось бы следовало им совершенствоваться в стране соответствующие законы и порядки, ибо огражденность личных прав ни в одной стране не сваливалась с неба, но они «уверовали» в революцию, которая впервые «все даст и устроит»; а революция отвергла личность и совсем отменила и попраала ее права. Русские люди тянули к экспроприации и социализации земель, — одни хотели получить чужое в неограниченном количестве и даром, — другие «уверовали», будто русский мужик только и мечтает о том, чтобы ему ничего не принадлежало, а только — всё общине; а революция отняла все у всех, погасила частную собственность и ввела вождельный «социализм». Русские люди роптали на государственную цензуру, — «пусть всякий пишет кто во что горазд и пусть ему никто не мешает»; за

эту глупую и наивную безмерность история подарила им коммунистическую монополию мысли, слова, печати и преподавания. Русские люди отходили от своей Церкви и не участвовали в ее жизни, а о духовенстве рассказывали друг другу плоские анекдоты; и вот дьявол истории поднял вихрь безбожия, гонений и кощунств.

Тогда русский народ понял, что он был свободен и стал рабом; что Императорская Россия никогда не стремилась создать тоталитарный режим; что Россия при Государях строилась совсем не полицейским гнетом, как писали тогда радикальные газетчики, а национальным самоуправлением.

Только совсем неосведомленные и зложелательные иностранцы, да теперь свои доморощенные клеветники без стыда и совести — могут говорить о «деспотическом строе» или о «народном рабстве» в России применительно к 20 веку. Со стороны иностранцев это до известной степени понятно: они не понимают, что самое пространство всегда требовало в России децентрализации и самоуправления; что опасность анархии всегда была в России больше, чем возможность авторитарного зажима; что самое дыхание Православной Церкви обеспечивало нам признание личного начала и вовлечение сердца в строительство государства; что наши многоплеменность, многоязычность и многоверие — делали у нас самоуправление неискоренимым; что самые властные русские Государы, как Петр Великий, заботились больше всего о том, чтобы поднять народную самодеятельность; что самый консервативный русский Царь, Николай Павлович, систематически подготавливал освобождение крестьян и прямо называл крепостное право «началом зла». Иностранцы не знают Россию, меряют ее своим маленьким аршинчиком и потому ошибаются. Другое дело — доморощенные поносители, которые и теперь еще имеют бесстыдство писать о России, как о «калторжной империи», которая, якобы, держалась «похотью власти» и «радостью унижения слабых» (смотри статью пресловутого Федотова в XVI книжке «Нового Журнала»).

Скажем же однажды сами себе: культура законности и свободы бесспорно нуждалась в России в дальнейшем совершенствовании, но к началу 20 века русский народ имел в основном посильную для него свободу, которую он утратил целиком при Советах. При Императоре Николае II народная самодеятельность в России непрерывно крепла и росла: и в расцвете Земств и Городов, и в трудах Государственной Думы, и в движении за восстановление Православной Соборности, и в личной земельной собственности Столыпина, и в росте кооперации, и в движении за свободные рабочие союзы, и просто в нестесняемой правительством культурной инициативе самого населения на всех поприщах жизни. Словом: России грозило не «самодержавие трона», а разнуздание народа, над которым работали революционные

партии; опасность лежала совсем не в «деспотическом режиме», а в неукрепленности массового правосознания; страшна была не реакция, а революция...

После революционного порабощения русский народ, может быть, поймет, что он жил доселе не в рабстве, а в свободе; что свобода есть неотъемлемое право человека на законно урегулированную самостоятельность, но отнюдь не право на революцию или на грабёж; что свобода всегда будет иметь свои законные пределы; что у разных народов мера свободы бывает различна и что она зависит от укорененности и не соблазнимости общественного правосознания.

Мы не сомневаемся: Россия вернет себе свободу, укрепит ее и приучит свой народ к свободной лояльности. Но в дьявольской школе тоталитарного коммунизма она научится ценить свободу, не злоупотреблять ею, не торговать ею и стойко блюсти ее законные пределы.

ОБОСНОВАНИЕ СВОБОДЫ³²

Человеку подобает свобода в силу двух оснований: 1) в силу того, что он есть живой организм; 2) в силу того, что он есть живой дух.

1. Всякий живой организм (от растения до человека) есть самостоятельное существо, со своею внутреннею, таинственною самостоятельностью и особым жизненным инстинктом. На эту инстинктивную самостоятельность можно оказать снаружи известное влияние (например, поливкой, удобрением и прививкой у растений; кормом, усовершенствованием породы и лечением у животных; питанием, лечением, словом, духовным воспитанием у людей); но подавить, пресечь или отменить ее невозможно ничем. Организм живет сам по своим внутренним законам. Изучая эти законы, вплетаясь в них и комбинируя их, можно до известной степени направлять жизнь организма, но погасить его самостоятельность можно, только прекратив его существование. В этом и состоит естественная свобода человека: он от природы самостоятелен, он строит себя сам — в здоровьи и в болезни, в потребностях и в отвращениях, в питании и труде, в любви и размножении. Его инстинкту присуща внутренняя целесообразность, которую необходимо признавать, поощрять, духовно воспитывать (дисциплина) и устраивать в свободе. Заменить эту самостоятельность нечем: этого нельзя достигнуть ни гипнозом, ни приказом, ни страхом. Все подобные попытки обречены на жизненную неудачу, на уродование организма, на ослабление его функций и на унижение его души и духа. Коммунисты пытались это сделать: как материалисты, они приравнивали человека —

машине и ставили его в положение «робота» или раба. Они отняли у него собственность, свободную хозяйственную инициативу, свободу труда и свободу предметного суждения. В ответ на это человек как бы отвлек свой инстинкт от коллективного сектора жизни, от коллективной собственности, от коллективной инициативы, от коммунистического труда и коммунистического общественного мнения. Творческий инстинкт спрятался и ушел в себя: он сосредоточился на частном секторе жизни и предал коммунистическое хозяйство и коммунистическую культуру на изуродование, расхищение и вырождение. Вот почему коммунистический транспорт разваливается, советские дома не стоят, коллективная земля не родит, колхозная корова не телится, а уровень коммунистического образования неудержимо падает: у человеческого организма отняли свободную самодеятельность и инстинкт его вышел из жизни. В грядущей России это должно быть исправлено и восстановлено: личный творческий инстинкт человека должен быть признан, поощрен, духовно дисциплинирован и устроен в свободе. Русский человек опять получит доступ к частной собственности: он будет иметь свободу труда и свободу предметного суждения. И вся Россия быстро возродится и зацветет.

2. Но человек есть не только живой организм: он есть живой дух. Духу же подобает свобода веры и любви, созерцаний, убеждений и творчества. Дух есть живая личность, ответственная перед Богом и отвечающая за себя перед другими людьми — за свои верования и воззрения, за свое делание и неделание. А ответственность предполагает свободу. При этом надо разуть не «метафизическую свободу воли», а отсутствие общественно-политического принуждения в нашем духовном самоопределении; не отсутствие законов (уголовных, гражданских и политических), не разнуздание человека, не злоупотребление правами и преимуществами, но законное ограждение внутренней духовной жизни человека. Человек имеет священное, неотъемлемое право на духовное самоопределение и на духовное творчество; узреть Бога в небесах и ризу Его — в земной природе: избрать себе исповедание и церковь; полюбить нравящееся и отвергнуть не нравящееся. Самостоятельно внять закону своей совести и попытаться осуществить его; увидеть красоту и попытаться художественно изобразить ее; выработать себе воззрения, убеждения и миросозерцание; познавательно исследовать то, что его пленяет и самостоятельно построить себе семью, жилище и жизнь. Вся эта духовная деятельность полноценна только тогда, когда она в своем внутреннем существе не регулирована обязательными запретами и предписаниями, идущими извне, от других людей или от государственной власти. Она должна быть само-починна и само-деятельна, повинная только совестному (Божьему) зову и личному дарованию че-

ловека. Тогда ею правит вдохновение; тогда она может быть цельна и искренна; тогда она цветет и плодоносит. Тогда она свободна. И все, так называемые, «права личной свободы» имеют лишь тот смысл, что они политически ограждают творческую самодетельность человека, как организма и как духа.

Надо понять, что религиозная вера может быть цельна и искренна только тогда, когда она свободна. Приказ и требование бессильны создать веру. Запрет и гонение не могут прекратить ее. Ибо вера есть цветок Благодати, дар веющего Духа. И все приказы и запреты могут привести только к притворству и лицемерию. Но притворствовать и лицемерить будут не лучшие люди, а худшие. Поэтому исповедные гонения дают преимущества худшим людям и осуществляют отбор лжецов и симулянтов. Вера есть личная и добровольная связь души с Богом; именно поэтому на нее нельзя покушаться, ее нельзя вымогать, ее нельзя преследовать и гнать.

И Императорская Россия разумела это и выговаривала открыто. В статье 67 Основных Законов (в Своде Законов см. том 1, часть 1, раздел 1, статья 45), свобода веры присвоилась всем русским гражданам, включая и язычников: «да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословая царствование Российских Монархов и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укрепления силы Империи». Императорская Россия понимала, что только искреннее верование полноценно и что только свободное верование может быть искренним. Мы не сомневаемся в том, что будущая Россия восстановит эту свободу — не свободу соблазна, лукавого соращения, извращения, сатанизма и безбожной пропаганды, но свободу Богосозерцания и Богоисповедания.

Далее нам необходимо понять, что любить, созерцать, исследовать и творить человек может только по внутреннему дару и влечению, согласно требованиям сердца, вдохновения и совести. Все это полноценно только тогда, когда свободно. Нельзя полюбить по приказу и разлюбить на основании запрета. Нелепо ждать художественного искусства от «социальных заказов», скрепленных голодом и террором. Ученый, готовый исследовать по предписанному методу и трафарету, — есть не ученый, а лишенный духовного достоинства симулянт. Ибо творчество есть всегда дело свободы и предметного вдохновения.

Наконец, мы должны убедиться в том, что все живые источники человеческого качества — от элементарной порядочности до высших ступеней святости — суть дело *свободы*, то есть ненавязанного и невынужденного другими людьми, самостоятельного приятия и осуществления. Так, чувство собственного духовного достоинства — эта воспитанная в нас христианством живая основа личности и ее служения (морального, общест-

венного, гражданского и воинского), есть дело свободного опыта и свободного утверждения: кто сам не воспринимает в себе Божьего сына, того не исправит никакой террор. Чтобы пробудилось в человеке чувство чести, надо погасить в нем раба; и совесть есть прямое проявление личной свободы в добре; и патриотизм можно пробудить и расшевелить в людях, для того чтобы он свободно загорелся в них, но навязать его невозможно. И самый высший героизм, и самое чистое самоотвержение являются проявлением свободной, доброй воли.

Кто берет у людей свободу, тот лишает их всех источников добра в жизни. Путь к вере, к любви, к смирению и героизму, к очевидности и художественному созерцанию — есть путь свободы, личного обращения к лучу Благодати. Покорность же без свободы ведет в лучшем случае к законничеству (к внешней, мертвой лояльности), но не к любви. А без свободной любви — иссыкает в жизни всякое благо: — вера и знание, совесть и честность, правосознание и верность, искусство и хозяйственный труд, патриотизм и жертвенность. И потому государственная власть, подавляющая свободу человека, строящая все на тоталитарности и терроре, подтачивает свои собственные силы и силы управляемого ею народа.

И вот, будущей России предстоит сделать выбор — между свободным человеком и рабом, между воспитанием народа к свободной качественности духа и тоталитарным террором. И ныне уже ясно, что именно она выберет. Безумие левого большевизма Россия должна противопоставить не безумие правого большевизма, а верную меру свободы: свободу веры, искания правды, труда и собственности. Это не будет свобода разнуздания. Это не будет свобода соблазна, преступления, эксплуатации, предательства, шпионства, революции и анархии. Это будет свобода здорового, органического инстинкта и свобода духовного опыта, пределы коей будут указаны в закона.

Россия велика, многолюдна и многоплеменна, многоверна и многопространственна. В ней текут многие воды и струятся разные ручьи. Она никогда не была единосоставным, простым народным массивом и не будет им. Она была и будет Империей, единством во множестве: государством пространственной и бытовой дифференциации, и, в то же время, — органического и духовного единения. Она и впредь будет строиться не страхом, а любовью, не классовым произволом, а правом и справедливостью, не тоталитарностью, а свободой.

РУССКОМУ НАРОДУ

НЕОБХОДИМО ДУХОВНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ³³

В самом деле, что же другое необходимо ему вместо того систематического насилия, которое именуется «социализмом» или «коммунизмом», и вместо того пролганного хаоса, который представляет из себя в большинстве случаев так называемый «демократический строй»? Мы отвергаем и это насилие, и этот хаос. Мы говорим им «нет!» Но этого мало. Отвержение еще ничего не определяет... Человек творит, утверждая, а не отвергая. Мало отвергнуть мерзость коммунизма и удручающую, разлагающе-разорительную глупость социализма: надо обосновать и утвердить частную собственность... Мало вскрыть и доказать тот всенародный самообман, который обычно осуществляется в демократии: надо найти тот здравый исход, который не грозил бы государству ни тиранией, ни тоталитарным строем, ни разложением, идущим от «партийной демократии»... И пусть не говорят нам, что наши предложения фантастичны, утопичны, или неосуществимы! Пусть сами ищут, находят и предлагают свое, не «свое» скомпрометированное и губительное, а свое — новое, творческое, жизненно-верное. Конечно, легче всего настаивать на провалившейся выдумке: и думать не надо и творчества не требуется; остается только твердить свое, завладеть явно и тайно аппаратом пропаганды, замалчивать или просто пачкать противника и... валиться в пропасть.

Но мы не желаем и не смеем этого: перед нами великая Россия, ее погибель или возрождение. И мы отлично знаем, чего именно хотят для нее провалившиеся выдумщики.

Итак, что же мы предлагаем и что мы будем пожизненно отстаивать?

Прежде всего мы не верим и не поверим ни в какую «внешнюю реформу», которая могла бы спасти нас сама по себе, независимо от внутреннего, душевно-духовного изменения человека. Нет такой «избирательной системы», нет такого государственного устройства, нет такого церковного строя, нет такого школьного порядка, которые обещали бы человечеству, и в частности, в особенности России, обновление и возрождение, независимо от того, что будет созерцать его воображение и каков будет внутренний уклад его мысли и настроений и каковы будут дела его жизни... Невозможно, чтобы дрянные люди со злою волею обновили и усовершенствовали общественную жизнь. Жадный пустит в ход все средства; продажный все продаст; человек, в коем Бога нет, превратит всю жизнь в тайное и явное преступление. Внешнее само по себе не обеспечивает человеку ни духовности, ни духовного спасения; никакой государственный

строй не сообщит человеку ни любви, ни доброты, ни чувства ответственности, ни честности, ни благородства. Истинное обновление идет не от внешнего внутрь, не от формы к содержанию, не от видимости к существу, а обратно. И странно, даже страшно доказывать это через 2000 лет после Рождества Христова; странно потому, что люди повидимому прошли мимо Христианства; страшно потому, что мы не видим, чем и как восстановить и утвердить непринятое откровение.

Все великое и священное идет изнутри — от сердечного созерцания; из глубины — от постигающей и принимающей любви; из таинственной духовности инстинкта; от воспламенившейся воли; от узревшего разума; от очистившегося воображения. Если внутри смутно, нечисто, злобно, жадно, скверно, то не поможет никакая внешняя форма, никакой запрет, никакая угроза, никакое «избирательное право», особенно всеобщее, равное и прямое. Знаем: не наше дело учить другие народы. Они сами тысячелетиями делали свою историю; сами уродовали свой духовный акт, содействуя его оскудению и формализации; они сами дошли ныне до духовной пустоты, до духовно-бессмысленной техники и самодовлеющего спорта, до так называемого «модернизма», в коем зло выдается за главное, а добро презирается как ненужная сентиментальность; они сами стали жертвою пустой формы — в науке, в политике, в искусстве, в культе машины и во всем прочем. Не нам их учить, не нам их исправлять. Да и самодовольство их сделало бы все наши попытки смешными. Послушайте только, что католические прелаты говорят о «Божией метле», выметающей Православие из мировой культуры... Прислушайтесь к тому, как протестанты собираются «впервые» внести евангельский свет в «темные дебри восточно-русского язычества»... Вникните в то высокомерие, с которым европейские «цивилизованные» народы обсуждают «совершенство своих конституционных форм», не усматривая ничего особенного ни в том, что кандидат в Сев. Америк, президенты вытирает себе лицо, забросанное гнилыми томатами и тухлыми яйцами, ни в том, что составление работоспособного министерства во Франции становится неразрешимой задачей, ни в том, как парламентская полиция растаскивает побоище господ римских сенаторов, ни в том, какую деморализацию водворили господа английские социалисты в организации медицинской «помощи» больным... Было время, когда русская интеллигенция считала западный политический строй «образцом» для России. Это время прошло. Мы видели и наблюдали достаточно. Мы научились тому, что истинное строительство есть творчество, а не подражание. Мы увидели истинное лицо Запада: сначала в советском коммунизме, потом в европейском социализме и, наконец, в том, что называется «свободным строем», в действительности руководимом из-за кулисы. Верить в свободу этого строя могут только люди

политически-близорукие или наивно-доверчивые. Ибо свобода совсем не сводится к голосованию всех по всем вопросам; корни ее лежат гораздо глубже и выражается она в гораздо более существенных проявлениях, духовных, творческих и житейских.

Итак, мы не можем верить, что возрождение и обновление России придет от водворения в ней какой-нибудь другой, некоммунистической, может быть, прямо анти-коммунистической формы правления, как таковой.

Мне приходилось встречать людей, непоколебимо уверенных в том, что стоит в России «провозгласить монархию» — и все «пойдет гладко и станет все на место». Слушаешь таких людей и удивляешься: для них история как будто не существует. Ведь монархический строй не может, что называется, «повиснуть в воздухе»; необходимы по крайней мере две предпосылки, две основы: во-первых, — верное монархическое строение души в народе, которое можно было бы точнее всего выразить словами: надо уметь иметь Царя; и, во-вторых, необходимы те социальные силы, которые понесли бы богоданного Государя — преданностью, верностью, служением, честью, честностью и в особенности тем правдоговорением перед лицом Государя, которое необходимо ему самому, как «политический воздух». Имеются ли эти предпосылки в России? Россия ведь имела счастье быть монархией и почему-то развалилась... Почему? Не от того ли, что она разучилась иметь Царя? Не от преобладания ли честолюбивой интриги над верностью и преданностью? Не от того ли, что монархизм карьеры вытеснил монархизм служения? Что же, дело с тех пор усовершенствовалось? И притом значительно? Научились ли русские люди иметь Ца

ря? Или они опять предадут его за свой частный прибыль на растерзание? — Вот о чем следовало бы подумать «провозглашателям». Монархия должна быть подготовлена религиозно, морально и социально; иначе «провозглашение» окажется пустым словом и началом нового разложения...

Но означает ли это, что можно ожидать большого успеха от «провозглашения» республики? Так могут думать только люди, не понимающие, что республика есть выражение особого душевного уклада; что необходимо думать и чувствовать по-республикански для того, чтобы республика возникла, окрепла и удалась? Где же учился и научился русский народ так думать и так чувствовать? У «временного правительства», заговорившего революционную толпу? Или у коммунистов, ловко поставивших революционную толпу на колени? Республиканец превыше всего ставит дело свободы. Где же учился русский народ этому свободолобию? Не в коммунистических ли каторжных лагерях?.. Свобода есть умение сочетать независимость с лояльностью; а между тем, оба эти начала попираются в России уже четвертый десяток лет... республиканство есть политическое искусство

строить государство при рыхлой, зависимой, подкопанной и нерешительной верховной власти. Можно себе представить, что начнется в «республиканской» России после сорока лет тоталитарного строя!..

«Провозгласить в России республику — значит вернуться к пустому фразерству Временного Правительства и повторить гибельный эксперимент того времени в новом несравненно худшем виде. Государство есть не механизм, а организм; и всякая истинная и прочная форма жизни должна быть подготовлена в нем органически. Добавить к этому только, что в «органическую подготовку» всероссийской республики или многого множества малых республик — мы не имеем никаких оснований верить — ни исторических, ни географических, ни хозяйственных, ни культурных, ни духовных, ни религиозных. Надо совсем не знать или политически не постигать Россию, чтобы быть русским республиканцем.

Итак: русскому народу необходимо духовное возрождение и обновление.

О ВОЗРОЖДЕНИИ РОССИИ³⁴

Когда русские патриоты говорят о возрождении России, то они представляют себе обычно восстановление достойной государственной формы, возобновление осмысленного хозяйства, основанного на частной собственности, и возрождение свободной русской культуры. Кажется, что вот, рухнет тоталитарный режим, прекратится вмешательство коммунистического государства во все сферы человеческой жизни, возродится вольная творческая инициатива — и Россия встанет, как долго спавший богатырь...

Мы совершенно не сомневаемся в том, что все указанное необходимо и что оно будет полезно и значительно, но постоянно с грустью думаем о том, что всего этого мало; что есть еще нечто, значительнейшее и глубочайшее, такое, что здесь не упомянуто, но что составляет самое естество человеческого бытия: это личные качества и тяготения человека; это то, как он поведет себя в личной жизни; и еще глубже: это его вера, его совесть и верность; это его характер; это то, что он способен совершить в общественной жизни и чего он не может не сделать. Словом, дело совсем не сводится к внешнему порядку, строю и «успеху» жизни, но к внутреннему укладу, строю и характеру человека. При внешнем приличии, порядке и свободе общественной жизни, человек может растить в себе безбожного, бессовестного и бесстыдного предателя, продажного пролазу, напуганного и трепещущего подхалима, — словом, жалкое и жалости достойное существо, на котором ни государства, ни тем

более великой и славной духовной культуры не построишь. Чем больше порочности будет гнездиться за ширмами парламента и всех учреждений, тем ближе государство будет к смуте и разрухе, тем непосильнее будут ему исторические испытания. И если этой порочности и порочности будет много, если русские люди будут мерить в жизни все личной жадностью, а не предметным достоинством, — то как возродим Россию? Что противопоставим напору внешних сил, стремящихся насадить коррупцию и разложить наше отечество? Как справимся с соблазнами озлобления, мести, фактического захвата (грабежа), лжи, доноса и, главное, продажности? А если не справимся с этими тяготениями и соблазнами, то не возродим Россию, а предадим ее мировой закулисе и разбазарим ее на мировом рынке...

Россия рухнула на наших глазах не потому, что русский человек был силен во зле и злобе, наподобие немцев, а потому, что он был слаб в добре; и в роковой час истории (1917) он не сумел извлечь из своего добродушия и утомления, из своей улыбочливой, песенной и ленивой души — ту энергию воли, ту решимость поступка, то искусство организации, то умение сопротивляться злу силою, которых потребовал от него час испытаний. Русский человек оказался слабым в добре и подчинился нерусским людям, составляющим в стране ничтожное меньшинство (около 50 000 большевиков), но зато оказавшимся сильным во зле, сильным бессовестностью и волею к власти, сильными прямым и свирепым убийством.

И вот, в истории осуществилось невиданное и неслыханное; злое меньшинство, захватив власть, поставило на колени добродушное большинство народа, с тем, чтобы переделать его, сломать ему его моральный хребет, окончательно перемешать ему и его детям в душе понятия добра и зла, чести и бесчестия, права и бесправия — и приучить его голодом и страхом к безусловной покорности. Это была систематическая школа зла и предательства, основной принцип которой был формулирован чекистом Яковом Аграновым в 1921 году: «морально то, что полезно в данный момент международному пролетариату (т. е. большевикам)»... Это была школа, вечно грозящая безработицей, разгромом семьи, ссылкой, концлагерем и смертью. Все были ею захвачены: никто не мог уклониться от нее. Это была школа вечного притворства, лжи и доноительства...

Забудется ли в русской истории тот деревенский комсомолец, который донес на свою мать о «похищении» ею колосьев с «коллективного» поля (хотела его братьям-малышам кашу сварить!)? Мать была расстреляна, а доносчик прославлен как образец через всю советскую печать, с поспроизведением его гнусного портрета? Как забудем мы голос московского любимца артиста В. И. Качалова-Шверубовича, требующего смертной казни для невинных людей из прежней промышленной буржуазии.

Вот уже 35 лет как русские люди, принуждаемые и застрашиваемые советской властью, предают друг друга, чтобы спасти себя самих; присягают марксизму и «диамату», ничего в них не понимая; записываются в партию, которую считают погубительницей их родины; стараются думать и говорить то, что им прикажут; доносят на соседей и сослуживцев под угрозой увольнения со службы, т. е. общесемейного голода; демонстрируют преданность и «пафос», которых не имеют; скрывают свою веру, восхваляя безбожие и безверие, — словом, предают Православию и Россию, служа большевикам и растрчивая последние следы собственных воззрений и убеждений. Правда и ложь смешивались воедино. Подписывая ложный протокол допроса, русский человек должен добавить слово «чистосердечно», зная, что все содержание написанного противоречит истине. Добро и зло стали неразличимы: все строится на классовой и личной ненависти, на пошлой и лживой лести без конца и края, на механизме затверженных формул. А за годы войны и официальная церковь была вовлечена в эту систему лжи, о чем гласно засвидетельствовал Экзарх Балтийский Сергей, убитый впоследствии чекистами на большой дороге.

Мы прекрасно знаем, что эта разлившаяся в России большевистская порочность — вынужденная; что почти каждый, поддающийся ей, проходит через более или менее продолжительный период уговоров, угроз, лишений, увольнений, полусылок, ссылок, арестов, тюрем и, конечно, нарочито придуманных унижений. Для того, чтобы сломать хребет у сильного, надо, конечно, больше усилий и времени, нежели у слабого; но сильного можно и расстрелять.

Мы знаем еще, что в России есть люди настолько сильные, что они выработывают себе как бы маску, обличив мнимой лояльности в лице и в словах; они бывали и заграницей, их можно увидеть и внутри России. Но что именно они думают и чувствуют, об этом не знает никто, даже гепеук про гепеука.

Мы знаем, наконец, что в России есть и определенные герои духа, связанные так или иначе с тайною Церковью, неприемлющей «патриарха» Алексея с его молитвами о «вожде» Иосифе Виссарионовиче и об успехах его всемирного злодейства. Этих героев мы умеем и чтить, и ценить, и не сомневаемся в их религиозном и историческом значении; на них и из них возродится истинная Православная церковь, которая сумеет дать отпор и католикам, и безбожникам, и протестантам, и их бесчисленным сектам.

Итак, деморализация, водворившаяся ныне в России, — есть не свободная, а навязанная; этого мы не должны забывать. Русский народ не сам оскудел качествами души, но был ограблен посредством страха, голода и унижений. Ростки добра и чутье ко злу живы в нем по-прежнему; мы имеем множество живых дока-

зательств для этого. И когда мы читаем в сообщениях возвращенного оттуда польского еврея, как он, будучи библиотекарем, сначала чтобы прокормиться, а потом чтобы оградить себя от доносов, вырывал из книг страницы и продавал их на курево, то мы не сомневаемся, что добровольно — он никогда не обошелся бы так ни с Торой, ни с Талмудом, да и вообще ни с одной книгой, заслуживающей этого имени. Люди из Советии вынуждены воровать, чтобы не умереть; женщины — предаваться гнусным ласкам коммуниста, чтобы прокормить мать и детей; все должны публично проявлять чувства, которых они никогда не имели... И все это иностранцы приписывают «русским», так, как если бы самое качество русскости оставалось свободным и как если бы Россия оставалась свободным национальным пространством на земле...

Однако, нам важны сейчас не заблуждения и не хищные намерения иностранцев (все равно каких!), а состояние русской души и русского духа. Это состояние должно быть обозначено как униженное и развращенное. Отрицать это возможно, только утратив живое чувство добра и зла. Заstraшенность всегда унижает человека и развращает его. Но именно поэтому она ставит ему первую и основную задачу: осознать эту униженность и признать эту развращенность. Это должно осуществиться в великом и всенародном акте покаяния.

Мы разумеем, что говорим, и видим все величие трудности этого священного дела. Но русский народ не сможет возродиться, не очистившись, и не сможет очиститься, не признав из глубины своего сердца свое нынешнее состояние униженным и развращенным. В России унижены все не-коммунисты; ибо они не смеют думать вслух и действовать по свободному убеждению; мало того, они вообще, совсем теряют способность иметь убеждение — или же уходят в «тайную церковь». Они унижены тем, что от страха должны превратить свою жизнь в сплошное притворство и лицемерие и работать на своих заstraчивателей (врагов России!). И вряд ли есть много таких, которые, нося эту маску, хранят в глубине души чистый и верный акт самостоятельной личной убежденности или, скажем еще больше и священнее, — акт свободной веры.

В сущности говоря, свободная вера в советском государстве есть состояние запрещенное, нелегальное и нечестное; как же как и свободное убеждение и свободное слово. Это не нуждается в доказательстве; это достоверно известно каждому, кто, будучи способен к свободной вере, к свободному убеждению и свободному слову, пытался осуществить эти драгоценные состояния в разрез с господствующим и общеобязательным мировоззрением... Судьба его бывала предрешена. И кто в этом сомневается, тот пусть прочтет замечательные исповеднические книги священника

Отца Михаила Польского... А без свободной веры и без свободных убеждений жизнь неизбежно превращается в унижающее и развращающее рабство.

Итак, русский народ нуждается в покаянии и очищении. Десятки лет суще-дьявольского большевизма — уже очистили одних и затоптали в грязь других. И вот, очистившиеся должны помочь неочистившимся восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье ко злу, чувство чести и способность к верности. Без этого — Россию не возродить и величие ее не воссоздать. Без этого русское государство, после неминуемого падения большевизма, расплзется в хлябь и в грязь.

И напрасно кто-нибудь стал бы утверждать, что этот процесс стал возможным и даже уже начался после предательского конкордата между большевиками и так называемой «патриаршей церковью». Этот конкордат мог только запереть те священные двери, которые ведут в глубину души к слезному покаянию и волевому очищению. Чудовищно предлагать русскому человеку доверие к чекистам и получекистам! Раствленно думать и говорить о том, что таинство покаяния может совершаться перед анти-христом. Бессмысленно тешить себя иллюзиями нравственного очищения перед «предстоящим» и победоносным дьяволом. Покаяние есть установление священной и чистой связи с Господом, а не с сатаной и с его (безразлично — верными или неверными) слугами.

Все трудности этого покаянного очищения должны быть продуманы и преодолены: у религиозных людей — в порядке церковном (по исповеданиям), у нерелигиозных людей — в порядке светской литературы, достаточно искренней и глубокой, и затем в порядке личного советского делания. Надо понять и продумать до конца природу того растлевающего яда, которым орудуют коммунисты; все возможности и силы государства перенапряжены и использованы до конца для того, чтобы сделать людей лживыми и трусливыми рабами. И вот, этого лживого и трусливого раба русский человек должен отыскать в себе, проследить во всех закоулках своей души и извергнуть его так, как подобает человеку, свободному, достойному и духовному. Без этого Россия не возродится.

НАДО ГОТОВИТЬ ГРЯДУЩУЮ РОССИЮ³⁵

Уже не раз ставился в эмиграции вопрос о том, возможно ли теперь же начертать будущую русскую «конституцию», т. е. изложить в форме ряда законопроектов государственное устройство будущей России? — Я думаю, что это сейчас неосуществимо; и притом потому, что у нас нет конкретных данных: — мы не

знаем времени (когда это будет?), пространства (при какой территории?), национального состава будущей России, ее социального строения, состояния народного правосознания, ее экономического и международного положения. «Конституция» была бы выводом из двух посылок: первая — принципиальные основы, которые мы считаем верными и необходимыми; вторая — конкретные данные; вывод — «конституция». Но второй посылок у нас нет и потому вывод невозможен. Но о некоторых принципиальных основах можно и должно договариваться теперь же.

1. — И вот, прежде всего, установим, что в отличие от дореволюционной русской интеллигенции, считавшейся с одними отвлеченными «идеалами», наши поколения должны мыслить реалистически и исторически, для того, чтобы не впасть в мечтательно-отвлеченные нежизненные программы наподобие анархистов (всех оттенков — от Кропоткина до Родичева), или конституционалистов-демократов (от Кокошкина до Милюкова), или всевозможных социалистических партий. Мыслить реалистически значит исходить от русской исторической, национальной, державной и психологической данности, в том виде, как она унаследована нами. Мы не можем вместе с Петром Кропоткинским проповедовать свободный передел имущества на площади (все домашнее барахло сваливается в одну кучу, и каждый по своему усмотрению берет себе беспрепятственно, что ему приглянется). Но мы не можем и верить вместе с Родичевым, что как только монархия падет, так «пойдет все гладко и станет все на место» оттого, что все обнимутся свободно и братски... Мы не можем вместе с умеренными либералами требовать для России «английской конституции», ибо наш климат, наш характер, наша история, наше правосознание, наш территориальный состав, наше образование и наша вера — совсем иные, чем в Англии. Но мы не можем и верить вместе с Ф. Ф. Кокошкиным, который пользовался в немецком ученом мире величайшим уважением, будто Россия найдет свое спасение в федеративном расчленении. Политика не фантазия и не утопия; и фантазирующий политик занимается вредным делом. Опыт нашего поколения достаточен для того, чтобы оставить эти химеры раз навсегда.

2. — Установим, далее, что все государственные рецепты, идеи и лозунги за последние 30 лет омертвели, выветрились или исказились. Мы ничего не должны и не смеем принимать на веру; все подлежит пересмотру, новому пониманию, углубленной критике, новому содержательному наполнению. Понятия свободы, равенства, народоправства, избирательного права, республики, монархии, федерации, социализма — понимались доселе формально, в отрыве от правосознания и его аксиом, в отрыве от народного душевного уклада и от национальных задач государства. Считалось, а на западе и донныне обычно считается, что свобода и равенство суть бесспорные идеалы; что народоправство

есть аксиома для всякого «порядочного» человека; что избрание всегда выше и полезнее назначения; что монархия всегда хуже республики; что враг федерации — есть враг рода человеческого; что социализм могут отвергать только сторонники капиталистической эксплуатации и т. д... Мы не можем принимать на веру все эти партийные и часто гибельные предрассудки. Исходить из этого мы не можем, как не можем исходить и из беспорочности обратных положений. Мы должны пересмотреть политические «идеалы» предреволюционной интеллигенции и отвергнуть все несостоятельное. Мы должны отвергнуть самый способ постановки политических вопросов — мечтательно-доктринерский, рассудочно-формальный, интернациональный, искательно-демагогический. Перед нами не «идеал», не «мечта» и не «доктрина», а жизненная задача воссоздания России. И Россию мы должны понимать, как живое, органически-историческое, единственное в своем роде, русско-наследственное государство, с его особою верою, с особыми традициями и нуждами.

3. — Но именно поэтому мы не должны гоняться за чужими сверхнациональными отвлеченными формами жизни. Нет и не может быть единой государственной формы, которая оказалась бы наилучшей для всех времен и народов. Политически-зжидательное в одной стране, у одного народа, в одну эпоху, при таком-то климате, темпераменте, хозяйстве — может оказаться разрушительным в других условиях. Поэтому Западная Европа и Америка, не знающие Россию, не имеют ни малейших оснований навязывать нам какие бы то ни было политические формы, — ни демократические, ни фашистские... Мы готовы повторить это сто раз: Россия не спасется никакими видами западничества, ни старыми, ни новыми. Все политические формы и средства человечества полезно знать и верно разуметь. Но творческая комбинация из них и из других, еще неизвестных, должна быть избрана и создана самою Россией, должна быть подсказана ее собственными задачами, помимо всяких чужих предписаний или своих предрассудков и доктрин. Мы должны понимать и помнить, что всякое давление с запада, откуда бы оно ни исходило, будет преследовать не русские, а чуждые России цели, не исторический интерес, не благо русского народа, а интерес давящей державы и вымогающей организации... Поэтому поведение русских людей и партий, потихоньку стоваривающихся с той или иной иностранной державой или закулисной международной организацией о будущем устройстве России, представляется нам проявлением или безответственного политического легкомыслия, или прямого предательства.

Итак, мы должны считаться только с двумя великими реальностями:

А. — С исторически данной Россией, с ее целями и интересами.

Б. — С верно понятыми и усвоенными аксиомами правосознания и государственности, возвращенными в нас двухтысячелетним христианским опытом.

Будущее русское государственное устройство должно быть живым и верным выводом из русской истории и из этих христианских бесспорных аксиом, но с тем чтобы не стремиться воплотить эти аксиомы вслепую, в меру утопического максимализма, но в меру их исторической вместимости в живую ткань современной русской народной жизни.

4. — Особенно же важно теперь извлечь идею государства и политики из той предреволюционной пошлости и из той революционной грязи, в которую эта идея незаметно совлеклась в западных демократиях и в коммунистическом режиме.

С одной стороны, политика совсем не есть сочетание массовой демагогии и расчетливой закулисной интриги, честолюбивой толкотни и беспринципного компромисса, партийного засидения и бессмысленного голосования вслепую.

С другой стороны, она совсем не сводится к насилию и к тоталитарным способам управления.

Политика не есть темное дело презренных плутов. Когда чиновник начинает торговать своим делом, как мы это видим ныне в некоторых крупнейших демократиях мира, или когда он становится прямым разбойником, как это при коммунизме; или наоборот — когда авантюрист и разбойник становится чиновником — то государство идет к гибели. На самом же деле политика имеет совсем иные задания, совсем иную природу, совсем иной духовный стержень, а именно: властно внушаемая солидаризация народа; авторитетное воспитание личного, свободного правосознания; оборона страны и духовный расцвет культуры; созидание национального будущего через учет национального прошлого, собранного в национальном настоящем.

Для этого необходимы люди высокой духовной силы, люди первого ранга. Вот почему необходимо высказывать, доказывать и жизненно признавать воззрение, что государственная и политическая деятельность требует не ловкого проходимца, не хитрящего интригана или чего-нибудь еще худшего, но человека с религиозно и нравственно сильным характером, человека качественного и призванного к власти. Она требует высоковолевой, моральной, образовательной и профессиональной квалификации. Это есть дело совсем не общедоступное, не дилетантское, не уличное. Отсюда в высоком смысле аристократическая природа государства, не в сословном, а в духовном смысле; отсюда значение нравственной и умственной традиции, отбора характеров и профессиональной подготовки. Человечество скоро начнет открыто заявлять, что нельзя мириться с политическим выдвиганием прохвоста только на основании того, что он сумел стать угодным закулисе или популярным в массе.

Политика требует качественных людей. Только им будет возможно осуществить все связанные с политикой компромиссы, не роняя ни себя, ни государственную власть. В политике бывают необходимы и хитрость, и насилие, и подчас жестокость. Но народ чует чутьем реальную меру необходимости таких компромиссов и прощает мудрому политику многое во имя главного и основного. В политике и государственности есть нечистые стороны и дела; их нельзя отрицать; от них нельзя зарекаться. Но именно поэтому политика требует большой идеи, чистых рук и жертвенного служения.

«БОЛЬШЕВИЗМ КАК СОБЛАЗН И ГИБЕЛЬ»³⁶

Когда мы помышляем о грядущей России, то мы должны, прежде всего, поставить перед собой основной вопрос: на чем мы будем строить грядущую Россию — на личности или на обезличении человека. Этим определяется и предрешается многое, основное, может быть — все. И казалось бы, что история России, и особенно история ее последних тридцати лет, должна была бы предрешить наш ответ.

История России переломилась на наших глазах революционной трагедией. Эта трагедия возникла из несоответствия между усиленной индивидуализацией инстинкта и отставшей индивидуализацией духа в русской народной массе. Большевизм с самого начала сделал ставку на первую и через это захватил власть; а в дальнейшем коммунизм подавил и первую и вторую, и на этом утвердил свою власть. Историческое же движение России ведет к признанию инстинктивной индивидуализации, но под условием насыщения и освящения ее — индивидуализацией духовной; и на этом должна быть утверждена русская национальная власть и грядущая Россия.

Эта мысль требует, конечно, разъяснения и подтверждения.

Говоря об «индивидуализации инстинкта», я имею в виду следующее. От Бога и от природы человеку дано жить на земле в виде душевно замкнутой («чужая душа потемки») и телесно самостоятельной особи. Такая особь всегда и всюду, во все времена и у всех народов, была и будет живым самостоятельным организмом, инстинктивно строящим себя и свою жизнь. Этот инстинкт таинственно и бессознательно зиждет человека: его здоровье, его питание, его обмен веществ, его тепловое и двигательное равновесие, его трудовую силу, его размножение и все его жизненные отправления и умения.

Несомненно, что в этом инстинкте есть и родовой примитив, безличный или до-личный, растворяясь в котором, человек как бы утрачивает свои личные, отличительные хотения и особенности и становится существом стадно мыслящим, стадно-страстным и

стадно-действующим. Этот родовой слой инстинкта, вероятно, владел нашими доисторическими предками — всецело: человек был элементарным по уровню своей жизни, скудным в своих жизненных содержаниях, первобытно-страстным в своих чувствах, наивным в мышлении и непосредственно-бессознательным по способу внутреннего бытия; и вследствие этого люди душевно мало отличались друг от друга и находили свою настоящую силу именно в стадной совместности.

По сравнению с этим первобытным укладом души — индивидуализированный человек есть существо высшей ступени: он имеет более сложную душу, более богатые жизненные содержания, он не растворяется в своих страстях, он менее наивен и менее бессознателен по способу своей жизни; он утверждает свою самостоятельность, сознает себя отдельным от других и не похожим на них; он сам несет свое жизненное одиночество и находит свою настоящую силу именно в развитии и утверждении своей особливости. Он уже не стадное существо, а индивидуальное. Его инстинкт требует самостоятельности в жизни и в творчестве. Родовой примитив инстинкта не отмирает в нем, но лишь отходит на задний план; мало того, периодический возврат к родовому примитиву бывает и нужен, и полезен, и спасителен (например, во время народных бедствий, национальных войн* государственного распада и т. д.). И тем не менее, — индивидуализированный человек выходит из потока первобытности. Образно говоря: он как бы уже не земляная масса, а особый камень; не древесина, а отдельное дерево; не лава, а самостоятельно горящий огонь. И то, в чем он нуждается, есть, во-первых, — жизненное (бытовое, хозяйственное и правовое) осуществление этой самостоятельности во вне, а, во-вторых, — духовное насыщение и освящение ее изнутри.

Исторически дело обычно обстоит так, что оба эти процесса (внешнего осуществления и внутреннего освящения) идут параллельно, содействуя друг другу и воспитывая людей и целые народы. Но это бывает не всегда. Возможно, что инстинктивная индивидуализация опередит духовную; и тогда наступают опасности и трудности в построении и устроении жизни. Но возможно и то, что духовная индивидуализация опередит инстинктивную; и тогда наступают иные трудности и опасности в приятии и утверждении жизни.

Индивидуализация инстинкта есть явление неизбежное, соответствующее законам человеческой природы и творчески драгоценное: нельзя и не подобает человеку пребывать в родовом всесмешении и недифференцированности, он должен найти себя в своем инстинкте, утвердить себя и начать самостоятельно творить свою жизнь. Этим он создает в душе своей как бы почву для своего духа или как бы жилище для своей личности, или как бы корабль для своего жизненного мореплавания. Индивидуа-

лизированный инстинкт хочет «быть о себе»: иметь свои мнения и вкусы, самостоятельно искать в жизни точку для приложения своей силы, самостоятельно любить, строиться и работать, самостоятельно владеть вещами, приобретать и богатеть, утверждать свои права и отстаивать их. И все это естественно и необходимо.

Но если индивидуализированный инстинкт остается без духовного руководства, то все эти желания, способности и права оказываются соблазнами и опасностями: «свои» мнения оказываются вздорными, а вкусы — дурными; «своя» сила изживается в драке и нападении; самостоятельная «любовь» становится развратом; строительство и работа сводятся к минимуму; приобретение заменяется разбоем; право заменяется произволом. Люди оказываются нестыдящимися себялюбцами и жадными грабителями.³⁸

Индивидуализированный инстинкт нуждается в духовном руководстве. Это духовное руководство может исходить из недр примитивной, недифференцированной духовности (например, из первобытной наивной религиозности массы; из наследственно и традиционно поддерживаемого правового обычая; из бессознательной преданности и верности королю или хозяину и т. д.). Но оно может исходить и от индивидуализированного духа (например, от лично прочувствованной веры в Бога; от личного чувства совести, чести и долга; от лично воспитанного и утвержденного правосознания; от республиканской или монархической убежденности; от любви к своей родине и своему народу и т. д.).

Примитивная духовность есть великая и заслуженная историческая сила, и заслуги ее в истории человеческой культуры чрезвычайны. Но, как показывает история, она не всегда бывает способна дать человеку определяющее руководство: индивидуализировавшийся инстинкт, именно в силу своей индивидуализации, — постепенно отрывается от примитивной, родовой духовности и, если не находит себе обуздания, воспитания и руководства в личной духовности, то впадает во все соблазны, не справляется со всеми опасностями и предается разнузданию. Инстинктивная индивидуализация требует—духовной: не просто «какой-нибудь обуздывающей и принуждающей силы»; и не только «иррационального духовного авторитета», — а именно личной духовности, т. е. самостоятельно держащейся в человеке веры, совести, чести, верности, любви, патриотизма и национального чувства.

Духу подобает личная форма. Личной духовности подобает самостояние. Человек должен быть центром самообладания и самоуправления — духовным характером, нравственной личностью, субъектом права. Тогда личный дух может править личным инстинктом, а личный инстинкт — строить жизнь организма; а родовая духовность и родовой инстинкт остаются

тайным резервуаром сил, — как бы «матерью сырой землей», припадание к которой дарует человеку древний опыт и новую силу.

Этот процесс духовной индивидуализации отнюдь не следует представлять себе как торжество «сознания», «рассудка», «рационализма» или материалистически и механически окрашенного «просвещения». «Дух» и «мысль» не одно и то же: так, например, вера есть начало духовное, но совсем не рассудочное; точно так же совесть и художественный вкус духовны, но не умственны. Согласно этому индивидуализация совсем не ведет к отказу от веры, любви, созерцания и всех бессознательных даров человека; а личное начало совсем не увенчивается рассудочностью, безверием, материализмом и нигилизмом.

Индивидуализируясь, дух не оскудевает, а расцветает. Все великие писатели, художники, музыканты, ученые, политики, полководцы, герои имели индивидуализированный дух, — из плоских рассудочников, умствующих кропателей, поверхностных рационалистов среди них не найти. Самостояние не то же самое, что висение в отвлеченной пустоте. Стать личным духом значит самому узреть Бога и исповедать его, но не значит погасить в себе духовное видение и стать беспочвенным нигилистом. Человек совсем не стоит перед такой дилеммой: или преданность примитивной, родовой духовности — или самостоятельный нигилизм. Есть третий исход, верный, главный, спасительный; личная духовность, не порывающая с древним, родовым, духовным опытом, но придающая ему индивидуальную творчески свободную форму.

Итак, личный инстинкт нуждается в личной духовности; и индивидуализация инстинкта должна идти рука об руку с индивидуализацией духа.

Если индивидуализация духа опережает индивидуализацию инстинкта, то человек склоняется к отвержению инстинкта вообще: он видит в нем начало тьмы, страсти, греха и зла; он воспринимает его как начало родового хаоса, всесмешения и окаянного неистовства. Тогда у человека возникает потребность отвергнуть не только всю жизнь инстинкта, но и вообще всю земную форму жизни, весь «мир», который кажется ему или созданным не Богом, или же, хотя он и создан Богом, но все-таки «лежит во зле»: человеку остается только заживо уйти от мира и ждать смерти. Отсюда учения буддизма, платонизма, крайней аскетики и скопчества. Отсюда, например, требование известного христианского богослова Афинагора (второй век до Р. Х.): «презирайте мир и помышляйте о смерти».

Если же индивидуализация инстинкта опережает индивидуализацию духа, то перед человеком встает опасность отвергнуть дух вообще. Пока индивидуализированный инстинкт сдерживается первобытной родовой духовностью, эта опасность не

становится определяющей и роковой. Человек не предается разнузданию потому, что его держит некий гипноз примитивной духовности, — как бы лежащее на нем массовое заклятие веры, верности и лояльности; удерживающая его бессознательная узда запретности; некоторое духовно-верное и обоснованное «недерзание», которое, однако, остается лично в его душе не утвержденным в порядке свободного, авто-номного, т. е. само-законного вменения самому себе, и постольку — лишенным почвы. И наряду с этим недерзанием его инстинкт удерживается еще, может быть, смутно бессознательным, но опять-таки лично не укрепленным, не превращенным в твердыню характера, настроением доброты, совестливости, порядочности, чести и национальной гордости.

Но стоит этому влиянию и настроению поколебаться под воздействием соблазнов и страданий, стоит первобытной духовности замутиться и обессилить — и выступает обнаженная сила индивидуального инстинкта, не сдерживаемого никакой лично-духовной силой, не поддающегося ни личному чувству чести, ни удержам долга и дисциплины, ни устою личного духовного характера. Человек человеку становится волком. Начинается война всех против всех — «кулачное право», поножовщина, гражданская резня, революция, большевизм.

Отвергая инстинкт, его индивидуальную форму и мир как соблазн, — нельзя создать на земле христианскую культуру, ибо она невозможна вопреки законам природы.

Но не имея личной духовности и утрачивая родовую духовность, тоже нельзя создать на земле христианскую культуру, ибо она невозможна вопреки законам духа.

Христианская культура возможна только в скрещении, сочетании, взаимопроникновении законов природы и законов духа. В силу законов природы человек индивидуален и самостоятелен — он есть творческий организм. В силу законов духа человек духовен и социален — он есть творческая личность. И вот человек, как природный организм, должен стать духовною личностью; а духовная личность должна принять законы природного организма (начиная от личной семьи и кончая частной собственностью).

Этим и определяются пути грядущей России.

ПРАВО НА ПРАВДУ³⁸

Мы живем в эпоху величайшей смуты. Правда и ложь, честь и бесчестье, верность и предательство, вера и лицемерие — вот уже больше тридцати лет преднамеренно смешиваются и подменяются для того, чтобы духовно оглушить и ослепить людей, вызвать в душах замешательство, растерянность и беспомощность, и подмять заблудших и обессиленных под чужую им власть. С этим намерением — обмануть и поработить, — выступает целый ряд организаций, конечно, во главе с левыми и правыми тоталитаристами...

Кто годами читал советскую прессу и не поддавался ее пропаганде, тот прошел хорошую и наглядную школу умственной и духовной зоркости. В советских газетах ложь идет сплошной волной. Она преподносится тоном непререкаемого авторитета и наигранного, лицемерного пафоса, свойственного скверным драматическим актерам. Читаешь и думаешь: лжет! и сам знает, что лжет; и даже не скрывает своего знания... «Да, лгу! А ты слушай и молчи! И попробуй только не согласиться! И повторяй мою ложь за мною! Да без оговорок, без колебаний! Уверенно! С чистосердечным убеждением! Лги искренно! Обманывая вместе со мною с пафосом! Лицемерь с темпераментом, чтобы я, перволавец и оберобманщик, имел основание сделать доверчивую физиогномию!!!»...

Читаешь и чувствуешь, что начинается тихое головокружение, сопровождаемое отвращением к лжецу и тайным презрением к самому себе... — за молчание...

И вдруг — в этом потоке лжи и обмана, — тем же тоном, — выговариваются целые куски фактической правды... И эта правда выговаривается именно в составе лжи — для ее подкрепления и удостоверения. Знаешь, что это правда... и начинаешь не верить и ей. Потому что и она лжет! Она лжет тем, что произносится тем же тоном наглого апломба, с теми же лицемерными и аффектированными «жестами» (умственными, нравственными и стилистическими!). Она лжет и тем, что появляется, окруженная ложью, в обманной картине и для ради обмана. И вот, стараешься отцедить в этой скомпрометированной «правде» — настоящую правду от лжи, удержать одну честную фактическую правду, закрепить ее и судить ею и своим свободным разумением всю ту ложь, которая ее окружает...

Этот тон вызывающей и провоцирующей лжи, водворившийся с самого начала революции в советских газетах и речах, постепенно, но прочно захватил в Советии все: и суд, и все остальные ведомства, и журналы, и науку, и искусство, и низшую школу, и среднюю, и высшие учебные заведения, и частные разговоры, и самое мышление советских «граждан» и особенно мирозерцание советской молодежи, в новых поколениях ничего иного не выдав-

шей! Страх и гипноз внесли в души людей величайшее духовное безвкусие, которым многие из них наивно гордятся...

В Советии лжет все: там все искажено, все двусмысленно, все обманывает. Подумать только: что называется в советском суде — «чистосердечным признанием»?; что почитается в советской науке — «доказанной» теорией, хорошим учебником, научной «заслужой»?; какое искусство предписывается и премируется, и какое бывает поруганным и запрещенным? Вот по радио посылается «Евгений Онегин» Чайковского; зачем? Чтобы выдать Советию за Россию и наглядно показать всему миру «свободу советского художества»... Зачем комиссариаты переименованы в Министерства? Зачем в советской пропаганде появились драгоценные русские имена — Александра Невского, Петра Великого, Суворова? Зачем была выдвинута кощунственная декорация «патриаршей церкви»?.. В Советии пролгано все вплоть до денег, которые не стоят своей собственной валюты и не принадлежат их частному владельцу; вплоть до тракторов, которые служат не труду, а порабощению; вплоть до полицейских собак, которые ловят не частных жуликов и не государственных разбойников, а мучеников режима и героев борьбы; — вплоть до «исправительных трудовых лагерей», которые никого не исправляют, а эксплуатируют и вымаривают лучших людей страны. В Советии лгут и «чины» и «ордена», ибо чины даются за предательство России, а «ордена» — за льстивое угождение ее врагам...

Люди, выросшие в этой атмосфере, уносят ее с собою, в себе — за границу. И самые бойкие газеты эмиграции (независимо от их направления) суть самые просоветенные: безответственные, лживые, нравственно-развязные и провокационные. Террор отучает людей от правды и приучает ко лжи; и они должны заметить это в самих себе, осудить и преодолеть. Это растленное правило: «каждый человек всю жизнь лжет в свою пользу, и надо только научиться лгать умно, искусно и правдоподобно», — есть порождение дьявольской смуты и означает ее торжество. Мы должны понять и прочувствовать это. И лгущие не должны воображать, будто мы не видим их лжи и не умеем распознавать ее. По чему мы узнаем это? По глазам, беспокойно бегающим туда и сюда; по выражению лица; по интонации голоса; по жестикуляции; по внутренним противоречиям; по разнобою в их же собственных показаниях; по расхождению с фактами; по этой манере: каждому собеседнику лгать иное и иначе, в порядке приспособления...

И вот, кто так лжет, тот теряет в самом себе чувство правды; а перед другими людьми и перед Богом — он теряет и право на правду. Самая правда его начинает лгать. И он сам чувствует это и сам себе не верит. И другие ему не верят. И если он не поймет всего этого, — то он сам станет мнимым человеком, социальным призраком, фальшивой монетой, картонным кирпичом, поддель-

ным товаром (муляжом) из советской витрины. Кому он нужен такой? Только не будущей России!

В жизни необходимо иметь право на правду! Не всякий пытающийся выговорить ее, может это. Человек с хитро шмыгающим взглядом, с фальшивой улыбкой, с лицемерным лицом, с наигранной интонацией, с аффектированными жестами, с мутным, пролганным или прямо бессовестным прошлым, с лукавыми целями, с тщеславно-актерскими замашками — будет высказывать самую сущую правду неискренно, возбуждать у всех подозрение, компрометировать истину и вредить ей...

За словом должна стоять личная мысль; должен ощущаться характер, а не жажда новой, обратной карьеры; должна слышаться искренняя убежденность; должно проглядывать чувство собственного достоинства. Слово должно быть выстраданным и сказанным из сердца. Тогда оно убеждает и побеждает; тогда оно несет не лгущую полуправду, а честную правду. И напрасно думать, что все это теоретическая выдумка, ибо это доступно всякому простому и порядочному человеку, не обремененному никакими «теориями».

Когда Гитлер вел пропаганду против большевизма-коммунизма, — он лгал; лгал в густую мировую смуту; лгал с темпераментом бесстыдника; лгал и тогда, когда произносил подходящие слова об удостоверенных фактах. Искренние русские антикоммунисты, годами работавшие над ответственным и правдивым обличением большевизма, чувствовали, как эта двусмысленная, обманная пропаганда лжеца — компрометирует их и их дело. Бывают соседи, от которых все отворачиваются; бывают «единомышленники», которые внушают всякому отвращение. Подобно тому, как бывают «награды», которые хуже пятна. «Орден красного знамени» совсем не возвышает человека; напротив, он обязывает его доказать, что он не заслужил его никакой нарочитою противо-русскою низостью. И кто делал в Советии «карьеру», тот не мог останавливаться перед низостями; и кто сделал ее, подобно Вышинскому, тот несет на плечах целое бремя злодейства. Кто поверит «передумавшему» эн-ка-ве-де-ку?

Когда предатель проповедует верность и с виду высказывает правильные мысли, — он лжет. Когда наемный агент чужой державы зовет к бескорыстному служению России, — он лжет. Лгал Зиновьев, взывая к «социальной справедливости». Лгал Дзержинский, восхваляя и «практикую» «гуманность». Лгал Литвинов, рекомендуя денежную корректность. Лжет «отец народов», призывая к миролюбию; ибо мир необходим человечеству, но его «мир» — есть обратное.

В эпоху величайшей смуты и пролганности нам надо хранить чувство правды, как зеницу ока, и требовать от себя и от людей права на правду. Ибо без чувства правды мы не узнаем лжеца, а

без права на правду мы погубим всякую истину, всякое убеждение, всякое доказательство и все священное в жизни.

Россию можно строить только на взаимном доверии; а если русские люди будут лгать друг другу, то они расплытятся в мире и погибнут от взаимного недоверия и предательства.

Евангелие не даром называет дьявола «отцом лжи» (Иоанна 8, 44).

О ГЛАВНОМ³⁹

Эпоха, переживаемая ныне человечеством, есть эпоха суда и крушения. На суд идут все народы без исключения; одни ранее, другие позже. Крушение грозит каждому из них; каждый должен увидеть свою неудовлетворительность или несостоятельность перед лицом Божиим, — в свой черед, по-своему, со своим особым исходом и в осуществлении своей особой судьбы. Прошли годы, когда нам могло казаться, что «мы рухнули, а другие устояли». Теперь нам это уже давно не кажется. Сбывается вещее слово о том, что мы все подлежим суду вечно живого огня, — разумеется духовного огня, опаляющего, очищающего и обновляющего. И, разумея это, нам, русским, надлежит не падать духом и не малодушествовать, а крепко верить в Бога и верно служить нашей родине, России, с которой началось это духовно-огненное опаление, очищение и обновление.

Чем мы можем служить ей? К чему мы призваны? Что нам надо делать? Ответить на это — значит выговорить главное; приступить к этому служению — значит осуществлять это главное.

России нужен новый русский человек: проверенный огнями соблазна и суда, очищенный от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого и строящий себя по-новому, из нового духа, ради новых великих целей... В этом главное. Делая это, мы строим новую Россию. Ибо слепо и кощунственно думать, будто Россия «погибла»; пусть верят в это иностранцы, враждебные ей, и предатели, помышляющие о ее расчленении. Да, Россия первую пошла на суд; первая вступила в полосу огня, первая противостала соблазну, первая утратила свое бывшее обличье, чтобы выстрадать себе новое. Первая, но не последняя. И другие страны уже охвачены тем же пожаром, каждая по-своему. Прежней России не будет. Будет новая Россия. По-прежнему Россия; но не прежняя, рухнувшая, а новая, обновленная, для которой опасности не будут опасны и катастрофы не будут страшны. И вот к ней мы должны готовиться; и ее мы должны готовить, — ковать в себе самих, во всех нас новый русский дух, по-прежнему русский, но не прежний русский (т. е. больной, не укорененный, слабый, растерянный). И в этом главное.

Для этого необходимо, во-первых, справиться с соблазнами. Их целый ряд.

И первый из них — соблазн большевистской «свободы», «свободы» от Бога, от духа, от совести, от чести, от национальной культуры, от родины. Это соблазн не русского происхождения. За последние века он проявлен материализмом и распространен французской революцией и немецкой философией (от левых гегельянцев до Фридриха Ницше включительно). Свобода необходима человеку и священна для него. Но это свобода обретается через Бога, в духе, в совести, в чувстве собственного духовного достоинства, в служении своему единокровному народу. Большевистская же «свобода», «освобождающая» человека от третьего (духовного) измерения, оставляющая ему голодное тело и развратно-страстную душу, есть не свобода, а произвол насилия, блуда и греха.

Второй соблазн есть соблазн тоталитарного государства и коммунистической каторги, соблазн, обещающий разбойничье «величие» через порабощение и через ограбление остального человечества, и обезьянье «счастье» через отказ от личного начала, от творческой инициативы и от свободного вдохновения. Этот соблазн за последние века был выдвинут социалистами, во главе коих в XIX веке встал Карл Маркс. Нельзя отнимать у людей идеи величия и счастья. Но истинное величие не осуществляется в формах национального ограбления, всемирного завоевания, и истинное счастье не добывается через порабощение личности. Обман безбожной сытости, навязываемой от рабовладельческого государства обезличенным рабам — соблазняет людей величайшей пошлостью и величайшей ложью; соблазняет, чтобы разочаровать и погубить. И его необходимо одолеть.

Кто не одолеет этих двух соблазнов, тот не строитель новой России. Кто не разоблачил до конца искушение безбожной свободы и тоталитарной государственности, тому не данся ни очищение души, ни обновление её. А если он утвердится в будущей России, то он окажется в ней представителем разнуждания и рабства. Культура без Бога есть вавилонская башня. Государство без Бога есть земная каторга. И сколько в эмиграции уже не справились с этими соблазнами, не осилили первого этапа и потому не произнесли ни одного живого слова; ибо их путь вел их с самого начала в пропасть большевизма.

Второе задание наше — очистить душу от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого. Их много. Вот главнейшие.

1. Бесхарактерность, т. е. слабость и неустойчивость духовной воли; отсутствие в душах духовного хребта и священного алтаря, за который идут на муки и на смерть; невидение религиозного смысла жизни и отсюда — склонность ко всевозможным шаткостям, извилинам и скользким поступкам; и в

связи с этим — недостаток духовного самоуправления и волевого удержания.

2. Недостаточное, неукрепленное чувство собственного духовного достоинства, этой жизнеспособной и жизне-направляющей силы, и отсюда: удобособлазняемость наших душ; колебание их между деспотизмом и пресмыканием, между самопревознесением и самоуничижением; неумение уважать в себе субъекта прав и обязанностей, неукрепленное правосознание; большая тяга к слепому подражательному западничеству, к праздному и вредному заимствованию вздорных или ядовитых идей у других народов, неверие в себя, в творческие силы своего народа.

3. Насыщение политической жизни ненавистью и тягой к анархии. Мы обязаны преодолеть и то, и другое. Ни на классовой, ни на расовой, ни на партийной ненависти Россию нам не возродить и не построить. Знаем мы, что иностранцы будут поддерживать и разжигать в нас все эти виды ненависти, для того, чтобы ослабить, расшатать, расчленить и покорить нас. А мы должны очистить и освободить себя от этих разрушительных сил и погасить, искоренить в себе этот дух грозящих нам гражданских войн. И сделать это мы должны потому, что мы христиане; и еще потому, что этого требует от нас государственная мудрость и верное разумение исторических и многонациональных судеб нашей родины: Великую и сильную Россию невозможно построить на ненависти, ни на классовой (социал-демократы, коммунисты, анархисты), ни на расовой (расисты, антисемиты), ни на политическо-партийной.

И вот наше третье, положительное задание — обновить в себе дух, утвердить свою русскость на новых, национально-исторически древних, но по содержанию и по творческому заряду обновленных основах. Мы должны научиться верить по новому, созерцать сердцем — цельно, искренно, творчески, чтобы мы сами по себе знали и чтобы другие о нас знали, что не про нас это сказано: «на небо поглядывает, по земле пошаривает». Мы должны научиться не разделять веру и знание, а вносить веру не в состав, и не в метод, а в процесс научного исследования, и крепить нашу веру силою научного знания. Мы должны научиться новой нравственности, религиозно-крепкой, христиански-совестной, не боящейся ума и не стыдящейся своей мнимой «глупости», не ищущей «славы», но сильной истинным гражданским мужеством и волевой организацией.

Мы должны воспитать в себе новое правосознание, — религиозно и духовно укорененное, лояльное, справедливое, братское, верное чести и родине; новое чувство собственности — заряженное волею к качеству, облагороженное христианским чувством, осмысленное художественным инстинктом, социальное по духу и патриотическое по любви; новый хозяйственный акт —

в коем воля к труду и обилию будет сочетаться с добротою и щедростью, в коем зависть преобразится в соревнование, а личное обогащение станет источником всенародного богатства.

России нужен новый русский человек, с обновленным — религиозным, познавательным, нравственным, художественным, гражданским, собственническим и хозяйственным — укладом. Этот уклад мы должны, прежде всего, воспитать и укрепить в себе самих. Ибо только после этого и вследствие этого, мы сможем передать его нашему даровитому, доброму и благородному народу, который доселе пребывает во многих беспомощности и нуждается в верной, сильно ведущей идее. Россия ждет от нас нового, христиански-социального, волевого, творческого воспитания. Но как воспитывает других тот, кто не воспитал себя самого?

Это — главное. Это — на века. Без этого не возродим и не обновим Россию. А на этом пути — справимся со всеми бедами, опасностями, затруднениями и заданиями. И кто в этом духе поведет свое обновление и самовоспитание, кто так сотворит и других научит, тот осуществит свое историческое и отечественное призвание.

О ВОСПИТАНИИ В ГРЯДУЩЕЙ РОССИИ⁴⁰

Нам не дано знать, когда и в каком порядке закончится революция в России. События разворачиваются медленно, слишком медленно для одного поколения. Мы не можем и не должны делать себе иллюзий: предстоят еще сложные, ответственные и мучительные события, смысл которых будет состоять в том, что всероссийское крестьянство овладеет изнутри государственным и военным аппаратом страны, сбросит или отодвинет устроившийся у власти слой международных авантюристов и начнет строить новую национальную Россию. Возможно, что из наших, старших поколений лишь немногие доживут до освобождения родины и лишь совсем немногие смогут принять участие в ее возрождении. Но именно это предвидение обязывает нас смотреть вперед и вдаль, и готовить для новых русских поколений тот материал выводов и руководящих линий, который мы выстрадали и выносили за эти десятилетия и который поможет им справиться с их претрудной задачей. Мы должны высказать и письменно (по возможности и печатно!) закрепить в отчетливых и убедительных формулах то, чему нас научила история, чем нас умудрила наша патриотическая скорбь.

Грядущая Россия будет нуждаться в новом, предметном воспитании русского духовного характера; не просто в «образовании» (ныне обозначаемом в Советии пошлым и постылым словом «учеба»), ибо образование, само по себе, есть дело

памяти, смекалки и практических умений в отрыве от духа, совести, веры и характера. Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно-выгодные возможности, технические умения, которыми он, — бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный — и начинает злоупотреблять. Надо раз навсегда установить и признать, что безграмотный, но добросовестный простолюдин есть лучший человек и лучший гражданин, чем бессовестный грамотей; и что формальная «образованность» вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации.

Новой России предстоит выработать себе новую систему национального воспитания и от верного разрешения этой задачи будет зависеть ее будущий исторический путь.

Мы видели, как русская интеллигентская идеология 19-го века подожгла Россию, вызвала великий пожар и сама сторела в его огне. Мы знаем также, что русский народ жив и будет восстанавливать свое государство на пепелище революции. Мы же, русская интеллигенция, кость от кости русского народа, дух от духа, любовь от его любви и гнев от его гнева; — мы, никогда не верившие ни в какую «после-петровскую» пропасть, якобы отделившую нас от нашего народа, и ныне не верящие ни в какой «разрыв» между внутренней и зарубежной Россией, — мы обязаны осознать причины нашего государственного крушения, найти его истоки в строении и укладе русской души, обрести и в самих себе эти большие уклоны и преодолеть их (все эти национальные заблуждения и соблазны, все это большое наследие уделов, татарщины, сословности, крепостничества, бунтов, заговорщичества, утопизма и интернационализма), — преодолеть и вступить на новый путь.

Россия выйдет из того кризиса, в котором она находится, и возродится к новому творчеству и новому расцвету — через сочетание и примирение трех основ, трех законов духа: свободы, любви и предметности. Вся современная культура сорвалась на том, что не сумела сочетать эти основы и блюсти эти законы. Она захотела быть культурой свободы и была права в этом; но она не сумела стать культурой сердца и культурой предметности, — и это запутало ее в противоречии и привело ее к великому кризису. Ибо бессердечная свобода стала свободой эгоизма и своекорыстия, свободой социальной эксплуатации, а это повело к классовой борьбе, к гражданским войнам и революциям. А беспредметная и противопредметная свобода — стала свободой беспринципности, разнуздания, безверия, «модернизма» (во всех его видах) и безбожия. Все это связано взаимно; все это есть единый процесс, приведший к великому кризису наших дней. Реакцией на это явился — зажим бессердечной и беспредметной свободы в государственно-партийные, диктаториальные тиски, —

то коммунистические, то буржуазно-националистические. Этот бюрократически организующий зажим должен был бы, казалось, устранить известные анти-социальные проявления свободы, злоупотребления ею, и водворить большую социальность при несвободе. На самом же деле несвобода (отрицательная функция) ему удается вполне, а большая социальность (положительная, творческая функция) — не удается ему: на место прежней свободной не-социальности водворяется новая несвободная антисоциальность и народ попадает в наихудшие и наитягчайшие условия жизни, известные в истории. Социализм и коммунизм отнимают у людей свободу и не дают им ни социальной справедливости, ни духовного творчества.

Это объясняется тем, что осуществить социальную "справедливость" могут только люди с сердцем и с предметною волею, ибо справедливость есть дело живой любви и живого совестного созерцания, т. е. — предметно настроенной и устроенной души. Ошибочно принимать справедливость за равенство, ибо справедливость есть предметное неравенство людей. Наивно воображать, будто достаточно последовательной доктрины и последовательного рассудка для того, чтобы справедливость была найдена и водворена и чтобы люди начали новую социальную жизнь. Ибо рассудок без любви и без совести, неукорененный в живом созерцании Бога, есть разновидность человеческой глупости и черствости, а глупая черствость никогда еще не делала людей счастливыми.

Из трех великих основ всякой человеческой жизни и культуры — свободы, любви и предметности, — ни одна не может быть упразднена или упущена: необходимы все три и все три обуславливают одна другую взаимно. Если бессердечная свобода ведет к несправедливости и эксплуатации, то беспредметная свобода ведет к духовному разложению и социальной анархии. Но бессердечная и беспредметная несвобода ведет к еще более тяжелой рабской несправедливости и глубокой деморализации. Свобода необходима человеческому инстинкту и духу, как воздух телу. Но она должна быть наполнена жизнью сердца и предметной воли. Чем больше сердца и предметной воли у человека, — тем менее опасны ему соблазны свободы и тем больший смысл она приобретает для него. Спасение не в отмене свободы, а в ее сердечном наполнении и предметном осуществлении.

Именно этим определяется путь грядущей России. Ей нужно новое воспитание: в свободе и к свободе; — в любви и к любви; — в предметности и к предметности. Новые поколения русских людей должны воспитываться к сердечной и предметной свободе. Эта директива — на сегодня, на завтра, и на века. Это единственно-верный и главный путь, ведущий к расцвету русского духа и к осуществлению христианской культуры в России.

Для того, чтобы выяснить это до конца, необходимо сосредоточиться на идее предметности.

События последнего века показали нам, что свобода совсем не есть последняя и самодовлеющая форма жизни: она не предопределяет ни содержания жизни, ни ее уровня, ни направления. Свобода дается человеку для предметного наполнения ее, для предметной жизни, т. е. для свободной жизни в Предмете. Что же есть Предмет и что такое предметная жизнь?

Каждое существо на земле и каждое тело человеческое имеет некоторую цель, которой оно и служит. При этом можно иметь в виду чисто субъективную цель, зовущую человека к удовлетворению его личных потребностей и ведущую его к личному успеху в жизни. Но можно иметь в виду и объективную цель, последнюю и главную цель жизни, по отношению к которой все субъективные цели окажутся лишь подчиненным средством. Это есть великая и главная цель человека, осмысливающая всякую жизнь и всякое дело, цель, на самом деле прекрасная и священная; — не та, ради которой каждый отдельный человек гнется и кричит, старается и богатеет, унижается и трепещет от страха, но та, ради которой действительно стоит жить на свете, ибо за нее стоит бороться и умереть. Для животного такой целью является продолжение рода и в служении этой цели мать-самка отдает свою жизнь за детеныша. Но у человека есть более высокая, духовно-верная цель жизни, на самом деле и для всех драгоценная и прекрасная, или если собрать все эти определения в простой и скромный термин, — Предметная.

Человеку стоит жить на свете не всем, а только тем, что осмысливает и освящает его жизнь и самую его смерть. Всюду, где он живет несостоящим, — пустыми удовольствиями, самодовлеющим накоплением имущества, кормлением своего честолюбия, служением личным страстям, словом¹ всем, что непредметно или противопредметно, — он ведет жизнь пустую и пошлую, и всегда предаст свою цель, как только встанет выбор между этой пустой целью и самой жизнью. Ибо он сейчас же рассудит так: — спасу жизнь, — останется надежда на удовольствие и приятности; погибну за удовольствия и за богатство, — утрачу и их, и жизнь. Но если у человека есть предметная, священная цель жизни, то он мыслит обратно: если предам мою предметную цель, то потеряю и самый смысл жизни, а на что мне жизнь без смысла и святыни?.. — такая жизнь мне не нужна, а предметная цель священна и необходима и тогда, если моя личная жизнь на земле прервется...

Жить предметно — значит связать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придаст моей жизни высший, последний смысл. Мы все призваны к тому, чтобы найти эту ценность, связать себя с нею и верно осмыслить ею наш труд и

направление нашей жизни. Мы должны увидеть оком сердца предметное значение и назначение нашей жизни. Ибо в действительности мы все служим некоему высшему Делу на земле, — Божьему делу, — «прекрасной жизни» по слову Аристотеля, «Царству Божьему» по откровению Евангелия. Это есть единая и великая цель нашей жизни, единый и великий Предмет истории. И вот, в его живую предметную ткань мы и должны включить нашу личную жизнь.

Мы найдем свое место в этой ткани, увидев с силою очевидности, что жизнь русского народа, бытие России, — достойное, творческое и величавое бытие, — входит в это Божье дело, составляет его живую и благодатную часть, в которой есть место для всех нас. Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, — от крестьянина до ученого, от министра до трубочиста, — я служу России, русскому духу, русскому качеству, русскому величию; — не «мамону» и не «начальству»; — «не личной похоти» и не «партии»; не «карьере» и не просто «работодателю»; — но именно России, ее спасению, ее строительству, ее совершенству, ее оправданию перед Лицом Божиим. Жить и действовать так, значит жить и действовать согласно главному, предметному призванию русского человека; это значит жить предметно, т. е. — службу превратить в служение, работу в творчество, интерес во вдохновение, «дела» освятить духом Дела, заботы возвысить до замысла, жизнь освятить Идеей. Или, что то же самое, — ввести себя в предметную ткань Дела Божия на земле.

Предметность противостоит сразу — и безразличию и безоглядному своекорыстию, — этим двум чертам рабского характера.

Воспитать к предметности значит, во-первых, вывести человеческую душу из состояния холодной индифферентности и слепоты к общему и высшему; открыть человеку глаза на его включенность в ткань мира, на ту ответственность, которая с этим связана, и на те обязательства, которые из этого вытекают; вызвать в нем чутье и вкус к делам совести, веры, чести, права, справедливости, церкви и родины. Поэтому стать предметным человеком значит проснуться и выйти из гипноза бездействия и страха, растопить свою внутреннюю льдину и расплавить свою душевную черствость. Ибо предметность противостоит прежде всего безразличию.

Воспитать к предметности значит, во-вторых, отучить человека от узкого и плоского своекорыстия, от того «шкурничества» и той беспринципной изворотливости, при которых невозможно никакое культурное творчество и никакое общественное строительство. Стать предметным человеком значит преодолеть в себе примитивный и безоглядный инстинкт личного самосохранения, тот наивный и циничный эгоизм, которому

недоступно высшее измерение вещей и дел. Человек, не обуздавший своего животного себялюбия, своего практического эгоцентризма, не открывший себе глаза на свое призвание — служить, не научившийся преклоняться перед высшим Смыслом и Делом, перед Богом, будет всегда существом, социально опасным. Так, Предметность освобождает душу не только от душевного безразличия, но и от скудости и пошлости личного эгоцентризма.

В этих двух требованиях содержится азбука предметного воспитания. И надо признать, что вне ее — всякое вообще воспитание мнимо и призрачно и, всякое вообще образование мертво и формально. Самое важное, что должна дать человеку семья и школа — это предметно-открытый взор, предметно живое сердце и предметно готовую волю. Человек должен видеть и разуместь ткань Божьего Дела на земле, — чтобы знать, как можно войти в нее и как следует включать себя в ее жизнь; — чтобы сердце его отзывалось на явления и события в этой ткани, как на важные, драгоценные, вызывающие радость и горе; чтобы воля была способна и готова жертвовать этой ткани своим личным интересом и служить ей не за страх и не за долг, а за любовь и за совесть.

Ныне, как может быть еще никогда, Россия нуждается в таком воспитании. Ибо ранее в России была жива религиозная и патриотическая традиция такого духа и такого воспитания. А ныне старые традиции порваны, а новые еще не завязались и не сложились. Завязать и укрепить их и должна система предметного воспитания.

Духовная предметность души является, как сказано, выходом из безразличия и своекорыстия. Но этим преодолением, которое имеет лишь отрицательное, а не положительное значение, предметность не определяется и не исчерпывается. По существу же идея предметной жизни и предметного человека может быть описана так.

Преодолев свое безразличие, человек должен найти себе настоящее и достойное содержание жизни. Он должен целно полюбить нечто такое, что на самом деле заслуживает цельной любви и преданного служения. Это значит, что настоящая предметность имеет два измерения: субъективно-личное и объективно-ценностное. Первое измерение, субъективно-личное, определяет, действительно ли я предан моей жизненной цели, искренен ли я в этой преданности, целен ли я в этой искренности, и, наконец, действую ли я согласно этой преданности, искренности и цельности. Второе измерение, объективно-ценностное, определяет, не ошибся ли я в выборе моей жизненной цели, действительно ли мой «предмет» Предметен, действительно ли моя цель священна и правда ли ею стоит жить

и за нее стоит бороться и, может быть, умереть. Ибо в жизни возможны разные пути и перепутья.

Так, возможно, что человек субъективно — «предметен», а объективно нет. Это значит, что он страстно, искренно и деятельно предан ошибке, напр., какому-нибудь вредному, обольстительному учению, ложной политической цели, нелепой и лукавой вере... Тогда возникает страстное и искреннее кипение в пустоте или соблазне. — Но возможно и обратное, — когда человек высказывается в пользу верной цели, которую действительно стоит жить и за которую стоит бороться до смерти, но сам он относится к ней холодно, не имея для нее ни любви, ни жертвенности, ни борьбы. Тогда возникает верная формула Предмета, не больше, а может быть еще и аффектированная декламация о Предмете, верная по содержанию, но фальшивая по чувству и скользко-предательская в жизни. В-третьих, возможно и такое положение дела, при котором субъективно-холодный человек холодно разговаривает о Предметно неверных или соблазнительных целях жизни. Однако, верна и духовно-значительна четвертая возможность, когда человек искренно, цельно и деятельно предан Предметной цели, т. е. делу Божьему на земле, напр., церкви, науке, искусству, духовному воспитанию своего народа, организации справедливой жизни, спасению своей родины, выработке свободного и справедливого права. И эта возможность есть единственно верная.

Тогда душою человека владеет двойная или подлинная Предметность. Она захватывает его душу, осмысливает его жизнь, делает его цельным и огненным и придает его жизни религиозный смысл, даже и тогда, когда он сам себя не считает ни верующим, ни церковным, — ибо сокровенная религиозность глубже явной и незримая церковь обширнее зримой. Такой человек переживает свой Предмет — сразу — как далекую цель, как объективное будущее-желанное событие, и в то же время — как близкую реальность, как вдохновляющую его силу, как подлинную ткань бытия, которая захватывает и его личные силы. Настоящий человек ищет в своей жизни прежде всего — Предметность, т. е. Дела Божьего на земле; он углубляет до него каждую жизненную задачу, каждое жизненное отношение; он освещает из него все дела, исходит из него, как из задания, и восходит к нему, как к цели.

Все это придает ему особый дух — дух искания, ответственности и служения, без которого человек остается обывателем или карьеристом, слугою своих страстей или медумом чужих влияний, а может быть и хуже — лисой, хамелеоном и предателем. По духу искания, ответственности и служения предметные люди легко и быстро узнают друг друга, и тот, кто раз приобщился ему, быстро научивается без ошибки узнавать его: он узнает его и у Конфуция, и у Сократа, и у Марка Аврелия, и у Вильгельма

Оранского, и у Карлейля; а у нас в России — он узнает его и в православном старце, и в Петре Великом, и в Суворове, и у праведников Лескова, — и будет прав, ибо этот дух действительно создавал и строил Россию. И вот каждое такое открытие, каждое такое знакомство будет ему духовной радостью и будет вызывать в нем желание — включить узнанное в свою жизнь; а если это живой человек, то связаться с ним крепко и надолго полностью доверия и братским сотрудничеством. Предметные люди — братья перед Лицом Божиим; они суть как бы живые нити Божьей ткани на земле; или — живые струи Его потока; граждане Его медленно возрастающего Царства. И именно этим объясняется присущее им стремление — пробудить в других чувство Предметности, сознание Предмета, искание Предметности, чувство предметной ответственности.

Вот почему Предметность можно было бы описать, как включение себя в Дело Божие на земле; или как вплетение себя в Его ткань; или как вхождение в Его поток; как отождествление своего дела с его Делом, своего успеха с Его успехом, своей силы с Его силою. И этому соответствует измерение его мерками и его успехами — своей жизни, своей ответственности, своих решений, своей правоты, своей удачи и победы. Ткань этого Дела реально присутствует во всем: в природе и в человеке; в самом человеке (в теле, в душе и в духе), и в его культуре; в индивидуальной жизни, и в народной жизни; в семье и в воспитании; в церкви и в вере; в труде и в хозяйстве; в праве и в государстве; в науке и в искусстве; в деяниях воина и в деяниях монаха. Надо научиться воспринимать ее, видеть ее, радоваться ей, пребывать в ней и служить ей. И воспитание человека тем лучше и глубже, чем больше оно сообщает ему это умение.

Можно было бы сказать, что Предметность есть единый и общий источник всех благих побуждений человека, ибо все они определяются словами «хочу Божьего Дела» и «служу Божьему Делу». Все благие дела и побуждения человека суть видоизменения Предметности: и любовно-творческое отношение к природе, и самовоспитание, и строительство семьи, и дружба двух людей, и хозяйственное вдохновение, и чувство ответственности и вины, и социальное чувство, и правосознание, и верный патриотизм, и совестный акт, и научная совесть, и художественное созерцание, и молитва, и церковное сознание — все это разновидности «божеского» подхода к Божьему Делу на земле. Это есть то, в чем нуждается всегда все человечество, но чего ищут и чем владеют только лучшие люди. Все великие религии хотели и донныне хотят этого; — все монашеские ордена; все организации братства, чести и служения (начиная от университета и кончая армией), все ищут именно Предметности в своей сфере. И духовный уровень каждого такого человеческого союза определяется именно тем, поставлены ли в нем на должную

высоту — воля к Предметности и организации Предметности. Ибо есть своя особая Предметность в церкви, и своя особая Предметность в науке и преподавании, и своя Предметность в суде и управлении, своя Предметность в искусстве, своя Предметность в армии. И все то, что называется в жизни — лицепрятием, непотизмом, святокупством, взяткой, криводушием, гражданской трусостью, политической продажностью, завистью, лестью, предательством, бесчестьем, карьеризмом, лукавством, интригой, или же, выражаясь русскими летописными словами, — «кривдою» и «воровством» — все это, что разлагает нравы и создает растленную культуру и большую государственность, сводится к отсутствию Предметности в душе и в жизни. Но надо сказать и обратное: нет более крепкого и плодотворного единения на земле, как единение людей в духовной Предметности — в совместной молитве, в духовной близости брака и дружбы, в настоящем академическом сотрудничестве, в воинском братстве единой армии, в предметно-политическом единочувствии, в патриотическом подъеме.

Тот, кто испытал влияние Предметности на человеческую душу, тот сразу поймет, если я скажу: Предмет есть некая живая и священная стихия, субстанция или «эссенция» духовной жизни, которая несет человеку множество драгоценных даров. И прежде всего она дает ему чувство предстояния: «есть нечто высшее и большее нежели я сам, такое, что я вижу и к чему я стремлюсь, что мне светит и зовет меня и с чем я связан благоговением и любовью». И далее — чувство ответственности: ибо это предстояние связывает меня, возлагает на меня обязанности и полномочия, за осуществление коих я отвечаю. Отсюда новый дар: чувство реальной силы, которая призвана к действию, так, что решения ее не безразличны и усилия ее не бессильны, но необходимы и драгоценны в плане Божьего Дела. С этим связан новый драгоценный дар — чувство служения, т. е. уполномоченного и призванного самостоятельного делания перед лицом Божиим, чувство несения бремени, разрешения заданий, — словом, творческого участия в деле мироустроения. В естественной связи с этим стоят новые дары Предметности: с одной стороны, — неподдельное смирение, ибо предстоящий духовной субстанции мира чувствует свою малость и беспомощность, и ответственный знает, за что и перед Кем он отвечает, и несущий служение учится скромности и смирению; — а с другой стороны — Предметное служение дает человеку уверенность в своей правоте, которая свободна и от самомнения, и от гордости, — и некую духовную строгость и властность, которые проистекают непосредственно из чувства Предметной наполненности, призванности и силы. Человек, живущий ответственным Предметным созерцанием, есть вдохновенный человек, а настоящее вдохновение есть именно проявление Предметности и ее дар; человек во

вдохновении дышит законом самого Предмета, выговаривает Его содержание, осуществляет Его ритм; и так обстоит везде — в искусстве, в науке и в политике. Именно поэтому Предметному человеку присущ дар верного целеполагания, ибо цели, которые он видит и ставит, имеют всегда далекую силу и высокий смысл; они бывают верны и в земном, эмпирическом плане, но никогда не ограничиваются им и не исчерпываются, потому что их главная сила и их главный смысл — в «небесно-земном» плане, т. е. в том, что они включены в ткань Божьего дела. Предметный человек, — знает он о том или не знает, а иногда он об этом и не знает, — есть орудие или орган Дела Божьего на земле, а потому и судьба его не безразлична в высшем плане бытия и сам он спокойно поручает себя Руке Божьей, — вот так, как Пушкин выговорил это в своем «Арионе» и как Тютчев выговорил это о самом Пушкине («Ты был богов орган живой...»). Такой человек не считает свой земной конец «гибелью» и не верит в неуспех или поражение своего земного дела: ибо он знает, что «его» дело не есть только «его» дело, а есть дело Предметное, и потому — Божье, что неудача его есть лишь видимая неудача и что конечная победа его обеспечена высшей силой. Образно — это можно было бы выразить так: он всю жизнь как бы держится правой рукой за небо. Во всяком случае, он твердо знает, где находится его главная опора и Кто в конечном счете решает его судьбу.

Все это можно было бы выразить так, что предметность дает человеку верное чувство собственного духовного достоинства.

Напрасно современные безбожники полагают, будто Бог есть фантастическое существо, пребывающее где-то «за облаками», о коем мы воображаем всякие страхи и перед которым мы все время унижаемся. На самом деле вера в Бога не унижает и не обессиливает человека, а напротив — возносит его, преображает и укрепляет. Это объясняется тем, что Божье присутствие и веяние мы воспринимаем в нас самих, и при том не страхом, а любовью, не протестом, а радостью, и не унижением, а преобразованием и вознесением. Эта любовь и радость, это восприятие и созерцание Божьего веяния сердцем и волей, это осуществление Его воли, как своей, и признание всего этого мыслью — нисколько не унижает человека, а преображает и возносит его. Безбожники представляют себе отношение человека к Богу, как отношение маленькой и слабой вещи к огромной и сильной, т. е. как внешнее отношение, — какое-то «внестояние» и «противостояние», страшное, угрожающее... — вот-вот обрушится гора и раздавит... На самом же деле все это обстоит совсем иначе. Это есть внутреннее отношение, — отношение восприятия и любви, присутствия и радости, откуда и возникает своеобразное и таинственное единение человека с Богом.

Человек воспринимает дыхание Божье в глубине своего личного духа, — не слухом, и не словом, а сердцем: тем таин-

ственным и глубоким чувствительным, которое мы называем «верою» и «молитвою», а также — вдохновением, совестью, очевидностью, или иным актом созерцающей любви. Испытав что-либо из этого, — одним актом, или многими, долго или кратко, — человек обновляется. Сущность этого обновления состоит в том, что человек, по слову Евангелия, научается быть и жить на земле в качестве земного «сына» Божия. Для этого надо, чтобы человек любил Бога и вместе с Богом любил то совершенное, что Бог любит; и желал Бога и вместе с Богом желал того божественного, чего Бог желает; — и созерцал Бога и Его Творение лучом своего сердечного созерцания и стремился узреть то, что Бог зрит в людях и в мире. Пережив это, человек осуществляет и утверждает свою способность — «быть с Богом заодно», любить Его и любить с Ним вместе, желать Его и желать с ним вместе, созерцать Его и созерцать с Ним вместе. И если человек раз осуществил эту способность, оценил ее смысл и значение, на деле доказал ее и утвердил за собою, то это значит, что он вошел в ткань духовной Предметности мира, приобщился ей и включился в нее. Это значит, что он стал к Богу в отношении «сына» к «Отцу», стал человеком-сыном. Он перестал быть человеком-волком, или просто — «человеком-сыном-земного отца». Он стал человеком, воспринявшим своего Небесного Отца: — искрою его огня; каплею из Его предвечного водомета; ценным камнем из Его сокровищницы; дыханием Его уст; — Его органом, Его носителем, Его жилищем или храмом, — Его сыном, имеющим призвание и право говорить Ему «Отче наш!»...

Вот откуда родится то основное, без чего нет духовной личности: — чувство собственного духовного достоинства; — это не самомнение, не самоуверенность, не тщеславие, не честолюбие и не гордость, а именно чувство собственного духовного достоинства, в котором уважение к своему духу есть в то же самое время смирение перед лицом Божиим; — и это даже не «чувство», ибо чувство неустойчиво и скоропреходяще; это предметная уверенность, доведенная до очевидности, до убеждения, до основы личной жизни. Это не есть повышенная или преувеличенная самооценка, всегда голодающая по чужому признанию; здесь дело не в оценке своего земного состава, но в способности утвердиться в своем сверхземном составе, т. е. установить в себе алтарь Божий и поддерживать на нем огонь Божий (по древнему гимну: «Тебе в сердцах алтарь поставим...»), и обратиться к Богу со словом «Отец» и с делами «сына».

Всякому человеку доступно, и достойно, и необходимо поставить в своем сердце этот молитвенный алтарь, внимать зовам совести и чести, и сделать свою волю орудием Воли Божьей, — и тем утвердить в себе духовное достоинство, как основу личной жизни, как верное мерило людей и их поступков, как чувство личного, общественного и политического ранга. От

этого у человека делается непроизносимое устно и словесно, но вечно-живое «рассуждение» или волевое решение, вроде следующего: «как совершу я это злое дело, я, предстоящий моему Богу и освещаемый Его гневом?»; или: «как войду я сегодня в единение с Богом, покрывив душой?»; или: «как соблазнусь я взяткой, если я призван ткать ризу Божью?»; — «как оправдаю я эту жизнь притворства и лжи перед живущим во мне сыном Божьим?»; — «как уроню в себе носителя Духа?»; — «если совершу эту низость, — то куда я денусь от живущего во мне дыхания уст Его?»; — «что останется от меня, если угашу в себе Его огонь?»... И все это есть не что иное, как голос собственного духовного достоинства, дающий человеку живую совесть, повышенное чувство ответственности, непрерывное предстояние, верное и спокойное хождение по Его путям, прилежное ткаение ризы Его. А если выразить все это в общей, осторожной и скупой философской формуле, то это есть Предметность сердца, воли и дела.

Вот к чему надо воспитывать новые поколения русских людей. Вот в чем нуждается свободный, достойный, гражданственный русский человек. Вот в чем спасение и расцвет грядущей России. И о том, как нам создать на этих основах новое русское воспитание и образование, — должны быть все наши помыслы.

КОГДА ЖЕ ВОЗРОДИТСЯ ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ⁴¹

1

Тот, кто просматривает наши русские зарубежные журналы, журнальчики и газеты, наверное не раз замечал, до какой степени русские люди изголодались по словесной гармонии, по поющему ритму стиха. Этот голод естественен и понятен. Вот уже скоро сорок лет, как русская поэзия, задавленная террором и поруганная циничными авантюристами вроде «Демьяна Бедного», Маяковского и других им подобных, прекратила свое пение в подъяремной России. Допевали еще поэты предшествующего декадентски-эротического поколения, пока их терпела советская цензура или пока эмиграция спасала им жизнь. Но новых больших ясновидцев и певцов не появлялось ни в России, ни в эмиграции. Почему?

Казалось бы теперь как никогда, потрясенные и раненные сердца русских людей должны быть открыты для новых вещей слов и песен, для этой поэзии большого созерцания и глубокого

замысла, для настоящей поэзии. Именно эта поэзия и такая поэзия призвана совершить для грядущей России то самое, что совершили для дореволюционной России Державин, Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Языков, Тютчев, А. К. Толстой и другие. Казалось бы именно теперь, когда скудные, декадентски-эротические содержания предреволюционной поэзии отжили свой век и русским людям дан новый опыт подлинного зла, подлинного страдания и предчувствие грядущего величия, следовало бы ждать от русской поэзии настоящих песен и пророчеств... Где же это все? Почему современные русские поэты молчат о великом и сокровенном и поют старые перепетые перепевы?

Чтобы ответить на этот вопрос надо обозреть пути и судьбы русского народа за последние десятилетия.

Если пересмотреть всю историю человечества, то обнаружится, что коммунистическая революция в России есть единственное в своем роде крушение и бедствие. Бывали времена тяжкие, мучительные, как Пелопонесская война в Греции, гражданская война в Риме, правление жестоких и развратных Цезарей, эпоха Инквизиции, эпоха итальянского Возрождения, Тридцатилетняя война, первая французская революция... Изучая эти эпохи, читая первоисточники и показания очевидцев, содрогаешься и ужасаешься; и порою кажется, что хуже этого не могло бы быть нигде и никогда. Но когда обращаешься к коммунистической революции наших дней, которую мы живем и въяве переживаем вот уже 37 лет и притом на собственном опыте, быстро приходишь к убеждению, что ничего подобного человеческая история еще не видала.

В прежние времена люди хотели власти и богатства — и из-за этого впадали в преступления и злодеяния. В наше время коммунисты, добившись власти и богатства, заняты истреблением лучших людей страны: самая власть их есть злодеяние для всего мира; самое богатство их означает всеобщую опасность и нищету. Но им этого мало: они поставили себе задачу — уничтожить всех, кто мыслит не по-коммунистически, кто верует религиозно, кто любит родину; и оставить только своих рабов. Для этого они выдрессировали (и продолжают дрессировать) целый кадр, целое поколение палачей, садистов и садисток, которые и наслаждаются замучиванием невинных людей. И все это — во имя противоестественной химеры, во имя нелепой утопии, во имя величайшей пошлости, которая ничего не сулит людям кроме обмана, разочарования и атомной войны.

О русском народе надо сказать словами Тютчева: «невыносимое он днесь выносит»... И справляется он с этим потому, что идет по своим исконным путям, прошедшим его через все его

климатические суровости, через все его хозяйственные трудности и лишения и через все его военные и исторические испытания. Эти средства, эти пути суть: молитва, терпение, юмор и пение. Все вместе они создавали и сообщали ему ту особенную русскую выносливость, ту способность приспособляться не уступая, гнуться без слома, блюсти верность себе и Богу и среди врагов и в порабощении, сохранять легкость в умирании, накапливать ту силу сопротивления в веках из поколения в поколение, которая и спасала его в дальнейшем. Так и в современной революции, бесчеловечнейшей из всего исторически известного, русский народ обновляет это свое душевно-духовное умение, как бы унося свои святыни в таинственную глубину своего духовного озера.

Не подлежит никакому сомнению, что революция была срывом в духовную пропасть, религиозным оскудением, патриотическим и нравственным помрачением русской народной души. Не будь этого оскудения и помрачения русская пятнадцатимиллионная армия не разбежалась бы, ее верные и доблестные офицеры не подверглись бы растерзанию; совесть и честь не допустили бы до захватного передела имущества; Ленин и его шайка не нашли бы себе того кадра шпионов и палачей, без которого их террор не мог бы осуществиться; народ не допустил бы до избиения своего духовенства и до сноса своих храмов; и белая армия быстро очистила бы центр России. Это была эпоха окаянства, когда коммунисты выбирали окаянных людей для совершения окаянного дела, а народ, вместо того, чтобы молитвенно примкнуть к московскому Церковному Собору и внять отлучению и заклятию Святейшего Патриарха Тихона, разучился молиться и внимать совести, помышляя только о кровавой мести и темном прибытке.

Но вот, революции суждено было не удовлетворить вождения русских масс, а разочаровать и образумить их. Это разочарование пришло к ним в жесточайшем виде — в виде трехлетней гражданской войны с ее грабежами, эпидемиями, ожесточением; в виде массового расстрела лучших людей, искусственно организованного голода, доходившего до вымирания и людоедства, в виде террора, свирепой коллективизации и концентрационных лагерей. На открытое сопротивление решались только вернейшие и храбрейшие. Народные же массы предались безбожному ожесточению, и лишь медленно, очень медленно, после распыления, разоружения и изъятия земли, начали понимать, что главный поход идет на них, что они сами обречены на небывалое рабство, на нищету и голод или просто на смерть. Но возможность сопротивления была уже упущена: народ был уже обезоружен, а кадры партии, комсомола, бесчисленных доносчиков и политической полиции (Чека, Гепеу, НКВД, МВД) были уже сплочены и вели повальный террор, сами находясь под вечным страхом. «Гулаг» открыл свои необъятные недра; и

русскому народу оставалось одно: уйти в себя, развернуть столь же необъятные недра своего терпения, научиться узнавать «своих» молча, организовываться полу-молча, перетирать коммунистические цепи энергией своей выносливости и ждать исторической «конъюнктуры» для освобождения.

Всем этим и объясняется та смена путей, которую мы наблюдали за эти десятилетия: преобладание юмора в начале, переход к терпению в дальнейшем, и, наконец, возврат к вере и молитве. А поэзия (пение) ждет еще своего часа; для нее время еще не пришло.

Кто из нас не помнит этого неистощимого, отчаянного юмора, которым русские люди пытались преодолеть безумие и лишения первых лет? Тогда желтые тысячерублевые бумажки назывались на базарах «косыми» в издевательство над косым Лениным... Как поганки в гнилом лесу лезли отовсюду слова неслыханного на Руси жаргона, начиная с «совдепа» и «совнаркома» и кончая такими издевательскими перлами, как «помучкота» (помощник участкового комиссара трудовой армии) и «замкомпоморде» (заместитель комиссара по морским делам). Тогда и новое гнусное название русского государства «РСФСР» истолковывалось по-своему: «Редкий Случай Феноменального Сумашествия Расы». Из уст в уста передавались хлесткие частушки; ходила по рукам бойкая «поэма»: «Маркс в России», кончавшаяся тем, что Маркс публично плевал своему огромному памятнику в лицо; и самая смерть обозначалась словами «сыграть в ящик»... Отовсюду подмигивал людям юмор висельника...

Но время шло. Террор становился все круче и безумнее. Дерзновенный юмор стал осторожнее, научился прятаться и первенство осталось за терпением: народ принял свое новое, неожиданное и неслыханное иго.

Ему «не хватило» свободного терпения для того, чтобы честно и твердо закончить войну: «похабное» прекращение ее казалось ему «спасением». Ему не хватило свободного терпения для того, чтобы довести до конца аграрную реформу Столыпина: захват и погром сулили ему «необозримые земли», а социалистические партии (социалисты-революционеры и большевики) уговаривали торопиться. Ему не хватило свободного терпения для того, чтобы верно и постепенно усвоить заливавший его поток всяческого, всестороннего образования; уровень этого образования казался ему слишком высоким, надо было отвергнуть веками выношенное, культурно-драгоценное, но невежде «ненужное» правописание, надо было довести гимназию до безграмотной толчеи, а высшие учебные заведения до пропаганды коммунистического бреда и до усвоения элементарных технических навыков. Не хватило добровольного терпения для строительства России; хотелось «простоты», «легкости», «скорости», хотелось не учиться, а наживать; хотелось не «устраиваться» и «обзаводиться», а

схватить и завладеть; манило «несоветимое» богатство — которого не было, земельное, торговое, промышленное, денежное; лень нашептывала, революционная демагогия взывала, правосознание было очень скудно, а освобождение от государственной присяги развязало все удержки. И наказание не замедлило.

Замысел Ленина и его банды был таков: деморализовать солдата, матроса, земледельца и рабочего, ободрить захватчика, попустить разбойнику («грабь награбленное») — и затем задавить деморализованного, превратив его в голодного, запуганного и покорного раба; подорвать свободное терпение народа, превратить его в бунтующую чернь и тогда возложить на него вынужденное терпение, рабскую терпеливость без конца и меры. Этот замысел удался. И вместо России стало строиться новое, безбожное, безнравственное, тоталитарное, коммунистическое. Ныне народу надо быть готовым в нем всегда и ко всему. В нем терпение перестает быть выражением духовной свободы, но становится проявлением страха и инстинкта самосохранения.

В замысле коммунистов неверно все: начиная от религиозного опустошения души и кончая варварской попыткой строить культуру на страхе и порабощении; начиная от попрания личного начала и личной творческой инициативы и кончая принудительным «мировоззрением»; начиная от пошлой цели и кончая порочными средствами. Здоровому, идейному человеку здесь все неприемлемо, все чуждо, все угнетающе; и потому все это должно было быть навязано ему. Со времени водворения этих людей у власти прошло 37 лет и никакие внутренние и внешние осложнения и катастрофы не могли доселе освободить русский народ. Другие народы не могут и представить себе ту степень унижения, с которой пришлось ему мириться, и тот запас терпения, который от него потребовался. Сколько раз русским людям казалось, что другие народы (немцы, англичане, поляки, американцы!) должны будут однажды вмешаться и «освободить» Россию; и каждый раз эти мечты оказывались беспочвенными. Русским людям надеяться не на кого, кроме Бога и своих собственных сил. Но чтобы найти в самом себе необходимые для борьбы силы и умение, необходимо отчаяться во всем и во всех, кроме Господа; необходимо восстановить свою религиозную веру как таинственный и живой ключ духовной жизни. И все партии и организации без исключения, — как подъяремные, так и зарубежные, — которые не обратятся к этому источнику, могут быть заранее уверены в ожидающем их неуспехе.

Этот процесс возвращения к вере и молитве давно уже начался в России: против абсолютного зла, против неизбежного страха, против беспомощного отчаяния есть только одна единственная абсолютная опора — искренняя и цельная религиозность, несущая с собой силу молитвы и силу покаянного очищения. Это надо понять и почувствовать до конца. Нечего братья за

освобождение и восстановление России без совести; а совесть живет только в искренней и цельной душе, где она звучит как голос Божий. Надо смыть позор своих преступлений, сорокалетних унижений, и следы вынужденного страхом приспособления; а для этого необходимо религиозное покаяние. Надо смыть в душе черное бесчестие прошлых лет и вновь поверить в свою собственную непоколебимую честь и полную честность, чтобы восстановить доверие к самому себе и научиться узнавать людей заслуживающих доверия; а это возможно только перед лицом и судом Божиим. После всего пережитого и выстраданного надо искать и найти пути к Богу. Пути безбожия, бессовестности, бесчестия и дьявольской лжи исхожены и изведаны: они обличены и оказались погибельными. Необходимо глубокое обновление душ, и никакие модные лозунги и никакое политическое пустословие его не заменят: ни «демократия», ни «федерация», ни «свобода», ни «равенство», ни «братство», ни иное что-либо.

И вряд ли мы ошибемся, если скажем, что смысл происходящего ныне в России и состоит в конечном счете в этом прикровенном, тайном возвращении к вере и молитве. И лишь по мере того, как это религиозное возрождение будет совершаться, откроются и пути к воскресению русской поэзии.

II

Великая русская поэзия возродится тогда, когда в русской душе запоет ее последняя глубина, которая укажет поэтам новые, глубокие темы и дарует этим темам свою форму, свой ритм, свой размер и свои верные, точные слова. Эта священная глубина уже дана русскому человеку и обновлена в русской душе — и притом именно трагическим опытом последних сорока лет; но она еще не принята русскими людьми, русским созерцающим сердцем и поэтому еще не запела в русской поэзии. Однако, это время близится...

Первое и основное в искусстве это Предмет и его содержание: что именно ты чувствуешь? что ты видишь? о чем хочешь сказать? Все русские великие поэты сосредоточивали свой чувствующий опыт на том, что есть главное, важнейшее или прямо священное в жизни мира и человека. Они созерцали Божье; и взволнованное, умиленное сердце их начинало петь. Это поющее сердце приносит их поэзии все остальное, без чего стихотворение не есть стихотворение, и потому у них нередко делалось такое чувство, что и слова, и размер строки, и ритм, и рифма приходят к ним «сами».

Надо постигнуть это и убедиться в этом раз и навсегда: поэзию творит сердце. Выдуманное стихотворение на манер

Василия Тредьяковского или Валерия Брюсова не может петь; оно будет прозаично, сухо, мертво; оно не создаст поэзии; оно даст только рифмованные строчки. А размеренным и рифмованным строчкам далеко еще до поэзии. Поэзия требует совсем иного, гораздо большего: она требует поющего сердца. Поэтому и тому поэту, который попытается жить одним воображением, на манер Бенедиктова, не вкладывая в свой опыт сердечного вдохновения, удастся в лучшем случае создать верное и подробное описание природы или людей; но это описание не увидит и не покажет сокровенную глубину описываемого и не пойдет дальше хорошего протокола. Подобно этому и волевой опыт (Гумилев) не заменит опыта поющего сердца: сколь бы велика ни была напряженная решимость воли, она вызовет у читателя в ответ (в лучшем случае) волевое напряжение и будет восприниматься, как рифмованная проповедь, как властное поучение, но не как поэзия.

Это не означает, что подлинная поэзия не нуждается ни в чем, кроме поющего сердца. Наоборот — она требует всего человека: она вовлекает в жизнь чувства (сердца) — и волю, и мысль, ибо поэзии свойственно желать до воспламенения и мыслить до самой глубины. Но важнейшее и главное есть поющее сердце, и все иные силы и способности должны подчиниться ему и проникнуться его живоносною струей, его пением, его мелодией.

Так было в русской классической поэзии и восемнадцатого и девятнадцатого века. И это было тогда же осознано и выговорено Гоголем (гл. XXXI «Переписки с друзьями»: «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»). Он пишет, между прочим: «Огонь излетел вдруг из народа. Огонь этот был восторг» и «восторг этот отразился в нашей поэзии, или лучше — он создал ее». Уже Ломоносов творил как «восторженный юноша»: «всякое прикосновение к любезной сердцу его России, на которую глядит он под углом ее сияющей будущности, исполняет его силы чудотворной»... Державин творил великое дело только в состоянии «одушевления», «напряженного силой вдохновения»... Даже у Капниста проявился «аромат истинно душевного чувства»... А вот «благоговейная задумчивость Жуковского» «исполняет все его картины» особого «греющего, теплого света»... А Пушкин был сам «точно сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечки зажглись другие самоцветные поэты»...

Итак, великая русская поэзия была порождением истинного чувства, восторга, одушевления, вдохновения, света и огня, — именно того, что мы называем сердцем и от чего душа человека начинает петь (Веневитинов, Языков, Баратынский, Лермонтов, Тютчев, Хомяков, граф А. К. Толстой и другие). К сожалению, этот огонь сердца начал меркнуть во второй половине XIX-го века. Еще дают незабвенное Майков и Апухтин. Но уже холодным, словесным гарцованием веет от Бенедиктова: уже мыслью, волею и политическим напором слагает свои стихи

Некрасов, а чувство Фета блекнет и все более принимает чувственно-эротическую окраску. Все бледнее становятся создания Полонского, Плещеева, Надсона; и место этой поэтической бледности уже торопятся занять последние предреволюционные эротически-декадентствующие поэты. Сердца поэтов все реже отзываются на величие, на божественный состав мира, на узрение его таинственного естества, на молитву, на трагическое; они все менее парят, исповедуют, дивуются и благодарят; наоборот, они все более предаются сентиментальности, жалобе, «гуманности», «социальности», протесту, скрытой политике, «народничеству», революционности... В них все меньше огня и пения, все больше утилитаризма, тепловатости, прозы, злобы дня, утомления и отвращения. Слагается поэтический тупик, из которого ищут прорыва предреволюционные декаденты.

Замечательно, что вместе с изживанием великого сердечного созерцания, мельчают и самые содержания поэзии: «сентиментальность» роняет слезу на быт повседневности и не преображает, и не раскрывает его; «гуманность» сосредоточивается на человеке и не парит над миром и не возносится к Богу; социальный протест получает свои задания не свыше, а от политической партии; народничество уводит поэта в одностороннее преувеличение и в отвержение, а революционность — к злобе и мести. Поэты теряют доступ к Божественному; остается одно человеческое; а из человеческого они начинают все более склоняться к чувственному эротизму.

Поэзия последнего предреволюционного периода почти уже не поет: она выдумывает вместе с Брюсовым и мечтает и декламирует в стихах Бальмонта, безвкусно лепечет или лопочет вместе с Андреем Белым, беспредметно и туманно фантазирует вместе с Александром Блоком, несет эротическую «третьяковщину» вместе с Вячеславом Ивановым, пытается утвердиться на «железной воле» вместе с Гумилевым и Кречетовым, и безвольно предается личным страстям вместе с Ахматовой и Городецким. А под конец она впадает в безграмотно-развратную манеру Игоря Северянина, в продажный и бесстыдный бред Маяковского, в шепелявое неистовство Волошина, и в хулиганское озорство Есенина. И только один имел еще доступ к Предмету и нередко получал от него и содержание и форму — это Федор Сологуб (Тетерников).

Все, или почти все остальные не творили поэзию, а предавались стихослагательству (талантливые импровизировали подобно Бальмонту, бездарные — высиживали, подобно Брюсову). Они выдумывали «изыски», изобретали небывалое, старались по меткому слову Ходасевича «идти как можно быстрее и как можно дальше», считая, что поэту все позволено; и потому предавали поэзию насилию и поруганию. И почти все не умели различать добро и зло; и почти все готовы были поклоняться дьяволу. И

действительно это была уже не поэзия, это было «вирше-плетение», подчас — беззастенчивая лаборатория словесных фокусов. Последыши всего этого течения, оставшиеся под советским ярмом, были сначала куплены и разыграны, а потом раздавлены большевиками... Русская поэзия последних десятилетий выдыхалась, вырождалась, гасла и исчезала.

Мельчали ее темы и содержания. Они мельчали потому, что пустому рассудку, разнузданному воображению и холодной воле великие предметы никогда не давались и не дадутся. Эти все неверные «органы», не поющие «акты», безнадежные попытки создать «новое» и «великое» из собственной скудости или из бессмысленного праха вещей. Если «поэту» все позволено, то он становится безответственным болтуном. Безразличный к великому и божественному, он неизбежно делается наслаждением и кокетливым хвастуном: он начинает рассказывать про свою личную чувственную эротику и притом в формах все возрастающего бесстыдства. А если ему удастся найти себе властного покупателя, то у него остается одна забота — угодить своему «хозяину».

Поэтому, первая задача настоящего поэта углублять и оживлять свое сердце; вторая — растить, очищать и облагораживать свой духовный опыт. Это и есть путь к великой поэзии. Конечно, выше лба уши не растут и далеко не всякому дано иметь великий опыт для великой поэзии. Но надо помнить, что из скудости и праха повседневной жизни, из безответственности и тщеславия декаденства — вырастает только дурная поэзия. Невольно вспоминаются развязные строчки Анны Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора — Растут стихи, не ведая стыда». Конечно, бывает и так; но только это будет сорная и бесстыдная поэзия. Возможно, что именно такая поэзия и «нравится» кому-нибудь. Нашлась же именно в эмигрантском журнальчике «Грани» какая-то Тарасова, которая написала революционную (!) апологию (защиту, прославление) безобразнейшему из хулиганов-рифмачей нашего времени Маяковскому, которого мы все знали в России как бесстыдного орангутанга задолго до революции, и гнусные строчки которого вызывали в нас стыд и отвращение. Советский «вкус» — извращенный вкус; люди этого «вкуса» и не подозревают, что кроме чекистских, революционных критериев есть в поэзии еще и иной, высший, художественный критерий и что этот критерий решает не потому, что кому «нравится», а по степени объективного совершенства. Когда-то Блок провозгласил двенадцать пьяных и развратных матросов-грабителей — «апостолами Христа» — и пожизненно стыдился своего мерзкого кощунства. Ныне Маяковский сам посмертно провозглашается «тринадцатым апо-

столом». И пока русские люди не научатся стыдиться таких кощунств — великой поэзии им не видать. Пока им нравится болтовня Есенина, кощунственно написавшего на стене Страстного Монастыря слова «бог, отелися!», до тех пор русская поэзия не сумеет оторваться от грязи и пошлости.

Великая поэзия ищет благоговейным сердцем Божественного, — во всем; и находит; и из него поет. Лучи этого Божественного можно и должно находить во всем; и найдя, надо в них пребывать и из них «говорить». Один из талантливейших европейских поэтов Йозеф фон-Эйхендорф высказал это так: «В каждой вещи песня дремлет, — Мир, исполнен тайных снов, — Твоим зовам вещим внемлет — И запеть всегда готов»... Но зов должен быть именно «вещим», властным зовом сердца; при его звуке с вещей слетает прах и пошлость — они начинают раскрывать свою священную сущность. Как бы переключаясь с Эйхендорфом русский незабвенный поэт граф А. К. Толстой поясняет: «Много в пространстве невидимых форм и неслышимых звуков, — Много чудесных в нем есть сочетаний и слова, и света, — Но передаст их лишь тот, кто умеет и видеть, и слышать, — Кто, уловив лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово, — Целое с ним вовлекает создание в наш мир удивленный»... — И вот опыт революции призван возродить такое духовное созерцание.

В Евангелии повествуется о том, как Христос исцелил слепорожденного, возложив на его глаза некое «брение» и велел ему умыться в купальне Силоам; и тот прозрел. Революция символически подобна сему брению: она возложена на наши глаза, чтобы мы прозрели. Но надо восхотеть этой духовной зрячести и молитвенно просить о ней: чтобы «отверзлись вещи зеницы, как у испуганной орлицы»... и чтобы нам подлинно увидеть тот смысл, что скрыт за этими тяжкими годами мучительства и позора...

Для этого русские люди должны прежде всего отрешиться от тех пошлостей, которые им натверживают коммунисты, — от революционных критериев, от классовых мерил, от безбожия, от «диамата», от фальшивого воззрения на родину, семью, науку и собственность. Все эти пошлости необходимо постигнуть, как мертвые и ничтожные, и вычистить их из души и из мирозерцания. Надо понять, что все это был соблазн, приведший к Гулагу и к Воркуте; что все это яд, впрыснутый нам врагами России; и что мы призваны, очистив от него душу, восхотеть в жизни Главного и Священного, и открыть ему сердце. Тогда оно запоет; но не раньше.

Тогда мы спросим себя, вместе с Ломоносовым, — откуда в мироздании эта дивная мудрость? Вместе с Державиным — как нам постигнуть Бога и к чему Он призывает государственных правителей? Мы признаем вместе с Жуковским, что человеческое сердце есть сущий источник благожелательства и нежности. Мы

увидим, как Пушкин «исторгает изo всего, как ничтожного, так и великого одну электрическую искру того поэтического огня, который присутствует во всяком творении Бога — его высшую сторону, знакомую только поэту» (слова Гоголя). Мы научимся восторгу у Языкова, мировой скорби у Лермонтова, ощущению бездны у Тютчева, патриотической любви у А. К. Толстого. И более того. Грядущие русские поэты сумеют спросить историю о нынешнем крушении России, осветить нам как молнией исторические раны русского народного характера, показать своеобразие и величие русского духа и глубину Православной веры; и многое другое важнейшее и главнейшее в жизни человека. Все силы и все опасности, все дары и все соблазны русского духа ждут света и мудрости от великой русской поэзии. Ждут и дождутся.

Но что же это значит, неужели мы осуждаем и отвергаем всю современную русскую поэзию, столь обильно расцветающую во всех странах нашего рассеяния? — О, нет, нисколько! Наоборот! Мы видим в ней залог грядущего. Мы видим сквозь нее, как изголодалась русская певучая душа по свободной, ненавязанной и не контролируемой поэзии. Всюду, где слагаются у нас поэтические строки, — а кто теперь не пытается запеть в русских дивно-певучих и дивно-богатых словах? — мы видим тоску по родине, живое ощущение творческой национальной силы, мечту о новой России, потребность воскресить наше угасшее пение или хотя бы посылно возобновить его. У нас сейчас не все удачно, не все значительно, не все стихотворно на высоте; но зато (за редким исключением) здесь почти все идет из любящего и тоскующего сердца, все создает атмосферу для великой *грядущей* поэзии. Надо только освободиться от обывательства и от подражания плохим поэтам, надо беречь огонь сердца, укреплять свое чувство ответственности и превышать требования, предъявляемые к самому себе.

О ВОСПИТАНИИ РУССКОГО НАРОДА

К СПРАВЕДЛИВОСТИ⁴²

Восстановить Россию, заживить раны революции и войны и укрепить величие и великодержавие нашей родины — можно только исходя из духа справедливости и служа ему. А для этого необходимо прежде всего неоманно уверить весь русский народ, что новый, послереволюционный порядок — искренно хочет и практически ищет справедливости; и далее необходимо воспитывать и укреплять в самом народе — волю к справедливости, здоровое христианское правосознание и чувство всенародного, сверхклассового и сверхсословного братства. Как только народ почует дух справедливости — он поверит новой национальной власти и раскроет ей свое сердце. А к этому раскрывающемуся народному сердцу новая власть должна обращаться с авторитетным обещанием отыскивать справедливость для всех и с требованием того же самого от народа. Новая власть должна провозгласить и осуществить — конец принудительной «уравниловки» и «обезлички»; конец революционного бесправия, беззакония, взяточничества; конец «срезания верхушек», «беднячества», упрощения, снижения, террора против лучших и преуспевающих. Она должна восстановить справедливый ранг и качество; возродить истинный авторитет; и, наконец, начать воспитание народа к живой, творческой справедливости.

Воспитывать людей к справедливости нельзя без веры и религии, ибо вера в Бога есть главный и глубочайший источник чувства ранга и воли к качеству. Справедливость есть не что иное, как любовное и художественное вчувствование в живого человека с желанием верно видеть его и верно обходиться с ним. Справедливость есть совестное доброжелательство. Справедливость есть всенародное братство. Справедливость есть живое и чуткое правосознание, которое готово поступиться своим и отстаивать чужое. Справедливость есть чувство меры в размежевании людских притязаний и интересов. Справедливость есть искусство искать и находить «для каждого свое» (формула римского права).

Воспитывать эти способности и настроения в народе — значит вести его к справедливости. И русский народ с его живым нравственным чутьем, с его природным благодушием и с его навеки охристианившейся совестью, — сумеет не только оценить справедливость новой власти и довериться ей, но сумеет и раскрыть свою душу для такой системы воспитания. Тогда и начнется новая эпоха его истории.

Это новое воспитание должно не только будить в народе волю к справедливости, но и укреплять в нем дух жертвенности, т.е. согласие во имя общего, национально-государственного дела

отдавать свое и не добиваться во что бы то ни стало справедливости для себя. Истинная христианская и гражданская доблесть ищет справедливости для других и охотно жертвует «своим» сверх всякой справедливости. И чем сильнее и живее этот дух в народе, тем могущественней его государство: ибо жертвенность народа есть источник настоящей политической силы.

Замечательно, что люди часто расходятся друг с другом в толковании и понимании «справедливости». Это объясняется не только тем, что все мы вообще судим о вещах и делах «субъективно» и потому не соглашаемся друг с другом; но еще гораздо более и тем, что мы обычно зываем к «справедливости», отставив свой собственный интерес и тотчас же забываем о ней, когда обсуждается чужой. Нам все кажется, что справедливость всегда «за нас» и что всякое удовлетворение наших желаний и интересов — «справедливо». И при этом мы не замечаем, что нами владеет в действительности не искание справедливости, а личная корысть; — что наша ссылка на справедливость на самом деле ничего не стоит; — что мы то и дело выступаем в жизни контрабандистами несправедливости. Тогда оказывается, что людей нельзя ни согласить, ни примирить; что справедливость становится пустым и мертвым словом и что в действительности происходит не искание справедливости, а борьба личных самокорыстий, — гражданская война всех против всех. Так бывало и в истории России: люди кривили душой (в старину это называлось «воровали») и, по слову летописи, «несли Русь розно». Так было и в Смутное Время (1605-1613). Именно так возникла и большевистская революция (1917). При таком настроении в народе государство существовать не может; центробежные силы одерживают верх над центростремительными; личный интерес становится выше общего; все рассыпается в прах, в песок — и буря событий несет этот песок в пропасть.

Отсюда первое требование: каждый из нас должен научиться отличать вопрос о справедливости от вопроса о личном интересе и не прикрывать свою корысть декламацией о справедливости. «Мои притязания» могут быть и необоснованны; «моя выгода» может противоречить справедливости; «мое право» может и не простирается до пределов моей жадности.

Однако, этого не достаточно. Необходимо нечто большее: мы должны научиться не настаивать на наших самых справедливых притязаниях, если этого требует единый и общий интерес родины. Это второе требование.

Справедливость, как уже установлено, не есть готовая программа мероприятий или готовая система жизни, которую можно немедленно ввести и осуществить. Она отыскивается в непрерывном всенародном творческом созерцании и действии, которое отправляется от исторически данного нагромождения несправедливостей и полунесправедливостей. Это наследие

веков, эту исторически запутанную ткань жизненных нитей и узлов — каждый народ вынужден принять как отправной пункт, как исходную основу жизни. Наивно и ребячливо думать, будто от человеческого произвола зависит «немедленно ввести совершенный строй жизни»; будто от земной юдоли до блаженной жизни всего один шаг; будто блаженное «тысячелетнее царство» (отсюда выражение — «хилиастический», тысячелетний), или «золотой век» — может наступить от каких-то правительственных или государственных реформ.

С давних, древнейших времен людям снится в их ночном сознании мечтательный сон о некоем блаженном «тридесяти Царстве», где царит абсолютная справедливость и полная свобода, где нет ни слабостей, ни страданий, ни болезней, где можно обойтись без труда и лишений, где люди не знают ни греха, ни запрета, ни преступлений, ни наказаний, ни принуждения, ни справедливости. «Там» — все притязания оправданы, все потребности удовлетворены; люди наслаждаются всеобщей справедливостью и всеобщим счастьем. При этом одни думают, что это есть воспоминание об «утраченном рае», а другие предполагают, что это есть предчувствие «грядущего блаженства». А народная масса мечтает об этом — то в сказках, то в сновидениях, то в бесформенном, молчаливом ожидании и вождении.

Если это «блаженное царство» видится людям в потустороннем мире и связывается с будущей, загробной жизнью, то взор человеческий становится ясным и трезвым для здешней, земной жизни: тогда он видит ее несовершенства и невозможности; он постигает слабость и греховность человеческого существа; он научается духовно ценить труд и лишения, страдания и болезни; он убеждается в необходимости запретов, принуждения и наказаний; он начинает мириться с неизбежностью несправедливости в земной жизни. Ибо на самом деле земная жизнь требует от человека работы и терпения, смирения, и жертвенности, отречения и уживчивости; здесь — качество рождается из страдания и труда; здесь человек должен заплатить за все великое — напряжением и мукой. А покрыть и исцелить все это может только любовь. Именно таков дух Христианства, именно таково христианское правосознание.

Но если люди утрачивают веру в Бога и в будущую жизнь, то они начинают считать здешнюю, посюстороннюю земную жизнь — единственной, всеобещающей и ни к чему не обязывающей. Тогда их духовный взор тускнеет, а их земной взгляд становится близоруким и алчным: он уже не видит и не желает видеть несовершенств и невозможностей земной жизни; он прилепается к своей максималистической химере и начинает галлюцинировать. Тогда «тысячелетний сон» выплывает из бессознательного, завладевает дневным сознанием, и начинается эпоха брожений и

революций. Душа становится как бы «переутомленной», нетерпеливой, требовательной и ожесточенной. Тогда появляются темпераментные «истолкователи» этого «переутомления» и нетерпения, «пророки» этой требовательности, вожди этого ожесточения. Пишутся «гимны» этой неосуществимой химере (напр., «Капитал» Маркса); слагается «наука» грядущего переворота; сеются утопические идеи; возникают партии «немедленного введения» тысячелетнего царства (социалисты, коммунисты); политика начинает галлюцинировать; слепая воля ожесточается, и люди пытаются прорваться к неосуществимому блаженству ценой многой крови.

Какое тягостное пробуждение готовится этим людям и народам! Какое разочарование! Кровавая химера врывается в жизнь, развязывая души, подрывая веру и нравственность, опрокидывая правосознание и разрушая историческое наследие народа... Она нагромождает силы государственного террора и хозяйственной техники, опустошает и поработает души, пытается создать «нового человека» — и все для того, чтобы осуществить новое, обратное неравенство и утопить людей в потоке небывалой несправедливости. Урок, поистине, жестокий и отрезвляющий... А политика есть дело трезвое и не терпит галлюцинаций. И хозяйство есть дело живого и здорового инстинкта и гибнет от противоестественных выдумок. Справедливость же есть дело веры, совести и всенародного творческого искания; она неосуществима в порядке уравнительных декретов и мстительного насилия.

И нашему поколению, пережившему и перестрадавшему весь этот трагический опыт, надлежит поставить перед собою вопрос: стоило ли русскому народу отдавать свой, исторически накопленный запас свободы и справедливости во имя этого обратного неравенства и этого порабления? И далее, — другой, более радикальный вопрос: есть ли справедливость столь драгоценное благо в жизни народа, чтобы из-за призрака «новой, полной справедливости», приносить столь безмерные жертвы?.. Что же, человек живет на свете для того, чтобы установить «справедливый строй»? Или справедливый строй ему нужен для того, чтобы развязать и оплодотворить его высшие творческие силы? Что лучше и мудрее: временно терпеть несправедливый порядок во имя Родины, или отдавать Родину на поток и разграбление во имя немедленной «прибавочной справедливости»? И кажется мне, что поставить этот вопрос — значит уже ответить на него. По крайней мере русская история уже ответила на него и вписала свой ответ кровавыми буквами в историю человечества.

Справедливость есть существование и драгоценное начало в жизни народа. Но она не есть ни высшая, ни последняя ценность человеческого духа. Естественно желать своему народу справедливости для того, чтобы открыть свободную дорогу твор-

честву и качеству — честности, совести, уму, таланту, гению; но не естественно разжигать в своем народе завистливую химеру равенства, для того, чтобы «погасить высшие способности» (Достоевский, «Бесы»); и столь же неестественно внушать своему народу, что до водворения «полной справедливости» нельзя ни жить, ни творить культуру (русские революционные партии). Ибо, на самом деле, вся культура человечества вплоть до наших дней создавалась при отсутствии «полной справедливости»; — она создавалась благодаря предметному неравенству людей и притом именно творчеством «высших способностей»...

Человек живет на свете не для того, чтобы быть педантом справедливости, и не для того, чтобы требовать «немедленно» ее «полного» осуществления. Тысячу раз прав тот, кто, пренебрегая выпадающими на его долю несправедливостями, продолжает посильно служить Божьему Делу на земле. И, наоборот, неправ тот, кто прекращает свое служение (а, может быть — и свою жизнь) впредь до восстановления «причитающихся ему» справедливостей.

Для того, чтобы народ творчески служил своей родине и своей национальной культуре, ему несомненно нужно и важно искать справедливость. Но так как «полная справедливость» — есть бесконечное задание (не более, чем «регулятивная идея»), то все народы творили и будут творить свою духовную культуру — при отсутствии полной справедливости, т.е. в исторически данном нагромождении справедливости, полу-справедливости и несправедливости. Мы не должны скрывать этого от нашего народа; напротив, мы должны ему открыть глаза на то, что «полную» справедливость надо самому искать и творить в течение всей своей жизни, а не требовать ее «немедленно» от других; и что с этим надо раз навсегда примириться. Мы должны ему открыть глаза на то, что во имя немедленной «прибавочной справедливости» нельзя отдавать свое государство на поток и разграбление; что мы все должны быть готовы временно терпеть несправедливость во имя нашей родины, ибо прежде чем наслаждаться «справедливой жизнью», надо обеспечить себе хоть какую-нибудь жизнь. Жизнь на земле невозможна без терпения, смирения и отречения. Эти три основы были заповеданы нам Евангелием. Коммунисты восстали против этих традиционных добродетелей, как «реакционных» и «выгодных только буржуазии». И что же? Ни один исторический режим не возлагал на своих «подданных» такого бремени изнурительного терпения, вынужденного смирения и унижительного отречения, как коммунистический строй. То, что Евангелие раскрыло нам как добродетель и мудрость, как религиозное служение, — коммунисты возложили на нас в порядке каторжной покорности и притом без меры, без чести, без свободы и без духа — в виде публичной порочности и в форме политического пресмыкательства; и то, что

в евангельском учении являлось добровольным самоограничением и в христианском обществе творило духовную культуру, — оказалось в коммунистическом порядке источником всеобщего культурного снижения и разрушения...

Именно поэтому строительство грядущей России должно исходить из следующих основных правил:

1. — Справедливость драгоценна и необходима в жизни народа, но она отнюдь не есть высшая ценность жизни и последняя цель государства.

2. — Справедливость нельзя смешивать с равенством; а требовать всеобщего уравнивания — противоестественно и несправедливо.

3. — Важней всего, чтобы правительство и народ искренне хотели справедливости и взаимно верили друг другу в том, что это хотение искренно и жизненно.

4. — Надо, чтобы люди не ценили справедливость выше того, чего она стоит, и не задавались задачей «немедленно» добиваться «полной справедливости».

5. — Надо воспитывать в народе христианское понимание справедливости, а именно — настойчивое искание ее для других и жертвенную щедрость в перенесении несправедливостей, выпадающих на собственную долю.

6. — Надо воспитывать в народе государственно-патриотический дух, готовый во имя единого и общего блага Родины не настаивать на немедленном удовлетворении собственного справедливого интереса.

Только на этом пути восстановим Россию. Только этим укрепим ее.

ПРАВИТЬ ДОЛЖНЫ ЛУЧШИЕ⁴³

Первое, что мы должны сделать при обсуждении устройства русского государства, это стряхнуть с себя гипноз политических формул и лозунгов. Предоставим «верующим» демократам — веровать в необходимость и спасительность этого режима и освободим себя для беспристрастного наблюдения и опытного исследования. И еще: предоставим людям, ищущим успеха у толпы, поносить «аристократов» или совсем обходить молчанием идею аристократии, как якобы «реакционную», «контрреволюционную», «старорежимную» и т. д. Когда мы думаем о грядущей России, то мы должны быть свободны, совершенно свободны от боязни кому-то не угодить и от кого-то получить «осуждение», будь то западноевропейцы или свои, доморощенные, — лево-радикалы или право-радикалы. Мы повинны Богу и России — правдой, а если она кому-нибудь не нравится, то тем хуже для него.

Обычно «демократию», как правление людей «излюбленных» и «выбранных народом», и «аристократию», как правление людей «наследственно привилегированных» — противопоставляют друг другу. Это есть ошибка, которую надо понять и отвергнуть. Она есть порождение политических страстей, демагогии и жесточести. Править государством должны лучшие люди страны, а народ нередко выбирает не лучших, а угодных ему льстецов и волнующих его бессовестных демагогов. Править государством должны именно лучшие, а они нередко выходят из государственно воспитанных и через поколения образованных слоев народа. Демократия заслуживает признания и поддержки лишь постольку, поскольку она осуществляет подлинную аристократию (т.е. выделяет кверху лучших людей); а аристократия не вырождается и не вредит государству именно постольку, поскольку в ее состав вступают подлинно лучшие силы народа.

Убедимся в этом.

«Аристос» значит по-гречески «лучший». Не «самый богатый», не «самый родовитый», не «самый влиятельный», не «самый ловкий и пронырливый», не привилегированный, не старейший возрастом. Но именно — лучший: искренний патриот, государственно мыслящий, политически опытный, человек чести и ответственности, жертвенный, умный, волевой, организационно-даровитый, дальновзоркий и образованный. Можно было бы добавить к этому и другие качества, например, храбрый, сердечный; но трудно отбросить хотя бы одно из перечисленных и отнести к лучшим человека жадного, продажного, интернационалиста, бесчестного, лишенного государственного разума и опыта, безвольного глупца, организационного растеряху или наивного невежду. Именно лучшие должны править во всех государствах и при всех режимах. Всякий режим плох, если при нем правят худшие. Нелепо и противоестественно говорить: «мы требуем демократии, хотя бы в ней выбирались, выдвигались и правили безвольные глупцы, продажные невежды, бесчестные растеряхи и тому подобный социальный отброс». Наоборот, необходимо и верно ответить: «демократия, не умеющая выделить лучших, не оправдывает себя; она губит народ и государство и должна пасть». Безумно вводить в стране демократию, чтобы погубить государство и народ, как сделали в России в 1917 году. А к чему ведет правление подлинно худших людей, это русские люди испытывают на себе уже тридцать второй год... Суровая школа!

Можно было бы назвать наше требование политической аксиомой (т.е. истиной самоочевидной): править должны лучшие. В жизненном распознавании этих людей можно ошибаться, можно соглашаться и не соглашаться в оценке их, но задача их выделения бесспорна и основоположна. Можно было бы выразить это в виде лозунга: дорогу честным и умным патриотам! Дорогу им — независимо от того, принадлежат они к какому-нибудь сосло-

вию, классу, в какой-нибудь партии, или нет! Важно качество человека: его политическая ценность и его политическое воление; и не важно его происхождение, его профессия, его классовая и партийная принадлежность. Важна его нравственная и умственная мощь, а не его предки; важна его верность родине, существенно направление его воли, а не его партийный билет. Партийность (всякая партийность!) не удостоверяет качества человека, а только подменяет или заслоняет его. А качество человека — первое всего и драгоценнее всего.

Поэтому всякие выборы должны иметь в виду единую, главную и необходимую цель: выделение качественно лучших сынов народа и поручение им политического дела. Глупо и слепо прельщаться демагогами, которые, прикрывшись партийным ярлыком, яростно отстаивают интерес какого-нибудь класса, сословия, национального меньшинства, территориального округа или же попросту — свой собственный!

Во-первых, потому, что государственное дело ищет единого, общего, всенародного интереса, а не частных вождедений; и демагог, разжигающий страсти именно в сторону частных вождедений, открыто свидетельствует о своей политической негодности: он является фальсификатором в политике; он подобен цыгану, выхваляющему подменно-поддельную лошадь; по отношению к наивному и доверчивому народу он выступает в качестве развратителя детей, строящего свое благополучие на подтасовке и лжи.

Во-вторых, потому, что самая его демагогия свидетельствует о его качественной несостоятельности: он разжигает страсти, чтобы выдвинуться и погубить государственное дело, превращая его в лучшем случае в дело частного вождедения, а в худшем случае — в дело своей личной выгоды.

Россия может спастись только выделением лучших людей, отстаивающих не партийный и не классовый, а всенародный интерес. На этом все должны согласиться и сосредоточиться. Это надо разъяснить самому русскому народу прежде всего. Для этого должны быть приняты все меры, как то: освобождение народа от всех и всяких партий; введение голосования по округам с выставлением персональных, лично всем известных кандидатур; и, главное, выработка особого вида конкурирующего сотрудничества в нахождении и выдвижении лучших людей — сотрудничества государственного центра с избирателями. Это предложение будет обосновано и изложено в дальнейших выпусках «Наших Задач».

Демократические выборы являются лишь условно целесообразным средством для безусловно верной цели (отбор лучших). Если такая цель и такое средство сталкиваются, то условное средство должно уступить безусловной цели. Требование, чтобы правила лучшие, относится к самому естеству, к самой идее

государства; строй, при котором у власти водворяются худшие, будет жизненно обречен и рухнет рано или поздно, с большим или меньшим позором. Всякое государство призвано быть аристократией в нашем смысле слова: и монархическое, и диктаториальное, и демократическое; и можно было бы сказать с уверенностью, что если бы исторически законные государства были на политической высоте, то они извлекали бы этих подлинно лучших из всех слоев населения; и тогда профессиональным революционерам нечего было бы делать на свете.

Поэтому вопрос «всенародных выборов» (по четырехчленной формуле — всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право) есть вопрос средства, а не высшей непрерываемой цели или догмы. Это средство может в одном государстве и в одну эпоху оказаться целесообразным, а в другой стране и в другую эпоху нецелесообразным. Ребячливо верить в это средство как в политическую «панацею». Совсем не всякий народ и не всегда способен выделить к власти лучших при помощи таких выборов. Вопрос надо поставить иначе: какой народ и когда, при каком размере государства, при каком уровне религиозности, нравственности, правосознания, образования и имущественного благосостояния, при какой системе выборов, в спокойные или бурные периоды жизни — действительно разрешит эту задачу успешно?

Спросим поэтому: какие основания имеют современные эмигрантские демократические партии для того, чтобы считать, что русский народ, после всеразлагающей, духо-опустошительной и развращающей всякое правосознание, эпохи коммунизма, после водворения в стране повальной нищеты (разбогатевшие совкарьеристы не в счет!), после тридцатидвухлетнего рабства, после отвычки от самостоятельного мышления, после полной и застарелой неосведомленности в вопросах политики, хозяйства и дипломатии, после укоренившейся привычки бояться, воровать, промышлять доносами и спасать свою жизнь пресмыкательством, сумеет осуществить такие выборы? Если у них имеются серьезные основания, то не следует их замалчивать; а если их нет, а есть обратные основания, то к чему безответственное программное пустословие?

Россия нуждается в такой системе выборов, которая дала бы ей верный способ найти и выделить своих подлинно лучших людей к власти. В этих выборах лучших людей не могут и не должны участвовать члены интернациональной партии, заведомые губители и палачи русского народа, «нырнувшие» коммунисты, перекрасившиеся предатели и т.д. А это означает, что эти выборы не могут быть ни всеобщими, ни прямыми. Лучших людей могут найти только те, которые не утратили чести и совести, те, которые страдали, а не те, которые пытали страдальцев. Иначе Россия будет опять отдана во власть политической черни, которая из красной черни перекрасится в черную чернь, чтобы

создать новый тоталитаризм, новую каторгу и новое разложение. Избави нас Бог от этого!

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГРЯДУЩЕЙ РОССИИ⁴⁴

Нам не дано предвидеть грядущего хода событий. Мы не знаем, когда и в каком порядке будет прекращена коммунистическая революция в России. Но мы знаем и понимаем, в чем будет состоять основная задача русского национального спасения и строительства после революции: она будет состоять в выделении кверху лучших людей, — людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости и сверхклассового единения. Если отбор этих новых русских людей удастся и совершится быстро, то Россия восстановится и возродится в течение нескольких лет; если же нет, — то Россия перейдет из революционных бедствий в долгий период послереволюционной деморализации, всяческого распада и международной зависимости.

Всякое государство организуется и строится своим ведущим слоем, живым отбором своих правящих сил. Всегда и всюду правит меньшинство: в самой полной и последовательной демократии — большинство не правит, а только выделяет свою «элику» и дает ей общие, направляющие указания. И вот, судьбы государств определяются качеством ведущего слоя: успехи государства суть его успехи; политические неудачи и беды народа свидетельствуют о его неудовлетворительности или прямо о его несостоятельности, — может быть, о его безволии, безыдейности, близорукости, а, может быть, о его порочности и продажности. Такова судьба всех народов: они расплачиваются унижениями и страданиями за недостатки своего ведущего слоя. Однако, эти унижения и страдания являются не только тягостными последствиями совершенных ошибок или преступлений; они являются в то же время подготовкою будущего, школою для новой элиты; они делятся лишь до тех пор, пока эта новая национальная элита не окрепнет религиозно, нравственно и государственно. В этом — смысл исторических провалов, подобных русской коммунистической революции: в страданиях рождается и закаляется новый дух, который в дальнейшем поведет страну.

Это зарождение и закаление нового духа происходит ныне в России вот уже тридцать с лишним лет. Оно совершается негласно, в подспудном молчании. Мы можем быть твердо уверены, что русские сердца не разлюбили Россию и не научились верить, но научились верно видеть зло и злобу, научились ценить свою историю, научились и еще учатся келейной

молитве и зрелым волевым решениям. Этот процесс начался еще в первые годы революции и многие из нас участвовали в нем и наблюдали его. Ныне русскому народу, как еще никогда ни одному другому, дана была в историческом опыте заая государственная власть, — дана была очевидность ажи, пошлости и насилия, жестокости и порабощения. И все это — при длительной неосуществимости протеста, при невозможности достойно ответить на недостойное и возмутительное. Это скопление злого опыта, это нарастание негодования и страха — ставило всякую живую душу перед выбором: или согнуться, приспособиться и примириться с происходящим, стать «ловчилой» и заглушить в себе веру и совесть; или же выработать защитную маску условной «лояльности» и уйти в духовную катакомбу. В этой духовной катакомбе люди научались сосредоточиваться на главном и пренебрегать неглавным в жизни; они научились зажигать незримую врагам лампаду и творить при ее свете новую подспудную культуру; они научились молиться по-новому и любить по-новому и внутренне, беззвучным шепотом произносить клятвы служения и верности. Они духовно обновлялись.

В первые годы большинство русских людей колебалось между этими двумя возможностями: между духовным разложением и обновлением. Но некоторое, не поддающееся учету меньшинство вступило на этот путь сразу. Возможно, что немногие из них пережили эти мучительные десятилетия и что немногие доживут до возрождения России. Но они могут быть уверены в том, что ни одно усилие их, ни один вздох не пропали бесплодно. Задача их состояла в том, чтобы заткать немедленно, — во всем этом крушении и вопреки всему этому распаду — ткань новой России и постепенно вовлекать в эту ткань все новых и новых людей. Они могли быть уверены, что данная русскому народу очевидность зла будет непрестанно пополнять их ряды, медленно, но верно увеличивая число обновляющихся. В этом был смысл того исповедничества и мученичества, на которое шли с самого начала лучшие люди России, принимавшие гонение, аресты, суд, ссылку, медленное умирание и расстрел. Они понимали, что они призваны противостать и стоять до конца; что одним своим, с виду обреченным и безнадежным «стоянием» они делают главное и необходимое, служат той России, в которую надо верить, которая ныне выстрадывает себе духовную свободу и, не поддаваясь соблазнам, ищет христианского братства и справедливости. Так священномученики строили Православную Церковь, а политические герои — гражданственную природу России.⁴⁵ Они совершили свое дело и достигли многого. И если мы читаем в советских газетах признания, что в высшие учебные заведения «пошла верующая молодежь», что в советской России священники «увлекают наиболее живые умы» и что «нынешние верующие совсем другие люди по сравнению с тем, что представляли они

собою в начале революции»; если мы видим, что половина русского населения, несмотря на двадцатилетние гонения, открыто причислила себя по переписи к верующим, — то мы должны воздать должное подвигу русского героического меньшинства. Отсюда пойдет возрождение России, ибо здесь скрыт живой источник нового русского качества.

Причины русской революции многосложны и глубоки; о них будут написаны впоследствии целые исследования. Но если перевести их на язык духовного качества, то можно сказать следующее.

Россия перед революцией оскудела не духовностью и не добротой, а силою духа и добра. В России было множество хороших и добрых людей; но хорошим людям не хватало характера, а у добрых людей было мало воли и решимости. В России было немало людей чести и честности; но они были рассеяны, не спаяны друг с другом, не организованы. Духовная культура в России росла и множилась: крепла наука, цвели искусства, намечалось и зрело обновление Церкви. Но не было во всем этом действенной силы, верной идеи, уверенного и зрелого самосознания, собранной силы; не хватало национального воспитания и характера. Было много юношеского брожения и неопределенных соблазнов; не доставало зрелой предметности и энергии в самоутверждении. Этому соответствовало и состояние русского народного хозяйства — бурно росшего, но не нашего еще ни зрелых форм, ни организованности, ни настоящего проникновения в толщу естественных богатств. Собственническое крестьянство только начинало крепнуть; промышленная предприимчивость имела перед собою непочатые возможности; помещичье хозяйство еще не изболело своих недугов — экстенсивности и дворянского дилетантизма; рабочие еще не нашли своего национального места и самосознания. Средний слой еще не окреп в своей имущественной основе, в своей государственной идее и воле; и зараза сентиментального социализма и непротивленчества еще не была побеждена. Незрелость и рыхлость национального характера соответствовала незрелости и рыхлости народного хозяйства.

Этой своеобразной беспочвенности и рыхлости здоровых сил народа противостоял неизжитый запас больных и разрушительных сил. В крестьянстве бродило еще память о праве и вековая мечта земельного передела и анархии; аграрная перенаселенность общины дразнила народ безвыходностью и поддерживала иллюзию количественно неисчерпаемого земельного фонда; остатки крестьянского неравноправия и неполноправия довершали это настроение. Брожение рабочего пролетариата питалось и крестьянским недовольством, и классовым положением рабочих, и утопически-революционной пропагандой социализма. Обилие темпераментных национальных меньшинств, руководимых своею честолюбивою полунинтеллигенцией, созда-

вало целый кадр центробежно настроенных «деятели». Эти «деятели», с их радикально-революционными симпатиями, вливались во всероссийский резервуар фрондирующей интеллигенции и неустроенной, вечно недовольной, бродящей полуинтеллигенции; и все это вместе в высшей степени затрудняло качественный отбор государственной элиты. За девятнадцатый век слагалась и крепла бо́льшая традиция революционной фронды; считалось, что «порядочный» человек должен быть настроен радикально и непримиримо; он должен порицать и отрицать все, что исходит от Императорского правительства; он должен — если не прямо быть социалистом, то «сочувствовать» и закулисно «помогать» социалистическим партиям. Эта традиция в течение целого века работала над изоляцией и компрометированием русского Императорского правительства, предполагая в русском народе выдающиеся демократически-республиканские дарования и выдавая социализм за вернейший критерий демократичности.

Дореволюционная Россия держалась и строилась не этими центробежными силами, а вопреки этим последним. Необходимый отбор ведущего слоя, правящего чиновничества и культурной общественности совершался, несмотря на все затруднения, несмотря на изолирующую пропаганду и на террор революционных партий.

Идейные и честные люди пополняли кадры русской армии, русского флота и русского чиновничества. Не скудела Академия Генерального Штаба. На исключительной высоте стоял Правительствующий Сенат, кассационные решения которого содержат целый клад юридической мудрости и справедливости. Россия имела основания гордиться своим судом, своими финансами, своею наукою, своим искусством и своими театрами. Она имела первоклассную дипломатию, превосходную военную разведку и опытный, преданный своему делу кадр народных учителей. А когда П. А. Столыпин взялся за дело разверстания сельской общины и за переселение, то ему удалось отобрать такой кадр чиновников, о качестве которых не могло быть двух мнений.

Наряду с этим Россия выдвинула драгоценный слой нечиновной общественности: идейных и опытных деятелей земского и городского самоуправления, превосходный кадр врачей национально-русской интуитивной школы, идейную и гуманную адвокатуру, даровитое купечество с традициями и с размахом, кадр энергичных кооператоров и агрономов. Все это строило Россию, постепенно освобождаясь (силою вещей, ходом жизненного дела, реализмом предметных задач) от мечтательного брожения и вращаясь в механизм государства. Россия нуждалась больше всего в мире и в завершении столыпинской реформы; она нуждалась меньше всего в революции и в социализме. Судьба судила ей иное: она послала ей неподготовленную и неудачную войну, социалистическую кровавую революцию и планомерное

разрушение почти всей ее исторически выстраданной культуры. Вскрылись исторические рубцы и заживавшие шрамы, души заболели ненавистью и мстью, замутились до самого дна, и поднявшееся социальное дно поглотило свою собственную, русскую национальную элиту.

Разразившаяся коммунистическая революцию не только разрушила прежнее государство, прежнее хозяйство и прежнюю культуру в России, но стремилась, прежде всего, смести прежний ведущий слой и поставить на его место новый.

Первая, отрицательная задача не представляла особых затруднений: сместить, уволить, лишить имущества и жилища, обречь на голод и холод, арестовать, сослать, расстрелять — все это разрушительное дело требовало только решительности и жестокости. Но разрешение положительной задачи — создание нового ведущего слоя — не могло удасться революционерам. Здесь мы наталкиваемся на одно из основных внутренних противоречий революции.

Революция с самого начала обращалась не к лучшим, государственно-зидательным силам народа, а к разрушительным и разнузданным элементам его. Она привлекала к себе не честных, верных, патриотически настроенных людей, привыкших к дисциплине и ответственности, а безответственных, деморализованных, беспринципных, карьеристов, интернационалистов, грабителей, дезертиров, авантюристов. Это есть просто неоспоримый исторический факт. Ей нужны были люди дурные и жестокие, способные разлагать армию, захватывать чужое имущество, доносить и убивать. Наряду с этим она обращалась к людям невежественным и наивным, которые готовы были верить в немедленное революционно-социалистическое переустройство России.

И вот, никакой государственный режим, тем более «творчески обновляющий» режим, не может быть построен такими людьми и на таких порочных основаниях. Привычный нарушитель, сделавший себе из правонарушения политическую профессию, останется правонарушителем и после того, как ему прикажут строить новую жизнь. Революция дала народу «право на бесчестие» (Достоевский) и, соблазнив его этим правом, она начала свой отбор, делая ставку на «бесчестие». Этим она расшатала народное правосознание, смешала «позволенное» и «запретное», перепугала «мое» и «твое», отменила все правовые межи и подорвала все социальные и культурные сдержки. Какой же «ведущий слой» мог отобраться по этим признакам и в этой атмосфере?

Пришли новые люди — презирающие законность, отрицающие права личности, жаждущие захватного обогащения, лишённые знания, опыта и умений; полуграмотные выдвигенцы, государственно неумелые «нелегалы» (выражение Ленина), приспособ-

бившиеся к коммунистам преступники. Революция узаконила уголовщину и тем самым обрекла себя на неудачу. Революция превратила разбойника в чиновника и заставила свое чиновничество править разбойными приемами. Вследствие этого политика пропиталась преступностью, а преступность огосударствовалась.

Шли годы. На этих основах сложилось и окрепло новое коммунистическое чиновничество: запуганное и раболепно-льстивое перед лицом власти; — пронырливое, жадное и вороватое в делах службы; произвольное и беспощадное в отношении к подчиненным и к народу; во всем трепещущее, шкурное, прогнанное; привыкшее к политическому доносу и отвыкшее от собственного, предметного и ответственного суждения; готовое вести свою страну по приказу сверху — на вымирание и на гибель. И все неудачи революции объясняются не только противоестественностью ее программы и планов, но и несостоятельностью отобранного ею слоя.

Когда крушение коммунистического строя станет совершившимся фактом и настоящая Россия начнет возрождаться, — русский народ увидит себя без ведущего слоя. Конечно, место этого слоя будет временно занято усидевшими и преходящими людьми, но присутствие их не разрешит вопроса. Прежняя, дореволюционная элита распалась, погибла или переродилась; и то, что от нее сохранится, будет лишь скудным, хотя и драгоценным остатком былого национально-исторического достоинства. А революционный отбор должен будет отчасти совсем отпасть ввиду своей несостоятельности и несправимости, отчасти же измениться к лучшему как бы на ходу. То, в чем Россия будет нуждаться прежде всего и больше всего — будет новый ведущий слой.

Эта новая элита, — эта новая русская национальная интеллигенция, должна извлечь все необходимые уроки из всероссийского революционного крушения. Мало того, она должна осмыслить русское историческое прошлое и извлечь из него заложенный в нем «разум истории». А история учит нас многому.

1. — Прежде всего, ведущий слой не есть ни замкнутая «каста», ни наследственное или потомственное «сословие». По составу своему он есть нечто живое, подвижное, всегда пополняющееся новыми, способными людьми и всегда готовое освободить себя от неспособных. Это есть старое и здоровое русское воззрение. Его выдвинул еще Иоанн Грозный, осознавший необходимость нового отбора, но трагически исказивший и погубивший его в «опричнине». К этому воззрению вернулся Петр Великий, выдвинувший на первые и не первые места государства новых людей, начиная от Меньшикова и Лефортова, Шафирова и Ягужинского, и кончая своими командированными за границу учениками. С тех пор эта традиция дала России Ломоносова и целые

плеяды славных ученых, гениального скульптора Федота Шубина и длинный ряд славных художников из народа; ряд блестящих деятелей Екатерининской эпохи, Сперанского, Скобелева, Витте, Губонина, Савву Мамонтова, Третьякова, Лавра Корнилова и его сподвижников.

Здесь есть некое общее правило: человека чести и ума, таланта и сердца — не спрашивают о его «предках», ибо он сам есть «предок» для грядущего потомства. Качественный, духовный заряд, присущий человеку, выдвигает и должен выдвигать его на первые места, независимо от его родословной. Потомственная традиция честности, храбрости и служения есть великая вещь, но она не может сделать глупца — умным, а безвольного человека — призванным организатором жизни. Мы все — от правителя до простого обывателя — должны научиться узнавать людей качественно духовного заряда и всячески выдвигать их, «раздвигаясь» для них; только так мы сможем верно пополнять нашу национальную элиту во всех областях жизни. Это требование есть не «демократическое», как принято думать, а нравственно патриотическое и национально государственное. Только так мы воссоздадим Россию: дорогу честности, уму и таланту!..

2. — Принадлежность к ведущему слою — начиная от министра и кончая мировым судьей, начиная от епископа и кончая офицером, начиная от профессора и кончая народным учителем, — есть не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности. Это не есть ни «легкая и веселая жизнь», ни «почивание на лаврах». Темному необразованному человеку простительно думать, будто «настоящая» работа есть именно телесная и только телесная, а всякий душевно-духовный труд есть «притворство» и «тунеядство»; но человек духовного или интеллектуального труда не имеет права поддаваться этому воззрению. В свое время ему поддались русские народники; перед ним склонился Л. Н. Толстой, надсмевшийся над духовным трудом в своей революционно-демагогической сказке «Об Иване-Дураке». Призыв Толстого к «опрощению» был не только протестом против излишней роскоши (что было бы естественно), но и отрицанием всякого «не-физического» труда. Это воззрение заразило постепенно широкие круги русской интеллигенции. «Кающийся барин» не сумел найти меру для своего «покаяния»: он не только стал корить себя за недостаточную склонность к братской справедливости, но заразился культурным нигилизмом в вопросах права, государства, собственности, науки и искусства. Этим была в значительной мере подготовлена большевистская революция с ее уравнительством в вопросах жилища, питания, одежды, образования и имущества: «уравнивать» и «упрощать» — значит снижать уровень и подрывать культуру.

Вести свой народ есть не привилегия, а обязанность лучших людей страны. Эта обязанность требует от человека не только

особых природных качеств, подготовки и образования, но и особого рода жизни в смысле досуга, жилища, питания и одежды. Это люди иной душевной и нервной организации, люди духовной сосредоточенности, люди иных потребностей и вкусов, иного жизненного напряжения и ритма. Мыслителю и артисту нужна тишина. Ученому и судье необходима библиотека. Чиновник должен быть обеспечен и независим от управляемых обывателей и т.д. Если это — «привилегия», то привилегия, вознаграждающая за высший труд и обязывающая к качественному служению. Этой «привилегии» нечего стыдиться; ее надо принимать с достоинством и ответственностью, не позволяя предрассудку и зависти вливать в душу свою отраву.

Ранг в жизни необходим и неизбежен. Он обосновывается качеством и покрывается трудом и ответственностью. Рангу должна соответствовать строгость к себе у того, кто выше, и беззавистная почтительность у того, кто ниже. Только этим верным чувством ранга воссоздадим Россию. Конец зависти! Дорогу качеству и ответственности!

3. — Вместе с тем, в России должна быть искоренена дурная традиция «кормления», т. е. частного наживания на публичной должности. Государственный чиновник, так же, как и служащий земского или городского самоуправления, должен довольствоваться получаемым им окладом («жалованьем») и не пополнять его никакими «прибытками» или «поборами» с обслуживаемого им населения. Время, когда государственный центр раздавал должности на «кормление», — время удельно-феодалное и, далее, сословно-крепостное, — прошло безвозвратно. Воевода, живущий поборами («земля любит навоз, а воевода приносит»); судья, торгующий приговором и презирующий закон («хочу — по нем сужу, хочу — на нем сижу»), чиновник взяточник и растратчик («казна — шатущая корова, не доит ее один ленивый») — все эти большие и кривые явления русской истории были в небывалом размере воскрешены русской революцией и должны окончательно угаснуть вместе с нею. Революционная всепродажность; революционная растрата; повальное революционное хищение — объясняются тем изъятием собственности и тем хозяйственно-бюрократическим бедламом, которые осуществлялись самой революцией: люди, ограбленные ею, возвращали себе отнятое всюду, где могли, и не считали такое «само-вознаграждение» зазорным. Психологически — это понятно; но по существу — это есть деморализация и расхищение государства.

Публичные должности, от самой малой до самой большой, должны давать человеку удовлетворяющее его вознаграждение и должны переживаться им не как «кормление», а как служение. Человек, не удовлетворяющийся законным жалованием, не имеет права брать соответствующую должность. Человек, взявший публичную должность, не имеет права пользоваться ею для

частной наживы. Конец взятке, растрате и всякой продажности!.. Всякая власть, всякое водительство обязывает к самоограничению!.. Только этим возродим Россию.

4. — Далее, одна из основных опасностей ведущего слоя состоит в слишком высокой оценке государственной власти, ее значения и призвания. Государственная власть имеет свои пределы, обозначаемые именно тем, что она есть власть, извне подходящая к человеку, предписывающая и воспреещающая ему независимо от его согласия или несогласия и угрожающая ему наказанием. Это означает, что все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, не подлежат ведению государственной власти и не могут ею предписываться. Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не смеет регулировать научное, религиозное и художественное творчество. Оно не может предписывать оказательства чувств или воззрений. Оно не должно вторгаться в нравственный, семейный и повседневный быт. Оно не должно без крайней надобности стеснять хозяйственную инициативу и хозяйственное творчество людей.

Ведущий слой призван вести, а не гнать, не запугивать, не порабощать людей. Он призван чтить и поощрять свободное творчество ведомого народа. Он не командует (за исключением армии), а организует, и притом лишь в пределах общего и публичного интереса. Вести можно только свободных; погонщики нужны только скоту; надсмотрщики нужны только рабам. Лучший способ вести есть живой пример. Авантюристы, карьеристы и хищники не могут вести свой народ; а если поведут, то приведут только в яму. Государственное водительство имеет свои пределы, которые определяются, во-первых, достоинством и свободой личного духа, во-вторых, самостоятельностью творческого инстинкта человека. Конец террору как системе правления!.. Конец тоталитарному всеведению и всеприсутствию!.. России нужна власть, верно блюдущая свою меру..

5. — К этому необходимо добавить, что новый русский отбор должен строить Россию не произволом, а правом. Будут законы и правительственные распоряжения. Эти законы должны соблюдаться и исполняться самими чиновниками, ибо чиновник есть первый, кого закон связывает. Представление о том, что закон вяжет обывателя и разнуздывает произвол правителя, много раз осужденное в русских народных пословицах, но возрожденное советской революцией, должно отпасть навсегда. Закон связывает всех: и Государя, и министра, и полицейского, и судью, и рядового гражданина. От закона есть только одно «отступление»: по совести, в сторону справедливости, с принятием на себя всей ответственности. Формально-буквенное, педантически-мертвенное применение закона не есть законность, а карикатура на нее. «Крайняя законность» никогда не должна превращаться в

«крайнюю несправедливость». Или по русским пословицам: «не всякий прут по закону гнут»; а «милость творить — с Богом говорить».

Это означает, что всякое применение закона требует беспристрастного жизненного наблюдения (интуиция факта) и беспристрастного решающего усмотрения (интуиция права). Мало закона. Надо видеть живое событие. И далее, надо видеть сквозь закон: 1. Намерение законодателя, и 2. Высшую цель права (свобода, мир, справедливость). Поэтому всякое применение закона предполагает в душе применяющего чиновника — живое творческое правосознание (правовое разумение и правовую совесть). И вот, в этой сфере не должно быть места никакой корысти, никакой кривизне, или, как выражала это русская летопись, — никакому «воровству» и «малодушию»: ни взятке, ни косвенной личной выгоде, ни классовому интересу, ни родству, ни льстивому прислуживанию, ни потачке, ни укрывательству, — словом ничему тому, от чего стонала дореформенная Россия, с чем так успешно боролся пореформенный (после 1864 г.) правопорядок, и что расцвело цветами позора и скандала в эпоху революции.

Грядущей России нужен не произвол, не самодурство и не административная продажность, а правопорядок, утверждаемый живым и неподкупным правосознанием. Правило этого правосознания выражено в старом русском поэтическом присловии:

Чтоб твоим судом другим не сделать лиха,
О деле рассуждай, когда в тебе все тихо,
И то — с молитвою всегда,
Чтоб просветлил тебя Господь... А то беда:
Без умысла невинного придавишь
И после дела не поправишь...

6. — Далее, новая русская элита в деле правления должна блюсти и крепить авторитет государственной власти. Невозможно строить правопорядок без этого авторитета. Он пошатнулся еще при Императорском правительстве; он был расшатан и подорван при Временном правительстве; он был опять восстановлен, — правда в формах противоправных, свирепых и унижительных, — советской властью. Новый русский отбор призван укоренить авторитет государства на совсем иных, благородных и правовых основаниях: на основе религиозного созерцания и уважения к духовной свободе; на основе братского правосознания и патриотического чувства; на основе достоинства власти, ее силы и всеобщего доверия к ней. Необходимо помнить, что этот авторитет есть всенародное, исторически накапливающееся достояние. Он слагается из поколения в поколение; он живет в душах незримо, но определяюще; он призван служить

орудием национального спасения. Революция сначала распатала, а потом скомпрометировала его кровью, партийно-классовым режимом и тоталитарностью коммунистического строя. И вот, борьба за грядущую Россию окажется борьбой за новый авторитет новой национально-русской власти, ибо безавторитетная власть не оборонит и не возродит Россию.

7. — Все эти требования и условия будут, однако, несовершенно и неопределяющи, если не будет соблюдено последнее. Новый русский отбор должен быть одушевлен творческой национальной идеей.

Безыдейная интеллигенция не нужна народу и государству и не может вести его... Да и куда она приведет его, сама блуждая в темноте и в неопределенности? Но прежние идеи русской интеллигенции были ошибочны и сгорели в огне революций и войн. Ни идея «народничества», ни идея «демократии», ни идея «социализма»; ни идея «империализма», ни идея «тоталитарности» — ни одна из них не вдохновит новую русскую интеллигенцию и не поведет Россию к добру. Нужна новая идея — религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию.

О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСТОЯНИИ⁴⁶

Современные поколения русских людей проходят через трудную историческую школу, которая должна освободить их от всяких политических и национальных иллюзий и открыть им глаза на своеобразие русского народа, на драгоценную самобытность его культуры, на его государственные задания и на его врагов. Довольно слепоты, наивности и легковерия! Тот, кто любит Россию, обязан зорко наблюдать, предметно мыслить и делать выводы. Только тогда ниспосланные нам уроки не пропадут даром.

Живя в дореволюционной России, никто из нас не учитывал, до какой степени организованное общественное мнение Запада настроено против России и против Православной Церкви. Мы посещали Западную Европу, изучали ее культуру, общались с представителями ее науки, ее религии, ее политики, и наивно предполагали у них то же самое дружелюбное благодушие в отношении к нам, с которым мы обращаемся к ним; а они наблюдали нас, не понимая нас и оставляя про себя свои мысли и намерения. Мы, конечно, читали у прозорливого и мудрого Н.Я. Данилевского («Россия и Европа», стр. 50) эти предупреждающие, точные слова: «Европа не знает (нас), потому что не хочет знать; или лучше сказать, знает так, как знать хочет, — то есть, как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению» (добавим только еще: и ее властолюбив-

вым намерениям). Мы читали и думали: «Неужели это правда? Но ведь у нас есть союзники в Европе? Ведь Европа считается с голосом русского Правительства и даже заискивает перед Россией! Не все же люди там заражены ненавистью... Да и за что же им нас ненавидеть?!»

Ныне мы обязаны точно ответить себе на все эти вопросы. Данилевский был прав. Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она, действительно, вырастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и церкви, наших намерений, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас; и для самоуспокоения внушают себе — при помощи газет, книг, проповедей и речей, конфессиональной, дипломатической и военной разведки, закулисных и салонных нашептов — что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к бесправию и жестокости; что религиозность его состоит из темного суеверия и пустых обрядов; что чиновничество его отличается повальной продажностью; что войну с ним всегда можно выиграть посредством подкупа; что его можно легко вызвать на революцию и заразить реформацией — и тогда расчленив, чтобы подмять, и подмять, чтобы переделать по-своему, навязать ему свою черствую рассудочность, свою «веру» и свою государственную форму.

Русские эмигранты, любящие Россию и верные ей, не попадающие по чужим исповеданиям и не служащие в иностранных разведках, обязаны знать все это, следить за той презрительной ненавистью и за вынашиваемыми планами; они не имеют ни оснований, ни права ждать спасения от Запада, ни от «Пилсудского», ни от «Хитлера», ни от Ватикана, ни от «Эйзенхауэра», ни от мировой закулисы. У России нет в мире искренних доброжелателей. Русский народ может надеяться только на Бога к на себя. Русский народ может освободиться только сам: в медленной муке перетереть большевистское иго; привить национальную русскость партийной периферии; укрепить свои духовные силы в катакомбном Православии; и медленно, но неуклонно расшатывать советчину, ее бюрократию и ее террористический зажим; и затем—выждать благоприятную мировую конъюнктуру, сбросить гипноз коммунистической дьявольщины и возвратиться на свой исторический путь. А мы, рассеянные повсюду русские патриоты, должны понять это, выговорить это самим себе и, помогая изо всех сил этому внутреннему процессу, готовиться к этому историческому часу, чтобы вовремя поспешить на помощь нашему народу, — с твердою верою в Бога, с новыми творческими идеями, с продуманными планами, со всею волевою энергией, которая потребует тогда от русского человека.

Русский народ освободится и возродится только самостоятельно, и каждый из нас (независимо от возраста и поколения) будет

ему тем нужнее, чем больше ему удастся соблудности в эмиграции свою самостоятельность, свой независимый взгляд, свою энергию, свою духовную «непроданность» и «незаложенность». Знаем мы, что есть люди, думающие и действующие иначе, все время пытающиеся «привязать свой челнок к корме большого корабля»: примазаться то к «Пилсудскому», то к «Хитлеру», то к Ватикану, то к мировой закулисе. И зная это, предупреждаем их: пути их анти-национальны, духовно фальшивы и исторически безнадежны. Если их «поддержат», то только на определенном условии: служить не России, а интересам поддерживателя; считаться не с русским национальным благом, а с программой деньгодателя. Им, может быть, и помогут — но не спасать и строить Россию, а действовать в ней по указанию чужого штаба или чужого правительства; иными словами — им помогут приобрести звание иноземных агентов и русских предателей и заслужить навеки презрение русского народа.

Неужели нам надо вспоминать историю этих тридцати лет? Историю о том, как русские белые армии были покинуты французами на юге, англичанами на севере и чехо-словаками в Сибири; историю о том, как Пилсудский отнесся к Деникину и Врангелю; как барон Мальцан договорился с Советами в Рапалло; как Ллойд-Джордж поспешил начать торговлю с «людоедами», а германский рейхсканцлер Вирт инвестировал капиталы Ватикана в лесные концессии на русском севере; как в Москве Брокдорф-Ранцау по ночам развлекался с Чичериным музыкой и еще кое-чем; как патер (а потом прелат) Мишель Дербиньи дважды (1926 и 1928) ездил в Москву для заключения «конкордата» с заведомым для него сатанюю и, возвращаясь, печатал мерзости о русском народе и о Православной Церкви... Неужели все это и многое, многое другое забыто?

Было бы необычайно интересно прочитать честно написанные воспоминания тех русских патриотов, которые пытались «работать» с Хитлером: встретили ли они понимание «русской проблемы»? сочувствие к страданиям русского народа? согласие освободить и возродить Россию? хотя бы на условиях «вечной германо-русской дружбы»? И еще: когда же им удалось рассмотреть, что их нагло проводят? Когда они догадались, что ни иностранная политика (вообще!), ни война (вообще!) — не ведутся из-за чужих интересов? Когда у каждого из них пришел тот момент, что он, ударив себя кулаком по голове, назвал себя «политическим слепцом, замешавшимся в грязную историю», или еще «наивным оруженосцем у русского национального врага»?..

Мы годами наблюдаем все подобные попытки русских эмигрантов и все вновь и вновь спрашиваем себя: из каких облаков упали эти обыватели на землю? откуда у них эти сентиментальные мечты о «бескорыстии» международной политики и о «мудрости» иностранных штабов? откуда у них эта

уверенность, что именно им удастся «уговорить» и повести за собою такой-то (все равно какой!) сплоченный иностранный центр с его предвзятыми решениями, а не он их разыграет и использует, как забеглых полупредателей? Сколько их было, таких затей! Затевали, надеялись, рассчитывали, писали, подавали, «стряпали», шептались и хвастались успехами... И что вышло из всего этого?..

Но были и более «умные»: эти скоро догадывались, что русский патриотизм не обещает успеха, что надо идти на сепаратизм и расчленение России. На наших глазах один такой «деятель» изобрел идею «туранского национального меньшинства, угнетаемого русским деспотизмом и жаждущего принять католическую веру»; и вот, ему уже устроили выступление перед членами венгерского парламента, которым он излагал свои «проекты», и он уже получил венгерский орден... А потом? потом — он умер, а Венгрия подпала сначала Хитлеру, а потом Сталину. А в это время группа эмигрантских сепаратистов шепталась с немцами об «освобождении» (!) Украины и создавала в Берлине мощный центр сепаратистской и антирусской пропаганды, пока Хитлер не разогнал их за ненадобностью. И тут, на наших глазах, русские эмигранты вливались в мировую закулису, надеясь привить ей понимание и сочувствие к России и сходили со сцены: одни гласно объявив, что наткнулись на требование слепого повиновения и на твердокаменную вражду к национальной России, другие добровольно исчезая за железным занавесом, третьи сдавая свои позиции и заканчивая свою жизнь на кладбище.

Шли годы, закончились конвульсии второй мировой войны. И вот опять начались те же попытки «привязать свой челнок к корме большого корабля», заранее солидаризуясь с его курсом и направлением. И опять спрашиваешь себя: что же это такое — все та же ребяческая наивность или гораздо хуже?! Ибо, по существу никто из иностранцев нисколько не прозрел, ни в чем не передумал, никак не изменил своего отношения к национальной России и не вылез из своего презрения и властолюбия. И те из нас, которые имеют возможность следить за мировым общественным мнением, с тревогой предвидят в будущем все то же движение по тем же рельсам, ведущим западных политиков в тупик прежних ошибок.

Нет, Россия спасется только самостоянием, и нам всем надо блюсти свою полную духовную независимость!

О РУССКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ⁴⁷

Когда мы смотрим вперед и вдаль и видим грядущую Россию, то мы видим ее как национальное государство, ограждающее и обслуживающее русскую национальную культуру. После длительного революционного перерыва, после мучительного коммунистически-интернационального провала — Россия вернется к свободному самоутверждению и самостоянию, найдет свой здравый инстинкт самосохранения, примирит его со своим духовным самочувствием и начнет новый период своего исторического расцвета.

Тридцать лет терпит русский народ унижения; и, кажется, нет им конца и края. Тридцать лет попирают темные и преступные люди его очаги и алтари, запрещают ему молиться, избивают его лучших людей — самых верующих, самых стойких, самых храбрых и национально преданных, — подавляют его свободу, искажают его духовный лик, проматывают его достояние, разоряют его хозяйство, разлагают его государство, отучают его от свободного труда и свободного вдохновения... Тридцать лет обходятся с ним так, как если бы он был лишен национального достоинства, национального духа и национального инстинкта. Эти годы насилия и стыда не пройдут даром: нельзя народному организму «запретить здоровье», — он прорвется к нему любой ценой; нельзя погасить в народе чувство собственного духовного достоинства, — эти попытки только пробудят его к новому осознанию и новой силе. То, что переживает сейчас русский народ, — есть строгий и долгий ученический искуc, живая школа душевного очищения, смирения и трезвения. Первое пробуждение, может быть, будет страстным, неумеренным и даже ожесточенным; но дальнейшее принесет нам новый русский национализм, с его истинной силой и в его истинной мере. Этот национализм мы и должны ныне выговорить и оформить.

В противоположность всякому интернационализму, — как сентиментальному, так и свирепому; в противовес всякой денационализации, бытовой и политической, — мы утверждаем русский национализм, инстинктивный и духовный, исповедуем его и возводим его к Богу.

Мы приветствуем его возрождение. Мы радуемся его духовности и его своеобразию. И мы считаем драгоценным, чтобы русские люди не связывали себя никакими интернационалистическими «симпатиями» или «обязательствами».

Каждый народ имеет национальный инстинкт, данный ему от природы (а это значит — и от Бога), и дары Духа, изливаемые в него от Творца всяческих. И у каждого народа инстинкт и дух живут по-своему и создают драгоценное своеобразие. Этим русским своеобразием мы должны дорожить, беречь его, жить в нем и творить из него: оно дано нам было искони, в зачатке, а

раскрытие его было задано нам на протяжении всей нашей истории. Раскрывая его, осуществляя его, мы исполняем наше историческое предназначение, отречься от которого мы не имеем ни права, ни желания. Ибо всякое национальное своеобразие по-своему являет Дух Божий и по-своему славит Господа.

Каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему лечится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет, сердится и отчаивается; по-своему улыбается, шутит, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и творит живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует... Он по-своему возносится духом и кается. По-своему организуется. У каждого народа свое особое чувство права и справедливости; иной характер; иная дисциплина; иное представление о нравственном идеале, иной семейный уклад, иная церковность, иная политическая мечта, иной государственный инстинкт. Словом: у каждого народа иной, особый душевный уклад и духовно-творческий акт.

Так обстоит от природы и от истории. Так обстоит в инстинкте и в духе. Так нам всем дано от Бога. И это хорошо. Это прекрасно. Различные травы и цветы в поле. Различные деревья и облака. Богат и прекрасен сад Божий; обилён формами; блещет красками и видами; сияет и радуется многообразием...

Все хочет петь и славить Бога:

Заря, и ландыш, и ковыль,

И лес, и поле, и дорога,

И ветром зыблемая пыль.

(Ф. Сологуб).

И в этом все вещи, и все люди, и все народы — правы. И каждому народу подобает — и быть, и красоваться, и Бога славить по-своему. И в самом этом многообразии и многогласии уже поет и возносится хвала Творцу; и надо быть духовно слепым и глухим, чтобы не постигать этого.

Вот почему мысль погасить это многообразие хвалений, упразднить это богатство исторического сада Божия, свести все к мертвому подобию и однообразию, к равенству песка, к безразличию после уже просиявшего в мире различия — может родиться только в духовно мертвой, больной душе. Эта плоская и пошлая химера, эта всеразрушительная, противокультурная и безбожная затея есть порождение рассудочной души, злой и завистливой, — все равно, стремится ли эта химера воинственно подмять все народы под один народ (химера германского

национал-социализма) или растворить все национальные культуры в бесцветности и безвидности всесмешения (химера советского коммунизма). Во всяком случае, эта уродливая химера, в которой крайний национализм сходится с крайним интернационализмом, — нерусского происхождения, как, впрочем, и весь нигилизм, и нехристианского происхождения, как, впрочем, и весь эгалитаризм.

Христианство принесло миру идею личной, бессмертной души, самостоятельной по своему дару, по своей ответственности и по своему призванию, особой в своих грехах и подвигах, и самодеятельной в созерцании, любви и молитве, — т.е. идею метафизического своеобразия человека. И поэтому идея метафизического своеобразия народа есть лишь верное и последовательное развитие христианского понимания; Христос один во вселенной, Он не для Иудеев только и не для Эллинов только, а благовестив Его идет и к Эллинам и к Иудеям; но это означает, что признаны и призваны все народы, каждый на своем месте, со своим языком и со своими дарами (сравни Деяния 2, 1-42; 1 Коринф., 1-31).

Преподобный Серафим Саровский высказал однажды воззрение, что Бог печется о каждом человеке так, как если бы он был у Него единственным. Это сказано о личном человеке. Что же надлежит думать об индивидуальном народе, — что он Богом осужден, отвергнут и обречен? Каждую лилию Господь одевает в особливые и прекрасные ризы, каждую птицу небесную питает и кормит, и волосы, падающие с головы человека, сосчитывает, а своеобразии народной жизни, от Него данное и заданное, творческую хвалу живой нации, к нему восходящую, — отвергает?!...

Всей своей историей, всей культурой, всем трудом и пением своим каждый народ служит Богу, как умеет; и те народы, которые служат Ему творчески и вдохновенно, становятся великими и духовно ведущими народами в истории.

И вот, национализм есть уверенное и сильное чувство, что мой народ тоже получил дары Духа Святого; что он приял их своим инстинктивным чувствительным и творчески претворил их по-своему; что сила его обильна и призвана к дальнейшим творческим свершениям; и что поэтому народу моему подобает культурное «само-стояние», как «залог величия» (Пушкин), и как независимость государственного бытия.

Поэтому национализм проявляется, прежде всего, в инстинкте национального самосохранения; и этот инстинкт есть состояние верное и оправданное. Не следует стыдиться его, гасить или глушить его; надо осмысливать его перед лицом Божиим, духовно обосновывать и облагораживать его проявления. Этот инстинкт должен не дремать в душе народа, но бодрствовать. Он живет совсем не «по ту сторону добра и зла», напротив, он подчинен законам добра и духа. Он должен иметь свои проявления в любви,

жертвенности, храбрости и мудрости; он должен иметь свои празднества, свои радости, свои печали и свои моления. Из него должно родиться национальное единение, во всей его инстинктивной «пчелиности» и «муравьиности». Он должен гореть в национальной культуре и в творчестве национального гения.

Что такое есть национализм?

Национализм есть любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть воля к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божьем саду. Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов. Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры и из этого созерцания.

Вот почему национальное чувство есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертвам, а народ — к духовному расцвету. Это есть некий восторг (любимое выражение Суворова!) от созерцания своего народа в плане Божиим и в дарах Его Благодати. Это есть благодарение Богу за эти дары; но в то же время и скорбь о своем народе и стыд за него, если он оказывается не на высоте этих даров. В национальном чувстве скрыт источник достоинства, которое Карамзин обозначил когда-то, как «народную гордость»; — и источник единения, которое спасло Россию во все трудные часы ее истории; и источник государственного правосознания, связующего «всех нас» в живое государственное единство.

Национализм испытывает, исповедует и отстаивает жизнь своего народа, как драгоценную духовную самосиянность. Он принимает дары и создания своего народа, как свою собственную духовную почву, как отправной пункт своего собственного творчества. И он прав в этом. Ибо творческий акт не изобретается каждым человеком для себя, но выстрадывается и вынашивается целым народом на протяжении веков. Душевный уклад труда и быта, и духовный уклад любви и созерцания, молитвы и познания, — при всем его личном своеобразии, имеет еще и национальную природу, национальную однородность и национальное своеобразие. Согласно общему социально-психологическому закону, подобие единит людей, общение усиливает это подобие, и радость быть понятым раскрывает души и углубляет общение. Вот почему национальный творческий акт роднит людей между собой и пробуждает в них желание раскрыться, высказаться, отдать «свое заветное» и найти отклик в других. Творческий человек творит всегда от лица своего народа и обращается прежде всего больше всего к своему народу. Народность есть как

бы климат души и почва духа; а национализм есть верная естественная тяга к своему климату и к своей почве.

Не случайно русская сердечность и простота обхождения всегда сжималась и страдала от черствости, чопорности и искусственной натянутости Запада. Не случайно и то, что русская созерцательность и искренность никогда не ценились европейским рассудком и американской деловитостью. С каким трудом европеец улавливает особенности нашего правосознания — его неформальность, его свободу от мертвого законничества, его живую тягу к живой справедливости и в то же время его наивную недисциплинированность в бытовых основах и его тягу к анархии. С каким трудом прислушивается он к нашей музыке — к ее естественно льющейся и неисчерпывающейся мелодии, к ее дерзновенным ритмам, к ни на что не похожим тональностям и гармониям русской народной песни... Как чужда ему наша не рассудочная, созерцательная наука... А русская живопись, — чудеснейшая и значительнейшая, наряду с итальянской,—доселе еще «не открыта» и не признана снобирующим европейцем... Все прекрасное, что было доселе создано русским народом, исходило из его национального духовного акта и представлялось чуждым Западу.

А между тем, создать нечто прекрасное, совершенное для всех народов — может только тот, кто утвердился в творческом акте своего народа. «Мировой гений» есть всегда и прежде всего — «национальный гений», и всякая попытка создать нечто великое из денационализированной или «интернациональной» души дает в лучшем случае только мнимую, «экранную» «знаменитость». Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален: и он знает это сам о себе.

И если пророки не принимаются в своем отечестве, то не потому, что они творят из какого-то «сверхнационального» акта, а потому, что они углубляют творческий акт своего народа до того уровня, до той глубины, которая еще не доступна их единоплеменным современникам. Пророк и гений — национальнее своего поколения, в высшем и лучшем значении этого слова. Пребывая в своеобразии своего народа, они осуществляют национальный акт классической глубины и зрелости, и тем показывают своему народу его подлинную силу, его призвание и грядущие пути.

Итак, национализм есть здоровое и оправданное настроение души. То, что национализм любит и чему он служит, — в самом деле достойно любви, борьбы и жертв. И грядущая Россия будет национальной Россией.

ОПАСНОСТИ И ЗАДАНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА⁴⁸

Все то, что я высказал в оправдание и обоснование национализма, заставляет меня договорить и признать, что есть больные и извращенные формы национального чувства и национальной политики. Эти извращенные формы могут быть сведены к двум главным типам: в первом случае национальное чувство прилепляется к неглавному в жизни и культуре своего народа; во втором случае оно превращает утверждение своей культуры в отрицание чужой. Сочетание и сплетение этих ошибок может породить самые различные виды большого национализма.

Первая ошибка состоит в том, что чувство и воля националиста прикрепляются не к духу и не к духовной культуре его народа, а к внешним проявлениям народной жизни — к хозяйству, к политической мощи, к размерам государственной территории и к завоевательным успехам своего народа. Главное, — жизнь духа, — не ценится и не бережется, оставаясь совсем в пренебрежении или являясь средством для неглавного, т.е. превращаясь в орудие хозяйства, политики или завоеваний. Согласно этому есть государства, националисты которых удовлетворяются успехами своего народного хозяйства (экономизм), или мощью и блеском своей государственной организации (этатизм), или же завоеваниями своей армии (империализм). Тогда национализм отрывается от главного, от смысла и цели народной жизни, — и становится чисто инстинктивным настроением, подвергаясь всем опасностям обнаженного инстинкта: жадности, безмерной гордыне, ожесточению и свирепости. Он опьяняется всеми земными соблазнами и может извратиться до конца.

От этой ошибки русский народ был огражден, во-первых, своим прирожденным религиозным смыслом; во-вторых, Православием, которое сообщило нам, по слову Пушкина, «особенный национальный характер» и внушило нам идею «святой Руси». «Святая Русь» не есть «нравственно праведная» или «совершенная в своей добродетели» Россия: это есть правоверная Россия, признающая свою веру главным делом и отличительной особенностью своего земного естества. В течение веков Православие считалось отличительной чертой русскости — в борьбе с татарами, латинянами и другими иноверцами; в течение веков русский народ осмысливал свое бытие не хозяйством, не государством и не войнами, а верою и ее содержанием; и русские войны велись в ограждение нашей духовной и вероисповедной самобытности и свободы. Так было издревле — до конца XIX века включительно. Поэтому русское национальное самосознание не впадало в соблазны экономизма, этатизма и империализма, и русскому народу

никогда не казалось, что главное дело его — это успех его хозяйства, его государственной власти и его оружия.

Вторая ошибка состоит в том, что чувство и воля националиста, вместо того, чтобы идти в глубину своего духовного достояния, уходит в отвращение и презрение ко всему иноземному. Суждение: «мое национальное бытие оправдано перед лицом Божиим», превращается, вопреки всем законам жизни и логики, в нелепое утверждение: «национальное бытие других народов не имеет перед моим лицом никаких оправданий»... Так, как если бы одобрение одного цветка давало основание осуждать все остальные, или — любовь к своей матери заставляла презирать и ненавидеть всех других матерей. Эта ошибка имеет, впрочем, совсем не логическую природу, а психологическую и духовную: тут и наивная исключительность примитивной природы, и этнически врожденное самодовольство, и жадность и похоть власти, и узость провинциального горизонта, и отсутствие юмора, и, конечно, неодолимость национального инстинкта. Народы с таким национализмом очень легко впадают в манию величия и в своеобразное завоевательное буйство, как бы ни называть его — шовинизмом, империализмом или как-нибудь иначе.

От этой ошибки русский народ был огражден, во-первых, присущей ему простодушной скромностью и природным юмором; во-вторых, многоплеменным составом России, и, в-третьих, делом Петра Великого, научившего нас строгому суду над собой и привившего нам готовность учиться у других народов.

Так, русскому народу не свойственно закрывать себе глаза на свои несовершенства, слабости и пороки; напротив, его скорее тянет к мнительно-покаянному преувеличению своих грехов. А природный юмор его никогда не позволял ему возмнить себя первым и водителем народом мира. В течение всей его истории он вынужден был обходиться с другими племенами, говорившими на непонятных ему языках, отстаивавшими свою веру и свой быт, а иногда наносившими ему тяжелые поражения. Наша история вела нас от варягов и греков к половцам и татарам; от хазар и волжских болгар через финские племена к шведам, немцам, литовцам и полякам. Татары, наложившие на нас свое долгое иго, показали нам «нехристями» и «погаными»,⁴⁹ но они почтили нашу церковь, и вражда наша к ним не превратилась в презрение. Воевавшие с нами иноверцы, немые для нас по языку («немцы») и неприемлемые церковью («еретики») побеждались нами отнюдь не легко, и, нанося нам поражения, заставляли нас задумываться над их преимуществами. Русский национализм проходил — и во внутреннем замирении своей страны, и во внешних войнах — суровую школу уважения к врагам: и Петр Великий, умевший «поднимать задранный кубок» «за учителей своих» — проявлял в

этом исконную русскую черту — уважения к врагу и смирения в победе.

Правда, в допетровском национализме имелись черты, которые могли привести к развитию национальной гордыни и повредить России в целом. Именно в русском народе сложилось и крепло иррациональное самочувствие, согласно которому русский народ, наставляемый святой, соборной и апостольской церковью и водимый своими благоверными царями, хранит единственную правую веру, определяя ею свое сознание и свой быт: это есть некое национальное стояние в правде, от которого невозможно ни отступить, ни что-либо уступить, так, что перенимать у других нам ничего нельзя, смешиваться с другими грешно и изменяться нам не в чем. Ни у басурманов, ни у еретиков нам не следует учиться, ибо от ложной веры может произойти только ложная наука и ложное уменье.

Это воззрение к семнадцатому веку формулировалось так: «богомерзок пред Богом всякий, кто любит геометрию: а се душевные грехи — учиться астрономии и еллинским книгам»... И еще: — «если спросят тебя, знаешь ли философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах, философию ниже очима видех, учуся книгам благодатного закона»...

Русское правительственное самосознание давно уже не соответствовало этому народному самочувствию. Со второй половины пятнадцатого века, если не ранее, в особенности же после того, как обрушились от самодельной неумелой стройки стены почти довершенного Успенского Собора в Москве (1474 год), с легкой руки Иоанна Третьего, русское правительство приглашает из-за границы архитекторов, врачей и всяких технических искусников: «еретическая наука» уже гостит и служит, но еще не насаждается и не перенимается. Борис Годунов мечтал основать в Москве не то академию, не то университет; Ажедмитрий думал водворить здесь иезуитскую высшую школу. Необходимость учиться светской «еретической» науке становилась все более очевидной, но консерватизм и провинциализм церковно-национального самочувствия и сомнения санкционировали неподвижность быта и сознания. Духовная инерция народа стала опасною...

Петру Великому пришлось вломиться в это самочувствие и заставить русских людей учиться необходимому. Он понял, что народ, отставший в цивилизации, в технике, в знании — будет завоеван и поработен, и не отстоит себя и свою правую веру. Он понял, что необходимо отличать главное и священное от неглавного, не-священного, земного — от техники, хозяйства и внешнего быта; что надо вернуть земное земле; что вера Христова не узаконивает отсталых форм хозяйства, быта и государ-

ственности. Он постиг необходимость дать русскому сознанию свободу светского, исследовательского взирания на мир, с тем, чтобы сила русской веры установила в дальнейшем новый синтез между Православным Христианством, с одной стороны, и светской цивилизацией и культурой — с другой стороны. Петр Великий понял, что русский народ преувеличил компетенцию своего исторически сложившегося, но еще не раскрывшего всю свою силу религиозного акта, и что он недооценил творческую силу христианства: Православие не может санкционировать такой уклад сознания, такой строй и быт, которые погубят народную самостоятельность и предадут врагам и веру, и церковь. Он извлек урок из татарского ига и из войн с немцами, шведами и поляками: запад бил нас нашей отсталостью, а мы считали, что наша отсталость есть нечто правоверное, православное и священно-обязательное. Он был уверен, что Православие не может и не должно делать себе догмат из необразованности и из форм внешнего быта, что сильная и живая вера проработает и осмыслит и облагородит новые формы сознания, быта и хозяйства. Христианство не может и не должно быть источником обскурантизма и национальной слабости.

И вот, небесное и земное разделились в русском самочувствии. Вместе с тем национальное отделилось от вероисповедно-церковного. Русское самочувствие проснулось, и началась эпоха русского национального самосознания, незаконченная и донныне.

Старообрядцы не приняли этого раздела и стали верными хранителями русского православно-национального самочувствия во всей его неприкосновенности, наивности и притязательности. Это было трогательно и даже полезно; не потому, что старообрядчество в церковном отношении — право, а потому, что оно веками, в душевной целостности и с нравственной ревностью блюло верность первоначальной форме русского религиозного и русско-национального самочувствия. Верность бывает трогательна и полезна даже и в обрядовых мелочах, ибо в них воплощается глубина и искренность религиозного чувства.

А между тем России, русскому духу и русскому национализму предстоял новый путь. Надо было различить в культурном творчестве — церковное и религиозное, и далее — церковное и национальное; открыть себе доступ к светской цивилизации и светской культуре; и внести религиозно-православный дух, Иоанновский дух любви и свободы, в свое светское национальное самосознание, в свою новую национально-светскую культуру и национально-светскую цивилизацию. Эта задача не разрешена нами и поныне; и разрешением ее будет занята грядущая Россия.

1. — Церковь и религиозность не одно и то же, ибо Церковь можно уподобить солнцу, а религиозность — всюду рассеиваемым солнечным лучам. Церковь есть зиждительница, хранительница, живое средоточие религии и веры. Но Церковь не есть «все во

всем», она не поглощает нации, государства, науки, искусства, хозяйства, семьи и быта, — не может поглотить их и не должна пытаться сделать это. Церковь не есть начало тоталитарное и всевластное. Православию чужд «теократический» (т.е. строго говоря еkkлезиастический) идеал; православная Церковь молится, учит, святит, благодатствует, вдохновляет, исповедует и, если надо, обличает, —но она не властвует, не регламентирует жизни, не карает светскими наказаниями и не берет на себя ответственности за светские дела, грехи, ошибки и неудачи (в политике, в хозяйстве, в науке и во всей культуре народа). Ее авторитет есть авторитет откровения и любви; он свободен и основан на качестве ее веры, ее молитвы, ее учения и ее дел. Церковь ведет духом, молитвой и качеством, но не всепоглощением, как это пытались осуществить Савонарола во Флоренции, иезуиты в Парагвае и Кальвин в Женеве. Она изучает живую религиозность, которая должна свободно проникать в жизнь и во все жизненные дела народа. Религиозному духу — везде место, где живет и творит человек, во всяком светском деле: в искусстве и науке, в государстве и торговле, в семье и на пашне. Он очищает и осмысливает все чувства человека, и в том числе и национальное чувство; а национальное чувство, религиозно облагороженное и осмысленное — незримо и ненарочито проникает все человеческое творчество.

Так, Церковь не может и не должна вооружать армию, организовывать полицию, разведку и дипломатию, строить государственный бюджет, руководить академическими исследованиями, заведывать концертами, театрами и т.д.; но изучаемый ею религиозный дух может и должен облагораживать и очищать всю эту светскую деятельность людей. Живая религиозность должна светить и греть там, куда Церковь открыто не вмешивается или откуда она прямо устраняет себя.

2. — Церковь, как единение едино-верующих, сверхнациональна, ибо объемлет и единоверующих другой нации; но в пределах единой нации «поместная» церковная организация получает неизбежно национальные черты. К Православной Церкви принадлежат не только русские, но и румыны, и греки, и сербы, и болгары; и тем не менее русское Православие (как церковь, и как обряд, и как дух) имеет своеобразные черты русскости. Итак, церковное и национальное не одно и то же.

Нация, как единение людей с единым национальным актом и культурою, не определяется принадлежностью к единой церкви, но включает в себя людей разной веры, и разных исповеданий, и разных церквей. И тем не менее русский национальный акт и дух был взращен в лоне Православия и исторически определился его духом, на что и указывал Пушкин. К этому русскому национальному акту более или менее приобщились почти все народы России самых различных вер и исповеданий:

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз, и друг степей калмык

(Пушкин).

И все они, сами того не зная, таинственно приобщились к дарам русского Православия, сокровенно заложенным в русском национальном акте. Русский национализм распространил скрытые в нем лучи Православия по всей России. Но из этого уже ясно, что национальное и церковное не одно и то же.

Это отличие церковного от религиозного и церковного от национального Россия осознала на протяжении двух веков после Петра. За эти два века Россия вынашивала свой светский национализм, зачатый в Православной церкви и проникнутый христианским Иоанновским духом любви, созерцания и свободы; она вынашивала его и в то же время вносила его во все области светской культуры: в зародившуюся с тех пор русскую светскую науку и литературу; в возникшее и быстро созревшее до мировой значительности светское русское искусство; в новый светский уклад права, правосознания, правопорядка и государственности; в новый уклад русской светской жизни и нравственности; в новый уклад русского частного и общественного хозяйства.

Православная Церковь отнюдь не была чужда всему этому. Она оставалась как бы матерью выросших детей, ушедших на свободу жизненно-религиозного дела и труда, но не ушедших духом из ее света и Духа. Она оставалась матерью-хранительницей молитвы и любви, советницей и обличительницей, лоном очищения, покаяния и умудрения, — вечной матерью, приемлющей новорожденного и молящуюся за почившего. Это ее дух — освободил крестьян, создал суд скорый, правый и милостивый, создал русское земство и русскую школу; это ее дух — возматерил и укрепил русскую национальную совесть и жертвенность; это ее дух — повил и укрепил русскую мечту о совершенстве; это ее дух — внес во всю русскую культуру силу сердечного созерцания, вдохновил русскую поэзию, живопись, музыку и архитектуру и создал Пироговскую традицию в русской медицине... Но всего не исчислишь.

И тем не менее, то, что создавалось в России в 18 и 19 веках — было именно светскою национальною культурою. России было дано великое задание — выработать русско-национальный творческий акт, верный историческим корням славянства и религиозному духу русского Православия, — «имперский» акт такой глубины, ширины и гибкости, чтобы все народы России могли найти в нем свое родовое лоно, свое оплодотворение и водительное научение; создать из этого акта новую, русско-национальную, светски-свободную культуру (знания, искусства, нравственности, семьи, права, государства и хозяйства) — все это в духе восточного Иоанновского христианства (любви, созерцания

и свободы); и, наконец, узреть и выговорить русскую национальную идею, ведущую Россию через пространства истории.

Это задание — долгое и претрудное, разрешимое только в веках — вдохновением и молитвою, самовоспитанием и неотступным трудом. За два века русский народ только приступил к его разрешению, и то, что им совершенно, свидетельствует не только о величии этого задания, и не только о чрезвычайной, исторически, этнически и пространственно обусловленной сложности его, но и о тех силах и дарах, которые даны ему для этого от Провидения. Это дело было начато с чрезвычайным успехом, прервано политической смутой и коммунистической революцией и осталось ныне незавершенным. Чтобы завершить это дело, понадобятся еще века свободного творческого расцвета, и нет сомнения, что Россия возобновит его после окончания революции.

И вот, русский национализм есть не что иное, как любовь к этому исторически сложившемуся духовному облику и акту русского народа; он есть вера в это наше призвание и в данные нам силы; он есть воля к нашему расцвету; он есть созерцание нашей истории; нашего исторического задания и наших путей, ведущих к этой цели; он есть бодрая и неутомимая работа, посвященная этому самобытному величию грядущей России. Он утверждает свое и творит новое, но отнюдь не отрицает и не презирает чужое. И Дух его есть дух Иоанновского христианства, христианства любви, созерцания и свободы, а не дух ненависти, зависти и завоевания.

Так определяется идея русского национализма.

О СИЛЬНОЙ ВЛАСТИ⁵⁰

Россия, как национально-политическое явление, была создана сильной государственной властью, которая, однако, никогда (даже при Иоанне Грозном!) не покушалась на тоталитарное ведение жизни, культуры и хозяйства. Так было в прошлом. Так будет и впредь. И нам, русским патриотам, надлежит помнить это и, не ослепляясь безобразиями коммунистически-тоталитарной диктатуры, явившей миру не сильную власть, а насильственно-произвольное попираание жизни, самостоятельности и свободы, крепить нашу национально-государственную власть — в ее конституционном строении, в ее государственном направлении, в ее волевой энергии, в ее блюдении права и свободы, в ее политическом искусстве и особенно в ее всенародных духовных корнях.

Строго говоря, самое выражение «сильная власть» должно бы считаться странным и излишним: ведь власть сама по себе есть общественно выделенная и организованная сила — в этом ее сущность и назначение; она есть живое средоточие уполномочен-

ной и могущественной воли, которую все признают, уважая ее, подчиняясь ей и исполняя ее требования и законы. Что же означает выражение: «сильная власть»? ... «Сильная сила»? Не плеоназм ли это? Однако исторически и политически это выражение полно глубокого и сложного смысла.

В истории народов государственная власть нередко преувеличивала свое призвание и свою сферу действия; она направляла свою энергию к неверным целям, попирала свои правовые формы и злоупотребляла своей мощью. Это вызывало протест и борьбу. Но борьба эта, движимая страстями, — открытым честным возмущением и прикровенным личным честолюбием, — не только стремилась умерить преувеличения, исправить заблуждения, прекратить бесправие и злоупотребления исторической власти, но расшатывала и ослабляла самую власть. Борьба за «новую», «лучшую» государственность вела к подрыву самой государственной организации. Создавали не просто «лучшую власть», а слабую власть, бессильную, беспомощную, раздробленную. Опасаясь злоупотребления властью, обессиливали самую власть, а вместе с тем подрывали и внутренний порядок и внешнюю обороноспособность государства. Придумывали такие формы власти, которые затрудняли и волевою концентрацию, и принятие решений, и проведение их в жизнь. Вводили в государственное устройство всевозможные «поправки», не замечая того, что эти поправки подтачивают действие власти, но не обеспечивают ни от безвластия, ни от ошибочных целей, ни от злоупотреблений... Так ввели состязание государственных органов друг с другом (глава государства, министерство, верхняя палата и нижняя палата); ввели многоголовый сговор и взаимную борьбу многих партий; полномочия главы государства ограничили избираемостью его и срочностью и тем поставили его под контроль и увеличили медальность в течении дел; стали выделять к власти людей слабых, безвольных, незначительных, зависимых от политической кулисы; конституционно закрепили недоверие народа к власти, и не заметили, что всем этим создали сущее государственное безвластие и безволие. Замесили современное государство на дрожжах взаимного недоверия, классовой борьбы, тайных соглашений и закулисных интриг, — и не сообразили, что все это соответствует идеям анархизма, а не идее здоровой государственности. Боролась с бесправием и произволом преувеличенной власти, — и были в этом правы; но пришли к бесправию от растроченной власти, к распаду, к всеобщей политической интриге всех против всех, к тайновластию всевозможных интернационалов, к «перманентной революции», к гражданской войне, к анархии... И что всего поучительнее, что этому ослаблению государственной власти исторически соответствовало не сужение государственных задач, не сокращение их объема и размаха, а возложение на государственную власть

новых непосильных ей задач: началось притязание на великодержавие, на колониальное водительство, на мировое преобладание и даже на социалистическое регулирование хозяйства... Всего противоречивее и даже комичнее оказалась позиция социалистов: «последовательные демократы», сто лет делавшие все, чтобы расшатать и ослабить государственную власть, они все время носились с планом реорганизации всей жизни, предполагавшим монопольно- и тоталитарно-сильную государственную власть... И когда такая уродливая и болезненная власть, которая им была необходима, оказалась предвосхищенной у них большевиками, тогда обида их оказалась пожизненной и неисчерпаемой...

Есть государства, которые могут существовать при сравнительно слабой власти. Но и в их истории может пробить час, который потребует единства, волевой энергии, доверия, повелительности, быстроты, сильных людей и ответственных решений. И тогда все будет зависеть от их способности быстро и успешно перестроить свой порядок, свой ритм и свой привычный отбор людей...

Бывают исторические условия, при которых государство может плести ткань своей жизни, не имея сильной власти. Вот эти условия (перечисляю их с оговоркой — «при прочих равных условиях»).

1. — Малый размер государства. Чем меньше государство по территории, тем легче ему обойтись без сильной власти. Пространство требует, чтобы излучения власти пронизывали, прорабатывали его; оно поглощает и ослабляет их действие. Чем большая территория подчинена единой власти, тем сильнее, тем авторитетнее должна быть эта власть, тем более она должна импонировать гражданам. — Поэтому территориальные размеры России (перед революцией — 22,4 миллиона кв. км) требуют сильной власти. Достаточно сообразить, что территория Швейцарии составляет одну десятую часть Кавказа (вместе с Закавказьем); что территория европейской Франции составляла одну сорок-четвертую тогдашней России; что Россия по пространству впятеро больше Китая, почти втрое больше Соединенных Штатов, и вчетверо больше всех (нерусских) государств Европы взятых вместе. — Сможет ли слабая власть пронизать своими организующими и упорядочивающими лучами такое пространство?

2. — Малочисленность населения. Чем меньше население государства, тем легче ему обойтись без сильной власти. Наоборот, чем больше людей входит в государство, тем труднее создается политическое единодушие и единоволение, — особенно на путях сговора (будь то «непосредственный» или «представительный» сговор). Голос слабой власти всегда утонет в шуме «сговаривающихся» миллионов. Поэтому численность русского населения требует для России сильной власти. Население

коренной России (160-170 миллионов) численно почти соответствует населению всей Северной Америки и значительно превосходит все население Африки. При слабой плотности расселения (в дореволюционной России 29 человек на кв. км. в Европейской России и 2,3 человека на кв. км. в Азиатской России), русский народ всегда склонен к состоянию полу-анархии и лишь с большим трудом приучается к правопорядку. Чего же достигнет в России слабая власть?.. Февральская революция это показала наглядно.

3. — Обилие средств сообщения. Чем легче людям сноситься друг с другом в пределах единого государства,—передвижением (жел. и шосс. дороги, автомобили, пароходы, аэропланы), устно (телефон, радио) и письменно (почта, телеграф), — тем более страна оказывается спаянной общением, бытом и хозяйством; тем легче может справиться со своей задачей слабая власть; и обратно. — Средства сообщения в России пребывали ранее и пребывают и ныне на весьма низком уровне. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить Россию и Германию. В России 1 километр железнодорожных линий приходится на 262 кв. км площади, а в Германии на 7 кв. км.; в России 1 автомобиль обслуживает в среднем 850 жителей, а в Германии 54 жителя; в России одним телефонным аппаратом пользуются (вернее — не пользуются!) в среднем 295 человек, а в Германии 22 человека. Все эти данные относятся ко времени до второй мировой войны и основываются на, как всегда пропагандных, подсчетах советской статистики; в действительности все обстоит, вероятно, еще хуже. — И тем не менее, эти данные достаточно показательны. И вот, Российская власть должна быть тем сильнее, чем труднее ей прорабатывать человеческую разъединенность страны.

4. — Слабая дифференциация страны. Чем меньше в стране национальных, языковых, религиозных, бытовых, климатических и хозяйственных различий, тем легче управлять государством, тем удовлетворительней справится со своей задачей слабая власть; и обратно. Маленькая приморская Португалия (величиной с нашу самую малую — Черноморскую губернию), с ее 7 миллионами единоплеменных, единоверных жителей, говорящих на одном языке, и не затронутых ни климатической, ни хозяйственной дифференциацией, — и та создала свою сильную власть и внутренне замирилась. Уже в соседней Испании слабая власть обычно ведет к распаду и гражданской войне. — Что же сказать о России?.. Число ее национальностей и языковых групп доходит до 170. Число ее религий и исповеданий до 30. Климат ее знает все колебания от вечной ночи до полуденной пустыни. Ее природа требует от иге органического и хозяйственного приспособления — и к тундре, и к солончаку, и к винограду, и к полярному мху, и к тайге, и к горам, и к океану. Кровь и язык, вера и быт, хозяйственный уклад и культурный уровень —

дифференцированы в России в высочайшей степени. Государственное единство возможно здесь только при наличии сильной и мудрой власти.

5. — Свобода от великодержавных задач. — Чем проще национальная, культурная, хозяйственная и международная проблематика страны, тем легче ее государственные задания, тем уместнее во главе ее слабая власть. И обратно: только сильная власть справится с великодержавными задачами страны. Спать внутренне множество в органическое единство; поднять культурный уровень народных масс; вызвать к жизни хозяйственный расцвет большого народа; установить трудовое равновесие и возможно большее хозяйственное самопитание (автаркию) страны; найти верное торговое взаимодействие с соседями и ввести страны в меновой и дипломатический организм мирового общения, — все это требует сильной власти, независимой от партийного прилива и отлива, не опасющейся «сроков», не трепещущей перед новыми выборами, прозорливо ведущей свою линию из десятилетия в десятилетие. — Именно так создавалась Россия. Удельно-вечевая власть была слаба и не могла противостоять монголам. Московская власть не собрала бы Русь, если б не окрепла. Россия нуждалась в Иване Васильевиче Третьем, чтобы покончить с татарами. Иоанн IV подготовил смуту не только опричниной и свирепым правлением, но больше всего — подрывом царского авторитета, т.е. ослаблением власти. Россия нуждалась в Петре Великом, чтобы осознать и развернуть свое великодержавие. Дворцовые перевороты XVIII века (1725, 1730, 1740, 1741, 1761, 1801 и 1825) расшатывали и ослабляли российскую государственную власть и готовили России, по плану декабристов, в начале XIX-го века дворянскую республику с освобождением без земли, т.е. пролетаризированным и подготовленным к новой пугачевщине крестьянством. Только сильная, эмансипированная от заговорщических партий, сверхсословная и сверхклассовая власть могла дать России великие реформы шестидесятих годов. Так и в будущем: слабая власть не поведет Россию, а развалит и погубит ее.

6. — Высокий уровень народного правосознания. — Чем выше уровень народного правосознания, тем легче слабая власть справится со своей задачей; и обратно. Правосознание есть умение уважать право и закон, добровольно исполнять свои государственные обязанности и частные обязательства, строить свою жизнь, не совершая преступлений; в основе его лежит чувство собственного духовного достоинства, внутренняя дисциплина воли, взаимное уважение и доверие граждан друг к другу, граждан к власти и власти к гражданам. Чем сильнее и глубже правосознание в народе, тем легче править им, тем менее опасна слабая власть; и обратно. Русское правосознание имеет тяжелое историческое наследие: удельные раздоры, татарское

иго, смуту, кочевой и разбойничий юго-восток, восстания Разина и Пугачева, дворцовые перевороты, революционные движения XIX и XX века, правление большевиков. Все это нарастало на тот особый уклад души, который можно охарактеризовать как равнинную недисциплинированность, как славянский индивидуализм и славянскую тягу к анархии, как естественную темпераментность, как дыхание Азии. Все это, вместе взятое, выработало в русском народе такое правосознание, которому импонирует только сильная власть («строгое начальство», по выражению Шмелева). Слабая власть всегда вызывала и еще долго будет вызывать в России чувство вседозволенности и общественный распад.

7. — Отсутствие военной угрозы. — Чем замиреннее границы государства, чем менее грозят народу войны и нападения, тем легче справится слабая власть со своей задачей; и обратно. Слабая власть вообще не способна вести войну, ибо война требует воли, дисциплины, подготовки, концентрации и сверх-сильных напряжений. Именно поэтому римская республика назначала на время войны (а также и внутренних затруднений) — диктатора, осуществлявшего единую, сильную и концентрированную власть. Обычный расчлененный и сложный аппарат государственной власти должен без труда упрощаться, сосредоточиваться и приобретать некую элементарную динамичность в трудные и опасные периоды: и чем легче происходит этот процесс упрощения и сосредоточения, тем боеспособнее угрожаемое войною государство. — История России была такова, что в первый период своей жизни (1055-1462) она имела в среднем один год войны на один год мира (данные С.М. Соловьева), а во второй период своей жизни (вплоть до XX века) она имела в среднем два года войны на один год мира (данные ген. Н.Н. Сухотина). Нам не дано предвидеть будущего, но мы не имеем никаких оснований считать, что русские границы замирены, что государственное достоинство России закреплено в международном отношении и что нам не грозят новые оборонительные войны. По-видимому, дело обстоит как раз наоборот и сильная власть будет необходима России, как, может быть, еще никогда...

Все эти законы общественной жизни могут быть выражены так: чем труднее народу дается государственное объединение и чем необходимее оно в данный период его истории, — тем сильнее должна быть его государственная власть. Слабая власть есть своего рода «роскошь», которую может себе позволить только народ, находящийся в исключительно благоприятных условиях; — не тот народ, которого все еще тянет в анархию, т.е. к безвластному замешательству, а тот народ, которому маловастие или безвластие уже не грозит замешательством; — не тот народ, внешние расстояния и державные задания которого намного опередили силу и гибкость его правосознания, а тот народ,

который духовно дорос до своих численно-пространственных размеров, — который идейно, технически и организационно справился с бременем своих государственных задач. Народ, не могущий позволить себе этой роскоши, не должен и посягать на нее, ибо это посягание будет жизненно беспочвенным и опасным, и непременно приведет к образованию утопических партий и к гибельным попыткам с их стороны.

Силою равнинного пространства, силою национального темперамента, силою славянского индивидуализма и слабостью своей общественной дисциплины — русский народ поставлен в условия, требующие не слабого, а сильного государственного центра. На протяжении своей истории он не раз обнаруживал и ныне в революции вновь обнаружил тягу к безвластному замешательству, к страстному разрушительному кипению, к хаотическому имущественному переделу, к противогосударственному распаду. Русский человек способен блюсти порядок и строить государство; он способен держать образцовую дисциплину, жертвенно служить и умирать за родину. Но эта способность его проявляется и приносит плоды не тогда, когда она предоставлена самой себе, а тогда, когда она вызывается к жизни, закрепляется и ведется импонирующим ему, сильным и достойным государственным авторитетом.

Именно поэтому России необходима сильная власть. И она будет ее иметь.

Однако идея «сильной власти» совсем не так проста и общепонятна, как это многим кажется. Она должна быть верно и глубоко продумана. Она окружена соблазнами. Она может неверно истолковываться, противоправно строиться и дурно применяться в жизни. Здесь необходима большая предусмотрительность и ясность в определениях. Здесь преувеличения столь же вредны и опасны, как преуменьшения...

Принципиально говоря, государственная власть имеет вполне определенное и ограниченное призвание. Она совсем не «все может» и совсем не призвана «всем распоряжаться». Напротив, — все то, что требует свободного дыхания, добровольного самоопределения со стороны человека, его творческой инициативы, — не подлежит произволению и властному распоряжению государственной власти. Человек не машина, а живой организм. Дух человека живет не по приказу и творит не по принуждению. Заменить хозяйственно-трудовую инициативу человеческого инстинкта — нельзя ничем; предписывать человеческому духу любовь, веру, молитву, совестные движения души, чувство достоинства и чести, способы научного исследования и художественного созерцания — противоестественно и нелепо. К добродетели и верности можно призывать; их преимущества можно показывать и разъяснять; злые деяния можно воспрещать и наказывать. Но «Царство Божие» и духовная культура — не

вызываются к жизни государственным повелением. Это не означает, что государственной власти совсем «нечего делать»; но дело ее здесь ограничено, оно сводится к правовому обеспечению свободы, к препятствованию всем злым и соблазнительным начинаниям, к организации народного просвещения и к выделению людей благой воли.

Это означает, что сильная власть совсем не то же самое, что «тоталитарная власть».

У нас в России она существует под видом коммунизма вот уже 33 года и нам, русскому народу, она принесла только разорение, горе и унижение. Поэтому благоденствие России и русского народа требует упразднения тоталитарной власти.

Сильная власть грядущей России должна быть сильна в своих верных пределах. Она совсем не призвана посягать на необъятное и неосуществимое. Забывая свои пределы и подминая под себя всю свободную, творческую жизнь граждан, она стала бы неизбежно надрывать и компрометировать себя. Она вынуждена была бы претендовать на всеведение, всепредвидение и всемогущество, и не смогла бы оправдать свою претензию. Никакая судорожная суетливость, никакая грозная требовательность не спасла бы ее. Ей пришлось бы прибегнуть к террору и системе доносов, и это только повредило бы ей: она стала бы, наподобие советской власти, ненавистной всему народу; и свободная лояльность не водворилась бы в России. Излучения власти не смогли бы пронизать правовую жизнь народа. Никакие жестокие и дурные средства не помогли бы разрешить объективно-неразрешимую задачу — и оказалось бы, что новая власть подрывает себя так, как подрывала себя власть коммунистическая.

Сила власти определяется совсем не размером ее посяганий и не готовностью ее прибегать к любым и даже самым дурным средствам. Сила власти не сводится к тому, что она готова истощать народное терпение и растрачивать народное уважение и доверие.

В чем же состоит сила государственной власти?

Сила власти есть прежде всего ее духовно-государственный авторитет, ее уважаемость, ее признаваемое достоинство, ее способность импонировать гражданам. Поставить себе неосуществимую задачу не значит проявить силу; растрачивать с^лой авторитет не значит быть сильным. Сила власти проявляется не в крике, не в суете, не в претенциозности, не в похвальбе и не в терроре. Истинная сила власти состоит в ее способности звать не грозя и встречать верный отклик в народе. Ибо власть есть прежде всего и больше всего

дух и воля,

т.е. достоинство и правота наверху, которым отвечает свободная лояльность снизу. Чем меньше напряжение нужно сверху и чем больший отклик оно вызывает внизу, тем сильнее власть.

Принуждение бывает необходимо; но оно есть лишь техническое подспорье или условно-временная замена истинной силы. Государственная власть есть прежде всего — явление внутреннего мира, а потом только внешнего. Власть сильна не штыком и не казнью. Штык нужен тогда, когда власть недостаточно авторитетна; казнь говорит о недостаточной лояльности снизу. Власть сильна своим достоинством, своею правотой, своею волею и ответом народа (т.е. блюдением закона, доверием, уважением и готовностью творчески вливаться в начинания власти).

Эту основную природу свою, — духовную и волевою, — власть должна помнить, беречь и укреплять. В ее распоряжении всегда остается аппарат принуждения, — т.е. возможность поддерживать свои веления внешней силой. Но внешняя сила никогда не заменит внутреннюю, — ни ее достоинства, ни правоты, ни ее духовного импониования. Пугачевский бунт свидетельствовал о том, что духовный авторитет русской государственной власти вновь (после Петра!) поколебался; что народный «идеал царя» не воплощался петербургским тронем того времени... Лучшие люди той эпохи понимали- это: А.И. Бибиков, которому Императрица поручила усмирение пугачевского бунта, писал фон Визину: «не Пугачев важен, важно общее негодование!». Исторически дело обстояло так, что лояльность русского простонародья пыталась поставить трону свои условия. Бунт, конечно, надо было подавить. Но штык Михельсона и казни графа Панина не разрешали вопроса: надо было принять «корректуру» народного правосознания и творческими реформами восстановить истинную силу императорской власти. Ибо государство держится не штыком, а духом; не террором, а авторитетом власти; не угрозами и наказаниями, а свободной лояльностью народа.

Поэтому, говоря о сильной власти в грядущей России, я разумею прежде всего и больше всего — ее духовный авторитет. Этот духовный авторитет предполагает наличие целого ряда условий.

Так, прежде всего, необходима та особая национальная вдохновенность власти, которая должна излучаться из нее: народ должен уверенно чувствовать, что это есть наша, русская, национальная власть, преданная историческому делу, верная, неподкупная, блюдущая и строящая; без этой уверенности не будет ни доверия, ни уважения, ни готовности «аккумулировать» и служить. Сильная власть есть национально-убедительная власть.

Далее, в России необходимо религиозное доверие народа к власти: власть инославная, иноверная или безверная всегда будет пользоваться в России скудным, урезанным, сомнительным авторитетом. Власть, оторванная от Бога, не может знать, что полагается «по Божьи»; она будет чужда верующему сердцу, а

потому вообще не привлечет к себе сердца. Сильная власть есть религиозно-убедительная власть.

Далее, духовный авторитет власти будет тем больше, чем независимее будет эта власть. Зависимая власть не будет пользоваться ни уважением, ни доверием. Человек, который сам не стоит и не идет, не сможет и вести: за ним не пойдут. Всякая зависимость будет подрывать авторитет власти: зависимость от иностранных войск, от своей армии, от каких-либо международных явных или тайных организаций, от партий, от капитала, от всяких ультимативных «нажимов» и т.д. Даже зависимость от церкви была бы нежелательна и противоречила бы древней, русско-православной традиции. Русская государственная власть может определяться только верою, совестью, честью и российским всенародным благом. Это должна быть автономная и предметно-убедительная власть.

Наконец, эта власть должна быть в государственных делах волевым центром страны. Безволие и слабование не импонируют русскому человеку. Сам не имея зрелого волевого характера, русский человек требует воли от своего правителя. Он предпочитает окрик, строгость, твердость — уговариванию, «дискуссиям» и колебаниям; он предпочитает даже самоуправство — волевому ничтожеству. Ему необходима императивная убедительность власти.

Таковы основные условия внутренней силы власти. Им должна соответствовать ее внешняя форма. Отчетливо вычертить эту форму можно было бы только в виде конституционного проекта с подробным объяснительным комментарием. Здесь можно установить только основы грядущего государственного устройства России и то лишь вкратце. Вот эти основы.

1. — Сильная власть грядущей России должна быть не неправовая и не сверхправовая, а оформленная правом, и служащая по праву, при помощи права — всенародному правопорядку. России нужна власть не произвольная, не тираническая, не безграничная. Она должна иметь свои законные пределы, свои полномочия, обязанности и запретности, — во всех своих инстанциях и проявлениях. Это относится и к органу верховной власти, как бы он ни назывался и кем бы ни был представлен. Русский народ должен осознать себя как правовое единство, как Субъекта Права, состоящего из множества субъектов права: как живую Всероссийскую Личность, которую строит и ведет сильная правовая власть.

2. — Итак, русское государство будет субъектом права, юридическим лицом. А юридическое лицо организуется или по образцу корпорации, или по образцу учреждения (см. «Н. З.» № 40 и 41).⁵¹

Корпорация строится снизу вверх равноправными членами: это есть осуществленное самоуправление. Каждый участник ее

есть полномочный член целого, решающий о своем участии в корпорации, о ее целях и задачах, о ее уставе и правлении. Правовая жизнь корпорации строится через тех, кого она обьемает и обслуживает. Так, последовательная демократия пытается построить государство по принципу строгой корпорации, сводя принцип «учреждения» к минимуму.

Учреждение строится сверху вниз, учредителем и группою назначенных им лиц: это есть осуществленное попечение о людях. Цель и задачи учреждения устанавливаются с самого начала учредителем; они определяются уставом; уставом же определяется структура учреждения и способы его действия. Одни люди ведут учреждение, и в этом состоит их служба; другие люди пользуются благами этого учреждения, но полномочными членами его не являются. Правовая жизнь и деятельность учреждения строится не теми, кого она обслуживает (напр., школа, больница). Так абсолютная монархия пытается построить государство по принципу строгого учреждения.

В действительной жизни государство никогда не бывает ни последовательной корпорацией, ни последовательным учреждением. Государство всегда строится — не только сверху вниз, но и снизу вверх. Оно всегда осуществляет властное попечение; и всегда имеет сферы народного самоуправления. Понятно, что государство, нуждающееся в сильной власти, будет склоняться к форме учреждения, а государство, удовлетворяющееся слабой властью, будет более походить на корпорацию.

В грядущей России необходимо будет найти верное, жизненно-целесообразное, для русского правосознания подходящее сочетание из учреждения и корпорации. Участие русского гражданина в строительстве русского государства будет драгоценно, жизненно, необходимо; но оно не должно будет ослаблять силу государственной власти. Это участие не должно колебать и разлагать ее единства, авторитета и ее силы. Составитель будущей русской конституции должен понять и запомнить, что все установления, правила и обычаи демократического строя, которые усиливают центробежные силы в политике или ослабляют центростремительные тяготения народной жизни,—должны быть специально для России обезврежены и заменены иными, закрепляющими национальное единение. Здесь потребуется творчество новых государственных форм: нового избирательного права, новых партийных принципов, новых форм контроля, единения и водительства. Русский гражданин должен присутствовать своею лояльною волею и своим уважающим признанием во всех делах своего государства, — даже и там, где он не участвует в делах формальным голосованием. Форма «общественного договора» неосуществима в России: — всенародный створ с арифметическим подсчетом голосов быстро развалит русское государство. Но именно поэтому «общественный договор» должен

стать живой, всепокрывающей, непоколебимой предпосылкой русского правосознания.

Задача нового государственного устройства России состоит в том, чтобы найти такую форму, при которой дух братской корпорации насытит форму попечительно-ведущего учреждения, — при обеспеченном и непрерывном отборе качественно-лучших людей к власти. Это учреждение должно быть несомно тем корпоративным духом, который оно само питает и насаждает, приучая народ к самоуправлению, но не рабству корпоративной схеме и доктрине.

Новая конституция России должна совместить преимущества авторитарного строя с преимуществами демократии, устраняя опасности первого и недостатки второй.

3. — Государственный строй новой России должен быть по форме унитарным, а по духу федеративным. Единство державы и центральной власти не может зависеть от согласия многих отдельных самостоятельных государств (областных или национальных); это развалит Россию. Но единая и сильная центральная власть должна выделить сферы областной и национальной самостоятельности и насытить всенародное единение духом братской солидарности.

4. — Сильная власть отнюдь не должна привести в России к формам централизации и бюрократизма. Русское государство должно быть единым, но дифференцированным. Оно должно иметь сильный центр, децентрализующий все, что возможно децентрализовать без опасности для единства России. Центральное управление не сможет обойтись без назначаемого чиновничества, но надо будет найти новые формы для выдвижения снизу людей талантливых и достойных назначения. И в то же время бюрократии центра должно соответствовать широкое — местное, сословное и профессиональное самоуправление. Россия должна иметь сильный центр, формально-авторитетный, но по существу и по духу — народный и всенародный.

5. — Все государственные дела должны быть разделены на две категории: центрально-всероссийские, верховные, и местно-автономные, низовые. К первым должны принадлежать все дела общегосударственные, единые для всех; субстанциальные для России как великой державы. Ко вторым — все остальные. Делами первой категории должен весть сильный, авторитетный центр (отнюдь не исключаяющий народного представительства и питаемый свободным всенародно-корпоративным духом). Делами второй категории должны весть органы самоуправления, работающие в согласии с децентрализованными, местными органами центра (что обеспечит им органическую поддержку центральной власти). Должна быть найдена такая форма государственного устройства, при которой низовая сила будет вовлекаться в работу авторитарного центра, а авторитарный

центр будет иметь возможность влить свою оздоровляющую силу в то низовое место, которое потребует этого своею слабостью или своим расстройством.

В этом органическом единении важнее всего, чтобы сильная власть верно соблюдала меру своего проявления: все, что может делаться нецентрально, должно совершаться автономно; сила центра не должна подавлять автономное творчество людей и корпораций; но в час необходимости свободные люди и автономные корпорации должны получать опору и оздоровление из сильного центра. Тогда сильная власть окажется примиримою со свободною самодеятельностью народа.

6. — Что касается верховного органа власти (Глава государства) в грядущей России, то необходимо помнить следующее. Коллективное (не единоличное) строение этого органа ослабит его политическую силу: при прочих равных условиях единоличный глава государства представляет более сильную волевую власть, нежели совокупный орган. Точно так же — избираемый Глава в полномочиях своих срочный (или тем более — краткосрочный), сменяемый (или тем более легко сменяемый), зависимый от других пресекающих или авторитетно контролирующих органов, лишенный самостоятельной инициативы, — явит власть слабую. По общему правилу он создает на ответственнойшем месте государства — центр безволия, интриги и замешательства.

Таковы общие основы, на которых может и должно покоиться государственное устройство грядущей России. Современные поколения русских людей сумеют найти соответствующие формы государственного бытия, творчески-новые и национально-спасительные.

О ГОСУДАРЕ⁵²

Когда прислушиваешься к современным политическим мнениям и толкам, то незаметно приходишь к выводу, что наши радикальные современники внушают сами себе и друг другу, будто эпоха монархии безвозвратно «минула» и наступила «окончательно» эпоха республики, и будто монархист есть тем самым реакционер, а республиканец есть друг всего «высокого и прекрасного», всякого света, свободы и просвещения. Воззрение это прививается и распространяется искусственно, из-за кулисы и притом в расчете на политическую наивность и слепоту массового «гражданина».

Не подлежит никакому сомнению, что в нашу эпоху (на протяжении XIX и XX веков) чувство зависти вырвалось в политике из подполья и люди, не стесняясь, предаются ему во всевозможных формах и видах, начиная от беспредметного свободолюбия и кончая последним воплем моды, начиная от модернизма в искусстве и кончая похищением детей у богатых сограждан,

начиная от плоской и злобной доктрины равенства и кончая политической интригой или коммунистическим заговором. Особенно надо отметить, что естественное и драгоценное чувство собственного духовного достоинства, к сожалению, отжило и извратилось в ложное учение о мнимом «равенстве» всех людей, ослепляющее в делах хозяйства и политики. Именно этим прежде всего и объясняется отзывчивость массового «гражданина» на агитацию республиканцев. С тем вместе меркнет чувство ранга, столь существенное во всех делах духовной культуры и особенно в религии. «Просвещенное» безбожие стало обозначать «свободу» и «равенство»; чувство зависти распространилось и на потусторонний мир, и образ «демона-дьявола» оказался соблазнительнейшим из всех соблазнов. Замечательно, что это эгалитарное республиканство, внушаемое наивной массе и принимаемое ею, таит в самом себе свою опасность и свое наказание. А именно: заговорщическое и революционное свержение монархического строя быстро приводит совсем не к республиканским свободам и «радостям», а к персональной тирании очередного авантюриста или к партийной диктатуре. Всюду, где необходима и спасительна сильная власть, — а в революционный период смуты и разложения она особенно необходима повсюду, — слагается не многоголовая и многоголосая республика, а централизованный диктаториальный строй, или персонально-деспотического, или партийно-тоталитарного характера, в котором не только отсутствуют столь вожделенные «республиканские радости», но в коих произвол заменяет собою право и возникает новое неравенство, открывающее двери всем сомнительным или худшим элементам страны. И вот лягушки, добивавшиеся республики, «от дел своих казнятся» (Крылов) и медленно, туго, с неискренними оговорками начинают все же постигать назначение и благо монархического строя.

В этой связи становится понятным целый ряд особенностей нашего смутного времени. Люди отворачиваются от монархии потому, что утрачивают верное понимание ее. Просыпаясь к политической сознательности, они смотрят на государственную власть жадно-завистливым глазом снизу и чувство собственной малости, подчиненности, приниженности гложет их обидою. Что же видит такой глаз в монархе?

Высочайшую «превознесенность», которую нельзя ни «принять», ни «простить». Он «велик», а я мал. Но чем же он так особенно «велик»? И почему же я так безусловно мал, до беззащитной покорности? Ведь справедливость требует равенства... А здесь строй торжествующего неравенства! Ему принадлежит «вся полнота власти», а я — «ничто», обязанное слепо повиноваться. Он один из самых богатых людей в стране, а я еле живу и кое-как перемогаюсь. Он может делать все, что захочет, и не подлежит никакой ответственности; во всей стране есть

один единственный «свободный» человек, это он, а мы, остальные, — не больше, чем его «подданные». Он может сделать со мною все, что захочет, вплоть до отнятия имущества и казни; а я обязан все терпеть. Вся жизнь его — сплошное развлечение и наслаждение... Какие роскошные дворцы, какая обстановка, какие наряды, коллекции, драгоценные камни, посуда, прислуга, лошади, автомобили... Какие пиры, какие женщины, какой почет! И никто его не выбирал. И ни в чем одобрении он не нуждается. Уверяют даже, что он не связан никакими законами и что каждое его желание — для всех закон. Словом, в монархии все устроено так, чтобы возмущать всякого «порядочного» человека и накапливать «общественное негодование». А наследственность этого звания имеет только тот смысл, что она увековечивает этот «возмутительный» строй и порядок.

Так смотрит и видит Государя завистливый и жадный взгляд снизу. Этот взгляд свойствен нашей эпохе особенно, и притом потому, что современное «просвещение» вот уже более полутора столетий насаждает в душах материалистическую установку, приучающую видеть внешнее, чувственное, общедоступное, поверхностное и отучающую видеть в жизни и делах — внутреннее, нечувственное, сокровенное, глубокое. Духовные и религиозные предметы, — ради постижения и осуществления коих только и стоит жить на земле, — все меньше говорят современному человеку, так что, в конце концов, он вообще перестает с ними считаться и объявляет их несуществующими, реакционной выдумкой. Множатся люди духовно слепые и притом в высшей степени довольные своей слепотой. «Все, чего им не взвесить, не смерить, — Все, кричат они, надо похерить! — Только то, говорят, и действительно, — Что для нашего тела чувствительно» (А.К. Толстой).

Так у них обстоит во всем; и в политике. То, что их манит и удовлетворяет — есть формальная демократия, не требующая от гражданина силы суждения; это развязывающие человека «права», не связанные с правосознанием; это «самоопределение» и «самоуправление», не обеспеченные духовной самостоятельностью человека; это «глава государства», ничего не возглавляющий и никуда не ведущий; — иллюзия права и государства и реальность лукавого карьеризма и закулисной интриги. Естественно и неизбежно, что люди, живущие таким духовным актом, в котором нет ни духа, ни сердца, ни разума, ни совести, ни созерцающего ока, а есть только поверхностные сведения, расчет, рассудок, изворотливость и внешнее наблюдение, — не имеют внутреннего органа для восприятия Государя и для живого монархического служения. Они теряют Царя и в сердце, и в голове; — не понимают монархии и произносят о Государе те поверхностные глупости и пошлости, которые мы только что охарактеризовали.

Сравнительно недавно еще, в эмиграции, один поверхностный и сумбурный публицист, наивно считающий себя «историком», на мой прямой вопрос — монархист ли он? — ответил со злобою: «Я не холуй», как если бы только одни холуи могли быть монархистами... Но так уж они духовно ушиблены, эти болтуны.

Современный исторический опыт показал нам, что они готовят себе и своим народам. Мы же обязаны показать им, что есть истинная идея Государя, которую они утратили своим завистливым сердцем и формальным рассудком.

Но при этом мы не делаем себе иллюзий: они вряд ли увидят показываемое, вероятнее всего не поймут того, что мы имеем в виду, и наверное не примут его в смысле согласия. Что увидит человек с завязанными глазами? Что поймет тот, кто отрекся от разума во имя плоского рассудка? Как примет человек сердцем, если он исключил свое сердце из жизни и поставил себе свое бессердечие и пустосердечие в особую доблесть? Музыка не скажет ничего глухонемому. Радость чести и честности остаются недоступными тому, кто ищет жизненного и политического успеха во что бы то ни стало. Все это мы предвидим. Но это несколько не меняет сущности вещей.

Чтобы верно увидеть идею Государя, надо понять, что принадлежащая ему в государстве верховная власть отнюдь не безгранична; а связующие его верховные обязанности возлагают на него такое бремя, с которым человек может справиться только принося себя целиком в жертву, испрашивая благодатную помощь Свыше и опираясь на всенародное верное служение в своей стране.

Это означает, что дело Государя есть самоотверженное служение, и что служение это состоит в государственно верховном властвовании. Такое единство властвования и служения имеет существенное, определяющее значение; оно не может и не должно расторгаться. Гражданин, видящий одно только властвование монарха, становится на путь протеста, легко переходящего в возмущение, в заговор, бунт и революцию. Монарх, разумеющий свое дело лишь как властное произволение, незаметно впадает в противогосударственный «абсолютизм», презирает право и закон, становится деспотом и тираном, начинает править террором и вырождает всю государственную жизнь. В действительности же, властвование Государя должно быть осмысливаемо — и им самим, и гражданами, — как служение и притом в каждом совершаемом акте; а служение его состоит именно в том, что он возглавляет, а во многих случаях и воплощает начало власти в государстве.

Государь властвует. Но не потому, что он «властолюбив», а потому, что он к этому призван и обязан: в этом его служение. И нет ничего более нелепого, как если ему начинают ставить в укор это властвование. Государь, не способный к власти, есть явление большое, опасное и, может быть, гибельное для всего

народа. При безвластном монархе в государстве начинается смута и замешательство: источник строя, законности и дисциплины, источник организованной государственной воли — иссякает; все колеблется, волевая жизнь государства останавливается, престол окружается честолюбивыми и властолюбивыми интриганами, всюду появляются вспышки произвола и анархии, начинается быстрая смена министров, растрата и расхищение драгоценной власти и лояльности. Или же рядом с безвольным Государем появляется его незаконный волевой «двойник» — иногда в лице его супруги или родственника, иногда в лице «временщика», избранного самим Государем, или ловко выдвинувшегося интригана...

Власть есть функция воли, и Государю подобает быть волевым человеком. Безвольный или слабовольный Государь, вечно колеблющийся или меняющий свои решения, «пресекает» сам себя и оказывается своим опаснейшим врагом. Он мертвит и разлагает жизнь государства и готовит сам себе печальный конец. Ему лучше заранее отказаться от своего права и не вступать на престол. Ибо к самой сущности монархии относится решающее единоволие, противопоставляемое «многогласию» «разноволию» и необходимости бесконечных «дискуссий», голосований и многодушных, но не искренних соглашений. Монархия нуждается в единой воле, а не в колеблющемся безволии; в персональном и ответственном несении власти, а не в благодушном уклонении от решений и решительных мер.

Поэтому надо признать, что безвольный и безвластный монарх является только видимостью Государя: он есть, но так, что его как бы и нет. И все, что творится при нем, — приписывается монархии и монархическому строю без достаточного основания: ибо в стране начинается республиканский хаос; и этот республиканский хаос с его гибельным разложением, с его смутой совершенно неосновательно считается «монархическим режимом».

Государь призван к власти; он обязан властвовать и вести. А для этого ему необходима самостоятельная воля и повышенное, всеобъемлющее чувство ответственности.

Итак, первое, что необходимо понять в положении Государя, есть ограниченность его власти и безграничность связующих его обязанностей.

Власть Государя ограничена прежде всего законами природы и законами человеческого естества.

Государь вынужден считаться с климатом своей страны, с ее географическим положением, с ее пространством и объемом, с ее прошедшей историей. Для этого он должен изучить все это, видеть как бы издали возможности и невозможности своего государства, его нужды, потребности и опасности, грозящие ему судьбы и его державные задания. И вот, вся жизнь Государя есть изучение и научение, взглядывание, вчувствование и созерцание.

И притом не теоретически-отвлеченное, как у научных исследователей, и не любительски-дилетантское, как у свободного обывателя, а практически-политическое, творческое, сопряженное с действительными замыслами и с величайшей ответственностью. Государь, не знающий своей страны и законов ее природы, не может и править: какие он проложит дороги? какие проведет каналы? культуру каких растений и животных подскажет он своему народу? какие насадит леса? какие отведет суховеи? какие осушит болота? какие оросит степи? какие укажет металлы и минералы, ископаемые и горные породы? Великие Государи все это разумели и обо всем этом пеклись, начиная от императора Адриана, 28 лет объезжавшего свое государство, и кончая французским королем Генрихом IV и особенно гениальнейшим из Государей Петром Великим. Без этого — как подвинуть свою страну, как организовать ее оборону, как пробудить самодеятельность своего народа? А Государь за все это отвечает...

Далее, он должен разуметь законы человеческого естества и плодотворно считаться с ними. Он должен знать естественные потребности своего народа — в питании и в одежде, на суше и на море, в труде и в отдыхе, во время войны и во время мира. Он должен разуметь своеобразие тех народов, которыми он призван править, их характер, их веру, их обычаи, их национальную силу и слабости, их семейный быт и их способ прокормления, чтобы каждому из них подсказать лучший труд и лучшее самоуправление и чтобы каждый из них чувствовал себя признанным, оцененным и нашедшим свое место в сердце своего Государя. Для этого Государь должен всю жизнь неустанно изучать свое наследие, чувствовать себя как бы учеником своего государства и притом учеником, обремененным властной ответственностью, — согласно той штемпельной печати, которую заказал себе и жизненно применял двадцатипятилетний Петр Великий, отправляясь за границу: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую».

Отсюда видно, сколь велико трудовое бремя познания, лежащее на Государе. Образование его должно начинаться в детстве, чтобы закончиться лишь с его смертью. Особенного внимания от него потребует история человечества, которая раскроет ему выношенный народами и монархами опыт правления, политическое и дипломатическое искусство, и, наконец, стратегию, как обязательную науку царей и полководцев. Государь, не понимающий этого, — как управит своим государственным делом? Какую реформу сможет он задумать и провести? Как распознает он людей? Каких назначит министров? Какую войну он сумеет обдумать и подготовить? Каких полководцев избрать? Какие победы одержать? — Ясно, что жизнь Государя насыщена ответственностью и трудом, как никогда и ни

у кого другого. Ибо обыватель отвечает за себя и за свою семью; чиновник за препорученное ему дело; а Государь за все, за всю жизнь и судьбу своего народа.

Но на нем лежит еще многое другое и особенно — великая ответственность за свой царский род и его продолжение, а также за всю династию. Государь, получающий свой трон в порядке кровного преемства, должен иметь хорошую наследственность в естественно-органическом отношении. Телесно — или душевно больной монарх не сможет нести бремя своего призвания и трона. Несчастье, конечно, может постигнуть каждого человека и от заболевания (телесного или душевного) оградить можно далеко не всегда. Но достаточно вспомнить двух сыновей баварского короля Максимилиана II (XIX век) — Людовика и Оттона, страдавших душевной болезнью, — чтобы понять, какие государственные затруднения могут отсюда возникать. Государь естественно и неизбежно отвечает за здоровье своих наследников и должен предвидеть все, поддающееся предвидению. Брак, заведомо грозящий большим потомством, недопустим ни в смысле родительского разрешения, ни в смысле взрослого самостоятельного произволения. А это означает, что каждый член династии должен быть готов к тому, чтобы отречься во имя законов «эвгенетики» (наука и практика здорового потомства) от своей самой сильной любви и влюбленности. Здесь жертвенность монарха не знает пределов. В вопросах брака Государь столь же мало свободен, сколько и в вопросах образования и быта, ибо брак царя есть дело династическое и государственно-всенародное; и поэтому лучше отказаться от престола во имя «всепоглощающей» личной любви, чем ввести большую наследственность в династическое преемство.

В этом порядке слагается вся жизнь Государя. Он имеет свой «царственный облигаториум», т.е. систему обязанностей, диктуемых престолом и связывающих монарха. Совершенно независимо от того, соответствуют эти обязанности личным склонностям Государя, или не соответствуют, он должен стать «мастером» в их выполнении.

Он должен знать военный строй, уметь командовать, разумеет состав армии и современное оружие; он должен верно ценить наличный резерв своих армий, полководцев и командиров и уметь выбирать способных. Бремя разводов, парадов, смотров и упражнений никогда не снимется с него.

Он должен разумеет строение национального суда снизу доверху, понимать аксиому его независимости, добиваться повсюду суда «скорого, правого и милостивого» и мудро раполагать принадлежащими ему правами помилования (прощение осужденных) и аболиции (прощение до суда), милуя везде, где возможно и мужественно отказывая в помиловании, где это необходимо.

Он должен разуметь смысл и значение народного представительства; — его введения, расширения и ограничения, смысла созыва и роспуска палаты; — значение, пределы, соблазны и опасности избирательного права. Он должен исключить из народного представительства элемент «соперничества» с тронном и организовать его на основах взаимной верной помощи и лояльного сотрудничества; а это потребует от него великого терпения, такта и мудрости.

Он должен зорко и верно ориентироваться в положении международных дел и разуметь все хитросплетения дипломатической работы и среды. Он должен выработать в себе тот «шарм» обхождения, тот незаметный такт, ту легкую осторожность в словах и делах, которые никогда не станут «фальшивыми» и всегда останутся естественными и мудрыми проявлениями властного патриотизма. История всех стран изобилует примерами того, как международная бестактность Государя обрушивалась на его народ бедствиями.

Далее, Государь есть призванный и ответственный воспитатель своего народа. Он должен верно разуметь его характер, уровень его правосознания и его национальную идею. Он должен удостовериться в том жизненном бессилии, в котором пребывает невежественный народ; — в опасности, исходящей от полуобразованности и «полунауки» (выражение Достоевского) и в том вреде, который несет с собой разрыв между интеллигенцией и простым народом. Словом, глубокие и руководящие идеи народного образования министры народного просвещения должны получать от своего Государя.

Воспитание же народа есть воспитание в нем патриотизма, чувства собственного достоинства, силы суждения, чувства ответственности — и в результате этого способности к самоуправлению. Воспитывать народ значит воспитывать его к свободе, к этому высокому искусству, сочетающему воедино самостоятельность бытия и верность предмету. И призвание Государя состоит не в том, чтобы подавлять свободную веру и свободное творчество в своем народе, но в том, чтобы растить и укреплять их. Полновластие дается монарху не для тоталитарного правления, как иные толкуют «абсолютизм», смешивая его с «самодержавием», а для освобождения своего народа к свободной религиозности и самостоятельному творчеству. Именно так понимал свое полновластие Петр Великий.

Понятно, что в вопросах политических убеждений и религиозной веры от Государя требуется величайший такт и сущее искусство.

Государь ни при каких условиях не может мыслить партийно и быть членом партии. Партий много, а народ один и Государь один. Партий много, но беспартийных гораздо больше, чем партийных (в Швейцарии, например, 86 процентов голосующих не

записаны ни в какой партии). «Широко цареве сердце»; в нем есть место всей стране. Партийный царь с партийным значком есть снижение и искажение. Орлий взор Государя должен глядеть в «солнце» своего народа и предоставить обывателям коситься на партийную программу и добычу.

Еще глубже и тоньше отношение Государя к исповеданиям. Государю естественно иметь, кроме своего монаршего патриотизма, два источника вдохновения — религиозную веру и всенародную любовь. Вера наверное приведет его к известному, национально выношенному исповеданию и в соответствующую церковь, в которой он был рожден и духовно вскормлен. Но это не значит, что он может и должен утопить силу своего монаршего суждения в мнениях современного ему духовенства: ни светская власть не должна посягать на церковь и на церковное дело, ни духовенство не должно посягать на власть Государя, на ее подчинение и поглощение. Взаимный совет и взаимная поддержка образуют здесь предел совместной свободы. Такова была древняя православная традиция на Руси. Обратное осуществлялось в Англии при Стюартах, где, например, король Иаков II, католик и приверженец иезуитов, оказывался в силу своих монарших прав главой протестантской церкви... Но это не означает также, что государственной и притом именно монаршей власти подобает свойственная католикам нетерпимость к другим исповеданиям: конфессиональная принадлежность не должна становится (как это было при императоре Карле V) синонимом государственной лояльности, так, что все не католическое объявлялось непокорным и подвергалось возмездию. Напротив, монархическое государство призвано к веротерпимости по отношению к другим исповеданиям и может делать исключение из этого только для извращенных и нелояльно агрессивных исповеданий.

Наконец, одно из важнейших призваний Государя и Династии состоит в том, чтобы иметь верную, творческую и устойчивую социальную, отнюдь не социалистическую, идею, т.е. план ведения государственных дел в неуклонном направлении свободной духовности, справедливости и хозяйственной продуктивности. Государь, не имеющий творческой социальной идеи, будет править от случая к случаю, от наущения к наущению, а может быть и по отжившей и государственно вредной традиции, а может быть от каприза к капризу. А между тем он призван к своего рода социальному ясновиденью: его прозорливость и дальнорукость должна верно видеть, что именно (и именно у его народа) может развязать творческие силы, подвигнуть его к хозяйственному и культурному расцвету и пробудить в нем волю к справедливости. Для этого Государь призван стоять над всеми сословиями, классами и над всякими партиями: он должен быть свободен от заговорщиков, его выдвинувших, от легионов, его

провозглашающих, от банкиров, его финансирующих, и от мировой закулисы, пытающейся связать его государственную волю. Так, Императрица Елизавета Петровна и Императрица Екатерина Алексеевна не были свободны от своих заговорщиков и от ведомого ими сословия, и поэтому не имели всенародной социальной идеи. К ней пытался пробиться Петр III, и не сумел, и не успел. О ней мечтал Павел I, но убийцы его опасались этой идеи, и история не дала ему времени. Настоящие поиски ее жили в душе Александра I; он начал с них, но войны и заговоры слишком обременили его царствование. Подготовительные работы были начаты при Николае I (освобождение трона от давления дворянства, как реакционного, так и революционного; творческий замысел отмены крепостного права властью Государя — у Жуковского, Пушкина и Гоголя; кодификация Сперанского; подготовительные комитеты 1826, 1835, 1839, 1840, 1846, 1848 и 1849 годов) и осуществлены Императором Александром II, которому за них отомстило подлым убийством революционное мещанство. Драгоценное время было затем упущено до 1906 года, когда революционные посягательства всенародной черни побудили, наконец, Императора Николая II принять социальную идею П.А. Столыпина...

Вплоченным носителем социальной идеи был Петр Великий. Из истории других стран мы могли бы указать, например, на социальные замыслы и меры Октавиана Августа, императора Адриана, Генриха IV Бурбона, консолидатора французской революции Наполеона Бонапарта («Code Napoleon») и многих других Государей (начиная с древних, социально мыслящих царей Греции и Рима).

Невозможно исчислить здесь все обязанности, несомые Государем, и описать все их бремя. Но нам достаточно сказанного и пора обратиться к основным выводам, вытекающим из верного понимания Престола.

После всего нами сказанного и установленного («Н.З.» 199-200⁵³) трудно представить себе человека, у которого хватило бы невежества или политической наивности для того, чтобы разглагольствовать о «привилегированности», или тем более о «безответственной привилегированности» Государя. Настаивать на этом могли бы только люди, изнемогающие от честолюбия, зависти и жажды равенства, или просто тупые от природы: они будут, по слову Козьмы Пруткова, рассуждать о том, о чем их понятия им это не позволяют, и суждения их будут совершенно неосновательны и глупы.

Граждан много, а Государь один. И от каждого из граждан идет к Государю нить правовой подчиненности; и эта нить обязывает и связывает Государя. Государь один в стране, и от него идет к каждому гражданину нить власти, и эта власть связывает и обязывает Государя. И так, во всем и всегда, он

связан чужой подчиненностью и своей властью, даже и тогда, когда в данный момент и в отношении к данному гражданину ни власть, ни подчиненность ни в чем определенном, по-видимому, не выражаются.

Об этой связи своей с каждым гражданином в отдельности Государя прекрасно знают; они пользуются ею всегда и повсюду в ту меру, в какую им это нужно, — и тогда, когда выходят к бунтовщикам (холерный бунт, декабристы), и тогда, когда надписью на документе решают участь провинившегося (резолюция Александра III об освобождении «этой дуры Цебриковой»), и тогда, когда подобно Императору Николаю II, проезжают мимо, отдают честь некланяющемуся человеку в студенческой форме (Арцыбашев). Нить Государя, связующая его с подданными, не порывается и в отсутствие его (портреты, молитвы о Государе, «Зерцало», Гимн, поголовное отдание чести в войсках, дворцы, почтовые марки, царские ложи в театрах, формы свиты, оклики экипажей, и многое другое, рассеянное по всей жизни монархической страны). Дело не обстоит так, что человек, всю жизнь не выдавший своего Государя непосредственно, прожил «в отрыве от него». В пространстве встреча двух людей, может быть, и не осуществилась, но нити правосознания имеют нематериальную природу и живут незримо и неосвязаемо: они не прекращаются от того, что остаются без настоящего жизненного напряжения, и не теряют своего бытия от того, что о них не думают. Ведь солнце светит и из-за облаков, и есть немало людей, которые трудно переносят лучи солнца без всяких покровов. И тем не менее солнце, с которым народное сознание так охотно сравнивает Государя, светит и через облака; оно сохраняет в своей власти и ночную сияющую природу.

Поэтому надо признать, что в служении Государя нет «перерывов»: в каждую минуту своей жизни он несет все бремя своего служения и своей ответственности. С раннего детства он должен принять всю «нагрузку» своих подготовительных работ, занятий и изучений, независимо от того, что его, может быть, привлекают совсем другие предметы. С раннего детства воспитатели будут вырабатывать в нем ту незаинтересованную наблюдательность, ту особую милостивую любезность, тот находчивый такт, которые необходимы ему в соответствии с его призванием. Он представляет собою начало национального единения, синтеза, органического центра, в котором все должно сходить и примиренно сочетаться. Поэтому, ему необходим особый диапазон видения, особый горизонт далекого расстояния и особое искусство интенсивного сращения, которое нуждается в живой активности и неутомимой проницательности. Без этой проницательности он не будет узнавать и выделять лучших людей: его окружают люди вкрадчивые, люди льстивые, люди «забавники» и «анекдотчики», опытные симулянты, порочные актеры, карьеристы.

Звание Государя, его обязанности и служение требуют от него, далее, памяти, но не механической, а органической, а также творческого воображения, в тишине выращивающего новые «плоды», новые планы и преобразования. Понятно, что это дело посягает на всю его личную жизнь, вовлекая ее в себя целиком.

Поэтому Государю естественно и необходимо приучить себя к тому, что просто «личной» жизни, «частной» жизни как таковой, которая «никого, кроме него, не касается», у него — нет и не будет. Можно было сказать, что Государя проводят свою жизнь как бы в большом стеклянном помещении, стены, пол и потолок которого состоят из огромных увеличительных стекол, так что весь народ все время смотрит в эти стекла, видит все, — и излишнее, и ненужное, и нередко — наоборот — не видит самого главного; и всегда остается готов к всевозможным пересудам и кривотолкам. Личная жизнь Государя есть во всем и всегда достояние его народа: ее нельзя выделить из этого великого исторического потока, невозможно объявить ее «безразличной» во всенародном масштабе. Сказать, «что до этого никому нет дела», значит высказать неверное и совершить целый ряд ошибок в жизни.

Тот бесчеловечный разврат, которому предавался на Капри кесарь Тиверий, был, конечно, проявлением его «личной жизни», но в то же время он составлял центральное гноище всенародного римского существования. Личный уклад характера голландско-английского короля Георга III навеки вписан в историю английского народа. Милостивый Царь Алексей Михайлович строил милосердие своего народа; Петр Великий творил свою храбростью, волею и предвидением русскую национальную стратегию; личная жизнь Императрицы Екатерины II Алексеевны органически-политически отражалась на жизни и судьбе ее народа. Личная жизнь праведника Марка Аврелия разливала вокруг себя чистоту и духовное благоухание.

И так — везде, всегда и во всем. А это означает, что духовная и политическая ответственность Государя всеобъемлюща и непрерывна. Все, касающееся Государя лично и его семьи, все есть достояние его народа, все входит в ореол его государственного облика, или, наоборот, в затемнение и искажение его обличил. Низкие уличные компании роняли императора Нерона. Византия знала гнусных временщиков, одно появление которых у трона уже губило престол. Монарх есть вечный центр всенародного внимания; на тысячах незаметных путей каждое слово его, каждое деяние его передается во все стороны, как любопытная или даже драгоценная новость, как нечто подлежащее обсуждению, а может быть и подражанию, как своего рода событие дня или образец. И таким образом, вся частная и личная жизнь Государя остается органически включенной в его публичное служение.

Чтобы удостовериться в этом, достаточно только дать себе хотя бы приблизительный отчет в том, какое количество духовных, политических, дипломатических и иных бестактностей каждому Государю приходится выслушивать и отражать и, отражая, обезвреживать... Какая находчивость ему необходима, какая ширина воззрений, какая снисходительность и благородная доброта!.. А между тем каждый неосторожный ответ рискует породить вредные толки и пересуды.

Так, например, на съезде русских зарубежных писателей в Белграде Зинаида Гиппиус сочла приличным, сидя за ужином рядом с рыцарственным Королем Югославии Александром I и кокетливо поигрывая своим пресловутым лорнетом, задать ему вопрос: «А скажите, Король, Вы на самом деле стоите за монархию?»... Сколько раз представители итальянской аристократии являлись в эпоху Муссолини к королю Италии Виктору-Эммануилу изливать свои антифашистские чувства и никак не хотели понять, почему он выслушивал их, молча, и только в конце аудиенции давал понять, что наговорено «troppo molto»... А ведь есть и неосторожные ответы, которые могут прямо погубить Государя...

С другой стороны, какие обширные возможности открывают перед Государем его сердечная чуткость и творческий такт в непосредственной жизни, особенно в силу присущей придворным подражательности. Простого внимания и сочувствия Государя бывает достаточно, чтобы выручить и поставить на ноги порядочного человека... Государь, как благотворитель, как покровитель литературы и искусства, как утешитель страдающих, как источник справедливости и заслуженных наград, имеет перед собой необозримое поле для добрых дел. И его благородное сердце не может не обретать в этом тихих радостей.

Ввиду всего этого надо признать, что Государь, усвоивший свое призвание и всю полноту своей ответственности, начинает чувствовать себя пленником, а нередко и мучеником своего престола. Он всю жизнь призван жить не по своему вкусу, желанию и выбору, а по зову трона, то подготавливая себя к будущему, то проникая данные обстоятельства и предстоящих людей, то жертвуя всем, главным и любимым, то заставляя себя превозмогать во имя своего народа сущую муку жизни, от которой ему нельзя отказаться.

Имея это в виду, нетрудно понять, что у Государя, стоящего перед престолом, отдающего себе полный и ясный отчет в своей ответственности и не чующего в себе призвания к власти, могут быть часы, дни и годы, когда он будет мечтать о неприятии трона, об освобождении своей личности и своей частной жизни от этого плена и мученичества; в особенности, если ожидающий его трон окружен дурными, низкими и развратными людьми. В этой связи нельзя не вспомнить замечательного и прочувство-

ранного письма Великого Князя Александра Павловича, которое он написал 10-го мая 1796 года своему другу Виктору Павловичу Кочубею.

«Да, милый друг, повторю снова: мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых другими на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями; а между тем, они занимают здесь высшие места, как например, З..., П..., Б..., оба С..., М... и множество других, которых не стоит даже называть, и которые, будучи надменны с низшими, пресмыкаются перед теми, кого боятся. Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рожден для того высокого сана, который ношу теперь и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим образом... Знаю, что вы осудите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совести ставлю первым для себя законом, а могла ли бы она оставаться спокойною, если бы я взялся за дело не по моим силам?»...

Кто раз вчувствуется и вдумается в Государево дело и призвание, тот убедится в жертвенности его служения. Дело обстоит совсем не так, что его ждет участь, исполненная развлечений, наслаждений и всяческих самоугождений, как воображают иные легкомысленные авантюристы, честолюбцы и завистники. Должно прямо признать, что чем ближе сам претендент на престол к такому воззрению, тем менее он понимает свое призвание, тем менее он вообще способен стать Государем, тем более он исказит свое служение и навредит своему народу. Напротив, Государь должен быть готов пожертвовать всеми своими силами, своим досугом, своими пристрастиями, своим личным счастьем (в любви и браке), своим здоровьем и своею жизнью. Великий прообраз этого дан в истории всеми воистину великими монархами, особенно же Петром Первым. Государь, вступая на престол, становится не просто властелином, но пленником и мучеником своей власти. Так разумел это дело и Император Николай Павлович, отвечая своей матери Императрице Марии Федоровне при вступлении на престол от Константина Павловича: «это еще вопрос, которую из двух жертв в этом случае должно считать выше — со стороны ли отказывающегося или со стороны принимающего»... — Достаточно помыслить о том, сколь великое число монархов пало от руки убийц, чтобы погасить раз и навсегда завистливые разговоры о привилегиях Государя и его звания и увидеть все это по-новому, из глубины и в верном величии.

ЦЕРКОВЬ И ЖИЗНЬ⁵⁴

Казалось бы, что может быть для верующего человека естественнее и бесспорнее, чем приобщение человеческой жизни к церковности и введение Благодати, несущей и строящей Церковь, в самые недра жизни? Казалось бы, можно ставить не вопрос о желательности и драгоценности этого сближения, а лишь о формах и способах его осуществления... И тем не менее эта проблема гораздо труднее и сложнее, чем это кажется. Мало того, неверное разрешение ее таит в себе великие опасности и для Церкви, и для жизни; и люди, не продумавшие этих трудностей и сложностей, могут все исказить и навредить.

Прежде всего понятие «жизни» включает в себя необъятное множество людей (ныне жителей на земле считается около двух с половиной миллиардов), из коих множество принадлежит к различным церковным союзам, а другое множество, формально пребывающее в той или иной церкви («зарегистрированное...»), утратило всякую веру, а следовательно и церковную принадлежность. Как же возможно осуществить «оцерковление жизни» с такими людьми? Далее, кто желает «оцерковления», тот, наверное, имеет в виду единый процесс и единую «Церковь» и вряд ли будет склонен сочувствовать и содействовать подчинению всей жизни всех людей тем другим церковным обществам, которые отвергают его собственную «церковь» как ложную, еретическую и погибельную. Можно, конечно, закрыть себе глаза на это множество церковных обществ и объявить все иные «церкви» мнимыми, в сущности не существующими, вредной или даже губительной фальсификацией; но такое намеренное невидение, такое отрицание несколько не разрешит проблему и не укажет никаких путей, ведущих к сближению церкви и жизни.

Статистические данные конца тридцатых годов (1937) исчисляют, что католиков имеется на свете около 400 миллионов, протестантов (всех толков) 208 миллионов, греко-православных 165 миллионов, других христиан 14 миллионов, иудеев (до второй мировой войны) около 15 миллионов, магометан 310 миллионов, буддистов 227 миллионов, конфуцианцев и «предкопоклонников» 300 миллионов, таоистов 30 миллионов, шинтоистов 20 миллионов, индуистов (Сикки и Джайны) около 280 миллионов, примитивных культов около 100 миллионов и, наконец, свободомыслящих, атеистов, безрелигиозных людей (вне-церковных, вне-исповедных, «безбожников») по самому скромному подсчету около 60 миллионов. О каком же едином «оцерковлении» может идти речь? кто будет сочувствовать и содействовать ему? И ради чего? А в эту статистику включены далеко не все религии! Что же все «иные» религии и церкви следует упразднить и ввести одну единую? Которую? Скажем прямо, что те, кто ставят вопрос

так, просто не знают истории человечества и не понимают самой глубокой сущности религии и религиозности... И так же наивно думать, что католики способны поставить идею «оцерковления вообще» выше идеи католичества...; или что протестанты будут содействовать оцерковлению жизни у магометан, православных или огнепоклонников...; или что шинтоисты захотят православного оцерковления всей жизни...

Итак, при первом же соприкосновении с жизнью, идея единого оцерковления оказывается иллюзией, а соответствующая ей программа — заблуждением. Не следует ставить этот вопрос в едином мировом масштабе. Многообразии религиозного опыта, догматических учений и церковной организации таково, что эта проблема оказывается мнимой и неразрешимой: сами верующие не позволят друг другу ни поставить, ни разрешить ее, ибо начнется всемирная религиозная резня.

Следовательно, говорить об «оцерковлении жизни» возможно только в пределах отдельных религий и исповеданий. Отдельное своеобразное «оцерковление» может оказаться осуществимым (или неосуществимым) в пределах Джайнизма, отдельное — в пределах Лютеранства, особое в пределах Шинтоизма, своеобразное в магометанстве, иное в Католичестве, иное в Православии. И поэтому нам, православным, следует оставить в стороне иные религии и исповедания и спросить себя о возможности и желательности оцерковления жизни у православных народов.

И вот, первое, что необходимо установить: при неверном понимании вопроса — и Православной Церкви, и жизни православных народов может грозить опасность церковного тоталитаризма.

В самом деле, когда мы говорим об оцерковлении жизни, то мы должны иметь в виду два пути: 1. — Жизнь свободно воспримет благодатный дух Церкви, 2. — Церковь воспримет все, по существу нецерковные задачи жизни и вложится в их разрешение.

1. — Первый путь кажется естественным и самоочевидным; чем больше религиозной благодати в жизни, тем жизнь будет качественно выше, тем ближе к совершению и осуществлению будет второе прошение молитвы Господней: «да придет царствие Твое». Условием же этого пути является лишь одно: сама Церковь должна блюсти Дух свой и обретаться на высоте. Нет этого — и останется одна церковная видимость, иллюзия, сущий соблазн и разложение. Люди будут называть «Церковью» то, что этого названия не заслуживает, и ожидать Благодати как бы из пустого сосуда. Утрата чистоты сердца и молитвенного горения, искажение христианского духа, порочность духовенства, всяческая продажность и интрига, «святокупство», явное или тайное торжество лжи и все другое соответственное, — все это может

лишить церковную организацию Света, Силы и Благодати и помешать всякому «оцерковлению» человеческой жизни. Всемирная история знает целые эпохи такого упадка, и последствия его были уже не раз вскрыты и описаны.

Таков, в основных чертах, первый путь.

2. — Но есть еще второй путь «оцерковления жизни». Он состоит в том, что церковь вступает в жизнь, как властное и всеобъемлющее начало и начинает осуществлять своего рода церковный тоталитаризм. История знает тому живые примеры (вспомним хотя бы Савонаролу во Флоренции и Кальвина в Женеве); но вряд ли удастся найти такой пример, который оправдал бы это посягание.

Начнем с того, что при строе церковного тоталитаризма, — все нецерковные и иноцерковные люди оказываются в положении жизненных «изгоев». Полноправными членами общества и государства являются только люди определенного исповедания и церковной приверженности. Вся власть в делах жизни принадлежит церкви; а церковь дает полноправие только одним своим членам и притом покорным членам. Церковно-верующие получают своего рода привилегию или даже монополию бытия; «церковность» — дает им жизненную «премию». Отсюда в истории человечества возникало стремление неверующих симулировать веру, чтобы не «остаться за бортом», готовность притвориться ради жизненной «премии»; и в результате возникало что-то вроде церковного «фашизма». Люди определенного исповедания образовывали как бы центральное и исключительное ядро общества и государства, клерикальную «аристократию», всемогущую и всеуправляющую «знать», быть может наполовину состоящую из лжецов и симулянтов. Путь вел через религиозную ложь к власти, и церковное разложение становилось неминуемым.

В то же самое время церковь становилась как бы «всем во всем»: она распространяла свою власть на всю жизнь человека и пыталась нести совершенно неудобноносимое для нее бремя государственности. Понятно, что тот, кто за что-нибудь берется, тот за то и отвечает, — за успех и за неуспех, за порядок и за хаос, за расцвет народного хозяйства и за его упадок, за подъем национальной духовности и за ее разложение. Тоталитарная церковь остается подчиненной этому закону ответственности. Вытесняя и заменяя своею властью государство, она берет на себя все его функции и всю его ответственность. Она должна не только вникать в вопросы политики и хозяйства, но разрешать их, отвечая за все и всякие последствия. Тоталитарная церковь должна содержать армию и полицию (внешнюю, уголовную и политическую); оружейные заводы, «разведку» и «контрразведку»...; она должна организовать суд, строить тюрьмы и совершать казни (вспомним Инквизицию и казнь Сервета у Кальвина); она

должна вести войны и заключать мир, она должна усмирять беспорядки, собирать налоги, созидать флот, изощряться на всех кривых путях дипломатии; она должна прокладывать каналы и железные дороги, организовывать биржу, регулировать протекцию; мало того, ей придется подчинить себе науку (вспомним историю Галилея!), искусство во всех его отраслях — от литературы до живописи (вспомним картины Боттичелли, сожженные Саванаролою), от комедии до балета. Иными словами, тоталитарная церковь должна будет окунуться с головой в тот поток мирских соблазнов и мирской грязи, в которых плавает человеческая жизнь. Само собой разумеется, что она должна будет добиваться успеха в этих соблазнах и в этой грязи... Ибо всякий политический, хозяйственный и военный неуспех будет ударом по тоталитарной церкви, компрометирующим ее, в сущности, все еще Церковное дело...

И в результате всего этого — ее благодатное служение (служение Благодати и служение Благодатью) отойдет на дальний план, сократится или прекратится совсем.

Тоталитарная церковь есть нечто духовно-неверное и в высшем смысле противоестественное. Ибо дело церкви есть дело любви и свободы, а не принуждения. Она призвана религиозно воспитывать людей в свободе и к свободе, умилять сердца, очищать их, радовать их добровольным и радостным обращением, а не побуждать людей к симулированию неиспытываемой ими веры. Она должна быть верна великому религиозному закону «синэргии», т.е. свободного «сотворчества» Духа Божия и духа человеческого в жизни людей. Это неверно — заменять человеческую, лично-духовную жажду Божественного — «премиями» и принуждениями тоталитарной церковной власти. Это противоестественно — строить религию и религиозную жизнь людей не на любви, а на страхе и расчете.

Поэтому тоталитарное тяготение совсем не должно иметь места в сердцах духовенства и в делах церкви. Ибо цельность веры и религии — эта высшая драгоценность духа — должна распускаться, как цветок в душе человека, а не навязываться ему в качестве авторитарных велений, сопровождаемых угрозами и страхом: религиозная цельность не может быть предписана и навязана; она может быть только свободно выношена человеком под влиянием свободно воспринятой Благодати. Она подобна пению; и именно поэтому пение имеет такое большое значение и применение в церковном богослужении. Пение сердца невынудимо. И это необходимо всегда помнить.

Именно поэтому невынудимо и самое «оцерковление» жизни. Оно может расцвести только свободно и будет искажено и погублено всякими тоталитарными замыслами и попытками. Естественно, что церкви есть до всего дело в жизни людей, но это «дело» не есть дело принудительной власти, все равно —

открыто выступающей с угрозами и казнями, или прикровенно организуемой интригами и закулисным нажимом. Церковь призвана молиться, совершать таинства, очищать души, беречь откровение и возжигать сердца. Но она отнюдь не призвана отнимать у людей свободу самостоятельного созерцания, выбора, решения и творчества.

Мало того: она призвана отпускать людей в мир для мирского и мирового труда, излучать живую религиозность в этот труд, осмысливать его перед лицом Божиим и, предоставляя людям свободу вдохновения, наполнить это вдохновение духом христианской Благодати (см. об этом в номере 114 «Наших Задач» — «Опасности и задания русского национализма», II).

И невольно вспоминается мне беседа моя с Архиепископом Латвии Иоанном Поммером, впоследствии священномучеником, человеком высокой мудрости и духовной силы. Он рассказывал мне, как один католический прелат публично спросил его, «почему это православная церковь не занимается благотворительностью, завещанную нам всем в Евангелии?». И как он ответил ему: «Дело Православной Церкви есть не дело стяжания и перераспределения земных благ, что ведет к ложному накоплению и ложному миссионерству, но дело пробуждения живых человеческих сердец к любви, милосердию и благотворительности... В России благотворительность цвела, как редко где; но исходила она из личной живой доброты, пробужденной духом Православия»... — Ибо Церковь призвана излучать благодать в сердца верующих, а не участвовать в земных расчетах земной толкотни...

Именно в этом обнаруживается, что «оцерковление жизни» имеет более глубокий и таинственный смысл, чем это многие думают. «Оцерковление» не сводимо к «ритуализации». Оно есть больше всего и прежде всего христианское одухотворение человеческого сердца; а потом уже — все остальное. Церковь как носительница и хранительница Христова откровения есть живое огнище, а не властное водительство; она есть источник любви и благодатного совета, а не педантический нажим на человеческую жизнь; она есть зов, а не приказ. Она не призвана отвращать людей от мира, как в Буддизме, но, напротив, отпускать их в мир как носителей преподанного им Духа для того, чтобы не мир «обмирщал» их, а чтобы они его одухотворяли.

И в этом главное.

Таков был путь Православия в России за последние два века. Так, в особенности XIX век дал России дивный расцвет духовной культуры. И расцвет этот был создан людьми, «окормленными» духом Православия, но творившими совершенно свободно, «отпущенными» в мир для свободного созерцания и труда. Они уносили дарованный им дух в своих сердцах, но не ведали ни церковного тоталитаризма, ни даже непосредственного клери-

кального руководства, ибо поучения и советы великих русских Старцев (хотя бы Оптиной пустыни) очищали, углубляли и умудряли человеческие души, но никогда не претендовали на авторитарное руководство русским творческим талантом. И если мы пройдем мыслию от Пушкина к Лермонтову, Гоголю, Тютчеву, А.Н. Толстому, А.К. Толстому, Достоевскому, Тургеневу, Лескову, Чехову, — то мы увидим гениальное цветение русского духа из корней Православия, но не под руководством церкви. И то же самое увидим мы в других ответвлениях русского искусства, в русской науке, в русском правотворчестве, в русской медицине, в русской педагогике и во всем. Православная церковь молилась, учила и благодатствовала, а в прочем оставляла русским людям инициативу труда и созерцания.

Думаем и надеемся, что так будет и впредь.

ЧЕГО МЫ ОЖИДАЕМ ОТ НАШИХ ПАСТЫРЕЙ?⁵⁶

В России началась великая борьба за религиозное очищение и обновление. Надо предвидеть, что это будет борьба большого напряжения и долгого дыхания. Русский человек должен вернуть себе цельную веру, в которой сердце и разум, созерцание и воля — сольются в единый поток такой силы, что на него отзовется и самый инстинкт; тогда будут найдены новые творческие идеи и создастся новая христианская культура. От христианского пастырства нам надо ждать совета и помощи в этом деле. И православное духовенство найдет в себе духовную силу, мудрость и искренность для этого подвига.

Чего же мы, православные христиане, желаем от наших пастырей? С какими запросами мы идем к ним? Чем они могут заслужить нашу любовь и наше доверие?

Не буду говорить о богословском образовании и о подготовке к духовному пастырству, прозорливому и бережному в личном общении. Само собою разумеется, что духовным лицам надлежит знать Писание, и Предание, и все учение Церкви — лучше нас, и разуместь все это глубже нас, чтобы помогать нам в часы сомнения и в поисках разумения. Они должны владеть душевно-духовным искусством пастыря, глубокочувствием и ясным взором духовника, пронизательно разумеющего индивидуальную человеческую душу и способного указать ей в трудную минуту жизни верный путь. Эти познания необходимы, это искусство драгоценно; здесь не может быть двух мнений. Но мне кажется, что мы ожидаем от них большего; что для нас важнее всего — истинный и живой евангельский дух, тот дух, который свидетельствует нам о Христовой благодати. Я разумею: молитвенную силу, любящее сердце, и свободную, живую христианскую совесть...

Что может дать человеку богословское наставление, проистекающее из отвлеченного, сухого, логически умствующего рассудка, не созерцающего сердцем Христа Спасителя и не помогающего нам увидеть Его? Какое значение имеет абстрактная «экзегеза» или дедуктивный аргумент в созерцательных и молитвенных пространствах живой религиозности? Могут ли они дать религиозную очевидность душе, ищущей Божьего света и огня, чающей живого Бога? Сколько раз, слушая за границей беседы и проповеди инославного духовенства, мы думали о том, как богато оно книжною образованностью и как оно скупо в дарах сердца и духа! Как чуждо это русской православной душе!

Поистине, нет лучшего религиозного научения, нет более действительного проповеднического служения, как сила и искренность личной молитвы. Ибо вера крепнет и распространяется не от логических аргументов, и не от усилий понуждающей воли, и не от повторения слов и формул, но от живого восприятия Бога, от молитвенного огня, от очищения, подъема и просветления сердец, от живого созерцания, от реального восприятия Благодати. Я полагаю, что многое зависит от способности священника искренно и беззаветно молиться сердцем, ибо если он способен к этому, и если он молится так, в своем уединении, то церковная его молитва будет зажигать, очищать и просветлять сердца его прихожан. Это пламя одинокой молитвы будет гореть и в его церковном богослужении, и в его проповеди, и в его жизненных делах. И мы, его прихожане, сразу почувствуем сердцем, что «Сам Дух» молится в нем «воздыханиями неизреченными» (Римл. 8, 26) и что эти воздыхания передаются и нам по неизреченным путям.

Пастырь, коему присуща эта искренность и сила молитвы, является как бы «неопалимой купиной» в своем приходе: прихожане его, иногда сами того не замечая и не разумея, становятся соучастниками его молитвы; им передается теплота его веры; они приобщаются его духовному полету. Его поучения воспринимаются по особому: не только умом, но и сердцем, живой совестью и честною волею. Его беседы несомы творческим духовным опытом; они проникнуты живым христианским созерцанием; они идут из сердца и воспринимаются всею душою. И уже простая встреча с ним испытывается как утешение и безмолвное ободрение.

А в основе этого лежит некий религиозный закон, согласно которому глубина веры растет и крепнет в молитве, ибо молитва есть благодатное вознесение души к Богу, озаряющее, очищающее и удостоверяющее. Вот почему пастырь должен быть живым источником и живою школою молитвы.

Второе, что мы желаем найти в нем, — это живое, любящее сердце. Ведь лучшее христианское благовествование и утешение проистекает из доброты и сердечного понимания. Пока чело-

веческое чувство сохнет и глохнет в умственно-отвлеченных богословских построениях, пока ум холодно рассуждает и выносит приговоры, враждует в прениях и каменеет в ненависти, — до тех пор человеку остается недоступным все откровение Господа Христа. Бессердечные люди не постигают в Евангелии самого главного; а поняв, не живут им и не осуществляют его. Черствая жадность делает человека слепым и глухим. «Реки воды живой» (Иоан. 7, 38) текут только для любящих людей; ибо любовь отверзает человеку зрение и слух, — и для Христова откровения, и для жизни и страдания других людей.

Если священник имеет эту любовь, то она чувствуется и в его церковной молитве, слышится и в его проповеди, обнаруживается и в его делах. Кто беседует с ним или помогает ему, у того возникает особое ощущение: он чувствует, что воспринял от своего духовника нечто драгоценное, жизненно важное и ободряющее, что он испытал свет и теплоту духовного огня, что он почувствовал живую доброту, что он приблизился к тому, что разумел Христос, когда говорил о любви. Ибо живое сердце имеет запас доброты для всех: утешение для горюющего, помощь для нуждающегося, совет для беспомощного, ласковое слово для всякого, добрую улыбку для цветов и для птичек. И простое обхождение с таким человеком становится незаметно живую школою сердечного участия, любовного такта, христианской мудрости. И все это прекрасно и благодатно, ибо истинный духовник есть носитель христианского духа, духа любви и сердечного созерцания.

И вот, третье, чего мы ищем и ждем от нашего пастыря,— это свободная и творческая христианская совесть. Эта совесть должна жить в нем, как самостоятельная и независимая сила, как критериальная мера добра и зла, мера, по которой мы могли бы проверять, выправлять и крепить нашу собственную совесть. Там, где мы подчас беспомощно сомневаемся и колеблемся, он, как мастер совести, должен видеть ясно и глубоко; где мы блуждаем и заблуждаемся, он должен знать и указывать прямую дорогу; где мы вопрошаем, он должен иметь ответ. Он должен поддерживать нас в искушениях и соблазнах; он должен быть нашей опорой в колебании и изнеможении. Он должен сразу прозревать, где есть нечестность, неискренность, измена; но при этом — хранить справедливость в суде и осуждении. Ибо совестный христианин не преувеличивает — ни в утверждении, ни в отрицании; его суждение исходит из предметно видящего смирения, но произносится с мужеством и силою, ибо не он произносит его, а предметный огонь в нем. Нам нужен искренний и откровенный исповедник, ничем и ни в чем не подкупный, не алчный, бесстрашный пред сильными и свободный от властолюбия; нам нужен живой очаг христианской совести, с чистым пламенем и кротким светом.

Мы же сами должны обеспечить ему независимую и достойную жизнь: мы должны раз навсегда отрешить требу от мзды, чтобы погасить и в нас самих и в нашем пастыре идею о том, будто молитва «покупается» и благодать «продается»; чтобы не было торговли о святине; чтобы пастырь мог молиться свободно, не помышляя о «прибытке», а прихожанин мог обращаться к нему за помощью, не учитывая своих средств и расходов. Благодать и деньги инородны друг другу; недостойно мерить Божие дело монетою; невозможно унижать своего пастыря нуждою и поборами. Дело церкви есть дело духа, любви и совести, дело молитвы и созерцания; и прихожане должны снять со своего пастыря заботу о земном, обеспечивая ему необходимое и достойное.

Я думаю, что все, высказанное здесь, относится не только к православным общинам и пастырям, но и к священнослужителям всех христианских, а, может быть, в последнем, глубочайшем измерении, — и не только христианский исповеданий. Во всяком случае — всюду, где веет истинный дух Христа, прихожане будут счастливы иметь в своем пастыре живой источник молитвы, любви и христианской совести; ибо сии три основы составляют драгоценнейшую и сильнейшую скрепу христианской церкви вообще. Мне не кажется при этом, что высказанные мною ожидания слишком высоки и трудны в осуществлении, ибо дело священника, пастыря и духовника не есть обычная профессия, сходная с другими, но требует особого призвания и особых даров. Эти дары даны не всякому; но кому они не даны, тот не должен посягать на это звание. Здесь дело не столько в «знании» и «умении», сколько во «вдохновении»; не столько в обрядовой словесности, сколько в живой полноте чувства; не в отбытии «требы», а в духе ее совершения. Пастырь, не знающий об этих требованиях и не укрепивший в них своего сердца, — на чем утвердит он свою веру и молитву, как поведет он своих прихожан к Богу, чем наполнит он свой храм, как укрепит он свой приход?.. Спрашиваю и не нахожу ответа...

Это главное. Это самое существенное в вопросе о грядущем религиозном устроении России.

О ПРАВОСЛАВИИ И КАТОЛИЧЕСТВЕ⁵⁷

Значение православия в Русской истории и культуре духовно определяющее. Для того чтобы это понять и убедиться в этом, не надо самому быть православным; достаточно знать русскую историю и иметь духовную зоркость. Достаточно признать, что тысячелетняя история России творится людьми христианской веры; что Россия слагалась, крепла и развертывала свою ду-

ховную культуру именно в христианстве, и что христианство она восприняла, исповедовала, созерцала и вводила в жизнь именно в акте Православия. Именно это было достигнуто и выговорено гением Пушкина. Вот его подлинные слова:

«Великий духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В этой священной стихии исчез и обновился мир». «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер». «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой»...; «история ее требует другой мысли, другой формулы»...

И вот, ныне, когда наши поколения переживают великий государственный, хозяйственный, моральный и духовно-творческий провал в истории России и когда мы повсюду видим ее недругов (религиозных и политических), подготовляющих поход на ее самобытность и целостность, — мы должны твердо и точно выговорить: дорожим ли мы нашей русской самобытностью и готовы ли мы ее отстаивать? И далее: в чем эта самобытность, каковы ее основы и каковы те покушения на нее, которые мы должны предвидеть?

Самобытность русского народа выражается в его особливом и своеобразном духовном акте. Под «актом» надо разумеать внутренний строй и уклад человека: его способ чувствовать, созерцать, думать, желать и действовать (см. «Н.З. N 111: «О русском национализме»⁵⁸). Каждый из русских, попав за границу, имел, да имеет и ныне полную возможность убедиться на опыте в том, что другие народы имеют иной, отличный от нас бытовой и духовный уклад; мы испытываем это на каждом шагу и с трудом привыкаем к этому; иногда мы видим их превосходство, иногда остро чувствуем их неудовлетворительность, но всегда испытываем их инородность и начинаем томиться и тосковать по «родине». Это объясняется самобытностью нашего бытового и духовного уклада; или, выражаясь кратчайшим словом: у нас иной акт.

Русский национальный акт сложился под влиянием четырех великих факторов: природы (континентальность, равнина, климат, почва), славянской души, особой веры и исторического развития (государственность, войны, территориальные размеры, многонациональность, хозяйство, образование, техника, культура). Невозможно осветить все это сразу. Об этом есть книги, — то драгоценные (Гоголь, «В чем же, наконец, существо русской поэзии»; Н. Данилевский, «Россия и Европа»; И. Забелин, «История русской жизни»; Достоевский, «Дневник писателя»; В. Ключевский, «Очерки и речи»), то мертворожденные (Чаадаев, «Философские письма»; Милюков, «Очерки по истории русской культуры»). В понимании и толковании этих факторов и самого русского творческого акта — важно оставаться предметным и справедливым, не превращаясь ни в фанатического «славяно-

фила», ни в слепого для России «западника». И это особенно важно в том основном вопросе, который мы здесь ставим — о Православии и Католицизме.

Среди недругов России, неприемлющих всю ее культуру и осуждающих всю ее историю, совершенно особое место занимают римские католики. Они исходят из того, что в мире есть «благо» и «истина» только там, где «ведет» католическая церковь и где люди беспрекословно признают авторитет римского епископа. Все остальное идет (так они понимают) по неправому пути, пребывает во тьме или ереси, и должно быть рано или поздно обращено в их веру. Это составляет не только «директиву» католицизма, но и само собою разумеющуюся основу или предпосылку всех его доктрин, книг, оценок, организаций, решений и действий. Некатолическое в мире — должно исчезнуть: или в результате пропаганды и обращения, или же погублением Божиим.

Сколько раз за последние годы католические прелаты принимались объяснять мне лично, что «Господь выметает железною метлою православный восток для того, чтобы воцарилась единая католическая церковь»... Сколько раз я содрогался от того ожесточения, которым дышали их речи и сверкали их глаза. И внимая этим речам, я начинал понимать, как мог прелат Мишель д'Эрбиньи, заведующий восточно-католическою пропагандой, дважды (в 1926 и в 1928 г.) ездить в Москву, чтобы налаживать унию с «обновленческою церковью» и соответственно «конкордат» с большевиками, и как он мог, возвращаясь оттуда, перепечатывать без оговорок гнусные статьи коммунистов, именующие мученическую православную патриаршую Церковь (дословно) «сифилитической» и «развратной»... И я понял тогда же, что «конкордат» Ватикана с Третьим Интернационалом не осуществился доселе — не потому, что Ватикан «отверг» и «осудил» такое соглашение, а потому, что его не захотели сами коммунисты. Я понял разгром православных соборов, церквей и приходов в Польше, творившийся католиками в тридцатых годах текущего века... Я понял, наконец, в чем истинный смысл католических «молитв о спасении России»: как первоначально, краткой, так и той, которая была составлена в 1926 году папою Бенедиктом XV и за чтение которой у них даруется (по объявлению) «триста дней индульгенции»...

И ныне, когда мы видим, как Ватикан годами снаряжается в поход на Россию, проводя массовую скупку русской религиозной литературы, православных икон и целых иконостасов, массовую подготовку католического духовенства к симуляции православного богослужения на русском языке («католицизм восточного обряда»), пристальное изучение православной мысли и души, ради доказательства их исторической несостоятельности, — мы все, русские люди, должны поставить перед собой вопрос о том, в чем же отличие Православия от Католицизма, и постараться

ответить себе на этот вопрос со всей объективностью, прямою и историческою верностью.

Это есть отличие догматическое, церковно-организационное, обрядовое, миссионерское, политическое, нравственное и актовое. Последнее отличие есть жизненно-первоначальное: оно дает ключ к пониманию всех остальных.

Догматическое отличие известно каждому православному: во-первых, вопреки постановлениям Второго Вселенского Собора (Константинопольского, 381 г.) и Третьего Вселенского Собора (Ефесского, 431 г., Правило 7), католики ввели в 8-й член Символа Веры добавление об исхождении Духа Святого не только от Отца, но и от Сына («филиокве»); во-вторых, в XIX веке к этому присоединился новый католический догмат о том, что Дева Мария была зачата непорочно («де иммакулата концепционэ»); в-третьих, в 1870 году был установлен новый догмат о непогрешимости римского папы в делах церкви и вероучения («экс катэдра»); в-четвертых, в 1950 году был установлен еще один догмат о посмертном телесном вознесении Девы Марии. Эти догматы не признаны Православною Церковью. Таковы важнейшие догматические отличия.

Церковно-организационное отличие состоит в том, что католики признают римского первосвященника главою церкви и заместителем Христа на земле, тогда как Православие признает единого главу Церкви — Иисуса Христа и считает единственно правильным, чтобы Церковь строилась вселенскими и поместными соборами. Православие не признает также светскую власть за епископами и не чтит католические орденовые организации (в особенности иезуитов). Это важнейшие отличия.

Обрядовые отличия суть следующие. Православие не признает богослужения на латинском языке; оно блюдет литургии, составленные Василием Великим и Иоанном Златоустом и не признает западных образцов; оно соблюдает завещанное Спасителем причастие под видом хлеба и вина и отвергает введенное католиками для мирян «причащение» одними «освященными облатками»; оно признает иконы, но не допускает скульптурных изображений в храмах; оно возводит исповедь к незримо присутствующему Христу и отрицает исповедальню как орган земной власти в руках священника. Православие создало совсем иную культуру церковного пения, молитвословия и звона; у него иное облачение; у него иное знамение креста; иное устройство алтаря; оно знает коленопреклонение, но отвергает католическое «приседание»; оно не знает дребезжащего звонка во время совершительных молитв и многого другого. Таковы важнейшие обрядовые отличия.

Миссионерские отличия суть следующие. Православие признает свободу исповедания и отвергает весь дух инквизиции — истребление еретиков, пытки, костры и принудительное

крещение (Карл Великий). Оно блюдет при обращении чистоту религиозного созерцания и его свободу от всяческих посторонних мотивов, особенно от застрашивания, политического расчета и материальной помощи («благотворительность»); оно не считает, что земная помощь брату во Христе доказывает «правоверие» благотворителя. Оно, по слову Григория Богослова, ищет «не победить, а приобрести братьев» по вере. Оно не ищет власти на земле любовью ценою. Таковы важнейшие миссионерские отличия.

Политические отличия суть таковы. Православная церковь никогда не притязала ни на светское господство, ни на борьбу за государственную власть в виде политической партии. Исконное русско-православное разрешение вопроса таково: церковь и государство имеют особые и различные задания, но помогают друг другу в борьбе за благо; государство правит, но не повелевает Церкви и не занимается принудительным миссионерством; Церковь организует свое дело свободно и самостоятельно, соблюдает светскую лояльность, но судит обо всем своим христианским мерилом и подает благие советы, может быть, — и обличения властителям и благое научение мирянам (вспомним Филиппа Митрополита и Патриарха Тихона). Ее оружие — не меч, не партийная политика и не орденская интрига, а совет, наставление, обличение и отлучение. Византийские и после-петровские уклонения от этого порядка были явлениями нездоровыми.

Католицизм, напротив, ищет всегда и во всем, и времени путями — власти (светской, клерикальной, имущественной и лично-суггестивной).

Нравственное отлично таково. Православие взывает к свободному человеческому сердцу. Католицизм — взывает к слепо-покорной воле. Православие ищет пробудить в человеке живую, творческую любовь и христианскую совесть. Католицизм требует от человека повиновения и соблюдения предписаний (законничество). Православие спрашивает о самом лучшем и зовет к евангельскому совершенству. Католицизм спрашивает о «предписанном», «запрещенном», «позволенном», «простительном» и «непростительном». Православие идет в глубь души, ищет искренней веры и искренней доброты. Католицизм дисциплинирует внешнего человека, ищет наружного благочестия и удовлетворяется формальной видимостью добродетели (См. «Н.З.» № 119⁵⁹).

И все это теснейше связано с первоначальным и глубочайшим актовым отличием, которое необходимо продумать до конца и притом раз навсегда.

Исповедание отличается от исповедания по своему основному религиозному акту и его строению. Важно не только то, во что ты веруешь, но еще и то, чем, т.е. какими силами души осуществляется твоя вера. С тех пор, как Христос Спаситель утвердил веру на живой любви (Матф. 23, 37; Марк. 12, 30-33; Луки 10, 27;

срв. 1 Иоанна 4, 7-8, 16), мы знаем, где искать веру и как найти ее. Это есть самое важное для понимания не только своей веры, но и особенно чужой веры и всей истории религий. Именно так мы должны понять Православие и Католичество.

Есть религии, которые рождаются из страха и питаются страхом; так африканские негры в своей массе прежде всего боятся — темноты и ночи, злых духов, колдовства, смерти. В борьбе с этим страхом и в эксплуатации его у других и слагается их религия.

Есть религии, которые рождаются из вожделения и питаются эротикой, принимаемой за «вдохновение»; такова религия Диониса-Вакха; таков «Шиваизм левой руки» в Индии; таково русское хлыстовство.

Есть религии, живущие фантазией и воображением; их сторонники довольствуются мифическими легендами и химерами, поэзией, жертвоприношениями и обрядами, пренебрегая любовью, волей и мыслью. Таков индийский браманизм.

Буддизм был создан как религия жизнеотвержения и аскезы. Конфуцианство возникло как религия исторически выстраданной и искренно прочувствованной моральной доктрины. Религиозный акт Египта был посвящен преодолению смерти. Иудейская религия искала прежде всего национального самоутверждения на земле, выдвигая геноцизм (бог национальной исключительности!) и моральное законничество. Греки создали религию семейного очага и зримой красоты. Римляне — религию магического обряда. А христиане?

Православие и Католичество одинаково возводят свою веру ко Христу, Сыну Божию и к евангельскому благовествованию. И тем не менее их религиозные акты не только различны, но и несовместимы по своей противоположности. Именно этим определяются и все те отличия, которые я указал в предшествующей статье (№ 118⁶⁰).

Первичное и основное пробуждение веры для православного есть движение сердца, созерцающей любви, которая видит Сына Божия во всей Его благодати, во всем Его совершенстве и духовной силе, преклоняется и приемлет Его, как сущую правду Божию, как свое главное жизненное сокровище. При свете этого совершенства православный признает свою греховность, укрепляет и очищает им свою совесть и вступает на путь покаяния и очищения.

Напротив, у католика «вера» пробуждается от волевого решения: довериться такому-то (католически-церковному) авторитету, подчиниться и покориться ему и заставить себя принять все, что этот авторитет решит и предпишет, включая и вопрос добра и зла, греха и его допустимости.

Посему у православного душа оживает от свободного умиления, от доброты, от сердечной радости, — и тогда зацветает верою и соответственными ей добровольными делами. Здесь

благовестие Христа вызывает искреннюю любовь к Богу, а свободная любовь пробуждает в душе христианскую волю и совесть.

Напротив, католик постоянными усилиями воли понуждает себя к той вере, которую ему предписывает его авторитет.

Однако, в действительности воле подчинены всецело — только внешние телодвижения; в гораздо меньшей степени — ей подчинена сознательная мысль; еще меньше — жизнь воображения и повседневных чувствований (эмоций и аффектов). Ни любовь, ни вера, ни совесть воле не подчинены и могут совсем не отозваться на ее «понуждения». Можно принудить себя к стоянию и поклонам, но невозможно вынудить у себя благоговение, молитву, любовь и благодарение. Только внешнее «благочестие» повинуется воле, а оно и есть не более, чем внешняя видимость, или же, просто притворство. Можно принудить себя к имущественному «пожертвованию»; но дар любви, сострадания, милосердия — не вынудим ни волею, ни авторитетом. За любовью, — как земною, так и духовною, — мысль и воображение следуют сами собой, естественно и охотно; но воля может биться над ними всю жизнь и не подчинить их своему давлению. Из раскрытого и любящего сердца — совесть, как голос Божий, заговорит самостоятельно и властно. Но дисциплина воли не ведет к совести; а покорность внешнему авторитету заглушает личную совесть окончательно.

Так разворачивается эта противоположность и непримиримость двух исповеданий; и нам, русским людям, необходимо продумать ее до конца.

Тот, кто будет строить религию на воле и покорности авторитету, тот неизбежно должен будет ограничить веру умственным и словесным «признанием», оставляя сердце холодным и черствым, заменяя живую любовь — законничеством и дисциплиною, а христианскую доброту — «похвальными», но мертвыми делами. И самая молитва превратится у него в бездушные слова и неискренние телодвижения. Тот, кто знает религию древне-языческого Рима, тот сразу узнает во всем этом его традицию. Именно эти черты католической религии всегда испытывались русской душой как чуждые, странные, искусственно-натянутые и неискренние. И когда мы слышим от православных людей, что в католическом богослужении есть внешняя торжественность, доводимая иногда до грандиозности и «красивости», но нет искренности и тепла, нет смирения и горения, нет сущей молитвы, а потому и духовной красоты, — то мы знаем, где искать объяснения этому.

Эта противоположность двух исповеданий обнаруживается во всем. Так, первая задача православного миссионера — дать людям Св. Евангелие и богослужение на их языке и в полном тексте; католики держатся латинского языка, непонятного большинству

народов, и воспевают верующим самостоятельное чтение Библии. Православная душа ищет непосредственного приближения ко Христу, во всем, от внутренней одинокой молитвы до приобщения Св. Тайн. Католик смеет думать и чувствовать о Христе только то, что ему позволит авторитетный посредник, стоящий между ним и Богом; и в самом приобщении он останется лишенным и умаленным, не приемля пресуществленного Вина и получая вместо пресуществленного Хлеба — некую замещающую его «облатку».

Далее, если вера зависит от воли и решения, то очевидно, неверующий не верит потому, что не хочет веровать, а еретик еретичествует потому, что решил веровать по-своему; и «ведьма» служит дьяволу потому, что она одержима злою волею. Естественно, что они все преступники против Закона Божия и что их надо карать. Отсюда Инквизиция и все те жестокие дела, которыми насыщена средневековая история католической Европы; крестовые походы против еретиков, костры, пытки, истребление целых городов (напр., города Штединг в Германии, в 1234 г.); в 1568 г. все жители Нидерландов, кроме названных поименно, были приговорены к смерти как еретики. В Испании Инквизиция исчезла окончательно лишь в 1834 году. Обоснование этих казней понятно: неверующий есть не желающий веровать, он злодей и преступник перед лицом Божиим, его ждет геенна; и вот, лучше кратковременный огонь земного костра, чем вечный огонь ада. Естественно, что люди, вынудившие веру волею сами у себя — пытаются вынудить ее и у других; и видят в неверии или инаковерии — не заблуждение, не несчастье, не ослепление, не скудость духовную, а злую волю.

Напротив, православный священник следует Ап. Павлу (И Кор. 1, 24) не стремиться «братъ власть над чужою волею», но «спешествовать радости» в сердцах людей; и твердо помнить завет Христа о «плевелах», не подлежащих преждевременному выпалыванию (Матф. 13, 25-36). Он признает водительную мудрость Афанасия Великого и Григория Богослова: «то, что совершается силою против желания, — не только вынуждено, несвободно и неславно, но просто даже и не состоялось» (Слово 2, 15). Отсюда и указание Митрополита Макария, данное им в 1555 году первому казанскому архиепископу Гурию: «Всякими обычаями, как возможно, приучать ему татар к себе и приводить их любовию на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводить». Православная Церковь искони веровала в свободу веры, в ее независимость от земных интересов и расчетов, в ее сердечную искренность. Отсюда и слова Кирилла Иерусалимского: «Симон волхв в купели тело омочи водою, но сердца не просвети духом, и сниде, и изыде телом, а душою не спогребесе и не возста».

Далее, воля земного человека ищет власти. И Церковь, строящая веру на воле — непременно будет искать власти. Так

было у магометан; так обстоит у католиков на протяжении всей их истории. Они всегда искали в мире власти, так, как если бы Царство Божие было от мира сего; — всякой власти: самостоятельной светской власти для папы и кардиналов, а также власти над королями и императорами (вспомним средние века); власти над душами и особенно над волею своих последователей (исповедальня как орудие); партийной власти в современном «демократическом» государстве; тайной орденой власти, тоталитарно-культурной надо всем и во всех делах (иезуиты). Они считают власть — орудием к водворению Царства Божия на земле. А эта идея всегда была чужда и Евангельскому учению, и Православной Церкви.

Власть на земле требует ловкости, компромисса, лукавства, притворства, лжи, обмана, интриги и предательства; а часто и преступления. Отсюда учение о том, что цель разрешает средства. Напрасно противники излагают это учение иезуитов так, как будто цель «оправдывает» или «освящает» дурные средства; этим они только облегчают иезуитам возражения и опровержения. Тут речь совсем не о «праведности» или «святости», а или о церковном разрешении, о позволенности, или же о моральной «доброкачественности». Именно в этой связи виднейшие отцы иезуиты, как то Эскобар-а-Мендоза, Сот, Толет, Васкоц, Лессий, Санкец и некоторые другие, утверждают, что «поступки делаются хорошими или дурными в зависимости от хорошей или дурной цели». Однако, цель человека известна только ему одному: она есть дело личное, потайное и легко поддающееся симуляции. С этим тесно связано католическое учение о допустимости и даже негреховности лжи и обмана: надо только произносимые слова истолковать про себя «иначе», или воспользоваться двусмысленным выражением, или молча ограничить объем сказанного, или промолчать о правде — тогда ложь не ложь, и обман не обман, и ложная присяга на суде не грешна (об этом см. у иезуитов Лемкуля, Суареца, Бузенбаума, Лаймана, Санкеца, Алагоны, Лессия, Эскобара и других).

Но у иезуитов есть и другое учение, окончательно развязывающее их ордену и их церковным деятелям руки. Это учение о дурных делах, совершаемых, якобы, «по повелению Божию». Так, у иезуита Петра Алагоны (также и у Бузенбаума) читаем: «по повелению Божию можно убивать невинного, красть, развратничать, ибо Он есть Господин жизни и смерти, и потому должно исполнять Его повеление». Само собою разумеется, что о наличии такого чудовищного и невозможного «повеления» Божия решает католический церковный авторитет, повиновение коему составляет самую сущность католической веры (все эти данные заимствуем из книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою», где указаны автентические источники).

Тот, кто, продумав эти черты католицизма, обратится к Православной Церкви, тот увидит и поймет раз навсегда, что самые глубокие традиции обоих исповеданий противоположны и несовместимы. Мало того, он поймет еще и то, что вся русская культура слагалась, крепла и расцветала в духе Православия — и стала такою, какова она была в начале XX века, прежде всего потому, что она не была католическою. Русский человек верил и верит любовью, молится сердцем, свободно читает Евангелие; и авторитет Церкви помогает ему в его свободе и научает его свободе, раскрывая ему духовное око, а не пугая его земными казнями во «избежание» потусторонних. Русская благотворительность и «нищелюбие» русских Царей — шли всегда от сердца и доброты. Русское искусство все целиком выросло из свободного сердечного созерцания: и парение русской поэзии, и мечты русской прозы, и глубина русской живописи, и искренний лиризм русской музыки, и выразительность русской скульптуры, и одухотворенность русской архитектуры, и прочувствованность русского театра. Дух христианской любви проник и в русскую медицину, с ее духом служения, бескорыстия, интуитивно-целостного диагноза, индивидуализации пациента, братского отношения к страдающему; и в русскую юриспруденцию с ее исканием справедливости; и в русскую математику с ее предметной созерцательностью. Он создал в русской историографии традиции Соловьева, Ключевского и Забелина. Он создал в русской армии — традицию Суворова, а в русской школе традицию Ушинского и Пирогова. Надо увидеть сердцем ту глубокую связь, которая соединяет русско-православных Святых и Старцев с укладом русской простонародной и образованной души. Весь русский быт — иной и особенный, потому что славянская душа укрепила свое сердце в заветах Православия. И самые русские инославные исповедания (за исключением католицизма) восприняли в себя лучи этой свободы, простоты, сердечности и искренности.

Вспомним еще, что все наше Белое Движение со всей его государственной верностью, с его патриотическим горением и жертвенностью поднялось из свободных и верных сердец и ими держится и донныне. Живая совесть, искренняя молитва и личное «добровольчество» принадлежат к лучшим дарам Православия, и замещать эти дары традициями католицизма нам нет ни малейшего основания.

Отсюда и наше отношение к «католицизму восточного обряда», подготавливаемому ныне в Ватикане и во многих католических монастырях. Самая идея — подчинить душу русского народа посредством притворной имитации его богослужения и водворить католицизм в России этой обманной операцией — мы переживаем как религиозно-фальшивую, безбожную и безнравственную. Так на войне корабли плавают под чужим флагом. Так провозится

через границу контрабанда. Так в «Гамлете» Шекспира — брат вливает в ухо своему брату-королю смертельный яд во время его сна. И если бы кто-то нуждался в доказательстве того, что есть католицизм и какими способами он захватывает власть на земле, то это последнее предприятие делает все иные доказательства излишними.

О РУССКОЙ ИДЕЕ⁶¹

Если нашему поколению выпало на долю жить в наиболее трудную и опасную эпоху русской истории, то это не может и не должно колебать наше разумение, нашу волю и наше служение России. Борьба русского народа за свободную и достойную жизнь на земле — продолжается. И ныне нам более, чем когда-нибудь, подобает верить в Россию, видеть ее духовную силу и своеобразие, и выговаривать за нее, от ее лица и для будущих поколений ее творческую идею.

Эту творческую идею нам не у кого и не для чего заимствовать: она может быть только русской, национальной. Она должна выражать русское историческое своеобразие и в то же время—русское историческое призвание. Эта идея формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благую силу, в чем он прав перед лицом Божиим и самобытен среди всех других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь; это то, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях, и довести до настоящей чистоты и полноты бытия, — во всем, в нашей культуре и в нашем быту, в наших душах и в нашей вере, в наших учреждениях и законах. Русская идея есть нечто живое, простое и творческое. Россия жила ею во все свои вдохновенные часы, во все свои благие дни, во всех своих великих людях. Об этой идее мы можем сказать: так было, и когда так бывало, то осуществлялось прекрасное; и так будет, и чем полнее и сильнее это будет осуществляться, тем будет лучше...

В чем же сущность этой идеи?

Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. Сердца, созерцающего свободно и предметно; и передающего свое видение воле для действия, и мысли для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию. А пока не умеют или не хотят узнать, отвертываются, судят о России свысока и говорят о ней слова неправды, зависти и вражды.

1. — Итак, русская идея есть идея сердца.

Она утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства: она отозвалась сердцем на Божье благовестие, на главную заповедь Божию, и уверовала, что «Бог есть Любовь». Русское православие есть христианство не столько от Павла, сколько от Иоанна, Иакова и Петра. Оно воспринимает Бога не воображением, которому нужны страхи и чудеса для того, чтобы испугаться и преклониться перед "силою" (первобытные религии); — не жадною и властною земною волею, которая в лучшем случае догматически принимает моральное правило, повинуется закону и сама требует повиновения от других (иудаизм и католицизм), — не мыслью, которая ищет понимания и толкования и затем склонна отвергать то, что ей кажется непонятным (протестантизм). Русское православие воспринимает Бога любовью, воссылает Ему молитву любви и обращается с любовью к миру и к людям. Этот дух определил собою акт православной веры, православное богослужение, наши церковные песнопения и церковную архитектуру. Русский народ принял христианство не от меча, не по расчету, не стархом и не умственностью, а чувством, добротою, совестью и сердечным созерцанием. Когда русский человек верует, то он верует не волею и не умом, а огнем сердца. Когда его вера созерцает, то она не предается облазнительным галлюцинациям, а стремится увидеть подлинное совершенство. Когда его вера желает, то она желает не власти над вселенною (под предлогом своего правоверия), а совершенного качества. В этом корень русской идеи. В этом ее творческая сила на века.

И все это не идеализация и не миф, а живая сила русской души и русской истории. О доброте, ласковости и гостеприимстве, а также и о свободолюбии русских славян свидетельствуют единогласно древние источники — и византийские, и арабские. Русская народная сказка вся проникнута певучим добродушием. Русская песня есть прямое излияние сердечного чувства во всех его видоизменениях. Русский танец есть импровизация, проистекающая из переполненного чувства. Первые исторические русские князья суть герои сердца и совести (Владимир, Ярослав, Мономах). Первый русский святой (Феодосий) — есть явление сущей доброты. Духом сердечного и совестного созерцания проникнуты русские летописи и наставительные сочинения. Этот дух живет в русской поэзии и литературе, в русской живописи и в русской музыке. История русского правосознания свидетельствует о постепенном проникновении его этим духом, духом братского сочувствия и

индивидуализирующей справедливости. А русская медицинская школа есть его прямое порождение (диагностические интуиции живой страдающей личности).

Итак, любовь есть основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо. Цивилизующие суррогаты любви (долг, дисциплина, формальная лояльность, гипноз внешней законопослушности) — сами по себе ему мало свойственны. Без любви — он или лениво прозябает, или склоняется ко вседозволенности. Ни во что не веруя, русский человек становится пустым существом, без идеала и без цели. Ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью и верою.

2. — И при всем том, первое проявление русской любви и русской веры есть живое созерцание.

Созерцанию нас учило прежде всего наше равнинное пространство, наша природа, с ее далями и облаками, с ее реками, лесами, грозами и метелями. Отсюда наше неутолимое взирание, наша мечтательность, наша созерцающая «лень» (Пушкин), за которою скрывается сила творческого воображения. Русскому созерцанию давалась красота, пленявшая сердце, и эта красота вносилась во все — от ткани и кружева до жилищных и крепостных строений. От этого души становились нежнее, утонченнее и глубже; созерцание вносилось и во внутреннюю культуру — в веру, в молитву, в искусство, в науку и в философию. Русскому человеку присуща потребность увидеть любимое вживе и въяве, и потом выразить увиденное — поступком, песней, рисунком или словом. Вот почему в основе всей русской культуры лежит живая очевидность сердца, а русское искусство всегда было — чувственным изображением нечувственно-узренных обстоятельств. Именно эта живая очевидность сердца лежит и в основе русского исторического монархизма. Россия росла и выросла в форме монархии не потому, что русский человек тяготел к зависимости или к политическому рабству, как думают многие на западе, но потому, что государство в его понимании должно быть художественно и религиозно воплощено в едином лице, — живом, созерцаемом, беззаветно любимом и всенародно «созидаемом» и укрепляемом этой всеобщей любовью.

3. — Но сердце и созерцание дышат свободно. Они требуют свободы, и творчество их без нее угасает. Сердцу нельзя приказывать любить, его можно только зажечь любовью. Созерцанию нельзя предписать, что ему надо видеть и что оно должно творить. Дух человека есть бытие личное, органическое и самодеятельное: он любит и творит сам, согласно своим внутренним потребностям. Этому соответствовало исконное славянское свободолюбие и русско-славянская приверженность к национально-религиозному своеобразию. Этому соответствовала и православная концепция Христианства: не формальная, не

законническая, не морализующая, но освобождающая человека к живой любви и к живому совестному созерцанию. Этому соответствовала и древняя русская (и церковная, и государственная) терпимость ко всякому иноверию и ко всякой иноплеменности, открывшая России пути к имперскому (не «империалистическому» пониманию своих задач (см. замечательную статью проф. Розова: «Христианская свобода и древняя Русь» в № 10 ежегодника «День русской славы», 1940, Белград).

Русскому человеку свобода присуща как бы от природы. Она выражается в той органической естественности и простоте, в той импровизаторской легкости и непринужденности, которая отличает восточного славянина от западных народов вообще и даже от некоторых западных славян. Эта внутренняя свобода чувствуется у нас во всем: в медлительной плавности и певучести русской речи, в русской походке и жестике, в русской одежде и пляске, в русской пище и в русском быту. Русский мир жил и рос в пространственных просторах и сам тяготел в просторной нестесненности. Природная темпераментность души влекла русского человека к прямоте и открытости (Святославо «иду на вы»...), превращала его страстность в искренность и возводила эту искренность к исповедничеству и мученичеству...

Еще при первом вторжении татар русский человек предпочитал смерть рабству и умел бороться до последнего. Таким он оставался и на протяжении всей своей истории. И не случайно, что за войну 1914-1917 года из 1.400.000 русских пленных в Германии 260.000 человек (18,5 проц.) пытались бежать из плена. «Такого процента попыток не дала ни одна нация» (Н. Н. Головин). И если мы, учитывая это органическое свободолюбие русского народа, окинем мысленным взором его историю с ее бесконечными войнами и длительным закрепощением, то мы должны будем не возмутиться сравнительно редкими (хотя и жестокими) русскими бунтами, а преклониться перед той силой государственного инстинкта, духовной лояльности и христианского терпения, которую русский народ обнаруживал на протяжении всей своей истории.

Итак, русская идея есть идея свободно созерцающего сердца. Однако, это созерцание призвано быть не только свободным, но и предметным. Ибо свобода, принципиально говоря, дается человеку не для саморазнуздания, а для органически-творческого само-оформления, не для беспредметного блуждания и произволения, а для самостоятельного нахождения предмета и пребывания в нем. Только так возникает и зреет духовная культура. Именно в этом она и состоит.

Вся жизнь русского народа могла бы быть выражена и изображена так: свободно созерцающее сердце искало и находило свой верный и достойный Предмет. По-своему находило его

сердце юродивого, по-своему — сердце странника и паломника; по-своему предавалось религиозному предметовидению русское отшельничество и старчество; по-своему держалось за священные традиции Православия русское старообрядчество; по-своему, совершенно по-особому вынашивала свои славные традиции русская армия; по-своему же несло тягловое служение русское крестьянство и по-своему же вынашивало русское боярство традиции русской православной государственности; по-своему утверждали свое предметное видение те русские праведники, которыми держалась русская земля и облики коих художественно показал Н. С. Лесков. Вся история русских войн есть история самоотверженного предметного служения Богу, Царю и отечеству; а, напр., русское казачество сначала искало свободы, а потом уже научилось предметному государственному патриотизму. Россия всегда строилась духом свободы и предметности, и всегда шаталась и распадалась, как только этот дух ослабевал, — как только свобода извращалась в произвол и посягание, в самодурство и насилие, как только созерцающее сердце русского человека прилеплялось к беспредметным или противопредметным содержаниям...

Такова русская идея: свободно и предметно созерцающая любовь и определяющая этим жизнь и культура. Там, где русский человек жил и творил из этого акта, — он духовно осуществлял свое национальное своеобразие и производил свои лучшие создания — во всем: в праве и в государстве, в одинокой молитве и в общественной организации, в искусстве и в науке, в хозяйстве и в семейном быту, в церковном алтаре и на царском престоле. Божии дары — история и природа сделала русского человека именно таким. В этом нет его заслуги, но этим определяется его драгоценная самобытность в сонме других народов. Этим определяется и задача русского народа: быть таким со всей возможной полнотой и творческой силой, блюсти свою духовную природу, не соблазняться чужими укладами, не искажать своего духовного лица искусственно пересаживаемыми чертами и творить свою жизнь и культуру именно этим духовным актом.

Исходя из русского уклада души, нам следует помнить одно и заботиться об одном: как бы нам наполнить данное нам свободное и любовное созерцание настоящим предметным содержанием; как бы нам верно воспринять и выразить Божественное — по-своему; как бы нам петь Божьи песни и растить на наших полях Божьи цветы... Мы призваны не заимствовать у других народов, а творить свое и по-своему; но так, чтобы это наше и по-нашему созданное было на самом деле верно и прекрасно, т. е. Предметно.

Итак, мы не призваны заимствовать духовную культуру у других народов или подражать им. Мы призваны творить свое и по-своему: — русское, по-русски.

У других народов был издревле другой характер и другой творческий уклад: свой особый — у иудеев, свой особый — у греков, особый у римлян, иной у германцев, иной у галлов, иной у англичан. У них другая вера, другая «кровь в жилах», другая наследственность, другая природа, другая история. У них свои достоинства и свои недостатки. Кто из нас захочет заимствовать их недостатки? — Никто. А достоинства нам даны и заданы наши собственные. И когда мы не сумеем преодолеть свои национальные недостатки, — совестью, молитвою, трудом и воспитанием, — тогда наши достоинства расцветут так, что о чужих никто из нас не захочет и помышлять.

Так, например, все попытки заимствовать у католиков их волевую и умственную культуру — были бы для нас безнадежны. Их культура выросла исторически из преобладания воли над сердцем, анализа над созерцанием, рассудка во всей его практической трезвости над совестью, власти и принуждения над свободой. Как же мы могли бы заимствовать у них эту культуру, если у нас соотношение этих сил является обратным? Ведь нам пришлось бы погасить в себе силы сердца, созерцания, совести и свободы, или, во всяком случае, отказаться от их преобладания. И неужели есть наивные люди, воображающие, что мы могли бы достигнуть этого, заглушив в себе славянство, искоренив в себе вековечное воздействие нашей природы и истории, подавив в себе наше органическое свободолобие, извергнув из себя естественную православность души и непосредственную искренность духа? И для чего? Для того, чтобы искусственно привить себе чуждый нам дух иудаизма, пропитывающий католическую культуру, и далее — дух римского права, дух умственного и волевого формализма и, наконец, дух мировой власти, столь характерный для католиков?.. А в сущности говоря, для того, чтобы отказаться от собственной, исторически и религиозно заданной нам культуры духа, воли и ума: ибо нам не предстоит в будущем пребывать исключительно в жизни сердца, созерцания и свободы, и обходиться без воли, без мысли, без жизненной формы, без дисциплины и без организации. Напротив, нам предстоит вырастить из свободного сердечного созерцания — свою, особую, новую русскую культуру воли, мысли и организации. Россия не есть пустое вместилище, в которое можно механически, по произволу, вложить все, что угодно, не считаясь с законами ее духовного организма. Россия есть живая духовная система, со своими историческими дарами и заданиями. Мало того, — за ней стоит некий божественный исторический замысел, от которого мы не смеем отказываться и от которого нам и не удалось бы отречься, если бы мы даже того и захотели... И все это выговаривается русской идеей.

Эта русская идея созерцающей любви и свободной предметности — сама по себе не судит и не осуждает инородные

культуры. Она только не предпочитает их и не вменяет себе в закон. Каждый народ творит то, что он может, исходя из того, что ему дано. Но плох тот народ, который не видит того, что дано именно ему, и потому ходит побираться под чужими окнами. Россия имеет свои духовно-исторические дары и призвана творить свою особую духовную культуру: — культуру сердца, созерцания, свободы и предметности. Нет единой общеобязательной «западной культуры», перед которой все остальное — «темнота» или «варварство». Запад нам не указ и не тюрьма. Его культура не есть идеал совершенства. Строение его духовного акта (или вернее — его духовных актов) может быть и соответствует его способностям и его потребностям, но нашим силам, нашим заданиям, нашему историческому призванию и душевному укладу оно не соответствует и не удовлетворяет. И нам незачем гнаться за ним и делать себе из него образец. У запада свои заблуждения, недуги, слабости и опасности. Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи. И в этом — смысла русской идеи.

Однако это не гордость и не самопревознесение. Ибо, желая идти своими путями, мы отнюдь не утверждаем, будто мы ушли на этих путях очень далеко или будто мы всех опередили. Подобно этому мы совсем не утверждаем, будто все, что в России происходит и создается, — совершенно, будто русский характер не имеет своих недостатков, будто наша культура свободна от заблуждений, опасностей, недугов и соблазнов. В действительности мы утверждаем иное: хороши мы в данный момент нашей встречи или плохи, мы призваны и обязаны идти своим путем, — очищать свое сердце, укреплять свое созерцание, осуществлять свою свободу и воспитывать себя к предметности. Как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не ходить в кусочки, собирая на мнимую бедность. Мы западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим. Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру — из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом — смысла русской идеи.

Эту национальную задачу нашу мы должны верно понять, не искажая ее и не преувеличивая. Мы должны заботиться не об оригинальности нашей, а о предметности нашей души и нашей культуры; оригинальность же «приложится» сама, расцветая не преднамеренно и непосредственно. Дело совсем не в том, чтобы быть ни на кого не похожим; требование «будь как никто» неверно, нелепо и не осуществимо. Чтобы расти и цвести, не надо коситься на других, стараясь ни в чем не подражать им и ничему

не учиться у них. Нам надо не отталкиваться от других народов, а уходить в собственную глубину и восходить из нее к Богу; надо не оригинальничать, а добиваться Божьей правды; надо не предаваться восточно-славянской мании величия, а искать русскою душою предметного служения. И в этом смысле русской идеи. Вот почему так важно представить себе наше национальное призвание со всей возможной живостью и конкретностью. Если русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести, то это отнюдь не означает, что она «отрицает» волю, мысль, форму и организацию. Самобытность русского народа совсем не в том, чтобы пребывать в безволии и безмыслии, наслаждаться бесформенностью и прозябать в хаосе; но в том, чтобы выращивать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию) из ее первичных сил (из сердца, из созерцания, из свободы и совести). Самобытность русской души и русской культуры выражается именно в этом распределении ее сил на первичные и вторичные: первичные силы определяют и ведут, а вторичные вырастают из них и принимают от них свой закон. Так уже было в истории России. И это было верно и прекрасно. Так должно быть и впредь, но еще лучше, полнее и совершеннее.

1. — Согласно этому — русская религиозность должна по-прежнему утверждаться на сердечном созерцании и свободе, и всегда блюсти свой совестный акт. Русское православие должно чтить и охранять свободу веры — и своей, и чужой. Оно должно созидать на основе сердечного созерцания свое особое православное богословие, свободное от рассудочного, формального, мертвенного, скептически-слепого резонерства западных богословов; оно не должно перенимать моральную казуистику и моральный педантизм у запада, оно должно исходить из живой и творческой христианской совести («к свободе призваны вы, братья», Гал. 5, 13), и на этих основах оно должно выработать восточно-православную дисциплину воли и организации.

2. — Русское искусство — призвано блюсти и развивать тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководилось доселе. Мы отнюдь не должны смущаться тем, что запад совсем не знает русскую народную песню, еле начинает ценить русскую музыку и совсем еще не нашел доступа к нашей дивной русской живописи. Не дело русских художников (всех искусств и всех направлений) заботиться об успехе на международной эстраде и на международном рынке — и приспосабливаться к их вкусам и потребностям; — им не подобает «учиться» у запада ни его упадочному модернизму, ни его эстетической бескрылости, ни его художественной беспредметности и снобизму. У русского художества свои заветы и традиции, свой национальный творческий акт: нет русского искусства без горящего сердца; нет русского искусства без сердечного созерцания; нет его без свободного вдохновения; нет и не будет его без

ответственного, предметного и совестного служения. А если будет все это, то будет и впредь художественное искусство в России, со своим живым и глубоким содержанием, формой и ритмом.

3. — Русская наука — не призвана подражать западной учености, ни в области исследований, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать свое мировосприятие, свое исследовательство. Это совсем не значит, что для русского человека «необязательна» единая общечеловеческая логика, или что у его науки может быть другая цель, кроме предметной истины. Напрасно было бы толковать этот призыв, как право русского человека на научную недоказательность, безответственность, на субъективный произвол или разрушительное безобразие. Но русский ученый призван вносить в свое исследование начала сердца, созерцательности, творческой свободы и живой ответственности совести. Русский ученый призван вдохновенно любить свой предмет так, как его любили Ломоносов, Пирогов, Менделеев, Сергей Соловьев, Геденов, Забелин, Лебедев, князь Сергей Трубецкой. Русская наука не может и не должна быть мертвым ремеслом, грузом сведений, безразличным материалом для произвольных комбинаций, технической мастерской, школой бессовестного умения.

Русский ученый призван насыщать свое наблюдение и свою мысль живым созерцанием, — и в естествознании, и в высшей математике, и в истории, и в юриспруденции, и в экономике, и в филологии, и в медицине. Рассудочная наука, не ведающая ничего кроме чувственного наблюдения, эксперимента и анализа, есть наука духовно-слепая: она не видит предмета, а наблюдает одни оболочки его; прикосновение ее убивает живое содержание предмета; она застревает в частях и кусочках, и бессильна подняться к созерцанию целого. Русский же ученый призван созерцать жизнь природного организма; видеть математический предмет; зреть в каждой детали русской истории дух и судьбу своего народа; растить и укреплять свою правовую интуицию; видеть целостный экономический организм своей страны; созерцать целостную жизнь изучаемого им языка; врачом зрением постигать страдание своего пациента.

К этому должна присоединиться творческая свобода в исследовании. Научный метод не есть мертвая система приемов, схем и комбинаций. Всякий настоящий, творческий исследователь всегда вырабатывает свой, новый метод. Ибо метод есть живое, ищущее движение к предмету, творческое приспособление к нему, «исследование», «изобретение», вживание, вчувствование в предмет, нередко импровизация, иногда перевоплощение. Русский ученый по всему складу своему призван быть не ремесленником и не бухгалтером явлений, а художником в исследовании; ответственным импровизатором, свободным пионером познания. Отнюдь не впадая в комическую претенциозность или в диле-

тантскую развязность самоучек, русский ученый должен встать на свои ноги. Его наука должна стать наукой творческого созерцания — не в отмену логики, а в наполнение ее живой предметностью; не в попрание факта и закона, а в узрение целостного предмета, скрытого за ними.

4 — Русское право и правоведение должны оберегать себя от западного формализма, от самодовлеющей юридической догматики, от правовой беспринципности, от релятивизма и сервилизма. России необходимо новое правосознание, национальное по своим корням, христиански-православное по своему духу и творчески-содержательное по своей цели. Для того, чтобы создать такое правосознание, русское сердце должно увидеть духовную свободу, как предметную цель права и государства, и убедиться в том, что в русском человеке надо воспитать свободную личность с достойным характером и предметной волей. России необходим новый государственный строй, в котором свобода раскрыла бы ожесточенные и утомленные сердца, чтобы сердца по-новому прилепились бы к родине и по-новому обратились к национальной власти с уважением и доверием. Это открыло бы нам путь к исканию и нахождению новой справедливости и настоящего русского братства. Но все это может осуществиться только через сердечное и совестное созерцание, через правовую свободу и предметное правосознание.

Куда бы мы ни взглянули, к какой бы стороне жизни мы ни обратились, — к воспитанию или к школе, к семье или к армии, к хозяйству или к нашей многоплеменности, — мы видим всюду одно и то же: Россия может быть обновлена и будет обновлена в своем русском национальном строении именно этим духом — духом сердечного созерцания и предметной свободы. Что такое русское воспитание без сердца и без интуитивного восприятия детской личности? Как возможна в России бессердечная школа, не воспитывающая детей к предметной свободе? Возможна ли русская семья без любви и совместного созерцания? Куда заведет нас новое рассудочное экономическое доктринство, покоммунистически слепое и противоестественное? Как разрешим мы проблему нашего многоплеменного состава, если не сердцем и не свободой? А русская армия никогда не забудет суворовской традиции, утверждавшей, что солдат есть личность, живой очаг веры и патриотизма, духовной свободы и бессмертия...

Таков основной смысл формулированной мной русской идеи. Она не выдумана мной. Ее возраст есть возраст самой России. А если мы обратимся к ее религиозному источнику, то мы увидим, что это есть идея православного христианства. Россия восприняла свое национальное задание тысячу лет тому назад от христианства: осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности. Этой идее будет верна и грядущая Россия.

ПОЧЕМУ МЫ ВЕРИМ В РОССИЮ⁶²

Где бы мы, русские люди, ни жили, в каком бы положении мы ни находились, нас никогда и нигде не покидает скорбь о нашей родине, о России. Это естественно и неизбежно: эта скорбь не может и не должна нас покидать. Она есть проявление нашей живой любви к родине и нашей веры в нее.

Чтобы быть и бороться, стоять и победить, нам необходимо верить в то, что не иссякли благие силы русского народа, что не оскудели в нем Божии дары, что по-прежнему, лишь на поверхности омраченное живет в нем его исконное боговосприятие, что это омрачение пройдет и духовные силы воскреснут. Те из нас, которые лишатся этой веры, утратят цель и смысл национальной борьбы, и отпадут, как засохшие листья. Они перестанут видеть Россию в Боге, и любить ее духом; а это значит, что они ее потеряют, выйдут из ее духовного лона и перестанут быть русскими.

Быть русским значит не только говорить по-русски. Но значит — воспринимать Россию сердцем, видеть любовью ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть Дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время — указание Божие имеющее оградить Россию от посягательств других народов, и требовать для этого дара — свободы и самостоятельности на земле. Быть русским значит созерцать Россию в Божьем луче, в ее вечной ткани, ее непреходящей субстанции, и любовью принимать ее, как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни. Быть русским значит верить в Россию так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и строители. Только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за нее и нашу победу. Может быть и не прав Тютчев, что «в Россию можно только верить», — ибо ведь и разуму можно многое сказать о России, и сила воображения должна увидеть ее земное величие и ее духовную красоту, и воле надлежит совершить и утвердить в России многое. Но и вера необходима: без веры в Россию нам её и самим не прожить и не возродить.

Пусть не говорят нам, что Россия не есть предмет для веры, что верить подобает в Бога, а не в земные обстояния. Россия перед лицом Божиим, в Божьих дарах утвержденная и в Божьем луче узренная — есть именно предмет веры, но не веры слепой и противоразумной, а веры любящей, видящей и разумом обоснованной. Россия, как цепь исторических явлений и образов, есть, конечно, земное обстояние, подлежащее научному изучению. Но и самое это научное не должно останавливаться на внешней видимости фактов; оно должно проникать в их внутренний смысл, в духовное значение исторических явлений, к тому единому, что

составляет дух русского народа и сущность России. Мы, русские люди, призваны не только знать историю своего отечества, но и видеть в ней борьбу нашего народа за самобытный духовный лик.

Мы должны видеть наш народ не только в его мятущейся страстности, но и в его смиренной молитве; не только в его грехах и падениях, но и в его доброте, в доблести, в его подвигах; не только в его войнах, но и в сокровенном смысле этих войн. И особенно — в том скрытом от постороннего глаза направлении его сердца и воли, которым проникнута вся его история, весь его молитвенный быт. Мы должны научиться видеть Россию в Боге — ее сердце, ее государственность, ее историю. Мы должны по новому — духовно и религиозно осмыслить всю историю русской культуры.

И, когда мы осмыслим ее так, тогда нам откроется, что русский народ всю свою жизнь предстоял Богу, искал, домогался и подвизался, что он знал свои страсти и свои грехи, но всегда мерил себя Божьими мерилками; что через все его уклонения и падения, несмотря на них и вопреки им, душа его всегда молилась и молитва всегда составляла живое естество его духа.

Верить в Россию значит видеть и признавать, что душа ее укоренена в Боге и что ее история есть возрастание ее от этих корней. Если мы в это верим, то никакие «провалы» на ее пути, никакие испытания ее сил не могут нас страшить. Естественна наша неутрачиваемая скорбь о ее временном унижении и о мучениях, переносимых нашим народом; но неестественно уныние или отчаяние.

Итак душа русского народа всегда искала своих корней в Боге и в Его земных явлениях: в правде, праведности и красоте. Когда-то давно, может быть еще в доисторические времена, был решен на Руси вопрос о правде и кривде, решен и запечатлен приговором в сказке:

— «Надо жить по-Божьи... Что будет, то и будет, а кривдой жить не хочу»... И на этом решении Россия строилась и держалась в течении всей своей истории — от Киево-Печерской Лавры до описанных у Лескова «Праведников» и «Инженеров-Бессребренников»; от Сергия Преподобного до унтер-офицера Фомы Данилова, замученного в 1875 году кипчаками за верность вере и родине; от князя Якова Долгорукова, прямившего стойкой правдой Петру Великому, до умученного большевиками исповедника — Митрополита Петербургского Вениамина.

Россия есть прежде всего — живой сонм русских правдолюбцев, «прямых стоятелей», верных Божьей правде. Какой-то таинственной, могучей уверенностью они знали-ведали, что видимость земной неудачи не должна смущать прямую и верную душу; что делающий по Божьи побеждает одним своим делом, строит Россию одним своим (хотя бы и одиноким, и мученическим) стоянием. И тот из нас, кто хоть раз попытался обнять

взором сонм этих русских стоятелей, тот никогда не поверит западным разговорам о ничтожности славянства, и никогда не поколеблется в своей вере в Россию.

Россия держалась и строилась памятью о Боге и пребыванием в Его живом и благодатном дуновении. Вот почему, когда русский человек хочет образумить своего ближнего, он говорит ему: «побойся Бога!», — а укоряя, произносит слова: «Бога в тебе нет!» Ибо имеющий Бога в себе, носит в своей душе живую любовь и живую совесть: две благороднейшие основы всякого жизненного служения, — священнического, гражданского и военного, судейского и царского. Это воззрение исконное, древне-русское; оно-то и нашло свое выражение в указе Петра Великого, начертанном на Зерцале: «Надлежит пред суд чинно поступать, понеже суд Божий есть, проклят всяк, творяй дело Божье с небрежением». Это воззрение выражал всегда и Суворов, выдвигая идею русского воина, сражающегося за дело Божье. На этом воззрении воспитывались целые поколения русских людей, — и тех, кто сражались за Россию, и тех, что освобождали крестьян от крепостного права (на основах, не осуществленных нигде в мире, кроме России), и тех, что создавали Русское земство, русский суд и русскую школу предреволюционного периода.

Здоровая государственность и здоровая армия невозможны без чувства собственного духовного достоинства; а русский человек утверждал его на вере в свою бессмертную, Богу предстоящую и Богом ведомую душу: вот откуда у русского человека то удивительное религиозно-эпическое и спокойное восприятие смерти — и на одре болезни, и в сражении, которое было отмечено не раз в русской литературе, в особенности у Толстого и Тургенева.

Но здоровая государственность и здоровая армия невозможны и без верного чувства ранга. И прав был тот капитан у Достоевского, который ответил безбожнику — «Если Бога нет, то какой же я после этого капитан?» — Творческая государственность требует еще мудрости сердечной и вдохновенного созерцания, или по слову Митрополита Филарета, сказанному во время коронавания Императора Александра II, — она требует — «наипаче таинственного осенения от Господня духа владычного, Духа премудрости и ведения, Духа совета и крепости».

Этим духом и держалась Россия на протяжении всей своей истории и отпадения ее от этого духа всегда вели ее к неисчислимым бедам. Поэтому верить в Россию значит принимать эти глубокие и великие традиции, — ее воли к качеству, ее своеобразия и служения, укореняться в них и уверенно строить на них ее возрождение.

И вот, когда западные народы, ставят нам вопрос, почему же мы так непоколебимо уверены в грядущем возрождении и восстановлении России, то мы отвечаем: потому, что мы знаем

историю России, которой вы не знаете, и живем ее духом, который вам чужд и недоступен.

Мы утверждаем духовную силу и светлое будущее русского народа в силу многих оснований, из которых каждое имеет свой особый вес и которые все вместе ведут нас в глубину нашей веры и нашей верности.

Мы верим в русский народ не только потому, что он доказал свою способность к государственной организации и хозяйственной колонизации, политически и экономически объединив одну шестую часть земной поверхности; и не только потому, что он создал правопорядок для ста шестидесяти различных племен, — разноязычных и разноверных меньшинств, столетиями проявляя ту благодушную гибкость и миролюбивую уживчивость, перед которой с таким радостным чувством преклонился однажды Лермонтов («Герой нашего времени», глава 1, «Бэла»);

и не только потому, что он доказал свою великую духовную и национальную живучесть, подняв и пересилив двухсот-пятидесятилетнее иго татар;

и не только потому, что он незащищенный естественными границами, пройдя через века вооруженной борьбы, проведя в оборонительных войнах две трети своей жертвенной жизни, одолел все свои исторические бремена и дал к концу этого периода высший в Европе средний уровень рождаемости: 47 человек в год на каждую тысячу населения;

и не только потому, что он создал могучий и самобытный язык, столь же способный к пластической выразительности, сколь к отвлеченному парению, — язык, о котором Гоголь сказал: «что ни звук, то и подарок, и право, иное название еще драгоценнее самой вещи»... («Выбранные места из переписки с друзьями» 15, 1);

и не только потому, что он, создавая свою особую национальную культуру, доказал — и свою силу творить новое и свой талант претворять чужое, и свою волю к качеству и совершенству, и свою даровитость, выдвигая из всех сословий «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» (Ломоносов);

и не только потому, что он выработал на протяжении веков свое особое русское правосознание (русский предреволюционный суд, труды российского Сената, русская юриспруденция, сочетающая в себе христианский дух с утонченным чувством справедливости и неформальным созерцанием права);

и не только потому, что он создал прекрасное и самобытное искусство, вкус и мера, своеобразие и глубина которого доселе еще не оценены другими народами по достоинству — ни в хоровом пении, ни в музыке, ни в литературе, ни в живописи, ни в скульптуре, ни в архитектуре, ни в театре, ни в танце;

и еще не только потому, что русскому народу даны от Бога и от природы неисчерпаемые богатства, надземные и подземные,

которые обеспечивают ему возможность, — в самом крайнем и худшем случае успешного вторжения западных европейцев в его пределы, — отойти вглубь своей страны, найти там все необходимое для обороны и для возвращения отнятого расчленителями, и отстоять свое место под Божьим солнцем, свое национальное единство и независимость...

Мы верим в Россию не только по всем этим основаниям, но, конечно, мы находим опору и в них. За ними и через них сияет нам нечто большее: народ с такими дарами и с такой судьбой, выстрадавший и создавший такое, не может быть покинут Богом в трагический час своей истории. Он в действительности и не покинут Богом, уже в силу одного того, что душа его искони укоренялась и укоренилась в молитвенном созерцании, в искании горнего, в служении высшему смыслу жизни. И если временно омрачилось око его, и если единожды поколебалась его сила, отличающая верное от соблазна, — то страдания очистят его взор и укрепят в нем его духовную мощь...

Мы верим в Россию потому, что созерцаем ее в Боге и видим ее такой, какой она была на самом деле. Не имея этой опоры, она не подняла бы своей суровой судьбы. Не имея этого живого источника, она не создала бы своей культуры. Не имея этого дара, она не получила бы и этого призвания. Знаем и разумеем, что для личной жизни человека — 25 лет есть срок долгий и тягостный. Но в жизни целого народа с тысячелетним прошлым этот срок «выпадения» или «провала» не имеет решающего значения: история свидетельствует о том, что на такие испытания и потрясения народы отвечают возвращением к духовной субстанции, восстановлением своего духовного акта, новым расцветом своих сил. Так будет и с русским народом. Пережитые испытания пробудят и укрепят его инстинкт самосохранения. Гонения на веру очистят его духовное око и его религиозность. Изжившиеся запасы зависти, злобы и раздорливости отойдут в прошлое. И восстанет новая Россия. Мы верим в это не потому, что желаем этого, но потому, что знаем русскую душу, видим путь, пройденный нашим народом, и, говоря о России, мысленно обращаемся к Божьему замыслу, положенному в основание русской истории, русского национального бытия.

МЫ БЫЛИ ПРАВЫ⁶³

Наша судьба, судьба русских людей двадцатого века — беспримерна по своей тягости. Впервые в истории мобилизовались такие силы зла; впервые изобретены приемы такого

террора, компрометирующего самое здоровое начало государственности; впервые создан заговор такого интернационального охвата, такого подрыва, такой злодейской меткости, такой неисчерпаемой одержимости. Все это импонирует людям духовно-слабым, людям «карьеры во что бы то ни стало», людям жадным и порочным; и доселе еще мы видим и среди иностранцев, и среди русских людей единичные и групповые «оползни». Иногда даже кажется, как будто из самой земли встает некий черный туман соблазна, одурманивающий людей, застилающий в них начала чести, совести и верности. И обычно бывает так, что люди опоминаются и отрезвляются только тогда и там, где их накрывает тоталитарное рабство; и тогда они с ужасом убеждаются, что время упущено, что остается или покоряться рабству, или идти на смерть в бесплодных протестах.

Нам, понявшим эту опасность мирового разложения и порабощения тридцать три года тому назад и сделавшим за это время все возможное для ее разъяснения, преодоления и предотвращения, бывает подчас несказанно больно и горько на душе. Больно за родину, за нашу чудесную и славную Россию, столько вынесшую в истории, преодолевшую столько трудностей и опасностей, и создавшую единственную в своем роде национальную культуру, — целое богатство религиозной святости, личных характеров и подвигов, целый поток глубокомыслия, глубокочувствия и прекрасного искусства, и все это из особого национально-духовного акта. Горько за русских людей, или порабощенных и (что всего ужаснее!) постепенно приобретающих привычку к рабству и тирании, или же рассеянных по чужим землям и народам на положении бесправных, подозреваемых, еле терпимых чужестранцев. Больно; и горько; и стыдно за наше гнилое время, и за недостаток людей с духовным хребтом и характером; и тревожно за поколения, разучающиеся любить и веровать.

Чтобы бодро и действительно выносить весь этот поток горя и унижения, мы должны твердо верить в нашу духовную правоту и в грядущее возрождение России. Мы имели долгие годы и бесчисленное множество оснований и поводов для того, чтобы пересмотреть нашу основную линию — линию верности национальной России и отвержения тоталитарного коммунизма. И каждое углубление мысли, каждое событие, по-новому освещавшее окружающие нас сумерки, каждое новое крушение нового государства удостоверяло нас в том, что линия наша была верна от самого начала. И ныне каждый новый час истории приносит нам и всему миру новые доказательства нашей исконной правоты и новые сообщения о прозревающих и вот уже прозревших людях.

Мы были правы, поднимаясь за родину и отдавая за нее все свое; ибо люди без родины становятся исторической пылью, блеклой осенней листвой, гонимой с места на место и втап-

тываемой чужеземцами в грязь. Мы были правы, отстаивая нашу религиозную веру, ибо у безбожных и отреченных людей разлагается самая сердцевина их духа и совести, высыхает и деморализуется их наука, развращается их искусство, разлагается их семья, выдыхается их культура. Мы были правы, обороняя нашу свободу, ибо вот, в тоталитарных государствах человек теряет свою личность и независимость, он становится рабом государства, застрашенным лстецом, покорным подголоском, лишенным собственных убеждений. Мы были правы и тогда, когда не ждали никакого спасения для России от республиканской формы: ибо на наших глазах февральская республика быстро развалила Россию и армию, скомпрометировала и растратила государственную власть, разнуздала вожделения и развалилась от первого внутреннего толчка, которому не умела и не хотела противопоставить ничего; а октябрьская республика быстро выродилась в самую ужасную тиранию, которую когда-либо видела человеческая история. Мы были правы, последовательно отвергая социализм и коммунизм, ибо вот всюду, где проводится такой режим, люди начинают догадываться, что у них не просто отнято имущество, но что у них экспроприрована творческая инициатива труда и заработка, что этот режим противоестественен, насильственен и неизбежно тоталитарен; люди начинают прозревать, что частная собственность присуща человеку так, как его собственное тело, и необходима ему, как основа его трудовой самостоятельности.

Мы были правы, когда увидели в революции не спасение, а смертельную опасность; когда не приняли тех соблазнов бесчестия, которым тогда уступили столь многие; когда отказались от непротивления и приспособления... И особенно мы были правы тем, что не потеряли веру в духовные силы нашего народа и в его грядущее возрождение. Оно придет, оно начнется, ибо оно и теперь уже готовится в глубине народной души: и в тех русских людях, которые оставаясь на родине, сумели сохранить верность ей и веру в нее; и в тех, которые выпивают до дна всю унизибельность своих компромиссов и накапливают в сердце патристический гнев; и в тех, которые своими гнусными делами протирают насквозь, до дыры, до предпогибельного, сатанинского провала злодейское начало, заложенное в терроре, в коммунистической пошлости и в тоталитарной лжи.

Медленно зреет обновление. Это созревание состоит в том, что колеблющиеся и отпавшие возвращаются на нашу стезю, — на путь патриотизма, свободы, верности и национальной государственности, с тем, чтобы мы могли найти в них своих братьев. Не знаем, когда пробьет этот час, но знаем, что он пробьет и что это будет праздник нашего всенародного оправдания.

Таковы два великие утешения, укрепляющие нашу стойкость и дающие нам великую бодрость: это великое благо жизни —

сознавать свою правоту; это великая отрада — уверенно ждать того часа, когда Россия воспрянет, освободиться и возобновит свой величавый исторический ход.

ПРИЛОЖЕНИЯ

БЕЛАЯ ИДЕЯ¹

Белое дело не нами началось, не нами и кончится. Но силою исторических судеб нам пришлось поднять ныне его знамя в России и мы несем это знамя с чувством величайшей духовной ответственности. Не мы создали его: оно древне, как Русь; мы только стали под него, опять как бывало, в час смуты и разложения. Мы знаем тех вождей и строителей русского национального и государственного дела, которые не раз на протяжении русской истории становились под это знамя, скликали под него верных сынов родины и, претворяя чувство в волю и слово в дело, выводили Россию из бед и опасностей. Мы знаем эти имена и эти деяния; и знание это только усиливает и углубляет наше чувство ответственности и повышает те требования, которые мы сами к себе предъявляем. Но именно признание этой традиции пробуждает в нас надежду, что мы сумеем быть достойными этого знамени; что честна и грозна будет наша борьба под ним; что мы донесем его до конца и передадим его нашим детям. Мы знаем, что на нем начертано. Мы знаем к чему оно нас обязывает. Но мы знаем также, что в верности ему — спасение и возрождение России.

Мы стали под его знамя потому, что иначе мы не могли и не хотели; ибо нас поставила под него любовь к России, которая сильнее нас, и честь России, без которой жизнь на земле теряет для нас цену. Это мы чувствовали с самого начала; с тою же силою мы чувствуем это и теперь. Наши братья, замученные в подвалах и павшие в боях, — засвидетельствовали это и жизнью и смертью. И поэтому, куда бы ни привела нас белая борьба, мы, прежде всего, с благоговением вспоминаем о них.

В едином, общем деле они опередили нас; они уже совершили и победили; они донесли наше знамя до конца и показали, как можно и должно строить родину, умирая за нее. Их дух, их деяния, их слова живы среди нас; мы помним их; мы гордимся ими; мы сами хотели бы совершить то, что они совершили. И потому мы стремимся, прежде всего, сохранить историческую правду об их деяниях, подлинную правду о том, что было: какие события вызвали белую борьбу; как она началась и возникла; чего хотели, что думали и что совершали те, которые становились под белое знамя. Мы знаем, что эта строгая и подлинная историческая правда таила в себе с самого начала ту духовную правду, ту идею и правоту, которой они служили и которой мы будем служить и впредь. И вот, пусть повествования нашей Летописи вскроют помыслы, цели и деяния белой борьбы, ее порывы и подвиги, ее победы, неудачи и заблуждения. И вскрытые неудачи пусть дадут нам лучшее разумение белого дела; а вскрытые заблуждения пусть оттенят чистоту и верность нашего

знамени и нашей идеи. И пусть на этом пути правда истории осветит правоту духа.

То, чего мы ищем — это не пристрастное восхваление, и не замалчивание, и не преувеличение; но историческое освещение и умудрение. Белая борьба нуждается в летописи, а не в идеализации; в верном самопознании, а не в создании легенды; в удостоверении, а не в искажении. То, что было, то было в действительности; и никто никогда не отнимет у нас бывшего и не вычеркнет его из истории России. Мы хорошо знаем, какие духовные ключи породили белое течение наших дней, какие чувства и намерения одушевляли его деятелей, к каким деяниям это их вело и приводило. Нам надлежит лишь удостоверить прошлые исторические факты и тем вернее и глубже раскрыть движущую идею белой борьбы, а грядущие события и беспристрастная история доделают и допишут остальное.

Движущая идея белой борьбы проста, как сердце честного патриота; сильна, как его воля; глубока, как его молитва о родине. Она вела белых с самого начала; и тогда, когда их сознание еще не могло формулировать ее; она поведет их и далее, после того, как она будет до конца осознана и выговорена. Без нее вооруженная белая борьба была бы обычной гражданской войной; с нее и через нее — она возрождала древнюю русскую патриотическую традицию и знаменовала зарождение новой, государственно-здоровой России... В то время, когда вооруженная борьба только еще начиналась, бывало так, что борющиеся вливались в нее по отрицательному признаку; по признаку неприятия коммунистической революции. Однако, бороться с коммунистами можно было по разным побуждениям и мотивам, — и личным, и партийным, и имущественным, и мстительным; и те, кто боролись по этим не белым побуждениям, бывали, конечно, драгоценны и полезны в сражении, но бывали и опасны для белого дела вне боя... Но и тогда уже многие, очень многие, именно те, кто составляли основное, неутомимое ядро борцов, носили в своем сердце то положительное, — простое, сильное и глубокое, — что образует природу белого сердца и белой воли. С тех пор неудачи и испытания, соблазны слева и справа — отметали и отвевали все шаткое и небелое от крепкого и белого. Время шло. Те, кто выдержали горнило боя и разрушенного лагеря, вступили затем в горнило черной работы и рассеянного изгнанничества. Это горнило еще не изжито нами. Но, может быть, не за горами и его конец и тогда круг подготовительных испытаний будет нами пройден. И сквозь весь этот круг мы пронесли и пронесем наше знамя, нашу идею, простую, сильную и глубокую.

Эта идея выношена нами в военной борьбе с революцией и коммунизмом; но белое дело не исчерпывается этой борьбой и не сводится к ней. Вот уже шесть лет, как белая армия лишена

оружия и не сражается с коммунистами; а ее дух не поколеблен, ее цели не померкли, ее бытие не потеряло смысла. И дух ее, и смысл ее будут жить неумаленными и в том случае, если исторические судьбы не приведут ее в дальнейшем к возобновлению прервавшейся вооруженной борьбы. Белое дело по необходимости велось и, может быть, будет вестись и далее — мечом; но меч совсем не есть его единственное оружие. Белый дух будет верен себе и в гражданском служении, и в созидательном труде, и в воспитании народа. Пройдут определенные сроки, исчезнут коммунисты, революция отойдет в прошлое; а белое дело, возродившееся в этой борьбе, не исчезнет и не отойдет в прошлое: дух его сохранится и органически войдет в бытие и строительство новой России. Ибо возродившееся в отрицании, белое дело отнюдь не исчерпывается отрицанием; собрав свои силы в гражданской войне, оно отнюдь не питается гражданской войною, не зовет к ней во что бы то ни стало и не угасает вместе с нею; пробужденное революцией, оно отнюдь не сводится к «контр-революции»; борясь против гибельной химеры коммунизма, оно совсем не выдыхается вместе с этой химерой; восставая против интернационала и его предательства, оно имеет свой положительный идеал родины. Поэтому, неправы все те, кто думает или говорит, что белое дело есть то же самое, что «вооруженная контрреволюция».

Эта неправда связана с другою такою же неправдою, будто белое дело есть дело «сословное» и «классовое», дело «реставрации» и «реакции». Мы знаем, что есть «сословия» и «классы», особенно сильно пострадавшие от революции. Но ряды белых борцов всегда пополнялись и будут пополняться совершенно независимо от личного и сословного ущерба, от имущественного и социального убытка. И в наши ряды с самого начала становились те, кто все потерял, и те, кто ничего не потерял и все мог спасти. И в наших рядах с самого начала были и будут до конца люди самых различных сословий и классов, положений и состояний; и притом потому, что белый дух определяется не этими вторичными свойствами человека, а первичным и основным — преданностью родине. Белые никогда не защищали и не будут защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело — дело России — родины, дело русского государства. И самая белизна личной воли определяется именно этой способностью — жить интересами целого, бороться не за личный прибыток, а за публичное спасение, потопить и сословное и классовое, и партийное дело — в патриотическом и государственном. И понятно, что те, кто неспособен к этому, — не выдерживают соблазнов и обсыпаются налево и направо.

Подобно этому, белое дело никогда не было и не будет делом «реставрации» и «реакции». Быть может, есть люди, которые желали бы механически поставить все на старое место, но среди

нас нет таких людей. Мы не политическая партия и не обязаны иметь выработанную политическую программу; среди нас есть место людям различных уклонов, оценок и влечений. Но суровая борьба научила нас всех глубже всматриваться в исторические события и трезво учитывать условия реальной жизни. И поэтому мы свободны и от революционных, и от реакционных предрас-судков; и то, чего мы желаем для России, это — исцеление и возрождение, здоровье и величие, а не возврат к тому недугующему состоянию, из которого выросла революция со всем ее позором и унижением.

Придет время, когда белое движение примет форму патриотического ордена и породит национальную политическую партию. Сейчас это время еще не пришло: белая организация еще оторвана от своего государственного лона; она еще не освободила Россию. И потому она имеет и должна иметь ныне форму невооруженной армии, облеченной в ризу «Обще-Воинского Союза». Эта организация не завершила еще своего исторического испытания. И задача ее ныне состоит в том, чтобы углубить, очистить и укрепить свой дух, соблюсти свои личные силы и свою организацию, осознать свою идею и пребыть до конца в верности своему знамени.

Белое дело требует, прежде всего, белого духа. Утратить дух, значило бы утратить все; соблюсти и укрепить его, значит спасти главное и выполнить нашу историческую миссию. Дух может и не иметь политической программы; но он имеет свои основоположения, свои неоспоримые аксиомы. Формулировать эти аксиомы значит выговорить нашу идею. Эта идея редко нами выговаривается; но живет она во всех нас, в нашем чувстве, в нашей воле, в наших поступках. Это значит, мы живем ею. И вот, эта жизнь — вера в нее, борьба за нее, смерть за нее и составляет наше белое дело. И нашей главной заботой должно быть ныне то, чтобы белое дело, жившее и до нас, но не раз затеривавшееся в истории России, сохранилось после нас и творчески вошло в жизнь нашей родины. Ибо мы должны быть уверены, что если бы Россия вела белая идея, то не было бы вовсе революционного крушения; и если бы белые девизы владели русскими сердцами, то Россия и ныне цвела бы во всей своей духовной красоте и во всем своем государственном величии.

По глубокому смыслу своему белая идея, выношенная и созревшая в духе русского православия, есть идея религиозная. Но именно поэтому она доступна всем русским — и православному, и протестанту, и магометанину, и внеисповедному мыслителю. Это есть идея борьбы за дело Божее на земле; идея борьбы с сатанинским началом, в его личной и в его общественной форме; борьбы, в которой человек, мужаясь, ищет опоры в своем религиозном опыте. Именно такова наша белая борьба. Ее девиз: Господь зовет, сатаны убоюсь ли?

Поэтому, если белые берутся за оружие, то не ради личного и частного дела и не во имя свое: они обороняют дело духа на земле и считают себя в этом правыми перед лицом Божиим. Отсюда религиозный смысл их борьбы: она направлена против сатанинского начала и несет ему меч; но внутренне она обращается к Богу и возносит к Нему молитву. Господь не влагает нам в руки меч; мы берем его сами. Но берем мы его не ради себя и сами готовы погибнуть от взятого меча. И из глубины этой духовной трагедии мы обращаем к Нему наш взор и нашу волю. И в жизни наша борьба и наша молитва являются единым делом. Девиз его: моя молитва, как мой меч; мой меч, как молитва.

Это означает, что белая идея есть идея волевая. Пассивный мечтатель, колеблющийся, сентиментальный, робкий — не шли и не пойдут в белые ряды. Белый — человек решения и поступка, человек терпения, усилия и свершения. Жизнь есть для него действие, а не состояние; акт, а не стечение обстоятельств. Ему свойственно двигаться по линии наибольшего, а не наименьшего сопротивления. Ему свойственно не созерцать свою цель и не мечтать о ней, а пробиваться к ней и осуществлять ее. Поэтому его девиз: умеи желать, умеи дерзать, умеи терпеть. И еще: в борьбе закаляюсь, в лишениях крепну.

И все это во имя идеала, которому белое сердце предано, во имя которого белая воля напряжена. Жизнь без идеала, жизнь бездейного авантюриста и карьериста непонятна и отвратительна белой душе. Белый живет чем-то таким, чем поистине стоит жить, стоит потому, что за это стоит и умереть. Этот идеал для него не мечта, а волевая задача; не предмет пассивного воображения, а предмет живых усилий. Он любит его огнем своей души и любовь эта может стать грозой. И поэтому девиз его: грозная любовь, честная борьба.

Это значит, что белый дух покоится, прежде всего, на силе личного характера. Люди слабохарактерные и бесхарактерные, ни в чем на смерть не убежденные, с двоящимися мыслями и нецельными желаниями — или не шли в ряды белых, или скоро уходили из них. Напротив, человек с характером всегда находил себе здесь братьев по духу. Характер белого состоит в том, что он предан своей святыне; из нее вырастает его жизненное слово; а за словом его следует его дело. Он верит в то, что исповедует; и делает то, что говорит. От этой цельности — его сила; от этой силы — его самообладание. От цельности и самообладания — его жизненная прямота и его презрение ко всяческим нашептам, ко всякой лжи, кривизне и интриге. И поэтому его девизы гласят: моя святыня, мое слово, мое дело. И еще: владею собою. И, наконец, с поднятым забралом.

Но всюду, где живет и дышит сила подлинного характера, она несет человеку драгоценные дары: достоинство, свободу, и

дисциплину. И по этим дарам каждый из нас может и должен всегда проверять, насколько его характер уже развился и окреп.

Наше достоинство в том, что мы блюдем в себе нашу святыню. Она наш духовный Кремль; в служении ей слагается наша жизнь; к ней мы обращаемся в трудные минуты нашей жизни; она дает нам уверенность и силу. Она дает нам способность быть, а не казаться; и этому девизу мы должны быть верны до конца. Святыня веры и родины — вот наше достоинство и честь. И тот, кто имеет ее, тот блюдет себя и свое уважение к себе, тот сохраняет свое благородство во всех жизненных положениях: и в изгнании, и в черной работе, и в нищете, и в опасности. Ему дорога его честь, а не почести; таков его девиз и искушения честолюбия не уведут его на кривые пути.

Наша свобода в том, что мы, согласно великим заветам нашей церкви, сами любим и сами видим то, во что мы верим, как в святыню. Наша святыня живет в нас; мы преданы ей без всяких приказов и понуждений, без всяких разрешений и запретов. Мы духом не рабы; мы свободны духом — свободны верою, чувством и волею. Поэтому мы и не приняли с самого начала ига революционной черни и коммунистического рабства; но восстали за свободу, которая стала нашим девизом, за священное право молиться, любить, творить и умереть в свободе. И это право мы утвердим в России навсегда.

Отсюда, именно отсюда сила нашей белой организации: ибо нет более крепкой, более выдержанной, более неразрушимой дисциплины, чем та, которая рождена свободной убежденностью и силой характера. Этой дисциплине не страшны никакие трудности, никакие искушения, никакие страхи и соблазны. Потому что она питается свободною верою и свободною волею самого дисциплинированного борца. Она родит не слепую покорность, пассивную и двусмысленную, и не послушание за страх, рабское и лукавое, — а за свободное повиновение, за совесть. И такое повиновение покоится на преданности и становится творчеством. Что может превзойти его по силе? И отсюда наш девиз: силен свободным повиновением.

И весь этот душевный уклад, живущий с большей или меньшей зрелостью в каждом белом борце, сообщает ему то уверенное спокойствие, которое необходимо ему в борьбе и неудачах. Он знает всю силу своей веры и своей воли, что победит то Божье дело, которому он служит; и поэтому «неудача» есть для него не более, чем отсрочка победы; и видимость «поражения» не может его поколебать. Победа есть для него вопрос правоты, правоты перед лицом Божиим; а молитва, воля и время довершат дело и рассеют призрак вражьего успеха. Он следует девизу: в правоте моя победа; и уверенно предвкушает победу в самой своей смерти. Ибо он всегда помнит

другой белый девиз, утверждающий, что свободный в жизни, силен в смерти.

Именно такова наша белая борьба за родину. Россия для нас не просто «территория», и не просто «люди», и не только «быт», «уклад» и «мощь». Но это прежде всего, национальный сосуд Духа Божия; это наш родной алтарь, и храм; и освященный им, кровный, дедовский очаг. И поэтому «родина» есть для нас не предмет бытового пристрастия, а подлинная религиозная святыня. Борясь за родину, мы боремся за совершенство, и силу, и свободу русского духа; а для его расцвета нам нужна территория, и быт, и государственная мощь. И потому — не бытовой, а религиозный смысл имел для нас всегда наш кличущий девиз: все за родину, всё за родину.

России — родине и были даны с самого начала наши молчаливые, наши грозные клятвы, когда поколебались основы ее бытия и ее быта. Они были даны там, в донских степях, и в северных снегах, и в сибирской тайге, и в первых одиночках Москвы. Мы ни в чем не изменили с тех пор этим клятвам: они помогли нам найти друг друга; они закалили нас; они сделали нашу армию органом национального достоинства и спасения. И ныне, обертываясь на пройденный путь, мы знаем, сколь верен и мудр наш девиз, утверждающий, что блаженство в верности.

Могли ли, могли ли мы, должны ли были действовать иначе, чем мы действовали? В час величайшей беды, в час национального крушения и унижения, могли ли мы не встать и не принять на свои плечи бремя, свалившееся на нашу родину? Разве патриот отделим от своего отечества? Разве есть для него жизнь, и солнце, и радость, когда гибнет его родина? Или он может делить с нею годы расцвета и отступать от нее в часы гибели? Слабы были наши плечи; скудны были наши силы; неясны были наши пути... Но нас вел наш святой, добровольческий девиз: подьемлю добро волею — и родина оценит наше белое дело.

Мы верим в это и будем верить до конца; ибо дух народа и совесть народа произносят свой суд тогда, когда действовавшее поколение уходит из жизни и стихает кипение личных страстей, тщеславий и честолюбий? когда беспристрастная история вскрывает архивы, освещает поступки намерениями и вычитывает сокровенный смысл событий. Тогда обнаружится во всей своей полноте наша историческая и идейная правда и Россия не забудет тех, кто пошел за Алексеевым и Корниловым, не ища для себя ничего и отдавая все, что человеку бывает дорого в личной жизни. Ибо их девиз гласил: любовью ведом, жертвою очищаюсь. Что нам отзывы современных недругов, зоилов и клеветников? Что знают они о наших подлинных побуждениях и целях? Что нам кривые суждения непротивленцев и ханжей, полупредателей и лицемеров? Что знают они о нашей «сухости» и «жестокости», о нашем «бессердечии» и «злобствовании»? Не им дадим ответ; не

их суда мы ждем. Наш девиз учит иному; он говорит: служу России, отвечаю Богу.

Богу и судьбе было угодно так, чтобы жизнь наша была настигнута великою русскою смутою, имя которой «революция», «гражданская война» и «коммунизм». Не мы вызвали эту смуту; не мы хотели революции; не мы начали гражданскую войну; не мы губили Россию коммунизмом. И, может быть, многие из нас мечтали бы родиться в другую эпоху и служить России иначе. Но жребий был брошен и притом не нами; предотвратить трагедию было не в наших силах. Мы могли только мужественно принять ее и честно изжить ее в борьбе.

Весь дух этой смуты была тягостен и отвратителен нам. Ибо это был дух жадности и посягательства, зависти и злобы. А наш дух иной, обратный смуте: жертвую, но не посягаю; соревную, но не завидую. Перед нами было одно задание, один исход: надо было спасти Россию; надо было избавить ее от духовной заразы; надо было остановить ее распадение. И гражданская война стала для нас духовной неизбежностью. Жалок тот народ, который при таких условиях не нашел бы в себе сил для военного сопротивления... И Россия нашла их в нашем лице. И если бы история вернулась вспять, мы совершили бы опять то же самое... Но не личная ненависть водила нас в бой и не личная злоба; и не мести искали мы. И ныне, предвидя возможное возобновление борьбы, свидетельствуем: не месть, не месть, а отрезвление, очищение и примирение несем мы в Россию. Ибо наш девиз: побеждаю, но не мщу. Мы не одержимы духом гражданской войны; мы знаем ее гибельность и ее безумие. И никто из нас не прольет в России ни одной лишней капли крови.

Да, белое дело состоит в том, чтобы бороться за родину, жертвуя, но не посягая; утверждая народное спасение и народное достояние, но не домогаясь прибытка для себя; строя национальную власть, но не подкапываясь под нее; служа живой справедливости, но не противоестественному равенству людей. Мы не верим в справедливость насильственного уравнивания и имущественного передела; мы не верим в целесообразность общности имуществ, в правоту социализма, в спасительный коммунизм. Дело не в бедности, а в том, как справляется дух человека с его бедностью. Дело не в богатстве, а в том, что делает человек со своим богатством. Дело не в бедности и не в богатстве, а в том, чтобы каждый человек мог трудиться; трудясь, строить и приумножать; приумножая, творить новое и делиться с другими. Мы утверждаем естественность и необходимость частной собственности и видим в ней не «грех» и не «стыд», а личное и общественное духовное задание. И потому наши девизы: собственность и творчество; изобилие и щедрость.

И мы знаем, что на этих основах будет строиться грядущая, новая Россия.

Она предносится нам *единою*, ибо в центробежном распаде государство не живет, а умирает, не крепнет, а слабеет и гибнет. Она предносится нам *вешкою*, — в качестве и в размере, в духе и в силе, в заданиях и в достижениях. Она предносится нам *примиренною* — установившею мир, терпимость, доверие и уважение среди своих народностей, классов, провинций и сословий. Она предносится нам *возрожденною* — в религии и в просвещении, в правопорядке и в хозяйстве, в семье и в быту. И мы выражаем этот облик в нашем исконном девизе: единая великая, примиренная, возрожденная.

Мы не сомневаемся в том, что это грядет и осуществится. Россия была духовно больна перед смутой; революция явилась, как обострение и развитие этой болезни. И вот, в страданиях и лишениях открываются глаза у наших братьев, несших доселе иго коммунистов: идет отрезвление и оздоровление; выдыхается ненависть и истощается зависть; в душах пробуждается патриотизм и гражданственность. Русский в русском опять научается видеть брата по крови и по духу, а в России единую и общую мать. Близится тот час, когда все поймут, что у родины нет и не может быть пасынков; что у нее не должно быть обездоленных, бесправных, незащитных и угнетенных; что русским становится всякий, кто огнем своей любви и своей воли говорит «я — русский!» И когда придет этот час, тогда все почувствуют и поймут, что в единстве русского лона — все остальные деления второстепенны и несущественны; что все «классы» и все «партии» — для России, что Россия существует не для классов и не для партий. И тогда победят наши девизы: первый — сыны и братья; второй — один за всех, все за одного.

Вне этих основ нет здоровой государственности; и на них будет стоять наша Россия. Знаем, что для этого русские души по обе стороны родного рубежа должны очиститься от предреволюционных недугов и революционных страстей; что они должны погасить в себе старый дух и зажечь новый; что они должны приять по-новому родину, как целое и восчувствовать по-новому государственное дело России. И прежде всего усвоить дух *качества и дух служения*.

Не худшему, а лучшему должен быть открыт путь вверх. Всякий государственный строй, не соблюдающий этого, обречен на гибель. Путь вверх должен быть открыт не тому, кто одержим похотью властвования, а тому, в ком государственная воля и разумение соединяются с обостренным чувством ответственности; не бесчестному демагогу и не бездарному интригану, а мужу служения и совета; не тому, кто ранее чем-то был, а тому, кто ныне способен к несению государственного бремени. Тому — кто умеет обретать свое достоинство в служении; кто словом или делом исповедует, что власть есть бремя и что верность долгу есть утешение. Мы верим, что править Россию и вести ее

должны ее лучшие сыны. Отсюда наш девиз: дорогу честности и таланту; и еще: нами правит лучший.

Будет ли это русский Государь? Доживем ли мы до этого счастья, чтобы его благая и сильная воля всех примирила и объединила, всем дала справедливость, законность и благоденствие?.. Будет, но не ранее, чем русский народ возродит в себе свое древнее умение иметь Царя... А до тех пор мы примем волю и закон от того русского патриота, который поведет Россию к спасению, кто бы он ни был и откуда бы он ни пришел: ему наша сила, ему наша верность, ему наше свободное повиновение за совесть. Ибо он будет живым органом России, орудием ее национального самоспасения.

Пусть в этом деле не проснется дух раздора, тягания, отмщения, требовательности и местничества... Пусть личная жертвенность и государственная амнистия совместно погасят обиды и несправедливости смутного времени. Пусть раскаяние и личная годность духа дадут исход тому, кто позволит революции увлечь себя; пусть только бывшие «красные» солдаты и офицеры поймут, кому они служат, вспомнят свой долг перед Россией и братски, да, братски, воссоединятся с нами; пусть, наконец, всякий русский, живший за рубежом, свободно вернется и найдет свое место в возрождающейся родине. России нужны все ее национальные силы, все ее верные сыны, все, кто несет ей преданность, а не предательство. Все они составляют ее живое достояние; все они должны быть призваны и соблюдены; все должны быть допущены к новому творчеству и строительству. И наш девиз выговаривает это в словах: *творю и соблюдаю*. Ибо в жизни человека и народа — новое всегда создается и вырастает из соблюденного старого; и отвергающий свое историческое достояние, обессиливает себя самого...

В верном предвидении этого, в крепкой уверенности живут и Подготавливают это возрождение России люди белой идеи. Они знают друг друга; и доверяют друг другу; и доверяют своим вождям. Их основной и последний девиз — *ЛЮБОВЬЮ* и *КРОВЬЮ СПАЯННЫЕ* — останется до конца их утешением и опорой. Что бы ни случилось еще; какие бы удары ни были еще нанесены белому делу и откуда бы они ни последовали — эта спайка переживет все и сохранится до конца. Ибо она необходима России. Так, как мы спаялись друг с другом, — любовью к родине и кровью на полях чести, — так да спаяемся мы в будущем с нашими братьями, офицерами и солдатами, ныне имеющими несчастье числиться в красной армии! Так, как мы нашли друг друга в добровольном служении России, в жертвенной борьбе за нее и в свободном повиновении нашим вождям — так должны найти себя и объединиться все русские люди от земледельца до ученого, от рабочего до художника! Белая идея больше нас: она велика, как Россия, и она должна охватить ее всю. Белое дело не нами

началось: оно коренится в исконных русских традициях и оно доступно всем русским сердцам без исключения. Белый дух не нами кончится: он будет вести и строить Россию и тогда, когда нас не будет в живых...

Ибо этот дух не дух части, а дух целого. Это дух русского национального всеединства. И дело это есть правое дело. И идея эта есть верная идея.

И именно поэтому — за нами будущее...

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОЖДЬ И ПАРТИЙНЫЕ ГЛАВАРИ²

В русской эмиграции не угасает естественная и политически верная потребность объединения. Но этой потребности не соответствует наличность элементарных навыков и политических умений. С одной стороны левое крыло отводит правое и само отводится этим последним. С другой стороны продолжается партийное дробление, доктринерское по форме: «не совсем то, значит совсем не то»; — честолюбивое по мотивам «я веду, а не ты и не он». Единение не удастся потому, что люди живут духом части, а не духом целого и личное или партийное фигурирование ставят выше Национального Дела.

Этот же дух проявляется и в обилии политических «главарей». Необходимо отличать национального вождя от партийных главарей. Вождь один, а партийных главарей — число неограниченное.

Вождь закаляется в деловом служении, волевым, мужественным, национально-верным. Он одержим духом Целого, а не частным, не личным, не партийным. Он сам стоит и сам идет, потому что он политически дальнозорок и знает, что надо делать. Поэтому он не приглашает себе идеологов «выдумывать программу». Оставшись совсем один, он начинает большое дело, не создавая себе партию, а действуя лично во имя сверхличного. Его дело есть его зов; на зов его дела вокруг него смыкаются лучшие люди. И все они твердо знают, что русское дело может делаться только русскими руками и не должно делаться по иностранной указке, ибо иностранная указка всегда ограничить, исказить, или даже погубить национальный интерес. Вождь служит, а не делает карьеру; борется, а не фигурирует; бьет врага, а не пустословит; ведет, а не нанимается к иностранцам. И всегда предпочитает личный неуспех — успеху от темных и предательских путей. Таков был *Корнилов*. Таков был *Врангель*.

Иное дело партийные главари.

Их движет не тревога за Россию, а беспокойство за себя. Сидит он, сидит в эмиграции; время идет; «лучшие годы» его уходят, и досадно, и обидно! И начинает у него голодать и пухнуть честолюбие. И вот, как выразился один остроумный

наблюдатель, человека начинает «дучить» (от слова «дуче», что По-итальянски значит «вождь»). Его «дучит» и «вздучивает». Вот он заводит себе адьютанта, или даже двух, начинает говорить повелительно, «указывать», диктовать. У него есть воля, но не К борьбе, а к фигурированию; у него есть и мужество — для целого ряда сомнительных компромиссов. Что ему делать, чтобы самому преуспеть, он чует; а для дела он приглашает «идеологов», кои и выдумывают ему программу. Он начинает дело своего «возглавления»: сам поедит, приятелей разошлет, все с предложением «подминайтесь под меня», ибо остальные ничего не стоят. Но для этого нужны деньги. Как их достать? Начинаются обещания? обещания бывают конфессиональные, янкменские, демократические, федеративные, социалистические, просемитические и наоборот — тоталитарные, антисемитические, национал-социалистические, сепаратистические, евразийские, «туранские», украино-анексионные, контр-разведочные, полоно-фильские и всякие другие еще «фильские». Издается газетка, журналчик; скудные, пустые, с более или менее явным уклоном в сторону «покровителей». Иногда поднимается вокруг такого дела шум. А так как к качественно-пустому месту и к политически-мертвому делу люди не примыкают и добровольно «подминающихся» оказывается мало, то начинается раздражение, интриги, угрозы, доходящие до слова «виселица» и «правая стенка». Но время идет. Покровители охлаждаются или сами исчезают с арены. Постепенно Шум сокращается, внутренняя пустота и партийность дела всех отвращает, главаря опять «раздучивает» и остается только ворох политического сора для будущего историка эмиграции.

Сколько мы видели таких за тридцать лет! И если будут Появляться еще такие «главари», то и их постигнет та же судьба. Ибо во всех человеческих делах есть высшие мерилы: совести, служения и качества.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ П. Н. ВРАНГЕЛЯ³

Двадцать пять лет прошло с тех пор, как ушел из жизни последний русский Главнокомандующий, белый воин и рыцарь. Весь энергия, весь накаленность мысли, весь волевой огонь; с единым помыслом о спасении России, с единым служением Родине. Кто знал его, тот никогда его не забудет, Лучи исходили от него. Враги не принимали их. Слепцы не видели их. А те, кто их принимал, те накалялись и заряжались их благородной энергией.

Все, общавшиеся с ним, изумлялись его взору, смотревшему через события и над событиями и видевшему одно главное, одно существенное. Все, над кем он начальствовал, знали его стихию — требовательного служения, вдохновенного предвидения, ответственного и мудрого властвования. А соратники его знали еще его пренебрежение к опасности и смерти, его бурную прямоту, его отвращение ко всякой интриге.

Двадцать пять лет русской истории прошло, — мучительной, трагической, невиданной и неслыханной в веках; истории величайшего злодейства, величайших унижений и тупого, преступно-предательского безразличия со стороны других народов. Двадцать пять лет изгнаннического верно-стояния, эмигрантского приспособления, обывательского малодушия и закулисных интриг, исходящих от врагов России. Но за эти двадцать пять лет наше знамя, принятое из рук покойного Главнокомандующего, не было ни свернуто, ни брошено, ни предано. И русская национальная традиция, которую он берег и которой он служил, по-прежнему живет в наших сердцах. Это есть древняя, русская традиция, которую всегда строилась и держалась Россия, и которой предстоит великое и ответственное будущее. Это есть традиция русского национального рыцарства.

В этом все: идея, программа и путь борьбы. Это главное; единственно верное и единственно нужное. Рыцарственный дух; рыцарская дисциплина; рыцарское единение и рыцарская борьба.

В мире раздор и смута потому, что люди утратили веру в Бога; задушили в себе совесть и отреклись от чести. Все ищут только «своего» и только «для себя»: добытчики промышляют, коварные оплетают, жадные высасывают, ловчицы устраиваются, честолюбцы пролезают, властолюбцы сулят и подмигивают, интриганы шепчутся в закулисной темноте, трусливые страхуются и перестраховываются... Смута и разложение царят потому, что в похотливых сердцах нет Престолия Божия; в алчных душах нет ответственности и преданности; в черствых нет доброты и милосердия; в гибких и скользких нет воли и прямоты. О Божьем деле, о родине, о служении люди забывают и разучаются думать. Откуда же может родиться спасительная идея?

Рыцарственный дух предстоит Престолу Божьему; и в этом трепетном предстоянии почерпает бестрепетность для честного

и грозного служения. Господь зовет! Убоюсь ли соблазна и сатаны?

Рыцарственный человек укрепляет и закаляет свой характер. Он ищет не личного успеха, а предметного служения и утверждает свою честь на служении. В борьбе закаляюсь; в лишениях крепну. Служу России; отвечаю Богу.

Человек рыцарственного уклада не мечтает об «отвлеченном идеале» и не предается сентиментальным фантазиям. Он является верным, сильным и бесстрашным орудием этой идеи, ее служителем навсегда, ее носителем до смерти. Грозная любовь, честная борьба. Моя святыня — мое слово — мое дело.

Быть рыцарем — значит утопить свое малое «я» в Великом, во всенародном, и подчинить свое личное общему спасению. Любовью ведом, жертвою очищаюсь. Жертвую, но не посягаю; соревную, но не завидую. Все за Родину, всё за Родину.

Человек рыцарственного уклада строит свою жизнь на свободном повиновении. Он силен свободным подчинением. Он свободен и в дисциплине. Он подымает бремя своего служения доброю волею; он остается свободным в жизни и в борьбе и именно потому самое смертное угасание становится у него актом силы.

Рыцарственный человек вносит во все дела свои дух верного и обоснованного ранга, дух неуравнивающей справедливости; и всегда несет слабому защиту, а злому грозу.

Рыцарственный дух совсем не отвергает частную собственность, но преображает ее щедростью; осмысливает ее как публичную обязанность; живет ею с чувством живой ответственности за себя и за нее; и осуществляет ее, как истонное и конечное достояние своей родины.

Этот дух не впервые зародился в России. Это есть дух православной государственности, ведшей всех сильных и доблестных борцов за Россию — от князей и государей, которых мы можем назвать по именам, до тех верных и героических «простых», имена которых история нам не сохранила, но которые известны Господу, Творцу вселенной и покровителю благих и доблестных. Из древности назовем Владимира Мономаха, Даниила Галицкого и Александра Невского. Из смутного времени назовем Михаила Скопина-Шуйского, бесстрашных письмоносцев Патриарха Гермогена — Родиона Мосеева и Романа Пахомова, и, конечно, Минина и Пожарского. Помыслим о Петре Великом и его достойных сподвижниках; помыслим о Суворове и о всех русских солдатах и офицерах, верных его духу; почтим севастопольцев во главе с Корниловым и Нахимовым; и мысленно склоним наши головы пред всеми героями-патриотами России, павшими в первой мировой войне, в гражданской войне и во второй мировой. Им — вечная память. От них и через них наша традиция. Их дух жил во всех честных и самоотверженных русских людях,

образованных и необразованных, военных и штатских, — во всех терпеливых стоятелях и верных строителях нашей истории. Их духу принадлежит и будущее России.

Этому духу служил покойный Главкомандующий, и Россия уже включила его в пантеон своих национальных героев.

25-го апреля 1953 г.

ЧТО ТАКОЕ РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ (Р.О.В.С.)

(Ко дню двадцатипятилетия, протекшего со дня его основания Главкомандующим П. Н. Врангелем)⁴

Двадцать пять лет тому назад, — 1 сентября 1924 года, — последний Главкомандующий Русской Армией, Петр Николаевич Врангель, преобразовал кадры ее в некое новое и небывалое еще в русской истории, воинское братство, наименованное им «Русским Обще-Воинским Союзом». С тех пор прошло четверть века. Это было трудное время, бурное, соблазнительное и для многих мучительное: эпоха политических и военных крушений. Сокрушалось все, что изменяло чести, верности и духовной свободе. Русский Обще-Воинский Союз, положивший в основу своего бытия именно эти начала, пережил эту эпоху и понес свое русское национальное знамя вперед. Да сохранит его ГОСПОДЬ и впредь, по последней предсмертной молитве его Главкомандующего: «БОЖЕ, спаси Армию!»...

Пишущему эти строки пришлось недавно услышать вопрос о том, что такое Русский Обще-Воинский Союз, и не есть ли он политическая партия? — Ответ, данный им по личному разумению, он ныне предлагает на всеобщее обсуждение.

«Русский Обще-Воинский Союз никогда не был политической партией и, если он когда-нибудь превратится в таковую, то он изменит своему основному существу.

«Политическая партия делит свой народ на своих и чужих, и ищет успеха именно своим; примеров тому было у нас достаточно перед глазами. Она отправляется не от Целого и думает не о Целом, а представляет интересы только одной части народа (все равно — класса, сословия, профессионального союза или церкви). Этот партийный интерес она стремится выдать за всенародный и тем навязать его всему народу; и для этого она добивается власти. Для приобретения власти она ведет агитацию, раздает обещания, восхваляет себя, старается захватить так называемые общественные высоты (редакции, банки, влиятельные должности и т. д.), вносит пристрастный дух партийности во всю культуру, извращает все критерии жизни, интригует, пачкает других и обычно неумолимо жмет везде в свою пользу.

«Всем этим Р.О.В.С. никогда не занимался и таких целей себе никогда не ставил. Он искал не власти, а служения; отстаивал не партийное дело, а национально-государственное; объединял, а не разделял; жертвовал, а не приобретал. Он носил в себе дух национальной, патриотической армии, а не частного сообщества граждан, организовавшихся для легального, а по теперешнему времени, может быть и полулегального или даже и вовсе нелегального захвата власти. Этому духу Р.О.В.С. доселе и оставался верен.

«Ныне он не есть армия, ибо силою вещей законная русская власть исчезла и у этой бывшей славной армии нет ни верховной власти, ни территории, ни оружия, ни настоящей воинско-армейской организации. Но он есть кадр русской армии, орденом спаянный национально-патриотическим единомыслием, единочувствием и единоволением. И к этому воинскому кадру и духу примыкает в таком же порядке единочувствия, единомыслия и единоволения кадр непартийных политических деятелей, не служивших в армии, но верных России, духу Целого и белой борьбе за родину. И примыкать к этим двум кадрам, думается мне, надлежит всякому, кто помышляет о спасении России, а не о партийном делении ее народа и не о партийном захвате власти. Этот дух надо сохранить и передать русскому народу во что бы то ни стало.»

«Но не означает ли это», был задан вопрос, «что члены Р.О.В.С. обречены на государственное безмыслие и на отсутствие всякой политической программы?»

Ответ был: «Наоборот, государственное безмыслие начинается именно там, где люди представляют своим главарям думать за них, а сами повторяют чужие выдумки. Этого никогда не было среди членов Р.О.В.С.-а. С самого основания Добровольческой Армии люди шли в нее по собственной инициативе, сами думали, сами решали, свободно подчинялись и не считались со своим чином, шли нередко рядовыми бойцами и за совесть боролись. С тех пор в Союзе культивировалась всегда организационная субординация и духовно-политическая индивидуализация. Какое же тут безмыслие?»

«Что же касается программы, то за эти долгие годы мы видели много программ. Все они были беспочвенны, ибо составлялись заочно, в отдалении от России, на глазомер, без подлинного знания о тех процессах, которые совершаются в России; — все они устаревали через несколько месяцев после своего изобретения; все они имели доктринерский характер и ограничивались заимствованиями у Западной Европы. Это удовлетворяло только близоруких и наивных людей, думающих по бумажке и боящихся куда-то опоздать. Нам надо думать самостоятельно и готовить в душе новую Россию.»

30 августа 1949 г.

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ?

Письмо к редактору сборника «День русского ребенка»
Н. В. Борзову)⁵

Глубокоуважаемый Николай Викторович!

Вы просили меня, чтобы я написал для Вашего журнала «о себе самом». Я понимаю это так, что мне следует формулировать для Ваших читателей мои жизненные воззрения и убеждения. Я делаю это с радостью. И при этом исхожу из вопроса: что нам делать? — нам, русским людям, верным России и ищущим путей к ее возрождению...

И вот, с самого начала нам надо признать, что кризис, приведший Россию к порабощению, унижению, мученичеству и вымиранию, был в основе своей не просто политический и не только хозяйственный, а духовный. Трудности хозяйственные и политические могут возникнуть и накопиться везде и могут обрушиться на каждое государство. Но каждому народу даются духовные силы именно для того, чтобы преодолевать эти трудности и творчески справляться с ними, не впадая в разложение и не отдавая себя на соблазн и растерзание силам зла... Но в роковые годы 1-й мировой войны (1914-1918) русские народные массы не нашли в себе этих необходимых духовных сил: эти силы нашлись только у героического меньшинства русских людей, а разложившееся большинство, — ибо за вычетом пассивно-нейтральных «хороняк» это было, по-видимому, большинство, — соблазнилось о вере, о церкви, о родине, о верности, о чести и о совести, пошло за соблазнительями, помогло им задавить, замучить и выбросить за рубеж верных и стойких, а само было порабощено на десятки лет своими соблазнительями.

Политические и экономические причины, приведшие к этой катастрофе, бесспорны. Но сущность ее гораздо глубже политики и экономики: она духовна.

Это есть кризис русской религиозности. Кризис русского правосознания. Кризис русской военной верности и стойкости. Кризис русской чести и совести. Кризис русского национального характера. Кризис русской семьи. Великий и глубокий кризис всей русской культуры.

Я глубоко и непоколебимо верю, что русский народ справится с этим кризисом, восстановит и возродит свои духовные силы и возобновит свою славную национальную историю. Но для этого ему необходимо прежде всего свободное дыхание воли и разума; — и честные, верные слова диагноза, целения и прогноза. А это дыхание отнято у него в России — уже тридцать лет. Оно имеется только у нас, за рубежом, и то далеко не у всех и не цельное. Отсюда наша величайшая ответственность перед Россией

Мы не должны, мы не смеем упрощать и снижать проблему нашего национального возрождения. Мы должны честно, как перед лицом Божиим, исследовать наши слабости, наши раны, наши загущения; признать их, и приступить к внутреннему очищению и исцелению. Мы не смеем предаваться церковным раздорам, партийным распрям, организационным интригам и личному честолюбию. Мы должны строить себя заново: внутренне, духовно; готовить те верные слова и те оздоравливающие идеи, которые мы выскажем нашим братьям в России, в глубокой уверенности, что мы и там найдем наших единомышленников, втайне все время помышлявших и радевших о России, о ее очищении и восстановлении.

После того, что произошло в России, мы, русские люди, не имеем никакого основания гордиться тем, что мы ни в чем не передумали и ничему не научились, что мы остались верны нашим доктринам и заблуждениям, прикрывавшим просто наше недомыслие и наши слабости. России не нужны партийные трафареты! Ей не нужно слепое западничество! Ее не спасет славянофильское самодовольство! России нужны свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи. И в этом порядке нам придется пересматривать и обновлять все основы нашей культуры.

Мы должны заново спросить себя, что такое религиозная вера? Ибо вера цельна, она строит и ведет жизнь; а нашу жизнь она не строила и не вела. Мы во Христе крестились, но во Христа не облакались. Наша вера была заглушена страстями; она была разъедена и подорвана рассудком, который наша интеллигенция принимала за Разум. Поэтому мы должны спросить себя, что такое Разум и как добывается его Очевидность. Эта очевидность разума не может быть добыта без сердечного созерцания. Им-то Россия и строилась больше всего: из него исходила (в отличие от католичества и протестантизма) Православная вера; на нем покоилось в России верное правосознание и военная доблесть; им было проникнуто все русское искусство; им вдохновлялась ее медицина, ее благотворительность, ее чувство справедливости, ее многонародное братство.

И вот, созерцающая любовь должна быть вновь оправдана после эпохи ненависти и страха и вновь положена в основу обновляющейся русской культуры. Она призвана возжечь пламя русской веры и верности; возродить русскую народную школу; восстановить русский суд, скорый, правый и милостивый, и переродить русскую систему наказаний; она призвана перевоспитать в России ее администрацию и ее бюрократию; вернуть русскую армию к ее суворовским основам; обновить русскую историческую науку в традициях Забелина; окрылить и оплодотворить всю русскую академическую работу и очистить русское искусство от советчины и от модернизма. И главное:

ВОСПИТЫВАТЬ В НАРОДЕ НОВЫЙ РУССКИЙ ДУХОВНЫЙ ХАРАКТЕР.

Подготавливая это духовное возрождение в наших исследованиях, мы должны поставить перед собою и разрешить ряд вопросов глубокого, последнего измерения.

Почему так необходима и драгоценна человеку духовная свобода? Почему так важно воспитать в человеке самостоятельную и ответственную духовную личность? В чем сущность верного характера и как возрастить его в русских людях? Что такое христианская совесть и как осуществляется совестный акт? Почему надо беречь и держать в чистоте семейную жизнь? Как найти духовные основы и духовные пределы патриотизма и национализма? Чего требует справедливость — равенства или неравенства? Каковы суть аксиомы правосознания, нарушение которых разложит всякий режим и погубит всякое государство? Каковы суть необходимые аксиомы демократии, без коих ее нелепо вводить и бессмысленно поддерживать? В чем основы монархической власти, отсутствие которых погубит всякую монархию? Каковы суть аксиомы и задачи академического преподавания? Почему оно требует свободы для профессоров и самостоятельности от студентов? В чем состоит истинная свобода художника? В чем состоит художественность искусства? Почему ни одна отрасль духовной деятельности не терпит ни продажности, ни лести, ни личной, партийной и всякой иной закулисной протекции? В чем сущность здорового хозяйственного акта? Почему он требует свободной инициативы, частной собственности и братской щедрости? В чем состоит воочию обнаружившаяся антисоциальность социализма? В чем состоит противоречивость и отвратительность всякого тоталитаризма,—все равно левого или правого? В чем различие между авторитарным строем и тоталитарным? Почему Россия выросла политически и духовно в авторитарном строе и стала мировую раню при тоталитарном порабощении?

Ясно: вся, вся духовная культура, во всех своих священных основах требует от нас исследования и новых национально-русских ответов... И нашему народу предстоит встать из своего долгого унижения; покаяться в своих соблазнах и в своем падении, неизмеримо величайшем, чем то, о котором взывал некогда Хомяков; вновь утвердить свой национальный духовный лик и заткать новую ткань новой жизни. Это будет делом нескольких поколений; но оно будет осуществлено и достигнуто.

А теперь позвольте мне сказать два слова о себе лично.

На протяжении всей моей жизни, с тех пор как я приступил к самостоятельным научным исследованиям, я работал именно в этом направлении. Ибо я понял политические опасности России еще во время первой революции; я увидел соблазнительность новой русской поэзии и новой русской публицистики в годы

предшествовавшие первой мировой войне; и пережил крушение России кровью сердца и пять лет изучал большевизм на месте. И в советских тюрьмах давал себе клятву идти безоглядно по пути этих исследований.

Но я не торопился писать и печатать мои книги. Так, мое исследование «О сущности правосознания», законченное в 1919 году, читанное в виде курса лекций в московских высших учебных заведениях, обсужденное не раз в заседаниях московского юридического общества и в частных собраниях московской доцентуры и профессуры, доселе еще не увидело света. Я давал моим трудам спокойно вызревать в течении десятилетий. У меня есть темы вынашивающиеся по тридцать лет («Учение о духовном характере», «Аксиомы религиозного опыта») и по сорок лет («Учение об очевидности», «Монархия и республика»). Я возвращался к каждой теме по многу раз, через пять-шесть лет, и все время накапливал материал; потом садился писать, записывал все, что было зрело, и снова откладывал. Теперь мне 65 лет, я подвожу итоги и пишу книгу за книгой. Часть их напечатал уже по-немецки, но с тем, чтобы претворить написанное по-русски. Ныне пишу только по-русски. Пишу и откладываю — одну книгу за другой и даю их читать моим друзьям и единомышленникам. Эмиграция этими исканиями не интересуется, а русских издателей у меня нет. И мое единственное утешение вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь уберезит их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России.

ПУТЬ ЖИЗНИ

Родился 28 марта 1883 г. в Москве. Среднее образование — в пятой и первой Московск. классических гимназиях. 1901-1906 — юридический факультет Московского Университета. 1906-1909 г. — подготовка к магистрантскому экзамену. Декабрь 1909 г. — пробные лекции и звание приват-доцента по кафедре истории Философии Права. 1910 г. — чтение первого курса в Московском Университете. 1910-1912 — заграничная командировка (Германия, Франция, Италия). 1912-1922 г. — преподавание в Московском Университете и многих других высших учебных заведениях Москвы. 1918 г. — защита магистерской диссертации «Философия Гегеля»: степень доктора Государственных Наук. 1921 г. — избрание в преподаватели Историко-Филологического Факультета; избрание в председатели Московского Психологического Общества. После процесса в революционном трибунале и нескольких арестов — в августе 1922 г. приговор по 58 статье с заменой пожизненным изгнанием. С октября 1922 г. — жизнь в эмиграции. 1923-1934 — профессура в Русском Научном Институте в Берлине. Публичные выступления в Германии, Франции, Швейцарии, Австрии, Чехии, Югославии, Латвии и Эстонии. В 1934 г. — лишение кафедры за отказ преподавать, следуя партийной программе национал-социалистов. 1934-1938 г. — доносы и преследования усиливаются: конфискация печатных работ и полный запрет выступлений. Июль 1938 г. — переезд в Швейцарию. Лекции в Швейцарских Народных Университетах и ученых обществах. Ученые и литературные работы.

ГЛАВНЫЕ ТРУДЫ

1. — Кризис идеи Субъекта в Наукоучении Фихте Старшего. 1911 г.
2. — Философия Гегеля, как учение о конкретности Бога и человека. 2 тома. 1916-1918 г.
3. — Учение о Правосознании. Доселе не напечатано. 1919г.
4. — Основные задачи правопведения в России. 1921 г.
5. — Религиозный смысл философии. 1924 г.
6. — О сопротивлении злу силою. 1925 г.
7. — Путь духовного обновления. Вера. Любовь. Свобода. Совесть. Семья. Родина. Национализм. 1935 г. Вышла и на немецком языке. Переведена на итальянский, но еще не напечатана.
8. — Основы художеств. О совершенном искусстве. 1937 г.
9. — Основы христианской культуры. 1937 г.
10. — О тьме и просветлении. Книга литературной критики. Творчество Бунина. Творчество Ремизова. Творчество Шмелева. 1938 г. Не напечатано.
11. — Огни жизни. Книга утешения. Вышла по-немецки в двух изданиях. 1938-1939 г. Пишется по-русски.
12. — Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. Вышла по-немецки в Швейцарии. 1934 г. По-русски не напечатана. Переведена на английский язык и не напечатана.
13. — Сущность и своеобразие русской культуры. Вышла по-немецки в Швейцарии. 1942 г., 1944 г. Переведена на французский и на английский, но не напечатана.
14. — О грядущей русской культуре. Книга заданий и надежд. Вышла по-немецки в Швейцарии. Пишется по-русски. 1945 г.
15. — Аксиомы религиозного опыта. Заканчивается на русском языке⁶.
16. — О грядущей России. Заканчивается на русском языке.

И.А.Ильин
Июнь, 1948 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все тексты И. А. Ильина печатаются по посмертному типографскому изданию «Наших задач»: Профессор И. А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. В 2-х тт. Издание Русского Обще-Воинского Союза, Париж, 1956. В Библиотеке И. А. Ильина, хранящейся вместе с его архивом (Courtesy of Michigan State University Libraries' Special Collections), имеется экземпляр двухтомника, проверенный вдовой И. А. Ильина, Наталией Николаевной. Все отмеченные ею в этом экземпляре ошибки типографского издания (как и ряд не отмеченных), в настоящем издании исправлены.

Нумерация примечаний дается по основным частям сборника (Предисловие, Общие основы, Российская проблематика и национальные задачи, Приложения).

Предисловие

1. Все цитаты в этом абзаце — со стр. 11 «Наших задач» («Наши задачи»).

2. Дополнительные данные об И. А. Ильине, его жизни, трудах и идеях читатель найдет, в частности, в следующих моих работах:

1) И. А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой. «Заря», Лондон (Канада), 1975; напечатано также в виде приложения ко 2-му изд. кн.: И. А. Ильин, О сопротивлении злу силою. «Заря», Лондон (Канада), 1975, стр. 223-279.

2) Монархия и республика в восприятии И. А. Ильина. «Содружество», Нью-Йорк, 1979; напечатано также в виде приложения к кн.: И. А. Ильин, О монархии и республике. «Заря», Содружество, Нью-Йорк, 1979, стр. 249-328.

3) Иван Александрович Ильин. К столетию со дня рождения (1883-1983). — В кн.: Н. Полторацкий, Россия и революция. Русская религиозно-философская и национально-политическая мысль XX века. Сборник статей. Эрмитаж, Тенафлай (С.Ш.А.), 1988, стр. 241-291.

4) Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение. Сборник статей. Эрмитаж, Тенафлай (С.Ш.А.), 1989.

Общие основы

1. В типографском издании 1956 г. данная статья опубликована под номером 32; дата публикации в ротарном издании — 20 октября 1948 г. В дальнейшем все ссылки этого рода даются так: НЗ 32, дата. В тех редких случаях, когда дата указывается в самой статье, в примечаниях она не приводится. Римскими цифрами обозначаются первоначальные отдельные части данной статьи.

2. НЗ 155 (I) и 156 (II), 1 июля 1952 г.

3. НЗ 40 (I), 10 января и 41 (II), 17 января 1949 г.

4. НЗ 25, 17 августа 1948 г.

5. НЗ 134 (I), 15 мая и 135 (II), 30 мая 1951 г.

6. НЗ 115, 30 октября 1950 г.

7. НЗ 116, 30 октября 1950 г.

8. НЗ 40 и 41: «Что есть государство — корпорация или учреждение?», I и II — см. прим. 3. Перепечатано в настоящем издании.

9. НЗ 83, 15 января 1950 г.

10. НЗ 44, 9 февраля 1949 г.

11. НЗ 43, 2 февраля 1949 г.

12. НЗ 69, 16 сентября 1949 г.

13. НЗ 72, 7 октября 1949 г.

14. НЗ 69: «Что такое федерация?» (перепечатано в настоящем сборнике — см. прим. 12) и 70: «О псевдо-федерациях», 23 сентября 1949 г.

15. НЗ 21, 20 июля 1948 г.

16. НЗ 22, 27 июля 1948 г.

17. НЗ 76 (I; без даты, конец октября — начало ноября 1949 г.) и 77 (II; без даты, нач. ноября 1949 г.).

18. НЗ 37, 6 декабря 1948 г.

19. НЗ 109 (I) и 110 (II), 15 сентября 1950 г.

20. НЗ 76 и 77: «В поисках справедливости», I и II — см. прим. 18; 78 и 79: «О воспитании русского народа к справедливости», I и II, 10 ноября 1949 г. Эти статьи включены в настоящий сборник.

21. НЗ 212 (I) и 213 (II), 1 — 15 сентября 1954 г.

22. *Примечание И. А. Ильина*: См. «Герои и героическое в истории», стр. 37, 113.

Российская проблематика и национальные задачи

1. НЗ 160-165 и 191-192. 160 и 161 (I и II), 15 сентября 1952 г.; 162 (III), 30 сентября 1952 г.; 163 (IV), 15 октября 1952 г.; 164 и 165 (V и VI), 31 октября 1952 г.; 191 и 192 (VII и VIII) 1-15 октября 1953 г.

2. НЗ 48, 26 марта 1949 г.
3. НЗ 49, 4 апреля 1949 г.
4. НЗ 19, 13 июля 1948 г.
5. НЗ 66, 22 августа 1949 г.
6. НЗ 96 (I) и 97 (II).
7. *Примечание И. А. Ильина*: В самый разгар гражданской войны сибирские крестьяне так выговаривали: «Мы большевики, но не коммунисты»... Таково же было и движение Махно.
8. НЗ 193 (I) и 194 (II), 1-15 ноября 1953 г.
9. НЗ 30, 28 сентября 1948 г.
10. НЗ 54, 16 мая 1949 г.
11. НЗ 60, 11 июля 1949 г.
12. НЗ 214 (I) и 215 (II), 16-31 сентября/октябрь [?] 1954 г.
13. НЗ 61, 18 июля 1949 г.
14. НЗ 59: «Основы демократии», 4 июля 1949 г.; НЗ 60! «Что же предстоит в России», 11 июля 1949 г. Обе статьи включены в настоящий сборник.
15. НЗ 136, 15 июня 1951 г.
16. НЗ 134 и 135: «Предпосылки творческой демократии», I и II, 15 и 30 мая 1951 г. Препечатано в настоящем издании.
17. НЗ 132 (I) и 133 (II), 15 и 30 апреля 1951 г.
18. НЗ 157, 15 августа 1952 г.
19. НЗ 92 (I) и 93 (II), 1 апреля 1950 г.
20. НЗ 45 и 46: «Мировая политика русских Государей», I и II, 1 и 9 марта 1949 г.
21. НЗ 68, 8 сентября 1949 г.
22. НЗ101-105; 101 (I) и 102 (II) - 15 июня, 103 (III) и 104 (IV) -30 июня и 105 (V) — 15 июля 1950 г. [?]
23. НЗ 92 и 93 — см.прим. 19.
24. НЗ 45 и 46 — см.прим. 20.
25. НЗ 11: «Предстоящий в России Хаос», 16 июня 1948 г.
26. НЗ 80 и 81: «Федерация в истории России», I и II, 5 декабря 1949 г. [?]
27. НЗ 74 (без даты, октябрь 1949 г.)
28. НЗ 69: «Что такое федерация?», 16 сентября 1949 г.; 70: «О псевдофедерациях», 23 сентября 1949 г.; 72: «Жизненные основы федерации», 7 октября 1949 г. 69 и 72 включены в настоящий сборник.
29. НЗ 40 и 41: «Что есть государство — корпорация или учреждение?», I и II, 10 и 17 января 1949 г. Статьи перепечатаны.
30. НЗ 36, 27 ноября 1948 г.
31. НЗ 58, 25 июня 1949 г.
32. НЗ 65, 13 августа 1949 г.
33. НЗ 146, 10 апреля 1952г.
34. НЗ 150 (I) и 151(11), 15 и 22 мая 1952 г.
35. НЗ 154, 15 июля 1952 г.
36. НЗ 94 (I) и 95 (II), 15 апреля 1950 г.

37. После последнего абзаца № 94 (начинающегося словами «Но, если индивидуализированный инстинкт...») было помещено обращение к читателям НЗ «От редакции»: «Отдавая в печать следующие четыре статьи: «Большевизм как соблазн и гибель» I, II и «Возникновение и преодоление большевизма в России» I, II, — редакция просит читателей-единомышленников не пожалеть времени и вникнуть в смысл этих статей. Только таким способом каждый из наших читателей сам найдет достойный ответ на недостойные выходки, появившиеся недавно в эмигрантской печати и направленные против редакции «Наших задач». Отвечать же на эти выходки непосредственно редакция не считает возможным».

38. НЗ 51, 21 апреля 1949 г.

39. НЗ 57, 16 июня 1949 г.

40. НЗ 180 (I), 181 (II) и 182 (III) - соответственно 22 мая, 31 мая и 15 июня 1953 г.

41. НЗ 207 (I) и 208 (II), 1-30 июня 1954 г.

42. НЗ 78 (I) и 79 (II), 10 ноября 1949 г.

43. НЗ 56, 3 июня 1949 г.

44. НЗ 86 (I) и 87 (II), 20 февраля 1950 г.

45. *Примечание И. А. Ильина*: См. предсмертное письмо расстрелянного большевиком Митрополита Петербургского Вениамина (Цитировано у Митрополита Анастасия в Сборнике избранных сочинений, 1948. «Похвальное слово новым священномученикам Русской Церкви»). См. также в трудах Протопресвитера Михаила Польского: «Положение Церкви в Советской России» и «Новые мученики российские».

46. НЗ 82, 9 января 1950 г.

47. НЗ 111 (I) и 112 (II), 30 сентября 1950 г.

48. НЗ 113 (I) и 114 (II), 15 октября 1950 г.

49. *Примечание И. А. Ильина*: Запах лошадиного пота, поглощаемого сырого мяса и кочевнической грязи, исходивший от татар, вызывал у славян сущее отвращение.

50. НЗ 124 (I), 15 января, 125 (II) и 126 (III) - 31 января 1951 г.

51. НЗ 40 и 41: «Что есть государство — корпорация или учреждение?», I и II, 10 и 17 января 1949 г. Перепечатано в настоящем сборнике.

52. НЗ 199 (I), 1-28 февраля, 200 (II) и 201 (III) - 1-31 марта 1954 г.

53. НЗ 199 и 200 — первые две части перепечатываемой тут статьи (см. прим. 52).

54. НЗ 152 (I) и 153 (II), 15 и 30 июня 1952 г.

55. Статья перепечатана.

56. НЗ 90, 15 марта 1950 г.

57. НЗ 117 (I) и 118 (II) - 15 ноября, 119 (III) и 120 (IV) - 30 ноября 1950 г.

58. Статья перепечатана.
59. НЗ 119 — см. прим. 57.
60. НЗ 118 — см. прим. 57.
61. НЗ 127 (I) и 128 (II) — 15 февраля, 129 — 28 февраля 1951 г.
62. НЗ 42, 24 января 1949 г.
63. НЗ 121, 15 декабря 1950 г.

Приложения

1. *Примечание редакции НЗ*: Эта статья была напечатана как предисловие к I-му тому Летописи Белой Борьбы «Белое Дело» в 1926 году.

2. НЗ 20 (видимо июль 1948 г.)

3. НЗ 177.

4. НЗ 67.

5. НЗ 216, 15-31 января 1955 г. *Примечание редакции НЗ*: Эта статья профессора И. А. Ильина была напечатана в XVI-ом сборнике «*День русского ребенка*» (С.-Франциско, Апрель 1949 г.) в виде письма на имя редактора сборника Николая Викторовича Борзова. [В НЗ год был указан неправильно: 1954 вместо 1949. Тут исправлено.]

6. *Сноска редакции НЗ*: Напечатана во Франции, в двух томах, в 1953 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Полторацкий. Предисловие

7

I. ОБЩИЕ ОСНОВЫ

К истории дьявола	13
Зависть как источник бедствий	16
Что есть государство — корпорация или учреждение?	21
О государственной форме	26
Предпосылки творческой демократии	29
О формальной демократии	36
Об органическом понимании государства и демократии	39
Партийное строение государства	43
От демократии к тоталитаризму	47
О тоталитарном режиме	50
Что такое федерация?	52
Жизненные основы федерации	55
Изживание социализма	58
Социальность или социализм?	60
В поисках справедливости	63
О фашизме	67
Идея ранга	70
О чувстве ответственности	76

II. РОССИЙСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ

Почему сокрушился в России монархический строй?	87
Русская революция была катастрофой	107
Русская революция была безумием	110
Политика и уголовщина	112
О страданиях и унижениях русского народа	115
Возникновение и преодоление большевизма в России	118
Политическое наследие революции	124
Против России	131
Мировой самообман	135
Что же предстоит в России?	137
Долой политическое доктринерство!	140
Демократия — немедленно и во что бы то ни стало	145
О грядущей диктатуре	148
Очертания будущей России	152
Кое-что об основных законах будущей России	159
Россия есть живой организм	162
О расчленителях России	168
Что сулит миру расчленение России	171
Фанатики «общественного договора»	181

Оптимизм в политике	184
России необходима свобода	188
Обоснование свободы	192
Русскому народу необходимо духовное обновление	196
О возрождении России	199
Надо готовить грядущую Россию	203
«Большевизм как соблазн и гибель»	207
Право на правду	212
О главном	215
О воспитании в грядущей России	218
Когда же возродится великая русская поэзия	229
О воспитании русского народа к справедливости	240
Править должны лучшие	245
Основная задача грядущей России	249
О русском национальном самостоянии	259
О русском национализме	263
Опасности и задания русского национализма	268
О сильной власти	274
О Государе	286
Церковь и жизнь	300
Чего мы ожидаем от наших пастырей?	305
О православии и католичестве	308
О русской идее	318
Почему мы верим в Россию	328
Мы были правы	332

ПРИЛОЖЕНИЯ

Белая идея	339
Национальный вождь и партийные главари	349
Светлой памяти П. Н. Врангеля	351
Что такое Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) (Ко дню двадцатипятилетия, протекшего со дня его основания Главнокомандующим П. Н. Врангелем)	353
Что нам делать? [Письмо к редактору сборников «День русского ребенка» Н. В. Борзову]	355
<i>Путь жизни</i>	359
<i>Главные труды</i>	360
<i>Примечания</i>	361

Иван Александрович Ильин

О ГРЯДУЩЕЙ РОССИИ

Редактор *А.А. Овчинников*
Художник *В. А. Колпачников*
Художественный редактор *А.Н. Жданов*
Технический редактор *А.П. Бабина*

ИБ № 4564

Свидетельство регистрации № 028.713 от 13.12.93 г.

Подписано в печать 30.10.92

Формат 60x88/16. Бумага офсет. Гарн. Таймс.

Печать офсет. Печ. л. 23. Усл. печ. л. 22,54. Уел. кр. отг. 22,54.

Уч.-изд. л. 22,47. Тираж 30 000 экз. Изд. № 1/7372. Зак № 44.

С—20

Воениздат, 103160, Москва, К-160.

101 898 г. Москва, Хохловский пер. дом 7.

8-я типография Мининформпечати

Мы не смеем обещать от лица России – никому, ничего. Мы должны помнить ее, и только ее. Мы должны быть верны ей, и только ей. Поколение русских людей, которое поведет себя иначе, будет обозначено в истории России, как поколение дряблое и предательское.

И. А. Ильин

А • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА
Я КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКА
• РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА •

